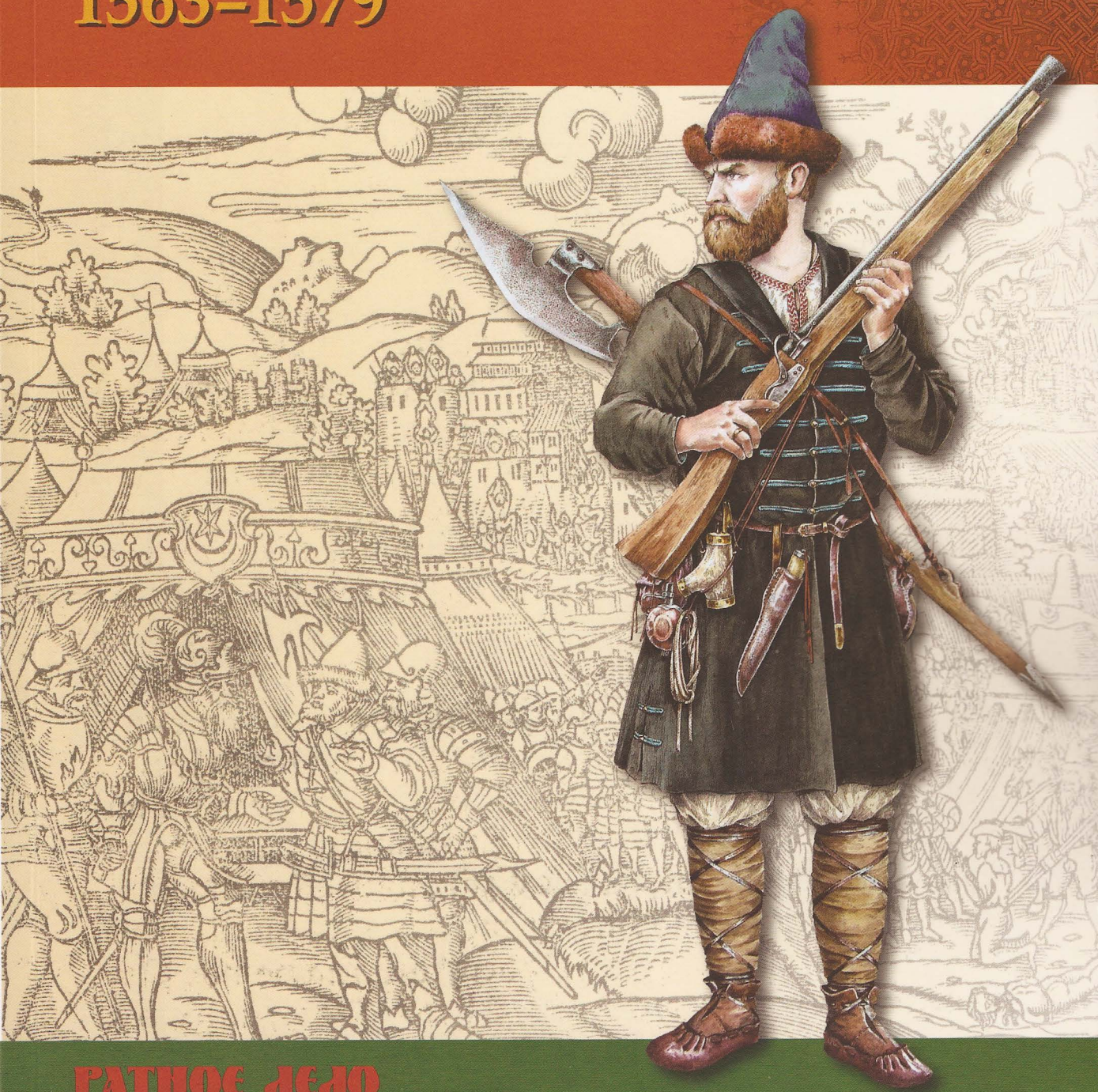

А.И. Филюшкин • А.В. Кузьмин

Когда Полоцк был российским
ПОЛОЦКАЯ КАМПАНИЯ
ИВАНА ГРОЗНОГО
1563–1579

РАТНОЕ ДЕЛО

РАТНОЕ ДЕЛО

А. И. Филюшкин

А. В. Кузьмин

КОГДА ПОЛОЦК БЫЛ РОССИЙСКИМ

Полоцкая кампания Ивана Грозного
1563–1579 гг.

Москва • 2017

УДК 94(47).043:355.48(47)"1563/1579"

ББК 63.3(2)43-68

Ф57

Филюшкин, А. И.

Когда Полоцк был российским. Полоцкая кампания Ивана Грозного 1563-1579 гг. / А. И. Филюшкин, А. В. Кузьмин. - М. : Русские Витязи, 2017. 176 с. : ил. - (Ратное дело). - ISBN 978-5-9909607-4-9.

И. Кузьмин, А. В.

Ответственный редактор: А.В. Малов

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований: «Свои» и «чужие»: феномен пограничья в Средние века и раннее новое время в Восточной Европе как фактор формирования социо- и этнокультурной идентичности населения регионов», проект 15-21-01003 а(м).

Аннотация: книга посвящена истории знаменитой Полоцкой кампании Ивана Грозного: полоцкого похода 1563 г., интеграции полоцко-смоленского пограничья в состав Российского государства, строительства и военной судьбы «полоцких пригородов», походу Стефана Батория 1579 г. Взятие Полоцка — это самая дальняя точка продвижения России на запад в XVI в. История Полоцкой земли в 1563–1579 гг. — это один из первых опытов имперской политики России на западном направлении. Поход 1563 г. — выдающийся военный успех России в годы войн Ивана Грозного.

*Введение, заключение, главы 1–6, 8 написаны А.И. Филюшкиным,
глава 7 — А.В. Кузьминым.*

Фотографии, размещенные в этой книге, выполнены А.И. Филюшкиным.

На обложке:

Стрелец полоцкого гарнизона 1570-х гг.

Рисунок М. Иванова

978-5-9909607-4-9

9 785990 960749

© А.И. Филюшкин, текст, фото, 2017

© А.В. Кузьмин, текст, 2017

© С.Н. Темушев, А.И. Филюшкин, карты, схемы, 2017

© Фонд «Русские Витязи», 2017

*Светлой памяти
выдающегося русского историка
Юрия Георгиевича Алексева
(1926-2017)
авторы посвящают эту книгу*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение. Почему Полоцк?	5
Глава 1. Полоцк и Полоцкий повет в первой половине XVI века.....	12
Глава 2. Люторы и Св. София. Идеологическая подготовка к походу на Полоцк	18
Глава 3. Поход Ивана Грозного в 1562–1563 гг.....	23
Глава 4. Литовский контрудар 1564 г.	40
Глава 5. Споры о Полоцке на русско-литовских переговорах 1563–1566 гг.....	56
Глава 6. Создание полоцких пригородов	68
Глава 7. Состав и служебный статус русских помещиков Полоцкого повета в 1563–1579 гг.....	94
Глава 8. Взятие Полоцка Стефаном Баторием в 1579 г.	114
Заключение	132
Приложение 1. Таблица 1. Полоцкие дворяне в посполитом рушении 1528 г.	133
Приложение 2. Таблица 2. Русское войско в походе на Полоцк 1563 г.	144
Примечания:	152
Список сокращений.....	175

ВВЕДЕНИЕ. ПОЧЕМУ ПОЛОЦК?

Полоцкая кампания Ивана Грозного 1563–1579 гг. занимает особое место в истории России и Восточной Европы.

Во-первых, это самая дальняя точка продвижения Москвы на запад в XVI в., как бы генеральная репетиция будущих бурных событий Русско-польской войны 1654–1667 гг.

Во-вторых, с точки зрения военной истории это самая успешная наступательная операция России в этом столетии, своего рода «блицкриг» русской армии. Смоленская кампания 1512–1514 гг. заняла три года, «Казанская война» — вообще почти семь лет: 1545–1552 гг. Захват Астрахани в 1556 г., несмотря на несомненный успех, не может считаться серьезной кампанией. Русские там почти не встретили сопротивления. По аналогии триумф войск Ивана Грозного в Ливонии в 1558–1560 и 1577 гг. — это победы, одержанные в результате колоссального перевеса российской армии над малочисленными гарнизонами устаревших ливонских рыцарских замков, в XVI в. представлявшими угрозу только для безоружных эстонских и латышских крестьян.

А вот Полоцкий поход 1563 г. — это прекрасно продуманная и организованная масштабная военная кампания, переброска на многие километры почти тридцатитысячной армии с тяжелой артиллерией, грамотная тактика осады и штурма могучей крепости. Вся операция заняла два с половиной месяца, с момента выступления войск до взятия Полоцка. Это уникальный пример для XVI в.

В-третьих, история Полоцкого уезда в 1563–1579 гг. в составе Российского государства — это пример поиска русским правительством форм и способов интеграции новых земель в состав единой страны. Когда мы говорим о русских

завоеваниях в XVI в., стоит обратить внимание, что Россия только приобретала этот опыт, опыт построения будущей империи. Собираение русских земель Иваном III (1462–1505) и Василием III (1505–1533) не вызывало проблем, потому что происходило их верховное переподчинение, централизация власти, а в остальном жизнь на местах менялась мало. Верховские князья в конце XV — начале XVI в. переезжали с вотчинами, и процесс их включения в состав Российского государства был постепенным, шел параллельно с ликвидацией удельной системы. А вот в случае Смоленской земли, Ливонии, Полоцкой земли надо было искать способы взаимодействия с местным населением, землевладельцами, церковью. Нужно было найти эффективные способы управления и контроля над присоединенными территориями, охраны коммуникаций и т. д. И история Полоцкого уезда в 1563–1579 гг. в этом плане крайне любопытна как ранний имперский опыт России.

Полоцкая земля во второй четверти XVI в. — это пограничная территория с особым «украинным» маргинализированным населением. В результате войны для населения, которое до этих событий особо не задумывалось о том, кто оно такое, о своей этнической идентичности, крайне обострилась проблема «свой — чужой». Конечно, история Полоцка — это только одно звено в процессе формирования раннемодерных наций в Восточной Европе, но в ней рельефно проявились многие явления, которые в XVI–XVII вв. повлияют на формирование здесь этнокультурных общностей.

Почему именно Полоцк оказался в эпицентре удара Ивана Грозного? В. Кирхнер предлагает трактовку причин нападения на Полоцк в контексте его концепции зарождения балтийского

вопроса одновременно с Ливонской войной*. Поскольку ученый связывает возникновение вышеназванного вопроса с выходом России на балтийскую арену, то он рассматривает возможных противников Москвы после гибели ордена в 1561–62 гг. и приходит к выводу, что этим врагом обязательно должно было стать Великое княжество Литовское. С Данией и Швецией, главными потенциальными соперниками русских в борьбе за Прибалтику, отношения в начале 1560-х гг. были урегулированы, с Литвой же, напротив, обострились. Княжество выглядело первым соперником России в противостоянии из-за Ливонии, и естественно, что именно на него Иван IV обрушил первый удар¹.

Д.Н. Александров и Д.М. Володихин мотивы нападения на Полоцк определяют в контексте их трактовки Ливонской войны как грабительской. Выбор этого города в качестве объекта удара был обусловлен тем, что «Полоцк был богат, многолюден, имел большой торгово-ремесленный посад»². Кроме того, была тактическая цель нападения на Полоцк: он «нависал» на южным флангом русской армии в Ливонии, и необходимо было ее обезопасить³. Кроме того, падение Полоцка устанавливало контроль России над торговыми путями по р. Двине и открывало путь на Вильну⁴. Особняком стоит точка зрения А.Л. Хорошкевич, считавшей, что во время похода на Полоцк Иван IV хотел прежде всего отстоять свой царский титул и титул обладателя Ливонии⁵. Я. Пеленский высказал идею, что кампания была в русле реализации доктрины «Москва — второй Киев»⁶. Подобная трактовка, по С. Богатыреву, была основана на послании Пимена, где проводятся параллели подвигов Ивана IV с киевскими князьями⁷.

* Термин «Ливонская война» здесь и далее мы употребляем как условный, как принятое в историографии, начиная с Н. М. Карамзина, название серии военных конфликтов в борьбе за Прибалтику в 1555–1595 гг. Мы предлагаем использовать применительно к ним более исторически корректный термин «Балтийские войны». Это: 1555–1556 — русско-шведская война, 1556–1557 гг. — «война коадьюторов» в Ливонии, 1558–1561 — русско-ливонская война (собственно «Ливонская»), 1561–1570 — русско-литовская война, 1563–1570 — датско-шведская война, 1578–1583 — русско-шведская война, 1579–1582 — русско-польско-литовская война, 1589–1596 — русско-шведская война.

Белорусский исследователь А.Н. Янушкевич недавно высказал мнение, что «...выбор Полоцка противоречил правилам военно-стратегической целесообразности. Увидеть в нем рациональные мотивы достаточно тяжело»⁸. Исследователь считает, что взятие Полоцка не давало России ничего в военном и геополитическом отношении, а мотивы похода были чисто религиозные.

Чтобы понять, что же в самом деле послужило причиной нападения на Полоцк, необходимо рассмотреть предысторию конфликта. Обратимся к ней.

Полоцк и Полоцкая земля в XIV–XV вв. стратегически объединяли северо-западную часть Великого княжества Литовского (литовские области с Вильно) и его юго-восточные, русинские регионы — Смоленскую, Брянскую, Могилевскую, Северские земли. Однако после наступления России в конце XV — первой трети XVI в. обширные территории от Смоленска до Северщины Ягеллоны потеряли. Северо-Западные районы Полоцкой и Витебской земли оказались как бы мысом, вторгающимся в пределы Российского государства. Возникла классическая ситуация, которую во Второй мировой войне будут использовать для создания крупных фронтовых котлов. «Полоцкий мыс» своим географическим положением напрашивался, чтобы его «срубили», выровняли русско-литовскую границу.

Если мы посмотрим, как в XVI в. менялась граница Великого княжества Литовского и России⁹, то район Полоцка — Витебска — Себежа окажется единственным неурегулированным участком. Черниговские, Верховские, Смоленские земли в начале столетия отошли к России. Вопреки расхожему мнению, у нее не было намерений дальнейшего продвижения на запад на данных участках¹⁰. Политики ВКЛ весь XVI в. боялись нападения на Киев или во всяком случае периодически апеллировали к этой угрозе на переговорах и в расказах западноевропейским дипломатам о том, какие агрессивные планы вынашивает Москва. Но русские войска весь XVI в. простояли менее чем в 200 км от Киевской земли и ни разу не попытались напасть на Киев¹¹. ВКЛ, в свою очередь, хотело бы вернуть Северщину и Смоленщину, но отдавало себе отчет в маловероятности такого сценария. Во всяком

случае, боевые действия на этих направлениях весь XVI в. имели локальный, мелкомасштабный характер. Не было крупных походов для того, чтобы отбить Путивль или Смоленск. Лозунги возврата этих земель периодически звучали на русско-литовских переговорах, но носили чисто декларативный характер.

А вот район витебско-полоцко-псковско-смоленского пограничья оставался спорной территорией. В XVI в. он впервые подвергся серьезному нападению в 1506 г., когда пострадали смоленские, витебские, полоцкие земли¹². О действиях русских войск под Полоцком известно в 1507¹³, 1510 гг.¹⁴ В 1510 г. состоялись русские нападения на 14 полоцких волостей и витебские волости, в том числе на Озерищенскую и Усвятскую¹⁵. В 1512 г. государев волостель Пуповской земли захватил королевскую волость Неведрея Полоцкой земли, мотивируя тем, что урочище Неведрея при Иване III тянуло к Пуповской земле. Король требовал съезд судей на границе, который должен был разрешить земельный спор, но безрезультатно¹⁶.

В 1512–1513 гг., во время смоленских походов, русские войска постоянно действовали в Полоцкой земле. Они применяли тактику блокирования, чтобы из Полоцка к осажденному Смоленску не пришла помощь. Для этого применялись загоны, набеги на окрестности городов, на местное сельское население — это заставляло города сидеть в осаде и держать войска при себе на случай нападения: «А в загон ходили под Оршу, под Мстиславль, под Кричев, под Полотск, полную бесчисленно, а города не възяли ни одного»¹⁷.

В 1514 г. под Оршей состоялась знаменитая Оршинская битва, в которой войска ВКЛ разбили московские рати. Поражение было крупным, но оно почти ничего не изменило в общей ситуации литовско-русского пограничья¹⁸. В состав ВКЛ вернулись Мстиславль, Кричев и Дубровна, ранее открывшие ворота русским войскам. Но Смоленск — главный «приз» в войне — остался за Россией. Поражение под Оршей только убедило Москву, что именно в районе Полоцка таится главная опасность контрнаступления ВКЛ. Чтобы обезопасить Смоленск, надо было вывести из игры Полоцк.

В 1515 г. литовцы напали на Новгородскую землю — Великие Луки и Торопец: «Приходили литовские люди войною на Луки на Великие

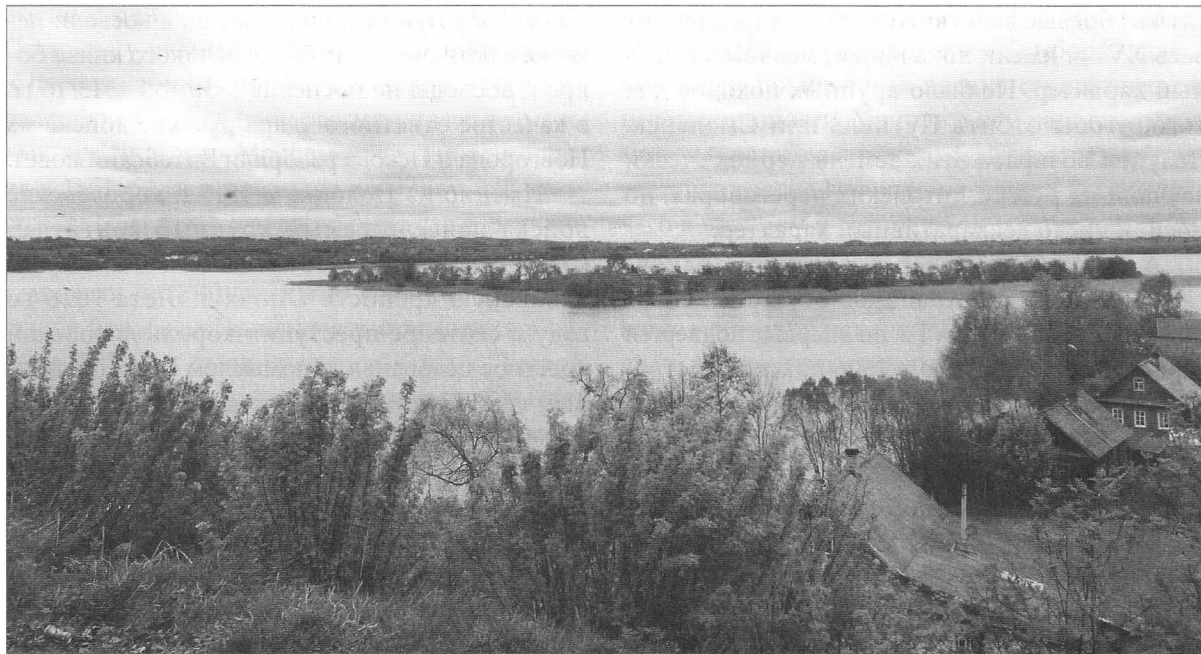
и посады у Лук Великих пожгли, а воевали неделю; а встречи им не было: великого князя бояре и воеводы не успели»¹⁹. Зимой 1515/16 гг. в качестве ответного удара русские войска из Новгорода и Пскова разоряли Витебский повет.

Именно из Полоцка в 1517 г. королевские войска нанесли самый крупный контрудар Смоленской войны 1512–1522 гг. — осадили псковскую крепость Опочку: «Лета 7026-го году в сентебре преступил король литовской крестное целованья, и помыслом злым по опасным грамотам умысля, и пришел в Полотеск со всеми своими людьми и, умысля с воеводы со князь Костентином Острожским и з желныри, пришли ко псковскому пригородку к Опочке с норядом и к городу к Опочке приступали»²⁰. Опочка выстояла, с наступлением распутицы князь К.И. Острожский снял осаду и отвел войска в Полоцк, где они были распущены на зиму²¹.

Угрозу надо было ликвидировать, и в июле-августе 1518 г. новгородско-псковские войска под командованием В.В. Шуйского осадили Полоцк. Полочане разбили нападавших, в удачной вылазке уничтожили их лагерь и сбросили русских в реку Западную Двину. Летом 1518 г. русские войска действовали «загонами» под Витебском. В 1520 г. сожжен витебский посад²².

К концу Смоленской войны, в 1522 г., война в пограничье велась не государевыми полками, а местными силами. Отрядом, вышедшим из Опочки, сожжены и разграблены Твержица и Вядо²³. Смоленские казаки ходили в набеги на Полоцк, Витебск, Оршу и Мстиславль²⁴. В том же году витебский наместник Иван Сапега начал силой сводить крестьян из Велижской земли. Аналогичные нападения состоялись на область Белой, Старцову волость. Местные русские власти требовали от короля Сигизмунда вмешаться и окоротить своих наместников²⁵.

Как ни удивительно, но жалобы возымели действие: местные власти с обеих сторон стали бороться с отрядами, самовольно хозяйничавшими в пограничной зоне. В 1523 г. полоцкий, витебский, кричевский, пропойский и речицкий наместники наперебой жалуются на нападения русских. Во всем винят смоленских казаков. Власти ВКЛ требуют от русских наместников и волостей остановить разбой и наказать виновных²⁶. Но разбирательство не задалось: русские наместники и волостели

Вид с мыса, где была основана Себежская крепость, на оз. Себеж. Современное фото

ответили, что их сыск показал: русских нападений не было, а напротив, были нападения литовских людей на русские «украины». В качестве конкретного пункта называются пострадавшие Великие Луки. Списки «обидных дел» в 1524 г. отправлены королю²⁷.

Местные власти в самом деле провели какое-то расследование. Видимо, самовольство и произвол полевых отрядов в пограничье, неизвестно кому подчиняющихся, беспокоили и их самих. Смоленский наместник Иван Васильевич Шуйский сообщил о наказании смоленских казаков, пограбивших литовских мещан: Бориса Ивачева, Якуша Лужина, Мартынка Олешова и др. Взятые велели отдать, а казаков «показать». Аналогичная жалоба витебских мещан отклонена — указали не на тех казаков. Были наказаны также казаки, виновные в нападениях на мещан из Дубровны²⁸.

Пограничный конфликт нарастал, причем он перешел в экономическую плоскость: вслед за свозом крестьян начались захваты земель. Местное население страдало: воинские отряды являлись в деревни и требовали платежа дани и налогов, причем каждая сторона — в свою пользу. Власти ВКЛ жаловались на нападения и перевод земель под власть русских наместников Великих

Лук. Они присылают грамоты в Усвятскую волость и другие полоцкие земли, требуя платить «куничью дань». То же происходит вокруг Кричева, Пропойска, Чичерска, Олучиц, Речицы, Стрешина²⁹. Великолуцкие казаки ограбили полоцкого боярина³⁰. Русская сторона в 1525 г. жаловалась на аналогичные нападения из Полоцка, Витебска, Орши, Дубровны на окрестности Смоленска, Торопца, Великих Лук, Ржевы³¹.

В 1525 г. Себежская волость ВКЛ была на 4 года освобождена властями от всех даней и пошлин из-за разорения русскими войсками, нападавшими из-за псковской границы, и своими же литовскими войсками. Последние защищали их от нападений и кормились за счет грабежа своего же населения, того самого, которое защищали. В результате часть жителей просто разбежалась, а оставшиеся не могли потянуть довоенные налоги³².

В 1528 г. продолжились нападения ВКЛ на земли Смоленска, Торопца, Великих Лук, Новгорода Северского, Ржевы, Стародуба, Гомеля: «татьбы», «разбои», «грабежи великие», свод населения, убийства («до смерти бьют и вешают»). Русские наместники шлют претензии к литовским наместникам, те «ни в чем управы не чинят». В эпицентре нападений — Попова

гора, Крюков десяток, Маслов десяток, Озерская волость «на Луках» и т. д. Литовские отряды, которые делали набеги, насчитывали по несколько сотен человек³³. В 1530 г. повторились нападения литовцев на земли Великих Лук, Торопца и Стародуба³⁴. Захваченные волости в 1531 г. «приводили» к Витебску³⁵. Крестьян мучают, заставляют приносить присягу властям ВКЛ (силой приводят к крестоцелованию), сажают в тюрьмы, арестовывают людей русских наместников. В 1532 г. на Великолуцкую волость нападали полоцкие казаки³⁶.

Война местных властей, подконтрольных им вооруженных формирований и «самостийных» отрядов в пограничье не могла продолжаться вечно. Ситуация должна была разрешиться вмешательством сил государства. Россия прибегла к уже опробованной тактике — строительству на спорных землях опорной крепости, появление которой меняло бы расклад сил в регионе. С 29 июня по 20 июля 1535 г. воевода Н.И. Бутурлин на узком мысу, вдававшемся в озеро Себеж, возвел деревянную крепость, названную Ивангород-на-Себеже (возможно, в честь недавно вступившего на престол Ивана IV)³⁷. По мнению А.Н. Кирпичникова, крепость была построена по последним требованиям фортификационного искусства, с понижающимися к озеру уступами, вынесенными за пределы стен земляными батареями. Видимо, эти особенности были связаны с именем архитектора-итальянца, Петра Малого Фрязина. Первоначальный гарнизон составлял 500 пищальников.

Литовские власти сразу же осознали, чем грозит новая русская тактика. Угрозу надо было ликвидировать любой ценой. В феврале 1536 г. по приказу короля Сигизмунда Ивангород-на-Себеже атаковали войска под командованием киевского воеводы Немири. Удачное расположение крепости и искусная расстановка артиллерии сыграли решающую роль: отряды ВКЛ пытались наступать через узкий перешеек, связывающий мыс с крепостью. Их расстреливали в этом коридоре из пушек. Противник не выдержал и отступил на лед Себежского озера, который подломился (видимо, в результате орудийного огня). Гарнизон даже сделал вылазку, захватил трофеи (знамена и пушки). Победа

была полной. В ее честь в Себеже была поставлена церковь Троицы³⁸.

По русско-литовскому договору по окончании Стародубской войны в 1537 г. было обещано Себеж 5 лет «не зацеплять ничем». Русские воспользовались паузой для возведения дополнительных укреплений: в 1541 г. построили «большие стены». Поэтому, видимо, ВКЛ больше не предпринимало крупных воинских акций по возвращению города.

После потери Себежа часть себежских землевладельцев переселилась под Полоцк и получила там земли взамен утраченных из-за войны³⁹. Именно Полоцк стал центром противостояния Ивангороду-на-Себеже. С 1542 г. начались взаимные нападения себежских и полоцких дворян и казаков на Полоцкие и Себежские земли⁴⁰. В 1543 г. русские войска совершали нападения из Себежа на Нещерду, Непоротовичи, Луково и др. Развернулся спор полоцкого и себежского наместников о селах Мочажо и Дедино⁴¹. Боевые действия вокруг Себежа шли вовсю. Стороны захватывали села, свозили крестьян, пытались укрепиться на своих землях⁴².

В 1543 г. ВКЛ пытается идти уже опробованным Россией путем — строить крепости «в противовес» уже имеющимся русским. Стало известно, что паны намереваются построить города: на Уще-озере (против Великих Лук) и реке Дриссе (против Заволочья)⁴³. В 1544 г. полоцкие казаки сожгли посад Заволочья⁴⁴. В 1550 г. шли бои вокруг Себежа⁴⁵. В 1554 г. люди из ВКЛ нападали на земли вокруг Заволочья, Великих Лук, Себежа. Целью был грабеж крестьян, рыболовов, своз сельскохозяйственной продукции⁴⁶.

Перечень этих конфликтов показывает, что пограничье в районе Полоцка — Витебска — Себежа с начала XVI в. стало зоной неурегулированных конфликтов, которые приобрели перманентный характер. Ни одна из сторон не добилась в них ощутимого перевеса, а некоторый успех России, «вдвинувшейся» в регион благодаря основанию в 1535 г. Себежа, показывал путь к победе: строительство на землях противника своих опорных крепостей и/или захват крепостей неприятеля. После начала в 1561 г. новой русско-литовской войны Полоцк и Витебск закономерно оказывались на

Площадка, где была крепость Себеж, и ее склоны. Современные фото

грядущем «направлении главного удара» армии Ивана Грозного, причем удара первоочередного.

Уже 25 марта 1562 г. из Смоленска была отпущена «рать» на ВКЛ. Удар направлен на Оршу, Дубровну и Мстиславль. У Орши сожгли слободы, у Дубровны — посад⁴⁷. 21 мая Иван IV выступил в поход «на Литву» из Москвы к Можайску. 28 мая начался поход из Великих Лук к Витебску, пожгли посад и окрестные деревни. На обратном пути сожгли посад у г. Сурожа. На Николин день (22 мая) литовцы напали на Опочку, но горожане отбились «за надолбами». «Литва» повоевала семь волостей и Себежчину и пожгла окрестные монастыри⁴⁸.

В июне-июле 1562 г. состоялся поход русских войск на Витебск «под Петрово говенье» (8 июня — 11 июля). Они сожгли посады пограничных литовских городов по всей протяженности границы от Киевской земли до Витебской и Полоцкой⁴⁹. После Ильина дня (2 августа)

из Смоленска начался поход П. Серебряного под Мстиславль, В. Глинского — до Дриссы и р. Двины. Пройдя рейдом по землям ВКЛ, полки вернулись к Опочке. В августе 1562 г. боевые действия разворачивались под г. Невелем, где действовал отряд А.М. Курбского⁵⁰.

В сентябре 1562 г. в наказе послу в Данию А.М. Ромодановскому были перечислены литовские города, на которые в августе-сентябре нападали русские войска: Мстиславль, Кричев, Любеч, Гомель, Дубровна, Орша, Витебск, Полоцк, Озерище, Друя, Дрисса. У Витебска и Дубровны сожжены остроги⁵¹. Литовцы в долгу не остались, нападали на Псковскую землю, волости: Муравеино, Оба Овсище, Коровий Бор. Согласно псковским летописям, в результате они увели большой полон⁵².

30 ноября 1562 г. из Москвы двинулись русские войска для нападения на Полоцк. Большой Полоцкий поход Ивана Грозного начался⁵³.

ГЛАВА 1.

ПОЛОЦК И ПОЛОЦКИЙ ПОВЕТ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI ВЕКА

Что из себя в середине XVI в. представляла главная цель похода Ивана Грозного — город Полоцк?

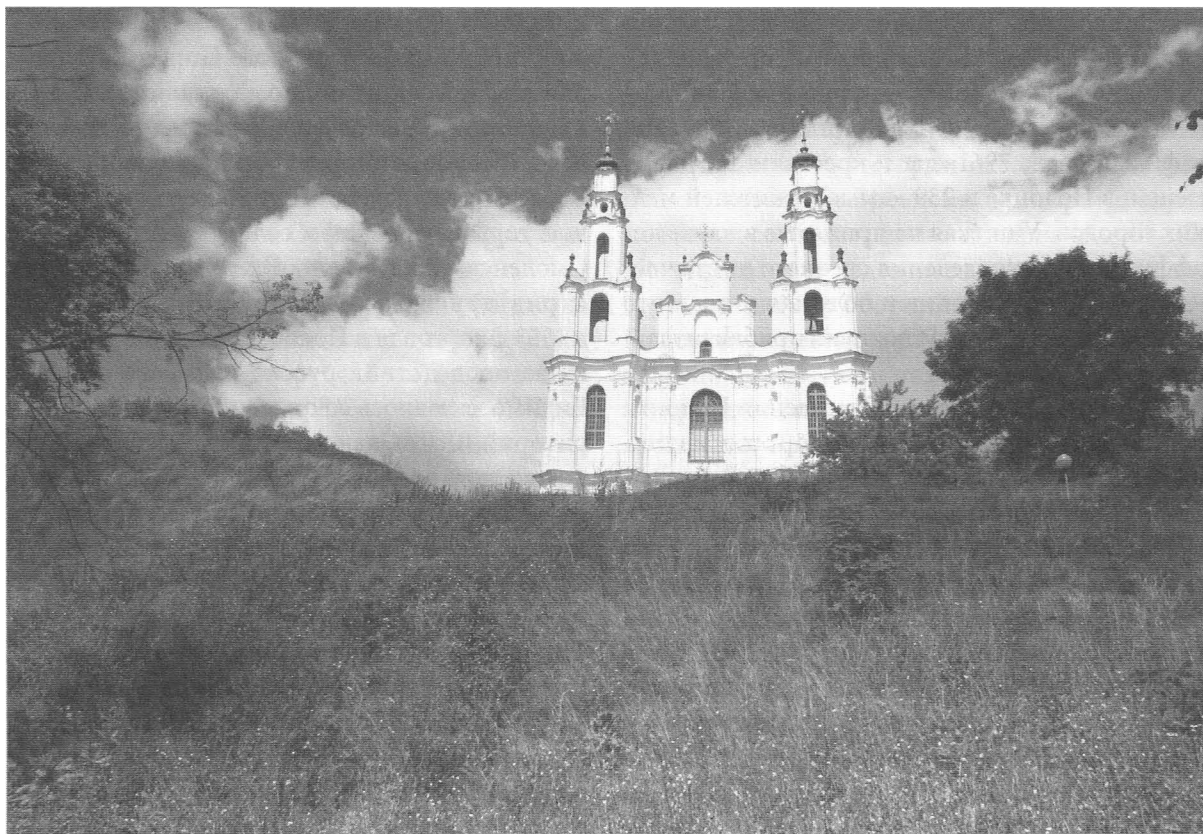
Географически Полоцк расположен очень удачно, недаром он имеет столь многовековую историю. Он был основан в среднем течении реки Западной Двины, что делало его первым городом-портом на речных путях с юга Восточной Европы в Прибалтику, из днепровского бассейна в Рижский залив. Таким образом, южнее Полоцка находился огромный рынок сельскохозяйственного и ремесленного производства и сбыта. Им являлась Восточная Европа от древнерусского периода до эпохи Великого княжества Литовского. А на севере был выход в Балтийское море и далее — в Европу. Товары интенсивно шли по этому пути с юга на север и с севера на юг, а центральным пунктом этой магистрали, городом-транзитером оказывался Полоцк⁵⁴. Недаром в XVI в. гербом этого города — в сущности, сухопутного, расположенного в материковом центре Восточной Европы, — становится изображение торгового корабля. По мнению В. Воронина, Полоцк как торгово-ремесленный центр в это время конкурировал с Вильно⁵⁵.

Полоцк встретил XVI столетие, будучи крупным городским, торговым и военным центром Великого княжества Литовского. Магдебургское право он получил при Александре Ягеллончике, в 1498 г. 27 августа 1509 г. Полоцк получил новую королевскую грамоту — подтверждение магдебургского права, 11 июля 1511 г. — подтвердительную уставную грамоту⁵⁶ (В.И. Пичета называл ее «полоцкой конституцией XVI столетия»)⁵⁷.

10 апреля 1527 г. полоцкий воевода Петр Кишка получил королевскую уставную грамоту, регулиющую права городского самоуправления в соответствии с магдебургской юридической практикой⁵⁸. С 1500-го по 1597 г. великие князья литовские подтверждали магдебургское право Полоцку в восьми грамотах⁵⁹ (анализ политического строя Полоцка в первой трети XVI в. см. в статье В. Воронина)⁶⁰.

Полоцк в XVI в. был развитым городом. У него было до 80 улиц и переулков. Он делился на замок, Великий посад, посад в Заполотье. Как раз в первой трети данного столетия городские предместья левобережья Двины превращаются в Экиманский, Слободской, Кривцов посады⁶¹. Островский (Острогский) посад фиксируется в 1552 г. напротив замка на левобережье Западной Двины. Великий посад в XVI в. достигал площади в 50–60 га, все левобережные посады занимали около 40 га⁶².

В Верхнем замке располагался воеводский двор (с 1504 г.), двор епископа, дворянские и мещанские дворы, Софийский собор. Где именно находилась в XVI в. полоцкая ратуша (упоминается в источниках с 1498 г.), неизвестно, но ясно только — не в Верхнем замке, а на Великом посаде⁶³. Д.В. Дук указывает, что с 1509 г. она размещалась на городской площади и торгу, куда и был перенесен центр Полоцка. Географически они примыкали к Верхнему замку, к территории, на которой в 1581 г. был построен иезуитский коллегиум⁶⁴. В 1517 г. в топографии Полоцка выделялось Старое городище, территория которого раздавалась под дворохозяйства, и Новый замок⁶⁵.

Городище Верхнего замка в Полоцке и собор Св. Софии. Современное фото

Отдельными единицами в территориальной структуре Полоцка были монастыри, располагавшиеся как в городе, так и в его округе. В первой половине XVI в. упоминаются монастыри: Троицкий (1350), Николо-Лучанский (1496), Борисоглебский Белчицкий (1396), Спасо-Преображенский, Бернардинский (1501), Михайловский на Городке (1511), Святого Воскресенья на Машне (1533), Св. Петра (1522), Св. Юрия «в поле за местом» (1552), Козьмы и Дамиана (1552). В самом Полоцке по ревизии 1552 г. было 10 отдельных церквей⁶⁶.

Население города в первой половине XVI в., по разным подсчетам, составляло от 9 500–11 000 (С. Александрович, Г.В. Штыхов, Д.В. Дук)⁶⁷ до 34 662 (С.В. Тарасов)⁶⁸ и даже 50 000 человек (З. Копыцкий)⁶⁹. Думается, что определение количества населения в несколько десятков тысяч человек завышено. На площади в 100 га было негде расселить полсотни тысяч человек. При осаде города

население увеличивается, потому что в него бегут из окрестных сел. Во время взятия Полоцка Иваном Грозным в 1563 г. из посадов вышло около 11 000 человек гражданского населения (согласно летописи, в основном беженцы из Полоцкого повета)⁷⁰, что вполне соответствует формуле: население города около 10–12 тысяч и примерно столько же беженцев из полоцкой округи. В случае правильности определения населения в 30–50 тыс. человек надо признать, что по крайней мере половина населения, 15–20 тысяч, была убита в ходе осады и штурма. Это не соответствует источникам: в Полоцке в 1563 г. не было десятков тысяч убитых.

По ревизии 1552 г. в полоцком замке было 110 домов, в Великом посаде — 771 дом мещан, Заполоцком — 119 домов, Островском — 153 дома, Экиманском — 269 домов и Слободском — 110 домов⁷¹. Получается примерно 1500 домов.

Население Полоцкого воеводства по ревизии 1552 г. В.А. Воронин определяет в 94 000 человек (85 % — крестьяне, 14 % — мещане (горожане) и 1 % — шляхта). Ревизия зафиксировала 7961 «дым» крестьян, 1624 двор мещан в Полоцке и 239 «дымов» жителей мелких городов. Умножая на принятые в науке коэффициенты определения среднего числа членов семей, В.А. Воронин и получает указанную цифру, оговаривая ее условный, приблизительный характер⁷².

Социальная структура населения Полоцка в первой половине XVI в. хорошо изучена в работах В.А. Панова, А.Л. Хорошкевич, З. Копысского⁷³ и особенно в диссертации и статьях В.А. Воронина⁷⁴. Город развивался как торгово-ремесленный центр. О развитии городской жизни свидетельствуют разнообразные профессии полочан. Так, в жалобе 1503 г. на злоупотребления полоцкого воеводы, нарушающего магдебургские привилегии, упоминаются ремесленники: золотых дел мастера, шорники (изготовители конской упряжи, «рымари» и «седлари»), кузнецы («ковали»), мастера по выделке кож («сыромятники»), ткачи («шевцы»), гончары, пивовары, плотники, скоморохи⁷⁵. В.А. Воронин пишет о 33 выявленных ремесленных профессиях полочан⁷⁶. По данным, приведенным П.Т. Петриковым, «Полоцкая ревизия» 1552 г. знает около 30 профессий. Среди них были и такие, которые сложились под влиянием особенностей экономики Полоцка. В частности, его роль крупнейшего торгового порта на Западной Двине способствовала тому, что многие горожане были заняты сооружением и ремонтом речных судов, изготавливали лямки для бечевников, проводивших суда вверх по Западной Двине. Особенно распространены были профессии кормщика, работных людей, «молодцов», составлявших команды большегрузных речных судов. С работой для порта были связаны бочары, пильники, обручники, холщевники (изготавливали паруса)⁷⁷.

По данным П.Т. Петрикова, «Доход от торговли города казна получала в виде пошлин, весовых сборов, составлявших крупные суммы, намного превышавшие такие же сборы с других белорусских городов. Так, в 1506–1507 гг. Новогрудок и Гродно внесли поборы

с торговли по 100 коп, Минск — 300, Брест — 400, а Полоцк — 1519 коп. Пошлина торговая, собранная в Гродно, составила 177 коп, в Бресте — 1531 копу, а в Полоцке — 3936 коп, или 20% пошлинного сбора со всех городов Великого княжества Литовского, в которых шла торговля воском и солью; в их числе были Смоленск, Киев, Ковно, Владимир-на-Волыни и ряд других»⁷⁸. А. Сапунов считает, что к 1553 г. торговля в Полоцке приходит в упадок из-за последствий русско-литовских войн⁷⁹. Видимо, сказалось сокращение восточных территорий ВКЛ и, как следствие, — уменьшение потока товаров.

Основное содержание социально-экономической истории Полоцка в первой половине XVI в. — борьба за свои права и привилегии между феодальными землевладельцами, представленными служилым боярством ВКЛ, и мещанами⁸⁰. Предметом борьбы были земли в городской черте, право держать на них зависимое население⁸¹, вопросы юрисдикции городских органов управления, распределение государственных налогов (прежде всего военных — серебщины) и т. д. Между 1506 и 1544 гг. полоцкие путные слуги получили королевский привилей на право возврата своих земель, отошедших полоцким мещанам. Но к середине столетия чаша весов склонилась в пользу мещан — они подлежали суду городских органов управления, платили налоги городу, а права и полномочия бояр-землевладельцев в городской черте были значительно урезаны.

Конфликты между разными социальными группами в Полоцке приводили к социально-демографическим кризисам. В 1525 г., как зафиксировано в источнике, город покинули много мещанских семей, а им на смену пришли новые мещане, освобожденные на 10 лет от налогов⁸². Сельские районы Полотчины также не были оплотом мира и порядка. Для шляхты ВКЛ в принципе были характерны выяснения отношений друг с другом вооруженным путем — набеги на имения друг друга, своз крестьян, угон скота. В источниках встречаются описания подобных разбоев⁸³. Власти пытались с ними бороться, но малоэффективно. Впрочем, эта проблема была типичной не только для Полоцкой земли, но для всего социального строя ВКЛ.

Крупным землевладельцем был Софийский дом⁸⁴, подтвердивший архиепископский статус в 1511 г.⁸⁵ Правда, к середине столетия он переживал не лучшие времена из-за распрей внутри полоцкой православной церкви и городских властей. Дошло до того, что в 1544 г. прохудилась крыша в Софийском соборе, и ее никто не ремонтировал⁸⁶.

Социальные процессы и уровень богатства Полоцка были прямо связаны с его военным потенциалом. В годы русско-литовских «побужденных войн» конца XV — начала XVI вв. Полоцкая земля периодически оказывалась театром боевых действий. Хорошее обеспечение земель служилых людей способствовало росту возможностей обороны, и наоборот. Но полоцких землевладельцев губил их пограничный статус: они маргинализировались, переселялись, меняли владения из-за близости границы, постоянных боевых действий, захватов земель с российской стороны. «Ревизия Полоцкого воеводства» 1552 г. содержит немало записей сходного содержания: «имеют села на рубеже Московском», «имене отышло в сторону неприятельскую», «мают людей волных... дымов шеснаццать на Московской границы, с тых людей плату и службы ниякое нет», «отчизны его отышло в сторону Московскую чоловеков пять», «отчизны его в сторону неприятельскую отошло сто петдесят шесть чоловеков»⁸⁷. Еще до военной катастрофы 1563 г. полоцкие землевладельцы несли существенный урон, как непосредственный (утрата земель и крестьян), так и косвенный (постоянная опасность затрудняла хозяйствование, сбор налогов и т. д.).

Можно сравнить два документа: описание мобилизационных возможностей Полоцкого воеводства в 1528 г. (когда собиралось «пополитое рушение») и 1552 г. (по «Ревизии Полоцкого воеводства»). В 1528 г. полоцкое дворянство выставяло 560 конных воинов⁸⁸, в 1552 г. — 320⁸⁹. При этом уменьшилось число крупных землевладельцев, которые выставяли 10–20 коней. Гораздо больше стало мелких, дробных владений, с которых выставяли по 1–2 коня. Наблюдается значительная миграция землевладельцев: примерно половина фамилий не сохранила к середине столетия преимственности земельных держаний. Часть земель перешла из дворянской собственности

к полоцким мещанам, которые продолжали выставять с нее конных воинов. Но их число также сократилось со 138 конников (1528) до 50 в 1552 г.⁹⁰ Ситуацию несколько скрашивало развитие такой категории населения, как полоцкие казаки (по ревизии панцирные слуги полоцких сел и казаки выставяли 45 коней)⁹¹. Но в целом приведенные цифры свидетельствуют о низком оборонительном потенциале Полоцкого воеводства. С такими силами нельзя было наладить ни надежного патрулирования рубежей, ни выставяния заслонов на пути вражеских войск, намеревающихся напасть на Полоцк.

Сокращение числа несущих службу бояр негативно сказывалось на оборонительном потенциале Полоцка. Согласно королевскому и сеймовому уставу от 1 мая 1528 г., с восьми «служб» (20–30 крестьянских дворов) выставялся конный «пахолок», вооруженный холодным оружием (корд и копьё), в доспехе и со щитом⁹². Уменьшение размеров дворянского землевладения вело к сокращению мобилизационных возможностей.

Для обороны Полоцка привлекались отряды из других местностей, в частности, в 1542 г. упоминается «гүф» из Жемайтии, воины которого сидели в засадах, обороняя Полоцкую землю, и несли сторожевую службу⁹³. Однако в целом проблемами обороны полочане не очень беспокоились, полагая, что от набегов легких отрядов ущерб не слишком велик, а предотвратить их трудно — нужна слишком затратная система сплошной обороны границы, которая в XVI в. у ВКЛ попросту отсутствовала. Замки выстоят в любом случае (нашествий, подобных 1563 г., просто не ожидали), а посадам страдать от набегов не привыкать. В результате город слабо готовился к возможному нападению. В 1558 г., в год начала войны за Ливонию, как следует из документов Литовской метрики, с Полоцка пытались взыскать несобранные военные налоги еще за 1557 г.⁹⁴ Та же ситуация с задержкой выплат повторилась и в 1561 г.⁹⁵ Впрочем, Полоцк здесь был не одинок: практически та же самая картина наблюдалась по всему Великому княжеству Литовскому и Русскому... Полоцк должен был платить довольно много — 700 коп грошей (столько же платил Витебск,

больше — по 1000 — платили Киев, Могилев, Гродно и Бельск)⁹⁶.

При таких вооруженных силах основная надежда была на крепостные стены, за которыми можно было бы пересидеть приход супостата. Здесь всё также было не очень благополучно. В 1538 г. король и рада ВКЛ обсуждали проблему боеготовности пограничных замков. В том числе — Киева, Полоцка, Витебска и Мстиславля⁹⁷. Констатировалось обветшание валов и укреплений, необходимость организации строительных работ и поставок материалов. Предполагалось провести описание замков и благодаря продаже зерна собрать средства для ремонта.

Полоцк в середине XVI в. представлял из себя деревянную крепость с валами, рвами и деревянными стенами и башнями, в 4–7 м высоты. Основным строительным материалом была сосна⁹⁸. Общая длина валов и рвов, окружавших город, к середине XVI в. составляла 2301 сажень, а длина стен — 2249 саженей, или примерно 4 км⁹⁹. Оборонительных линий было две: Верхний замок и укрепления посадов. Местоположение башен и стен устанавливается по Ревизии 1552 г.¹⁰⁰ и реконструировано в работах белорусских археологов¹⁰¹.

Замок имел 9 башен («веж»): 1) Устейская (над устьем р. Полоты, в месте ее впадения в Западную Двину), 2) Вторая башня, 3) Освейская башня с «земляной стрельницей», 4) Четвертая башня; 5) Михайловская башня, 6) Богородицкая башня, 7) Седьмая башня; 8) Восьмая башня (воротная, к Великому посаду), 9) Софийская башня. Между ними располагались 204 клетки («городни»), примерно по 5 м длиной. Их расположение неравномерно. Берег Двины, который, видимо, считался наименее опасным направлением, фактически прикрывала одна башня — Софийская (и в какой-то степени угловая, Устейская). Это было приемлемо для средневековых войн без применения осадной артиллерии, но делало Верхний замок совершенно беспомощным перед орудийным огнем с левого берега Полоты (ему просто нечего было противопоставить). Высокий и труднодоступный берег Полоты со стороны Заполотья прикрывало три башни, считая угловые (Устейская, Вторая и Освейская)

Св. София в Полоцке. Рисунок XVI в.

и со стороны Старого городища — тоже три (Освейская, Четвертая и Михайловская). Зато четыре башни, включая воротную, прикрывали замок со стороны Великого посада (Михайловская, Богородицкая, Седьмая, Восьмая).

Данная оборонительная конфигурация слабо отвечала веяниям времени. Некоторые башни и городни имели «фортки», то есть отдельные древоземляные укрепления для размещения орудий. Но этого в XVI в. уже было мало. Замок мог успешно противостоять нападениям средневековых войск, вооруженных холодным или легким огнестрельным оружием. Но он был совершенно не приспособлен к отражению массированных штурмов с применением тяжелой осадной артиллерии. Что и скажется самым роковым образом в 1563 г.

Содержание «городен» и «веж», их ремонт, поддержание в боеспособном состоянии было расписано по полоцким мещанам, церквям и монастырям, селам Полоцкого воеводства. Ревизия 1552 г. зафиксировала неготовность укреплений к серьезным боевым действиям: «Под тым замком гора замьковая на многих местцах поповала ся и упала». В плохом содержании укреплений полочане винули

«руку Москвы»: русские взяли Себежскую волость, а именно из Себежа были «пригонные люди», ремонтировавшие обвалившиеся места. Но виноваты, видимо, все же были не только «москаля»: один из мостов от воротной башни к Великому посаду также разрушился и не был восстановлен из-за нерадивой работы крестьян сел, к которым этот мост был приписан¹⁰².

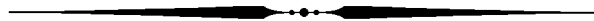
Замок в мирное время охраняла стража из 30 воинов («драбов») и 18 сторожей, набранных из полоцких мещан, «которые ночи на замку кличут и трубят». Артиллерийское вооружение главной крепости Полоцка нельзя назвать мощным. 10 бронзовых и железных пушек «не вельми великих... на колах добрых окованных», причем не все в боевой готовности («одно дело спижаное немалое, которое разорвалосе недалеко от запаленя на локат»). Часть орудий были устаревшими: «мордеры спижаные Витолтовы тры, а один мордер четвертый железный, с которого можно стреляти» и 11 ручниц XV в. («киев старосвецких железных добрых»). В большом количестве имелись малокалиберные орудия («сарпантинны») и крупнокалиберные крепостные ружья («гаковницы», 27 старых и 50, присланных от короля)¹⁰³. В замке жило семь пушкарей. С таким арсеналом можно было отбиваться от легких конных отрядов, делающих набеги на окрестности Полоцка, но невозможно

противостоять серьезной армии с осадной артиллерией.

Укрепления Великого посада, по указанию С.В. Тарасова, возводились в 1530-е гг. На основе более поздних документов он реконструирует 8 башен крепостной стены (Варвары, Мироновская, Ложная, Ильинская, Скарбная, Невельская, Наугольная, Кабыльчина)¹⁰⁴. До 1542 г. на посаде возводили укрепления в виде острога¹⁰⁵. Башни и линии стен прикрывали в основном восточную, напольную сторону от излучины Полоты до Западной Двины. Со стороны Двины башни были воротными и прикрывали въезд/ввоз товаров на главный торг.

Об укреплениях Заполотья до второй половины XVI в. нет точных сведений, а отдельные упоминания здесь «острога» могут говорить о наличии только самых начальных укреплений — рва, вала, частокола¹⁰⁶. Другие посады были неукрепленными.

Подводя итоги нашему обзору, можно констатировать, что в первой половине XVI в. Полоцк имел большой потенциал развития как административный, торговый и ремесленный центр и очень сомнительные перспективы как центр военный. Пока война шла на границах Полоцкой земли, город занимался торговлей, распряями между шляхтой и мещанами, поддержанием городского хозяйства. Но когда война пришла на порог, к ней никто не был готов.

ГЛАВА 2. ЛЮТОРЫ И СВ. СОФИЯ. ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА К ПОХОДУ НА ПОЛОЦК

Полоцкая земля всегда занимала особое место в мировоззрении русского человека. Как показано в работе И.И. Еремеева, в древнерусский период она воспринималась как некое «нечистое пространство», страна чародеёв: «Отголоски этого отношения к Полоцкой земле и через все метаморфозы средневековой этнополитической истории — к Литве, а затем Белоруссии очень долго еще сохранялись у населения центральных областей России... образ земель, лежащих “от Дрютьска”, как мифического инобытийного пространства, подпитывался из многих источников. Одним из них, возможно, служило расположение Полотчины на западе Руси, т. е. в том направлении, где, по представлениям восточных славян, располагался ад»¹⁰⁷.

Конечно, выступая против Полоцка, Иван Грозный не затевал поход против адских сил. Но серьезное идеологическое обоснование под свои действия царем и его окружением подвдилось. Нападая на Полоцк, Грозный считал, что борется за торжество православной веры с неверными, впавшими в «люторскую ересь», то есть в грех протестантизма.

С лютеранством русские люди познакомились в Ливонии, где с 1558 г. шла война за балтийские земли. Реформация проникла в Ливонию в начале XVI в. С лета 1521 г. лютеранские проповеди в Риге читает священник собора Св. Петра Андреас Кнопкен. Радикальную интерпретацию реформаторских

учений с конца 1522 г. распространял прибывший в Ригу из Ростка Сильвестр Тегетмейер. В 1523 г. в ответ на письмо рижского синдика Иоанна Ломюллера лидер немецкой Реформации Мартин Лютер выпустил специальное письмо на имя советов Риги, Ревеля и Дерпта и посвятил рижскому совету свое «Толкование на 127 псалом».

Обращение Лютера горожанами Ливонии было воспринято с энтузиазмом. Попытки местной церкви пресечь рост протестантизма были неуклюжими и неэффективными. Рижский архиепископ отправил к императору трех францисканских монахов (Антония Бомховера, Августина Альфреда и Бурхарда Вальдиса). Не застав императора, они взяли инструкции у папы и вернулись в Ливонию в 1524 г. с приказом ликвидировать все проявления новой церкви¹⁰⁸.

Ликвидации не получилось. В 1524 г. по Ливонии прокатываются погромы католических храмов. Горожане громили интерьеры, разбивали украшения и церковную утварь. Защитить соборы получалось только радикальными мерами: так, староста ревельской церкви Св. Николая Генрих Буш спас ее от погромщиков тем, что повелел залить все замки расплавленным свинцом, и никто не смог попасть внутрь. Апокалиптические настроения населения подогревали участвовавшие случаи бегства из католических обителей монахов и монашек, причем последние, к ужасу набожных дворян,

еще и выходили замуж! В 1525 г. из Ревеля с позором изгнали монахов-доминиканцев, погромы происходили в Дерпте, Вендене, Феллине, Пернове. 17 января 1554 г. Вольмарский ландтаг принял решение о свободе вероисповедания в Ливонии. Реформация победила.

Русские воины в Ливонии с изумлением наблюдали протестантские порядки. Ливонские принудительные переселенцы в Россию образовывали слободы (будущие Немецкие слободы) со своим религиозным укладом. Протестантство вызывало негативную реакцию у православных христиан.

В Великом княжестве Литовском Реформация имела куда меньшую распространенность, несмотря на весь религиозный плюрализм, насаждавшийся под влиянием Польши¹⁰⁹. Но Ивану Грозному нужно было придать своей кампании религиозный характер, повторяя удачный опыт Казанской кампании 1551–1552 гг.¹¹⁰ Полочане были православными, но из-за фактической свободы вероисповедания на землях Великого княжества Литовского православные храмы и общины спокойно уживались с католиками, протестантами, иудеями и даже мусульманами и караимами. С точки зрения строгих религиозных нравов на Руси, с древности нетерпимой к малейшим проявлениям ереси, в таких условиях жители Полоцка просто не могли сохранить чистоту веры. Соблазн оказывался неизбежным. Полочан пора было спасать от греха, удержать на краю впадения в ересь.

А.Н. Янушкевич, основываясь на каких-то не очень ясных намеках в переписке короля Сигизмунда, предполагает, что в 1562 г. в Полоцке назревал конфликт между местной православной общиной и протестантами, пользующимися негласной поддержкой властей. Исследователь утверждает, что между православным духовенством Полоцка и Иваном Грозным были прямые контакты и что русско-го царя чуть ли не пригласили напасть на город во имя избавления от «люторов». Аргументов автор приводит два. Первый — делегацию от Полоцка о капитуляции возглавлял владыка Арсений. Но так и должно было бы быть, епископ вполне мог представлять горожан, а его православная конфессиональная принадлежность была смягчающим фактором в трудных

переговорах о сдаче крепости. Второй довод — после взятия Полоцка православное духовенство в Св. Софии служило благодарственный молебен Ивану Грозному об «избавлении от люторов»¹¹¹. Так-то оно так. Но попробовали бы священники сказать что-то иное в разрушенном городе, на службе в храме на замковой горе, с которой открывался прекрасный вид на сожженный посад. В храме, который несколько дней назад сотрясало от грохота русских орудий. Попы делали то, чего хотели победители... Может ли это служить доводом, что они настолько мечтали одержать верх над протестантами, что позвали на помощь Ивана Грозного?

Так или иначе, в августе 1561 г. русская митрополия получила грамоту от константинопольского патриарха Иоасафа, направленную на обличение «люторской ереси»¹¹². В ней указывалось место возникновения новой популяции еретиков: «...в ваших странах в Малой Руси». Ссылка на данную грамоту в летописи служила официальным обоснованием «антилюторской» мотивации похода на Полоцк. Иван IV выступил, как бы исполняя волю владыки православного мира, константинопольского патриарха. По словам летописца, жители ВКЛ «Люторство восприяша... по своим похотем учинили себе и избрали люторей и их прелесное учение приняли». В Полоцке даже истинно верующие христиане были вынуждены не держать дома икон из-за угрозы их поругания лютеранами, «...якоже ни в срацынской вере в турках, ни в бусурманских языцех таково святым иконам поругание не обретается»¹¹³.

Поэтому подготовка к Полоцкому походу была обставлена как религиозный ритуал, элемент священной войны. Конечно, остается открытым вопрос, насколько все происходило на практике, а насколько — представлено в нарративе. Но, видимо, большинство символических актов имело место и соответствующим образом воспринималось современниками. Д.М. Володихин обратил внимание на позднее известие Пискаревского летописца: о том, что «...в преддверии похода народу и армии было объявлено о чудесном видении брату царя, кн. Юрию Васильевичу, и митрополиту Макарию о неизбежном падении Полоцка»¹¹⁴. Царь перед походом свершил молебны в Успенском соборе,

где венчался на царство; в Архангельском соборе Кремля, освященном в честь архангела-воителя Михаила, покровителя русского войска; в церкви митрополита Алексия Чудова монастыря, одного из основателей Московской державы. Царь поклоняется иконе Владимирской Божьей матери (спасшей Русскую землю от нашествия Тамерлана); прародителям — князьям-Калитичам, построившим Московское государство; чудотворцам-митрополитам Петру и Ионе, помогавшим в этом Калитичам. Число святых, которым возносились молитвы за победу русского воинства в Полоцком походе, в других источниках расширено. В послании митрополита Пимена в январе 1563 г. упоминаются московские чудотворцы-митрополиты Петр, Алексей и Иона, чудотворцы новгородские епископы Никита и Иоанн, Сергей Радонежский, Варлаам Хутынский, Кирилл Белозерский и Михаил Клопский¹¹⁵. В частных разрядных книгах к ним добавлены Пафнутий Боровский, Дмитрий Прилуцкий, Павел Обнорский, Александр Свирский и даже князь Владимир-Креститель, Борис и Глеб, Михаил Черниговский и боярин его Федор¹¹⁶.

После этого крестный ход во главе с государем отправился на Арбат, к церкви Бориса и Глеба, причем впереди несли образ Богоматери, бывший с Дмитрием Донским на Куликовом поле, когда он победил «безбожного Мамаю»¹¹⁷. Историческая аллюзия здесь была более чем прозрачной: ведь литовцы были союзниками Мамаю и просто не успели к нему на помощь в 1380 г. Теперь же, в 1562 г., царь символически сравнивался с «царем Дмитрием Ивановичем Донским», а полочане — с татарами Мамаю!

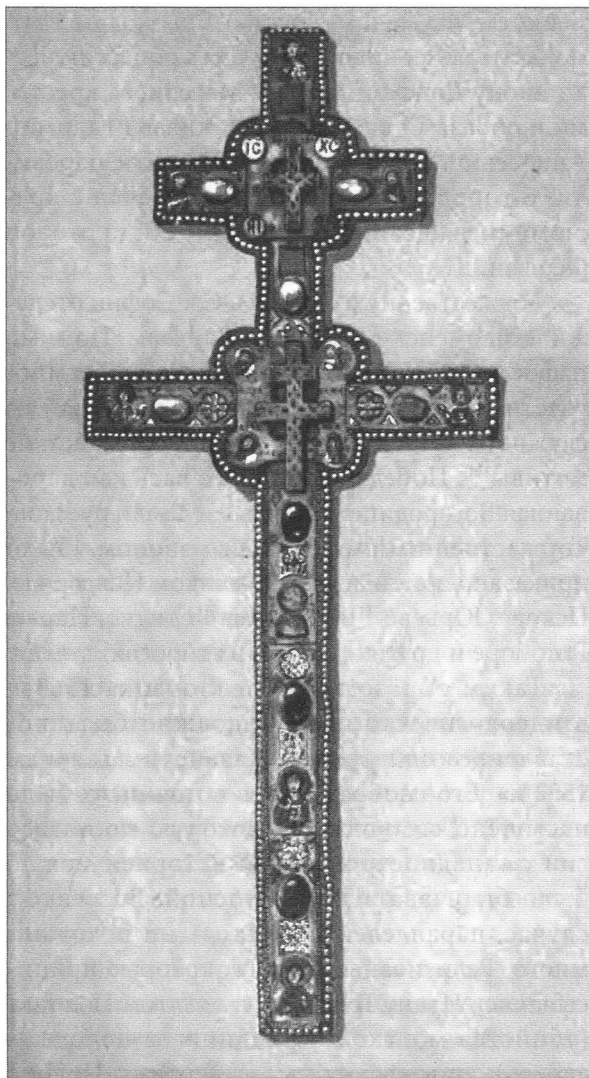
Иван Грозный взял с собой в поход несколько святынь: вышеупомянутую икону Донской Богоматери, Колоцкую икону Богородицы и крест Ефросиньи Полоцкой. Крест был сделан в 1161 г. мастером Лазарем Богшей по заказу княгини Ефросиньи. Его шестиконечная форма символизировала шесть дней творения мира. Крест был украшен драгоценными камнями и металлами. Изображения Иисуса Христа, Богородицы, Иоанна Предтечи, Архангелов Михаила и Гавриила, четырех евангелистов, апостолов Петра и Павла, святой Ефросиньи и других святых угодников были

выполнены на пластинах перегородчатой эмали. Особую ценность реликвии придавали частицы святых мощей, размещенные в Кресте. На лицевой стороне — Кровь Христа в верхнем перекрестье, «Древо Животворящее» в нижнем перекрестье. На обратной стороне — камень от Гроба Пресвятой Богородицы в верхнем перекрестье, частица Гроба Господня в нижнем перекрестье. В Крест вложена также кровь святого Дмитрия, частицы мощей святого великомученика и целителя Пантелеймона и иных угодников Божиих.

В 1222 г. смоленский князь Мстислав Давыдович вывез крест Св. Ефросиньи из Полоцка в Смоленск. В 1514 г. русскими войсками Смоленск был взят и включен в состав Российского государства. И вот теперь в 1562 г. православный царь своим походом на впавший в грех Полоцк выполнял особую, Богом освященную миссию: возвращал утраченную святыню, крестом собирал Русь заново. На кресте была надпись: «Да не износит его ис тое церкви никтоже, егда же кто его из церкви изнесет, да примет с тем суд в день судный». Святыню забрали завоеватели — смоляне, «суд» над которыми свершился в 1514 г., они были покорены Москвой, крест забрал Василий III, и теперь обновленную реликвию взял с собой Иван IV, «...имея надежду... на крестьяную силу победити враги своя»¹¹⁸.

По С. Богатыреву, обращение при взятии Полоцка к культу Св. Софии и к теме креста св. Ефросиньи обуславливало идеологические параллели между покорением Полоцка и возрождением Иерусалима Христом силой креста¹¹⁹. Риторика этого «крестового похода», как показал Я. Пеленский, содержала идею репрезентации Москвы как «второго Киева»¹²⁰. С. Богатырев уточнил это наблюдение, обратив внимание на роль образа Св. Софии в идеологии Полоцкой кампании: взятием Полоцка делался шаг к восстановлению древнерусского единения трех Софий (Новгородской, Полоцкой, Киевской)¹²¹.

Еще с эпохи Киевской Руси в памятниках древнерусской литературы присутствует образ приносящего победу креста. В Лондонском списке «Повести о Мамаевом побоище» Дмитрий перед битвой вздымает в небо в поднятых руках крест и напоминает тем

Крест Ефросиньи. Рисунок

самым и Моисея, и Константина с крестом¹²². «Крест Константина» фигурирует в Послании Вассиана Рыло на Угру 1480 г. Эпизод с явлением креста накануне битвы Константина и Максентия был включен в Великие Четьи Минеи¹²³. Тема явления креста, приносящего воинскую удачу, связанная с образами легенды о Константине, в русской средневековой литературной традиции XVI в. была особо распространена в кругу митрополита Макария. В Степенной книге фигурируют «знамения крестные», предвещавшие победы Владимира Мономаха, прообразом которого мыслился все тот же Константин. Как подчеркнуто

М. Плюхановой, именно «в качестве символа и орудия русской власти неоднократно упоминается "крестоносная хоругвь Русских самодержателей"»¹²⁴. В пастырском послании новгородского архиепископа Пимена Ивану IV, благословляющем на взятие Полоцка, от 24 января 1563 г. также говорится о чудодейственной силе константинова «животворящего креста»: «Тако же бы ныне и тебе, Государю нашему, Бог подаровал, яко благочестивому и равноапостольному великому Царю Константину, иже крестом честным победи мучителя Максентия и многа исправления к церквам Божиим предаст». Царь силой оружия должен низложить «врагов Креста Христова»: «хрестьянских врагов икоборцов, богоотступных латынь, и поганых немец, и литовские прелести еретиков» (если с протестантами-иконоборцами, католиками-латинянами и еретиками-литовцами тут все более-менее ясно, то что имеется в виду под немцами-язычниками в XVI в., остается только предполагать)¹²⁵.

Покорение Полоцка, таким образом, в русском нарративе было представлено как богоугодная миссия, своего рода обязанность православного царя, который не может потворствовать греху. Такая же мотивация была помещена и в летопись, и в посольские документы, как обоснование легитимности действий Ивана Грозного. Летописец пишет, что государь напал на Полоцк: «...за его многие неправды и неисправления, наипаче же горя сердцем о святых иконах и о святых храмах священных, иже безбожная Литва поклонение святых икон отвергъше, святые иконы пощепали и многая поругания святым иконам учинили, и церкви разорили и пожгли, и хрестьянскую веру и закон оставыше и поправше и Люторство восприяша... а неправды же королевь и неисправление: в грамотах своих пишет ко царю и великому князю со укореением непригожие многие слова, и царское имя, что ему государю дал Бог... и король того имени сполна не описует, да он же вступается во оборону за исконивечную цареву и великого князя вотчину Вифлянскую землю»¹²⁶.

На переговорах с литовцами 11 декабря 1563 г. дьяк А.Я. Щелкалов говорил: «Повинности христианские стережем по преданию святых апостол и святых вселенских

святых отец семи соборов непорочно и чисто сохраняем, а приказанья Божиаго и повинности христианские в той земле (Полоцкой. — А.Ф.) не стерегут, где Бога видети исповедуют, дел же его отмещутца, мерсцы суще и на всяко дело благо не искусны, якож Анний и Абрий противи стася Моисею, тако и сии противятца истинне»¹²⁷.

В летописи действия царя и его воинства под Полоцком изображены в символическом ключе. Резиденция Ивана Грозного была устроена в разрушенном Борисоглебском монастыре, под Полоцком. Там царь молился и трапезничал¹²⁸. Здесь летописец явно рифмует арбатскую церковь Бориса и Глеба, от которой начался поход, и полоцкий Борисоглебский монастырь, где он закончился.

Покровительство Богородицы играет решающую роль в осадных боях. Полоцкая крепость ответила огнем на появление русских войск под ее стенами: «Многие же пушечные ядра летяху на монастырь, и в сени перед пеколню межю дворян государьских паде ядро. И через царев и великого князя полк многие ядра падоша, яко дождь, Божиим же заступлением и Пречистыя Богородица и великих молитвами в царевице и великого князя полку и в воеводских полках из наряду не убиша никакова человека»¹²⁹.

Вхождение Ивана IV во взятый Полоцк было оформлено как крестный ход. Сам государь слез с коня у острожного рва. Далее в город «по погорелому посаду» пошел ход во главе с коломенским епископом Варлаамом, архимандритом Чудовского монастыря

Левкием, игуменом Иосифо-Волоколамского монастыря Леонидом. Впереди процессии несли икону Донской Божьей Матери, за крестами и образами шел сам царь, князь Владимир Андреевич, новокрещенные татарские царицы. В городских воротах их встречал с крестами и священниками Софийский протопоп Феофан.

Торжественную службу в Св. Софии отслужил коломенский епископ Варлаам. Помимо пафоса возвращения царской отчины и многолетия государя, поздравлений с победой на службе отчетливо звучали антипротестантские мотивы¹³⁰. Победа воспринималась как дарованная Богородицей и святыми Земли русской. Торжественные молебны «со звоном» было приказано организовать в Великом Новгороде, Пскове, Юрьеве Ливонском, Феллине, Нарве, Ракоборе и других ливонских городах¹³¹.

Таким образом, взятие Полоцка 1563 г. в идеологическом плане должно быть поставлено в один ряд с «Казанским взятием 1552 г.». Его изображение в источниках было насыщено символикой, которую по аналогии с западноевропейской историей можно было бы назвать крестоносной. Во всяком случае, параллелей с крестовыми походами много. Религиозные чистки, которые приписывались Ивану Грозному во взятom Полоцке (убийства монахов-бернадинов и полоцких евреев), вписываются в эту картину. Полоцк был в русском сознании древнерусской вотчиной Рюриковичей, и его присоединение в 1563 г. — актом Божественной и исторической справедливости.

ГЛАВА 3. ПОХОД ИВАНА ГРОЗНОГО В 1562–1563 гг.

Кто защищал Полоцк?

Разведку боем в направлении Полоцка русские провели весной 1562 г. Видимо, в марте состоялся набег на полоцкие земли, сопровождавшийся сжиганием сел и уводом большого полона. Оборона ВКЛ не сработала никак. Лишь задним числом, 2 апреля, рассылались грамоты по украинным рубежам, чтобы войска в замках были «в осторожности», и о сборах средств на содержание этих войск¹³². 6 апреля король приказал нанести ответные удары по российским приграничным землям, используя казаков и местную шляхту¹³³.

Основной проблемой ВКЛ продолжало оставаться финансовое обеспечение армии. Вступив в 1561 г. в войну с Россией за Ливонию, княжество крайне нуждалось в постоянных воинских контингентах. Дворянское ополчение могло быть использовано в больших походах (если его удавалось собрать) и для обороны местностей, в которых дворянство проживало и имело земли. Для пограничных территорий это означало наличие шляхетских отрядов для частичной обороны рубежей и краткосрочных рейдов (набегов) на территорию противника. Этого, вместе с небольшими наемными контингентами в городских гарнизонах, в обычное время было вполне достаточно. В условиях большой войны с Россией ресурсов явно не хватало: граница фактически не была защищена (что и доказывают вольготные рейды русских по территории ВКЛ), а города чувствовали себя спокойно только в случае, если под их стенами не появлялся большое русское войско с артиллерией.

Память о потере Смоленска оптимизма не внушала.

В 1562 г. Корона предпринимает много усилий, чтобы собирать деньги на войско. Вводится целый ряд новых пошлин и поборов (с продаж, посевов, ремесленных изделий), которые должны идти на военные нужды¹³⁴. Однако слабость взаимодействия центральных и местных административных структур ВКЛ приводила к слабой собираемости податей: судя по многочисленным грамотам, рассылаемым в 1562 г. от имени Сигизмунда II Августа и местных администраций, обеспечить сбор средств на нужном уровне никак не удавалось. Введение многочисленных мелких дробных поборов еще больше запутывало систему.

Прибывшие в Полоцк летом 1562 г. польские роты жаловались на дороговизну, что они не могут обеспечить провиантом ни себя, ни лошадей. Был послан специальный чиновник, Баркулаб Корсак, который должен был следить за «справедливостью» в отношении поляков, чтобы их не обижали и давали «справедливую цену»¹³⁵.

Властями ВКЛ в 1562 г. предпринимались меры по усилению военного потенциала приграничных областей. Проводился наем казаков, посылались наемные польские роты, в Полоцк было приказано перебросить артиллерию («стрельбу»)¹³⁶. Но в принципе правильные распоряжения исполнялись из рук вон плохо. В декабре 1562 г., когда войско Ивана Грозного уже двигалось к Полоцку, для охраны рубежей не была выслана сторожевая служба: в Мстиславль и Оршу ее

должен был послать (но послал ли?) моголевский наместник, а в Полоцк и Озерище «мело было послано, але не послано»¹³⁷. На 19 декабря (Никола зимний) в Минске намечался сбор «рушения», дворянского ополчения, который полностью провалился: к январю 1563 г. «многие еще до его милости на том до Менъска не приехали и в домах своих позоставались»¹³⁸.

Как можно оценить оборонительные возможности самого Полоцка? А.Н. Янушкевич называет его «одной из наиболее укрепленных крепостей на территории Восточной Беларуси»¹³⁹, что, наверное, может быть принято, только если считать положение в других крепостях еще более худшим. Городская и замковая артиллерия, как показано в предыдущей главе, была слабой, устаревшей, малокалиберной и серьезных неприятностей осаждавшим доставить не могла. Полочане в общей сложности могли выставить 23 орудия разного качества и калибра, 4 мортиры и 87 гаковниц¹⁴⁰. Чтобы отразить штурм многотысячной армии, этого было недостаточно. Деревянная крепость над Западной Двиной могла выдержать долгую осаду не очень многочисленного войска без крупнокалиберной артиллерии (что, собственно, уже бывало — в первой половине XVI в. Полоцк выдерживал не одно русское нападение). Но непрерывный штурм многочисленного воинства с тяжелой осадной артиллерией не оставлял городу никаких шансов. Наиболее боеспособными частями гарнизона были наемные польские роты, но они насчитывали несколько сот человек. Дворянское ополчение в городе в момент осады оказалось немногочисленным — это видно из того, что в вылазке, которую пытались организовать полочане, участвовало всего около 800 человек.

А.Л. Хорошкевич приводит данные иностранных источников, что в момент осады в Полоцке было 6000 воинов, из них 750 конных и 700 пеших поляков, остальные — из ВКЛ¹⁴¹. На наш взгляд, эти сведения преувеличены (получается, что воины, взрослые мужчины, составляли чуть ли не половину населения Полоцка, что нереально). Более правильными кажутся данные, что к моменту начала осады в наличии было всего около

1600–2000 воинов ВКЛ и 400–500 поляков¹⁴². В любом случае защитников Полоцка было в разы меньше, чем нападавших. Город был обречен.

Кто шел в поход на Полоцк?

Основные сведения о составе русской армии в Полоцком походе мы черпаем из так называемой «Книги Полоцкого похода» (далее — КПП), составленной одновременно с событиями или чуть позже (бумага, на которой написана КПП, датируется 1560-ми гг.)¹⁴³. Правда, остается открытым вопрос о том, в какой мере «Книга Полоцкого похода» может считаться надежным источником. Впервые рукопись была опубликована в 1885 г. А.П. Сапуновым¹⁴⁴, затем издана К.В. Петровым¹⁴⁵ и К.В. Барановым¹⁴⁶.

Исследователями неоднократно отмечались пропуски и явные ошибки в тексте¹⁴⁷. Как справедливо отметил В.М. Воробьев, «... обнаружился ряд существенных вопросов к числовым данным текста публикации»¹⁴⁸. Следует согласиться с К.В. Петровым, что «книга представляет собой вторичный документ, составленный на основе первичных черновых материалов, которыми, скорее всего, были столбовые росписи»¹⁴⁹. Полемику между В.М. Воробьевым и К.В. Петровым о том, нужно ли считать КПП официальным документом, мы здесь рассматривать не будем¹⁵⁰.

В КПП много пропусков: не описан «наряд» (есть только роспись отряда сопровождения «наряда»), нет росписи стрельцов (которые несомненно участвовали в походе). Мало того, цифры, приведенные в тексте, явно не всегда достоверны. Попытки пересчитать данные вслед за дьяками Ивана Грозного выявили, что с математикой у них было неважно: в целом ряде случаев сумма приведенной численности отдельных отрядов не совпадает с итоговой цифрой, которую вывел дьяк. Государевы дьяки могли бы подходить к подсчетам более ответственно (см. Приложение 2, Таблицу 2).

Но проблема не только в этом. 60 % приводимых в источнике данных о количестве воинов в тех или иных отрядах кратны 10 и 5 (117 из 195, причем с преобладанием кратности 10). Когда 60 % показателей численности войска составляют круглые цифры,

в них стоит усомниться — перед нами явно не реальные подсчеты, а скорее разрядка: сколько должно было бы быть. Ведь по КПП мы знаем, что войска расписывались по полкам как минимум четырежды: после 22 сентября 1562 г. в Москве (предварительный расклад), 7 декабря 1562 г. в Можайске (судя по тексту, именно эту роспись отражает текст КПП), между 5 и 8 января 1563 г. в Великих Луках. После 18 января планировался смотр на Невеле, который был отменен из-за заторов и плохого сбора войск. Поэтому его перенесли под Полоцк (состоялся 2 февраля)¹⁵¹.

О чем это говорит? Прежде всего — войску велся строгий учет, который возобновлялся после каждого перехода, способного повлиять на численность полков (отставшие, больные и т. д.). С другой стороны, для смотра готовились предварительные списки (видимо, таким и является список КПП). Поскольку мы не располагаем итоговыми списками со всех четырех смотров, мы можем определить численность русских войск под Полоцком приблизительно, только ее порядок. Вопрос о способах подсчета является полемическим, у ученых получают разные цифры, которые, впрочем, все колеблются в районе 30 000¹⁵². По нашим подсчетам, по данным КПП в войске Ивана Грозного, выступившим под Полоцк, должно было быть 31 214 человек. Без пушкарей, стрельцов, кошевых-обозных, посохи и иных «невидимок», неучтенного контингента. Есть также данные КПП на даточных людей — «лыжная рать» («на ртах ходили») — 1195.

И — самая главная интрига этих подсчетов — получается, что в этих цифрах нет учета боевых холопов, вооруженных слуг, которые по Уложению о службе 1556 г. и данным десятен должны были бы сопровождать детей боярских в походах. Холопы в КПП, в росписи войска отсутствуют — только дети боярские, казаки, даточные люди, служилые татары. Между тем, это вопрос принципиальный — от него зависит определение численности русского войска в Полоцком походе. Ведь тогда численность дворянской конницы надо умножить как минимум на два.

С одной стороны, ряд ученых (Р.Г. Скрынников, А.Н. Лобин, Д.М. Володихин)¹⁵³ отрицают, что в КПП в числе «дворовых и городских»

от местностей могли быть подсчитаны вместе, одной цифрой, дворяне и их холопы-послужильцы. То есть, по их мнению, к количеству дворян, указанных в КПП, надо приплюсовать сумму и увеличивать состав войска как минимум вдвое¹⁵⁴. Если мы примем тезис А.Н. Лобина, что «...нет оснований определять среднее соотношение “помещик — боевой слуга для XVI столетия иначе, чем 1:1”¹⁵⁵, все равно это означает, что к 30 000 надо плюсовать около 20 000–25 000.

В историографии представлена и иная точка зрения (О.А. Курбатов, Н.В. Смирнов), что нормы Уложения 1556 г. не выполнялись. Оба исследователя пришли к одинаковым выводам: «Наличие боевых слуг (холопов) у дворян и детей боярских уже на завершающем этапе Ливонской войны было скорее исключением, нежели правилом. Доля их в составе русской поместной конницы была очень незначительна» (Н.В. Смирнов)¹⁵⁶. Но, по мнению авторов, так стало к концу войны, а в середине XVI в. боевые слуги составляли значительную часть войска. В каком-то (возможно, немало) количестве они, вне всяких сомнений, участвовали в Полоцком походе — а это означает, что КПП их не фиксирует, и мы должны пускаться в зыбкое море теоретических расчетов.

В то же время нельзя не согласиться с О.А. Курбатовым, утверждавшим, что без включения в подсчеты боевых холопов КПП как документ, учитывающий состав войска, просто теряет смысл. Что это за роспись войска, если в нем не учитывается его чуть ли не половина? Ученый правильно замечает: «Можно подумать, что воеводам в начале похода было важнее узнать уровень явки детей боярских... а не “сметить” реальную боевую силу сотен»¹⁵⁷. Он приводит примеры воинской документации, показывающей, что в случае сбора войска перед походом проходили смотры и производился подсчет реальной воинской силы, которую затем распределяли по полкам. Сословный принцип здесь явно был вторичен, так как такие «частичные» сметы не имеют практического значения. По ним невозможно ни четко определить военный потенциал, ни расписать полки, ни сверить нормы снабжения и т. д. Аналогичную точку зрения ранее высказывал С.М. Каштанов¹⁵⁸.

Таким образом, у нас, собственно, три варианта решения проблемы упоминания/неупоминания служилых холопов в КПП: 1) они «невидимки», фигуры умолчания; 2) они подсчитаны вместе с выбором детей боярских дворовых и городских; 3) КПП — дефектный источник неясного предназначения, поэтому невозможно установить, почему там нет служилых холопов или каким образом они записаны. Заметим, что первый и третий варианты неизбежно сливаются, потому что если мы примем первый вариант, то должны будем объяснить, зачем нужна такая странная «фрагментарная» запись состава войска. А объяснение может быть только одно: «мы не понимаем» характера КПП, и вообще она — источник малодостоверный. С «сословной» точки зрения правильным кажется первый вариант, но с военной и делопроизводственной — третий. Отдельная роспись дворян по полкам предполагает, что тогда холопов надо писать особым отрядом (как писали служилых татар, казаков и т. д.). Но таких отдельных «холопных полков» в середине XVI в. не известно ни по каким источникам. По десятням и другим документам учета русского войска дворяне и их холопы-послужильцы на смотрах записываются подряд, последовательно — помещик, сколько он выставил послужильцев, размер поместья и денежного жалования и т. д. Эти сведения не разносились по разным разделам. Поэтому кажется предпочтительней версия, что холопы-послужильцы были все же учтены в КПП.

Что говорят о численности русского войска другие источники? Поход, видимо, в самом деле был крупным. Согласно Никоновской летописи, «понеже бо слышахом, а иные и ведом, з государем было под Полоцком войска... с четьреста тысяч. Литва бо вся подрожала от страху от многово войска»¹⁵⁹. А.Л. Хорошкевич приводит свидетельство анонима, итальянского подданного этрусского князя Космо I, что войско Ивана IV насчитывало 200 000. Эта же цифра содержится в рукописной газете, хранившейся в архиве каноника мюнстерского собора в Цюрихе Йоганна Якоба Вика. А вот послание анонима из Базеля в Цюрих от 4 марта 1563 г. определяет размеры царского войска в 150 000 человек¹⁶⁰. В немецких «летучих листках» упоминаются цифры

200 000, 260 000, 300 000 человек¹⁶¹. Как показано А. Каппелером, для европейских «летучих листков» вообще было характерно оперировать цифрами не меньшими, чем в несколько сот тысяч человек¹⁶².

Данные цифры, несомненно, очень сильно завышены. 300–400 тысяч человек в походе в дальние земли — это от 600 000 до чуть ли не миллиона лошадей (считая обозных, пристяжных, запасных и т. д.). Исследователи, которые некритически воспроизводят эти цифры, почему-то совершенно не задумываются, что эти сотни тысяч лошадей ели бы в заснеженной Полотчине в январе-феврале 1563 г. Травы нет, то есть все питание — сено, конфискованное у местного сельского населения. Крайне сомнительно, чтобы полоцкое крестьянство в ожидании русского вторжения заранее заготовило бы такое количество сена. Использовать же запасы, заготовленные сельскими жителями для своих нужд, было недостаточно: вряд ли у полоцких крестьян для себя были заготовлены объемы сена «для прокорма сотен тысяч лошадей» — у них просто не было столько своих лошадей. Есть, конечно, вариант, что русские привезли сено с собой — но только не для месячного прокорма нескольких сотен тысяч лошадей. Как говорится, будем реалистами.

Заметим также, что приведенные в КПП размеры полков, даже если добавлять сюда служилых холопов, стрельцов, пушкарей и т. д., все равно не позволят выйти на уровень рати в несколько сот тысяч человек. В пользу этой цифры говорят и размеры полков, которые никак не соответствуют гигантским цифрам нарративных источников: согласно КПП, в государевом полку было 6178 человек, в большом — 5779, полку правой руки — 3979, передовом — 4112, левой руки — 2008, сторожевом — 3595, ертоуле — 1877, боевое охранение наряда — 2491. Опять встает вопрос — входят ли в эти цифры боевые холопы? Нам кажется, что должны входить. Иначе сам по себе подсчет численности полков теряет смысл — его нельзя использовать ни для организации марша, ни для распределения сил по полкам, ни для тактических перемещений войск.

Никоновская летопись говорит, что в Полоцком походе участвовали

12 000 стрельцов¹⁶³. Следует согласиться с А.Н. Лобиним, что цифра совершенно нереальная. Средний размер стрелецкого подразделения, «приказа», в середине XVI в. — 500 человек. 24 стрелецких приказа под Полоцком в 1563 г. — сюжет из области фантастики, потому что столько приказов при Иване Грозном просто не было, этого количества московские стрельцы достигнут только через 100 лет при Алексее Михайловиче. А.Н. Лобин справедливо указывает, что мы знаем стрелецкие приказы, которые были в Полоцком походе. Это части под командованием Ивана Голохвастова, Василия Пивова, Ивана Мячкова, Федора Булгакова, Григория Кафтырева, Богдана Болтина, Романа Пивова, Осана Гурьева. Это восемь приказов, то есть около 4000 человек¹⁶⁴.

Д.М. Володихин и Д.Н. Александров определяют общее количество собственно вооруженных воинов в 50–60 тыс. чел. Их сопровождало «целое море» посохи¹⁶⁵. Размеры этого «моря» можно уточнить: по летописному Своду Корнилия, посохи было 80 900 человек, «а посошанам во Пскове давали коневником по 5 рублей, а пешим по 2 рубля»¹⁶⁶. Учитывая, что тогда затраты только на посоху должны были составить гигантскую сумму более чем 160 000 рублей, думается, что и этих «чернорабочих войны» в походе было гораздо меньше. Восемьдесят тысяч посохи плюс обоз-кош — чем кормить всю эту массу людей и лошадей в январских полоцких лесах? Сколько времени они будут идти по заснеженным лесным дорогам, причем зачастую посоха тортила эту дорогу перед собой, мосты мостила и гати гатила? Где они будут ночевать? Ведь под Полоцк прибыло не измученное на марше, а сытое, боеспособное и энергичное войско. Даже если представить, что 81 000 посохи шло колонной по пять человек в ряд (что на самом деле в XVI веке невозможно, набранные в посоху крестьяне — не гренадеры XIX в., да и вряд ли они шли пешком — скорее всего ехали на телегах или в ручную тащили пушки), то такая колонна с неизбежными интервалами между отрядами растянулась бы минимум на 10–15 км. На телегах — раза в три длинней. Такие данные совсем не соответствуют тому стремительному маршу, который войско Ивана Грозного проделало под Полоцк. На наш взгляд, следует

согласиться с В.В. Пенским и поддержавшим его А.Н. Лобиним, что здесь ошибка писца и 80 900 следует читать как 8900¹⁶⁷.

Наконец, сколько под Полоцком было русских орудий? С легкой руки М. Стрыйковского¹⁶⁸ из книги в книгу кочует цифра в 200 орудий¹⁶⁹. Впрочем, это не предел: поздняя «Кройника литовская и жмойтская...» сообщает о 1000 русских пушек под Полоцком¹⁷⁰. В немецких «летучих листках» о взятии Полоцка фигурирует та же цифра в 150–200 орудий¹⁷¹. По подсчетам А.Н. Лобина, которые представляются хорошо аргументированными, в войске Ивана Грозного под Полоцком «...принимали участие не меньше 40 пушек... и 100–110 пищалей, т. е. всего не больше 150 орудий. Примерно такое же количество стволов было под Казанью в 1552 году». Ученый указывает, что «...огнестрельный наряд» 1563 г. являлся самым мощным из собранного Россией в заграничный поход в XVI–XVII вв.»¹⁷².

Русская рать на марше

Плохая организация обороны ВКЛ не означала, что русскую армию в Полоцкой земле ждала легкая прогулка. Ведь поход нужно было организовать. Россия в казанских кампаниях конца XV — середины XVI вв. имела опыт переброски на большое расстояние крупных воинских контингентов на восток. Но это была переброска по сравнительно безлюдной местности, без серьезных рубежей обороны, с широкими возможностями маневра. Войска были фактически не ограничены в выборе маршрутов и направлений движения. Проблема заключалась только в обеспечении продовольствием: обоза не хватало, воины промышляли охотой или питались за счет местного населения.

В качестве иллюстрации можно привести описание марша на Казань 1552 г., содержащееся в «Истории о делах великого князя московского» князя Андрея Курбского. Он был вторым воеводой полка правой руки в подчинении П.М. Щенятева¹⁷³. В своем сочинении князь описывает трудный путь с многотысячным (по разным спискам от 13 000 до 30 000)¹⁷⁴ войском через Рязанскую, Мещерскую земли, Мордовские леса «на великое дикое поле». Полк шел с фланга основных сил русской

армии, параллельно им, в пяти переходах, за-слоня главные полки от нападений ногаев. Поход длился пять недель, протекал «с гладом и с нуждою многою». Продовольствие закончилось за 9 дней до конца пути. Однако «Господь Бог препитал нас и войско ово рыбами, ово иными зверми, бо в пустых тех полях зело много в реках рыб». Положение улучшилось только при достижении р. Суры, когда полк вступил в черемисскую землю и смог покупать провизию у местного населения: «Черемиский хлеб сладостнейший паче драгоценных колацеи обретется». При этом Курбский подчеркивает возможности маневра для войска: «...шли есмя войском осм дней полями дикими и дубровами, негде и лесами, а сел со живущими зело мало»¹⁷⁵.

В случае похода на Полоцк (равно как и в смоленских походах 1512–1514 гг.) ситуация была принципиально иной: армии надлежало пройти на запад через густонаселенную местность с крепостями, городами и многочисленными селами. Необходимо было при этом обеспечить скрытность, иначе замысел русского командования был бы разоблачен еще на марше и ВКЛ смогло бы организовать оборону. Это означало, что войско должно было бы идти очень узким коридором, выверенной дорогой между пунктами пограничной стражи, чтобы его не заметили как можно дальше. Такой коридор предполагал использование имеющихся дорог или прокладывание новых — потому что конники, пешие и обоз могут идти друг за другом по дороге, но вряд ли смогут это сделать через поля и леса, по целине — там люди, кони и повозки неизбежно нарушают походный строй и рассыпаются по местности. А этого допустить было нельзя.

Появление КПП в этом плане не случайно. Она отражает ту сложную и крупномасштабную организационную работу, которую сегодня назвали бы военной логистикой, без которой поход был невозможен. Марш русских войск к Полоцку нужно было четко и максимально детально организовать. Для этого была необходима подробная роспись всего воинского контингента и его действий, как говорится, «по шагам».

Иван IV приказал армии везти все продовольствие с собой, не допускать по мере

продвижения грабежа местного населения. Сделано это было для соблюдения относительной скрытности похода: если бы московское войско начало громить окрестности, слухи об этом распространились бы быстрее, чем армия дошла бы до Полоцка.

Подготовка к походу началась осенью 1562 г.¹⁷⁶ Под 5 сентября Никоновская летопись упоминает, что Иван IV «стоял» в Можайске для «своего дела литовского»¹⁷⁷. 22 сентября государь приказал «царю Семиону и воеводам Ивану Дмитриевичу Бельскому с товарищи по розписи службу сказывати, кому в котором полку быти и в которых городех кому збиратися, да дворяном и детем боярским где которым быти»¹⁷⁸. В ноябре возвращение домой литовского гонца Сенки Алексева строго контролировалось, чтобы он ехал «по тому, которою дорогой приехал, чтобы на государеву рать вести не дал»¹⁷⁹.

Молебен, знаменовавший начало Полоцкого похода, состоялся в московских храмах 30 ноября. 4 декабря (по КПП) или 5 декабря (по летописи) царь пришел в Можайск. Войска, кроме Можайска, собирались в разных пунктах: Старице, Звенигороде, Боровске, Ярославце, Кременце, Калуге, Верее, Вышгороде, Старой Руссе, Волоке Ламском, Холму, Погорелом городище, Зубцове, Ржеве, Молвятицах, Пскове, Вязьме и др. Точкой сбора были назначены Великие Луки¹⁸⁰. 7 декабря была проведена первая роспись по полкам и назначены полковые воеводы¹⁸¹.

17 декабря царь вышел из Можайска в Торопец, а из Торопца пошел к Лукам, куда и прибыл 5 января. Д.М. Володихин дает высокие оценки организации марша русской армии к Лукам: «Это образец гибкости и слаженности военной машины Московского государства, удивительный даже и для последующих столетий. Из истории западноевропейского военного искусства в один ряд с подготовкой и сбором войск Ивана IV в зимнюю кампанию 1562–1563 гг. можно поставить, пожалуй, один лишь знаменитый марш армии Оливера Кромвеля к Вустеру»¹⁸².

Однако столь высокие оценки несколько противоречат сведениям источников. Согласно летописи, часть войск «не поспела» прийти к Лукам в срок. Промедление было опасным:

долго скрывать перемещения крупных воинских контингентов на литовской границе было невозможно. Русское командование и не рассчитывало, что в ВКЛ не узнают о нападении. Важно было, чтобы о нем узнали как можно позже, а марш был бы стремительным. Тогда «посполитое рушение» не успело бы собраться и пришлось бы иметь дело с незначительными, локальными силами. Этот расчет полностью оправдался.

В Великих Луках состоялся смотр прибывших войск и их распределение по полкам: «...и росписал государь бояр и воевод и детей боярских по полком, и головы с людьми и сторожи и дозорщики и все чины полковые служебные устроил... и запасы свои и конские повеле всему воинству с собою имати довольно на всю зиму и до весны. Занеже идти и до Полоцка месты пустыми, тесными и непроходными: и дорогу перед собою велел чиститу, а под наряд по рекам мосты делати... понеже до та дорога лесна и тесна»¹⁸³.

Такая организация похода сразу же делала его крайне затруднительным. Что означало требование все везти с собой? В день воин должен был потреблять не менее 1 кг хлеба или его эквивалентов. Значит, дневное продовольствие на 30-тысячную армию весит 30 тонн. Поход Ивана Грозного длился с 5 января (день сбора на Луках) по 15 февраля. То есть минимальный вес продовольствия для дворянской конницы, которое она потащила на себе, — 1200 тонн. Это не считая стрельцов, пушкарей, посохи, обозных, которые тоже питались не святым духом.

30-тысячная конная армия вела с собой не менее 60 000 лошадей (не считая обозных, вьючных и т. д.). Рацион лошади в день — не менее 5 кг овса и 10–12 кг сена. Значит, к 1200 тонн хлеба добавляем еще 300 тонн овса и 720 тонн сена. И это только для дворянской конницы. При этом мы не подсчитали оружие, боеприпасы, инструменты для починки оружия, другое продовольствие (на одной мучной болтушке войско полтора месяца не продержалось бы), шатры, предметы роскоши, которые везли знатные воины. Получается огромный обоз в несколько сотен, если не тысяч подвод (грузоподъемность одной подводы 200–250 кг).

В 1563 г. литовское посольство Ю. Ходкевича в 360 человек требовало для проезда от русской границы до Москвы 130 подвод, а им дали 50¹⁸⁴. Получается от 3 до 7 человек на подводу (с грузом, необходимым для их снабжения в пути). А ведь это посольство, которое не тащит с собой от границы весь провиант — его должны кормить приставы по дороге из корма, поставляемого населением. И послы не везут в большом количестве доспехи, оружие, боеприпасы. Данная пропорция, устанавливаемая по «посольскому поезду», носит, несомненно, условный характер, но все-таки некоторое представление о потребности в подводах и размерах обоза при переездах на большие расстояния в XVI веке дает.

И такой гигантский обоз-кош надо вести по свежепроложенным зимним дорогам в полоцких лесах с максимально возможной скоростью. А ведь еще артиллерия! Думается, что эти расчеты показывают ошибочность всех попыток «увеличить» численность войска Ивана Грозного за счет «неподсчитанных» боевых холопов, «моря посохи» и т. д. Слишком большая армия с обозом просто не смогла бы пройти тот путь, который прошли воины русского царя в январе 1563 г.

8 января была расписана последовательность выхода полков: 9 января — ертоул, 11 января — передовой полк, 12 января — полк правой руки, 13 января — большой полк, 14 января — государев полк, 15 января — наряд и 16 января — сторожевой полк и полк левой руки¹⁸⁵. То есть на прохождение контингента в 4–5 тысяч конных воинов с обозом отводились сутки-двое. Этот факт говорит о растянутости колонн, о том, что они занимали на дороге большую протяженность.

Причем «график движения» не помог: начались «заторы», войска не успевали пройти по узким дорогам в положенное время. Основная проблема была с обозом-кошем. 14 января на выходе из Великих Лук образовалась, говоря современным языком, гигантская пробка из обозов большого полка, передового полка, государева полка и полка правой руки. Иван IV ругался, посылал одного воеводу за другим с приказами разобрать затор, пропускать возы то одного, то другого полка. Пробка продолжалась с 14 по 18 января,

многие подводы потеряли свое место в колонне, отстали, и из-за этого был отменен смотр в Невеле, намеченный на 17–18 января (что говорит о том, что на возах, кроме продовольствия и фуража, везли доспехи и оружие, необходимые для смотра).

В дороге заторы продолжались, особенно трудными участками были переправы через реки и мосты. Движение полков и кошей несколько раз буксовало, замирало, потом возобновлялось. Царь и командование постоянно контролировали ситуацию, чуть что, посылали воевод и детей боярских на помощь застрявшим обозам. Летописец писал: «Путное же цареву и великого князя к Полотцску шествие нужно и тихо, потому что царь и великий князь полки шел к Полотцску одною дорогою, и заповедь великую положил, перешед за рубеж, изо всех полков никакова человека по корм ни на иную ни на какую добычу отпущати не велел, чтоб теми малыми делы болшого дела не теряли»¹⁸⁶.

О нервном характере похода свидетельствует неясное указание князя Андрея Курбского, что во время продвижения войск под Невелем царь лично от злости убил князя Ивана Шаховского: «...своею рукою булавою насмерть убил на Невле, месте, идучи к Полотцку»¹⁸⁷. Данный эпизод породил много толкований. Казнь князя связывали с его участием в заговоре Старицких, в «стародубском изменном деле»¹⁸⁸. А.Л. Хорошкевич предположила, что Иван Грозный под Невелем «вспомнил позорное поражение здесь Курбского за год до этого» и сорвал злость, но при этом почему-то убил не самого Курбского, который благополучно был воеводой всю полоцкую кампанию, а подвергнувшегося под горячую руку Ивана Шаховского. На Курбского этот эпизод произвел глубокое впечатление, и он тут же, «...опасаясь подобной участи... от своего имени, и, вероятно, от имени Мстиславского обратился к витебскому воеводе Стефану Андреевичу Збаражскому» с тайными переговорами о мире¹⁸⁹. На наш взгляд, в источниках невозможно найти никаких доказательств в пользу подобных трактовок. Подвернулся ли Шаховской под горячую царскую руку во время разгона очередных «заторов» или в самом деле пал жертвой опалы за

связь с заговорщиками, подлинными и мнимыми — нам неизвестно, и никаких указаний источники не содержат.

30 января 1563 г. основные силы русской армии, преодолев за 21 день более 150 км от Великих Лук до Полоцка (в среднем получается около 7 км в день), подошли к Полоцку.

Начало осады

О подготовке вторжения Ивана Грозного властям ВКЛ стало известно 6 января 1563 г. (во всяком случае, этим числом датируются первые приказы об организации отражения нападения)¹⁹⁰. Сведения были получены как от местного населения, так и от перебежчиков: русская летопись называет имя изменника Богдана Хлызнева-Колычева, который бежал к противнику и сообщил о планах царя. Литовское командование сначала не понимало, что же является целью главного удара: Полоцк или Витебск, в приказах говорится об обеих крепостях.

О походе Ивана Грозного сообщил и другой московский перебежчик, Семен Иванович Буико. Он прибежал в Полоцк к воеводе Ст. Довойне и известил, что царь от Невеля идет на Полоцк и взятие Полоцка и есть цель похода. 23 января Довойна обратился к населению с проникновенным посланием, где призывал всех встать «боронячи паньства господарьского и волностеи, свобод наших спольных, так хрестияне, так и ормяне, турцы и татарове». Призывалось защитить «отчизну», «на звыклую верность и славу кожьдых предков своих», отец чтобы вышел с сыном, брат с братом¹⁹¹.

Риторика послания весьма примечательна и раскрывает многие черты менталитета ВКЛ XVI века. Во-первых, война идет не ВКЛ с Россией, а «его милости короля» с великим князем, «неприятелем нашим». Для этой эпохи нет еще понятия войны между странами или народами. Есть война монархов и их подданных и служебников. Во-вторых, иноземное вторжение влечет оборону «отчизны». Но что под ней понимается? Место жительства, земля или город, и принадлежность к социуму (корпорации) с обеспеченными властью правами и вольностями. Нападение врагов понимается как угроза привычному социальному укладу,

лишение вольностей и прав, разрушение существующего миропорядка, который и есть «отчизна». В-третьих, обращает на себя внимание очень слабый градус религиозной риторики. Это понятно, потому что она в данном случае не работала: христиане напали на христиан, в стане ВКЛ были и православные, и католики, и протестанты — к чему апеллировать? В-четвертых, почти полностью отсутствует этнический момент. Упоминание этносов (татары, армяне и т. д.) — это не столько этносы, сколько отдельные общины (со своей религией, правом и культурой). Но что показательно — как этносы вообще не фигурируют ни литвины, ни русины, ни поляки. Враг — это «неприятель», великий князь московский, но не русские и даже не москвиты. Воюют подданные, но не народы.

Призывы остались без ответа. Собрать войска для обороны Полоцка и снятия осады не удалось. 25 января король обратился к панам рады с призывом сделать все возможное для сбора войска. Под Полоцк предлагалось послать надворный отряд воеводы Иеронима Сенявского, находившийся под Вильной. Видимо, предпринимались какие-то разведывательные действия — есть сведения, что князь К.В. Острожский взял языка (в источнике хвастливо указывается, что это «один из царских фаворитов») ¹⁹². О бессилии Сигизмунда II Августа свидетельствует тот факт, что он пытался заручиться поддержкой еще более слабого соседа — ливонцев. 2 февраля он сообщал курляндскому герцогу Готгарду Кеттлеру, что на самом деле цель Ивана Грозного — не Полоцк, а Рига, поэтому надо готовиться к отражению опасности ¹⁹³. 6 февраля литовская рада пообещала шляхте заплатить (!) за выход войск (то есть по сути за исполнение дворянами их обязанностей службы), но даже такая экстраординарная мера ни к чему не привела ¹⁹⁴. 7 февраля, за неделю до падения города, власти ВКЛ все еще призывали «рушение» прибыть под начало гетмана ВКЛ на Долгинов и Выборовичи ¹⁹⁵. Сигизмунд II Август сетовал, что шляхта осталась глуха к призывам прибыть к месту сбора войска ¹⁹⁶.

Согласно русской летописи, Иван Грозный послал в Полоцк гонца с предложением сдачи и перехода в московское подданство. Горожане

убили посланника. Летописец пишет, что «полочяне же великою гордостью превознесшееся», были уверены в надежности крепостных стен, что твердыня устоит, и приняли в город часть населения Полоцкого повета ¹⁹⁷.

В конце января 1563 г. полочане утругом наблюдали с крепостных стен, как вокруг города густеют отряды русских. Сначала это были отдельные передовые разъезды, потом появились летучие отряды, а вскоре — и части, которые встали в места дислокации. Видимо, первыми были застава князя Дмитрия Хворостинина у Георгиевского монастыря и застава Юрия Токмакова, Ивана Воронцова и Владимира Карпова за Двиной, у Борисоглебского монастыря. Тем самым город сразу стали охватывать в полукольцо. Стрелецкие отряды взяли остров на Двине напротив замка, «закопались в березех и на острове» и разместили на позиции артиллерию ¹⁹⁸. Это была самая опасная точка: Двина не препятствовала полету ядер, то есть замок через реку можно было расстреливать почти в упор. 1 февраля начался пушечный обстрел посада.

31 января русская армия приступила к развертыванию своих сил под Полоцком. На поле у стен Георгиевского монастыря ¹⁹⁹ был отслужен торжественный молебен с участием самого Ивана Грозного, после чего царь уехал в Борисоглебский монастырь, ставший его резиденцией до конца осады.

Полки были первоначально, 31 января, расставлены следующим образом. С севера, из-за Полоты, с напольной стороны к городу подступали основные силы — большой полк, идущий от Спасского монастыря, и государев полк, расположившийся у Георгиевского монастыря (совр. район Ксаверьевского кладбища). Ертоул подошел с северо-запада, к устью р. Полоты. Два полка переправились через лед Двины и заняли позиции на левом берегу: передовой полк отрезал Виленскую дорогу и встал в Экиманской слободе. Напротив Великого посада, за рекой, на Кривцовом посаде, напротив острова и замка встал полк правой руки, перерезав Чесвяцкую дорогу.

Государев полк маневрировал вдоль городских стен на юго-восток. От Георгиевского монастыря он пошел в Волову озеру, здесь

постоял день, а вечером ушел за Двину к Борисоглебскому монастырю. Стрельцам было приказано «закопаться» вдоль берега Двины против Великого посада и на острове напротив замка. К вечеру 31 января подошли остальные части. Наряд был поставлен между Георгиевским монастырем и Воловым озером, с напольной стороны, против менее защищенных стен посада (летопись называет их «острогом», что может быть связано с типом укреплений — стена из вертикально поставленных бревен). Полк левой руки стал на Себежской дороге против Духовских ворот. Видимо, это название надо связывать с церковью Св. Духа, располагавшейся в Заполотье, и тогда полк левой руки оказался между ертоулом и большим полком. Сторожевой полк ушел за Двину. Местом его стана называется Плоская лужа, что плохо поддается идентификации (под «лужей» можно понимать любую заболоченную местность). Однако есть другой ориентир — «напротив Богоявленского взвоза», а Богоявленский монастырь в Полоцке фиксируется четко²⁰⁰. Тем самым кольцо осады было замкнуто²⁰¹.

Д.М. Володихин считает, что «Перемещения полков выдают колебания командования московской армии относительно выбора направления главного удара. Первоначально, видимо, предполагалось нанести его из Задвинья, штурмуя город по льду Двины»²⁰². Данная оценка вызывает сомнения: нам представляется, что сосредоточение сил в Задвинье было вызвано опасением нападения извне, прихода подкреплений и попытки деблокирования города (по аналогии с «Казанским взятием», где на отражение внешних атак пришлось значительная часть боев во время осады). Государев полк первоначально располагался с напольной стороны у монастыря Св. Георгия, то есть на берегах Полоты. Потом переместился к Волову озеру — против большой посадской стены, и наконец ушел за Двину к Борисоглебскому монастырю, стал против угла посадских укреплений. Если бы было верно предположение Д.М. Володихина, то главные силы во главе с государевым полком располагались бы в Кривцовом посаде, напротив которого через Двину находились очень слабо защищенные со стороны реки районы Великого посада. Но

стоявший там неглавный сторожевой полк в бездействии простоял всю осаду, и только стрельцы вели огонь через Двину.

2 февраля стрельцы приказов Василия Пивова и Ивана Мячкова с острова напротив замка и посада открыли огонь по посаду. 3 февраля «учалась портиться» Западная Двина, и пришлось срочно перебрасывать государев полк на правый берег Двины, от Борисоглебского монастыря к Георгиевскому, чтобы река его не отрезала. А к Борисоглебскому монастырю из Заполотья был передислоцирован полк левой руки. Из построения полков видно, что позициям за Двиной придавалось важное значение — всю осаду здесь держали 4 полка (передовой, правой руки, сторожевой, левой руки), а также два стрелецких приказа — чуть ли не половину всего войска. Они не давали полочанам уйти на Виленскую дорогу и перекрывали возможную помощь из ВКЛ с юго-запада.

3 февраля войскам было приказано строить из дерева и земли осадные укрепления — туры

Памятный знак на месте Борисоглебского монастыря. Полоцк

(норма — 1 тура от каждых 10 человек)²⁰³. Работы начались 4 февраля, туры ставились с напольной стороны против Великого посада. Здесь располагался государев полк, которому было суждено сыграть решающую роль в штурме, а «от курганов» вдоль Двины — стрелецкие приказы Федора Булгакова, Григория Кафтырева, Будая Болтина и Ивана Голохвастова. Постройка сопровождалась устрашающим музыкальным действием — «повеле в сурны играти и трубити и по накрому бити»²⁰⁴ (как тут не усмотреть аналогию с библейским взятием Иерихона, которое также сопровождалось тем, что осаждавшие «вострубили в трубы» — Нав. 6: 14–16). В других источниках упоминаются также литавры и «набаты»²⁰⁵. Под стенами Полоцка бушевал целый военный оркестр, преимущественно из ударных инструментов.

Осажденные открыли артиллерийский огонь со стен по войскам, движущимся во круг города. Ядра летели довольно далеко, одно даже попало «в сени» в Борисоглебском монастыре. «И убиша в Двине-реке боярского человека и с лошадью»²⁰⁶. Но в целом обстрел был, видимо, малорезультативен. Летопись отмечает, что при постановке тур от огня из города погибли один сын боярский, человек 15 послужильцев и казачий атаман Кислый Подчерков²⁰⁷. Полоцк не располагал артиллерией, способной в самом деле причинить осаждающим серьезный урон. Стрельба носила скорей психологический характер. Город замер в томительном ожидании штурма.

Штурм или расстрел из орудий?

Некоторая заминка в подготовке штурма была связана как с постройкой туров, так и со слухами, что для спасения Полоцка движется войско великого гетмана Литовского князя Николая Христофора Радзивилла Черного. Не имея достаточно солдат, гетман распускал слухи, будто бы у него 40 000 воинов и они скоро атакуют москвитов. На самом деле его немногочисленный отряд (по Р.Г. Скрынникову, 3400 человек²⁰⁸, по А.Н. Янушкевичу — 2000 солдат из ВКЛ и 1400 польских наемников²⁰⁹) благоразумно действовал на расстоянии 8–10 километров от крепости, не рискуя

подходить ближе. Все воинские подвиги, которые за ним числились, — победа над несколькими разведывательными разъездами московской конницы.

Однако известие о подходе отряда Радзивилла весьма обеспокоило московское командование. Против него был послан крупный отряд из воинов передового и сторожевого полка во главе с царевичем Ибаком, воеводами Ю.П. Репниным и А.И. Ярославовым. От столкновения Радзивилл уклонился и ушел подальше от зоны боевых действий. Русское войско вернулось с известием, что противник отступил. Пока шел сбор информации об отряде Радзивилла, основные силы русской армии начали штурм города. Первая его попытка была предпринята 5 февраля. Стрельцы под командованием Ивана Голохвастова подожгли посадскую крепостную башню над Двиной, взяли ее и вошли в острог. Однако не удержались в городе и отступили (согласно летописи, по царскому приказу, поскольку еще не все туры были готовы). Погибло, в основном от ружейного огня, около 15 стрельцов²¹⁰. До вечера 5 февраля Полоцк непрерывно обстреливала легкая и средняя артиллерия. Крупнокалиберные орудия еще не были установлены на позициях. Однако хватило легких и средних: полочане запросили переговоров. Их вели «городничий» Я. Быстренский, писари Л. Галабурда и В. Грибун²¹¹.

Переговоры, длившиеся с 6 по 8 февраля, получились странными. С одной стороны, обе стороны сознательно тянули время. Русским надо было установить на позициях тяжелую артиллерию, а воевода Довойна рассчитывал на прибытие Радзивилла. С другой стороны, успех на переговорах был все же возможен: в Полоцке имелась довольно влиятельная прослойка православного населения, готового на компромисс с московским царем. Для Ивана IV было бы даже значимей, если бы Полоцк склонил свою голову без боя: это означало бы, что деморализованное население Великого княжества Литовского готово признать власть православного государя.

В итоге переговоры закончились неудачей. Довойна так и не смог решиться на принятие русских условий, а московские воеводы за время переговоров успели подвести туры под

самые городские стены и изготовить к стрельбе тяжелые орудия. 8 февраля царь запросил, есть ли челобитье о сдаче. Василий Грибун сообщил, что горожане колеблются, одни согласны на сдачу, другие нет. Тогда по приказу государя заговорила артиллерия. Как писали современники, начался такой пушечный гром, что, «казалось, небо и вся земля обрушились» на Полоцк. Крупнокалиберные ядра буквально взламывали стены, разрушали строения в городе. Полочан подвело то, что укрепления вдоль Двины либо вообще отсутствовали, либо были незначительными. Русские пушкеры через реку били по незащищенному посаду и крепостной стене с въездными воротами. Получалось, что пушки стреляют в стену не снаружи, а как бы изнутри.

На посаде вспыхнул страшный пожар, уничтоживший, если верить данным летописи, 3000 дворов (цифра преувеличена, по Полоцкой ревизии 1552 г. на Великом посаде был 771 мещанский дом)²¹². По разным данным, возгорание случилось от огня русской артиллерии или от поджогов, сделанных по приказу воеводы Довойны («того же дни полочане с приходу от царя и великого князя острог зажгли») ²¹³.

В принципе, сжигание посада — обычный средневековый прием для древнерусских городов. Тем самым противник лишался возможности располагать войска на улицах посада, укрывая их между домами, и использовать разобранные постройки как строительный материал для осадных орудий. Воевать на пепелище трудно. Осаждающие — как на ладони. Но если Довойна в самом деле решил на такой шаг, то его иначе чем безумным не назовешь. А.Н. Янушкевич справедливо называет это решение роковым²¹⁴. Это значит, что он собирался оборонять только замок — но разве можно было надеяться, что маленький полоцкий замок выдержит осаду столь большого войска? Шанс был, только если измотать врага в штурмах посада и в уличных боях выбить значительное количество живой силы. Но Полоцкий замок был бы просто захлестнут массой нападавших. На что рассчитывал Довойна, непонятно. Если решение зажечь посад — его решение, то можно говорить, что полоцкий воевода совершенно неадекватно

воспринимал обстановку и не имел понятия о масштабах нашествия.

Одновременно с пожаром 9 февраля русские дворяне под командованием Д.Ф. Овчины и Д.И. Хворостинина вступили на пожарище в бой с польскими войсками, сделавшими вылазку из замка. Сражение закончилось отступлением полочан в замок. А.Н. Янушкевич указывает на неясность ситуации с местным населением. По разным данным, то ли оно частично само решило бежать к русским, видя, что обороняющиеся сами зажгли свой посад, то ли Довойна приказал их выгнать из замка (куда такая масса беженцев просто не влезла бы, а если бы влезла — тут же съела бы все запасы). С посада к царским полкам вышло 11 600 человек «черных людей мужиков и жен их и детей». Это было население Полоцкого повета, укрывшееся под защиту городских стен, а теперь, по словам А.Н. Янушкевича, «добровольно-принудительно» сдававшееся в плен²¹⁵. Пленных царь приказал раздать своим воинам в качестве трофеев²¹⁶.

С 9 по 11 февраля тяжелая артиллерия и туры под командованием Ю. Репнина переносились «на пожженое место», на пепелище полоцкого посада, к стенам замка. Напротив главных ворот были поставлены тяжелые орудия: «пушки болшие, Кашпирову да Степанову да Павлик да Орел да Медведь». Они кидали ядра до 20 пудов. Непрерывный огонь длился несколько суток. Его интенсивность достигала такой силы, что отдельные ядра пролетали территорию замка насквозь и ударялись в противоположную стену изнутри. Горожане прятались от огня в погребах, воевода Довойна с семьей укрылся под каменными сводами храма Св. Софии²¹⁷. Гарнизон занимался не обороной, а тушением очагов пожаров. Но их было слишком много, и в конце концов полоцкий замок оказался объятым пламенем. Артиллерийским огнем было разрушено 40 укрепленных участков стены («городен») из 204, составлявших укрепления замка. Было очевидно, что его падение — только вопрос времени.

12 февраля полочане сделали вылазку под командованием Григория Голубицкого (в летописи она датирована 10 февраля)²¹⁸. Около 800 человек — поляки, полочане, двор воеводы

Довойны — перешли Полоту и напали на отряд Ивана Шереметева, который возводил за Полотой туры. Целью было нанести урон русской артиллерии, обстреливавшей город. Отряд был разбит, а Ивана Шереметева «погладило ядром по уху». Подробный рассказ об этой вылазке имеется в КПП, но есть основания в нем несколько усомниться. Иван Шереметев был воеводой передового полка, который стоял на Виленской дороге, в Экиманском посаде. Понятно, что воевода мог с отрядами перемещаться вдоль линии осады и прийти через Двину на помощь ертоулу, стоявшему как раз на Полоте, куда, согласно КПП, была направлена вылазка. Только вот нападать на русские войска на Полоте бессмысленно — там стоял сравнительно слабый ертоул (пусть даже и усиленный отрядом Шереметева), который особой роли в осаде не сыграл и активных действий не предпринимал. Из-за Полоты, как

и отовсюду, велась артиллерийская стрельба по городу. Только главную опасность представляли орудия на острове напротив замка и тяжелая артиллерия на пепелище посада напротив Великих ворот. Огонь через Полоту замку, конечно, урон наносил. Но гораздо меньший. Ликвидация орудий, стоявших в Заполотье, Полоцк не спасла бы.

Поэтому можно высказать осторожное предположение, что взятый в плен поляк Станислав Семенов солгал и целью вылазки был не удар по наряду (главный наряд стоял на позициях с прямо противоположной стороны замка), а попытка прорыва из города на Виленский тракт. Тогда становится понятно участие в бою отряда Шереметева из передового полка, который как раз прикрывал Виленский тракт, и объясняется столь большое число участников вылазки — более 800 человек, к тому времени — не меньше трети или половины уцелевшего полоцкого гарнизона. В этой атаке участвовал и «Довойны двор весь», то есть ближнее окружение воеводы, что слишком солидно для обычной вылазки.

Устье р. Полоты. Современное фото

Конечно, наше предположение верно, только если действия полоцкого гарнизона к этому времени еще носили осмысленный характер. Может быть, это был просто жест отчаяния, а никому особо не нужные пушки за Полотой выбрали просто как наиболее слабое место в позициях осаждающих. Но нам представляется, что версия о попытке прорыва заслуживает дальнейшего осмысления.

13 февраля обстрел города продолжался. В плен попали «в загонах» два литвина, Марк Иванов и Федька Софонов. Они сообщили, что Ходкевич с сорокатысячным войском и 20 пушками наряда идет на вырубку Полоцка. Судя по всему, перед нами «подвиг разведчика» — Иванов и Софонов были лазутчиками, специально сдавшимися в русский плен, чтобы передать дезинформацию и тем самым приостановить штурм Полоцка. Никаких 40 000 у Ходкевича не

было. Но эффект был достигнут: часть войска Ивана Грозного, три полка, в основном легкая татарская конница, были немедленно высланы навстречу потенциальной опасности. Они провели разведку до Бобынич. Был взят язык — «литовин черной мужик», который подтвердил, что Ходкевич с нарядом стоит в «Черном лесу» и намеревается идти под Полоцк. После чего полки возвратились обратно к основным силам²¹⁹.

В ночь с 14 на 15 февраля стрельцы в нескольких местах подожгли стену замка. Началась массовая бомбардировка полоцкого замка из «пушек верхних» — мортир. Судя по КПП, обстрелом командовал воевода большого полка В.С. Серебряный, то есть огонь велся из-за Полоты с северной стороны, где стоял большой полк. Целью было поджечь город. За пять часов до рассвета это удалось — пожар занялся у больших ворот, то есть со стороны

Р. Полота. Современное фото

городской площади и посада. Огонь охватил и другие части замка. Воевода Довойна и епископ Арсений прислали парламентаря с просьбой о сдаче города. Одним из первых в знак сдачи вынесли городское знамя²²⁰.

Падение Полоцка

Утром 15 февраля 1563 г. городские ворота открылись, и из них вышла процессия православных священников во главе с епископом Арсением. Полоцк объявил о своей сдаче. В результате переговоров, длившихся до вечера, Иван Грозный пообещал не трогать защитников города.

Свое слово государь сдержал частично. Героически сражавшийся польский гарнизон был отпущен с развернутыми знаменами и оружием в руках. Командиры-ротмистры получили от Ивана богатые дары — собольиные шубы, подшитые драгоценными тканями.

Репрессии сперва не коснулись и городских жителей православного или католического вероисповедания, однако затем часть горожан была уведена в Москву, в плен. Согласно ходившим в Литве слухам, вошедший в Полоцк татарский отряд вырезал попавшихся под руку монахов-бернадинов. А полоцкие евреи, не желавшие принять крещение, были утоплены в реке. Так ли это — неизвестно, но современники из уст в уста передавали страшные «легенды о полоцких казнях» русского царя.

Решающую роль в боях за Полоцк сыграли артиллерия и стрелецкие приказы. Победа ковалась мощью и интенсивностью орудийного и ружейного огня. Именно стрельцы упоминаются как главные участники боев непосредственно на стенах и улицах. Роль остальных войск была скромнее. Казаки и служилые люди отличились при строительстве осадных укреплений. Дворянской коннице места в активных

Валы Верхнего замка в Полоцке с северной стороны. Современное фото

боевых действиях не нашлось, она играла в основном блокирующую роль. Впрочем, с этой задачей она справилась. По крайней мере половина полков была пассивна и играла позиционную роль. Они просто простояли на своих позициях всю осаду. Основные тяготы штурма, кроме стрельцов, легли на плечи воинов государственного полка.

Вообще кажется, что силы, привлеченные для Полоцкого похода, были избыточными. Здесь, видимо, сказался опыт «Казанского взятия» 1552 г., когда основные силы были задействованы не при штурме Казани, а для отражения нападений извне, атак татарских войск, которые пытались деблокировать город. Судя по расположению русской армии под Полоцком (четыре полка — половина сил — стоит за Двиной и в лучшем случае участвует в обстреле города из-за реки), командование более всего опасалось повторения «казанского сценария», атаки «посполитого рушения» со стороны Вильно. Но этого так и не произошло — татары под Казанью в 1552 г. оказались, если можно так выразиться, куда большими патриотами и защитниками своей земли, чем жители ВКЛ в 1563 г. под Полоцком.

Источники рисуют ничтожные потери русской армии: 4 сына боярских, 15 холопов-послужильцев и 66 стрельцов²²¹. Возможно, данные цифры занижены. Но потери русских и не должны быть большими: в Полоцке не было массивного штурма, когда большие массы войск шли бы на стены и несли крупные потери из-за встречного огня. Большинство боевых действий носило характер огневого боя, а здесь полочане просто не располагали средствами, чтобы причинить большой урон укрывшимся в окопах и «за турами» воинам. Собственно, было три локальных рукопашных боя: взятие стрельцами Ивана Голохвастова угловой башни посада, бой в посаде и вылазка через Полоту отряда во главе с «двором Довойны». Ни один из них по своему характеру не мог привести к большим потерям в царских полках.

Победа Ивана Грозного под Полоцком в 1563 г. явилась наивысшим успехом России на литовском фронте. После его взятия русская и татарская конница вышли на виленскую дорогу, и между ними и столицей Литвы не было крупных крепостей. Д.М. Володихин

справедливо замечает, что «... в руках Ивана IV оказывался ключ от литовской столицы»²²². По мнению Б. Дэвиса, взятие Полоцка открывало путь к реализации стратегического замысла дальнейшего нападения на Вильно²²³. В Польше и Литве ходила легенда о «серебряном гробе», который Иван Грозный после полоцкой победы якобы заготовил для короля Сигизмунда.

Некоторые историки задаются вопросом, почему же наступление на Вильно не состоялось. А.Л. Хорошкевич считает, что «Иван IV не собирался останавливаться на достигнутом», но «серьезный удар... амбициям и внешнеполитическим планам царя нанесли его верные слуги». Бояре и князь Владимир Андреевич Старицкий «честно выполнили просьбу литовских панов Рады» и уговорили царя прекратить войну. Знать ВКЛ связалась с русской аристократией и попросила ее повлиять на развоевавшегося государя. Эта новая «пятая колонна» якобы и украла царскую победу. Рассуждения А.Л. Хорошкевич здесь достаточно парадоксальны: осуждая завоевательную политику Ивана Грозного на страницах всей своей книги, она оценивает прекращение русского наступления, то, что Иван Грозный ограничился Полоцком, как «серьезнейшее поражение». «Бояре из верных государевых слуг превратились в “изменников”... исход этого этапа, внешне похожий на триумфальную победу, по существу оказался серьезнейшим поражением»²²⁴.

А.Н. Янушкевич справедливо отметил, что «... с подобными умозаключениями тяжело согласиться». Однако предложенное им объяснение также не может быть принято. По его мнению, «московское руководство просто примирилось с объективными реалиями войны»²²⁵. Нужно было укрепиться на захваченных территориях, ресурсов для дальнейшего продвижения уже не было. Правда, если следовать этой логике, получается, что их не было 14 лет, вплоть до 1577 г. — последнего успешного для русских года Ливонской войны...

Нам представляется, что все гораздо проще: в 1563 г. стратегический замысел Ивана Грозного и русского командования был полностью выполнен, все цели достигнуты. Полоцк взят, Россия претендовала на весь Полоцкий

повет, то есть успешно реализовывался «смоленский сценарий» 1514 г. или чуть более поздний и менее масштабный «себежский сценарий». Дальше нужно было закрепляться на захваченной территории, прежде всего — «перебирать людишек», приводить население повета к лояльности не на словах (чего стоила сделанная под угрозой оружия присяга на верность?), а на деле, то есть превратить Полотчину в регион русского дворянского землевладения. Иван Грозный вовсе не вел с ВКЛ войны на уничтожение, и Вильна как таковая была не очень нужна — захватить ее, безусловно, было возможно, а вот что с ней потом делать и как удержать? Кстати, события Русско-польской войны 1654–1667 гг. полностью подтвердили правильность политики осторожного продвижения Ивана Грозного на запад: ведь тогда были захвачены и Вильна, и Полоцк, и ни того, ни другого города по итогам войны не удержали.

Иными словами, царь, на наш взгляд, вовсе не строил планов грандиозных походов наподобие полоцкого дальше на запад, на Вильну

или Киев. Откусив кусок от ВКЛ, он намеревался его сначала переварить. Тем более что оставалась неясной ситуация в соседней Ливонии, которая явно виделась в Москве более важным направлением, чем земли за Западной Двиной.

Полоцк выступал новым центром московской колонизации бассейна р. Западной Двины. Причем инициатива продвижения в глубь литовских владений исходила не от Москвы, а от дворянства, использовавшего благоприятную ситуацию для земельных и имущественных захватов. Делалось это с одобрения Ивана IV, еще в феврале разрешившего дворянам делать любые территориальные приобретения в Полоцкой земле. 29 ноября 1563 г. в грамоте к Сигизмунду, посланной с литовским гонцом А.И. Хоружим, царь дал ответ на претензии разоренных панов: «Что ни есть в Полоцком повете чье ни буди, то все наше»²²⁶. Таким образом, владением государя объявлялась вся Полоцкая земля, и отнимавшие у литовских панов имения дети боярские считались вступившими в свои законные права.

ГЛАВА 4. ЛИТОВСКИЙ КОНТРУДАР 1564 г.

Радость победителей, горе побежденных

15 февраля сдавшийся гарнизон медленно (до вечера) покидал полоцкий замок. Воевода Станислав Довойна и епископ Арсений были удостоены аудиенции у Ивана Грозного. Царь сидел в командном шатре в полном доспехе, рядом с ним — также в доспехах князь Владимир Андреевич и татарский «царь» Семион. Победители всячески демонстрировали великодушие. Иван IV «...велел свое жалованное слово всем людям сказывати, чтобы из города все вон вышли, а государь им милость показал, побити их не велел и дал им волю, кто куды похочет»²²⁷. Гуманизм диктовался прагматическими соображениями: русским было важно, чтобы местные как можно быстрее очистили замок, и в него без помех вошли бы московские войска. В этой ситуации людей проще было просто отпустить, они уже не опасны. Зачем затевать ненужную резню на улицах и нарываться на сопротивление несчастных, которым будет нечего терять? Судя по всему, желающим уйти никто не препятствовал (другое дело, что никто и не гарантировал безопасности при встрече с разъездами русских войск, стоявших в Задвинье).

Польских ротмистров Мархеля Хелмского, Альбрехта Верхлинского и Яна Варшевского царь принял лично, одарил богатыми подарками за мужество при обороне города. Позже их отпустят с их ротами, с оружием и почестями. А.Н. Янушкевич считает, что аналогичное обещание царь давал полоцкой шляхте — отпустить в случае сдачи, но слова не сдержал. Он ссылается на то, что претензии в нарушении

государем своего обещания позже предъявляли дипломаты ВКЛ²²⁸. Но в источниках о взятии Полоцка сведений о подобных обещаниях нет. Как говорилось выше, при прекращении боевых действий и выходе войск из замка их уходу никто особо не препятствовал — но, видимо, в том случае, если это было поспешное скрытное бегство безоружных одиночек, а не организованное отступление вооруженных отрядов. Шляхту разоружали. Массу безоружных людей контролировали специально назначенные головы (их имена есть в КПП). Ничто в этом порядке не указывает, что полоцкой шляхте давались какие-либо обещания. Да ведь и польским ротмистрам царь ничего не обещал — город сдали не они, а Довойна и владыка Арсений. Царь просто вознаграждал полков за воинские доблести.

Остается открытым вопрос о размерах потерь полочан. Немецкая «Правдивая и страшная газета про ужасного врага Московита» называет цифру — 20 000 погибших горожан, а 60 000 пленных уведено в Россию. В письме этрусского князя Космо говорится о 10–12 тысячах, обращенных в рабство, и 50 000 убитых при штурме. В письме анонима из Кракова во Флоренцию, ко двору Медичи, говорилось, что 16 000 убито при штурме, а 60 000 истреблено в округе Полоцка. Пленным выкалывали глаза. Про 60 000 пленных пишет «Новая песня про тирана врага Московита, который захватил, разорил и спалил все, что ему встретилось»²²⁹. В ряде иностранных сочинений утверждалось, что Иван Грозный «...город целиком и полностью сжег до основания и 20 000 человек придал мучительной смерти на крючьях

и виселицах»²³⁰. Цифры в 20 000–70 000 жертв фигурируют и в других немецких «летучих листках»²³¹. Оставшееся население, согласно некоторым текстам, из Полоцка было вынуждено бежать в Пруссию.

Цифры, несомненно, преувеличены — в Полоцке просто не было столько населения, даже вместе с беженцами из сельской округи. Распоряжения, которые отдавались новой администрации, говорят о том, что в городе осталось немало горожан. В русских источниках нет сведений о массовой резне во взятом городе, напротив, население старались учесть, поставить на службу и включить в фискальные реестры. Конечно, жители Полоцка пострадали и понесли большие потери от артобстрелов и пожаров. Все жители Великого посада лишились своих дворов и имущества, и оно не было возвращено. Их уклад жизни был разрушен, судьбы сломаны. Но сведения о массовых репрессиях против местного населения, убийствах десятков тысяч человек содержатся только в источниках пропагандистского характера. Как верно заметил А.Н. Янушкевич, доверять им нет оснований²³².

Польская «Хроника» М. Стрыйковского содержит известие о том, что после взятия Полоцка в город вошли татары, которые порубили монахов-бернардинцев, а местные евреи были утоплены в р. Двине. Согласно местным преданиям, евреев утопили в Волове озере, где их выгнали на лед и затем обрубили его²³³. Г. Штаден писал, что вместе с евреями, безуспешно пытавшимися откупиться от лютой казни, Грозный утопил и весь сдавшийся польско-литовский гарнизон²³⁴. Это известие присутствует и в русских летописях. В своде Корнилия говорилось: «А которые были в городе жили люди жидове, и князь великий велел их с семьями в речноую въметати и оутопил их»²³⁵. Исидор Сназин в конце XVII в. писал в Мазуринском летописце, что государь «тамо живущих богоубивственных жидов к конечной пагубе приведе, богомерзких же латын и злейших иконоборец расплени и ростоци, и город благочестием освети, и в нем истинное православие утверди»²³⁶. У полоцких евреев было место памяти: старое кладбище возле урочища Салоник, где, по преданию, похоронены всплывшие на поверхность трупы

еврейских мучеников 1563 г.²³⁷ Здесь сложно отделить легенды, всегда возникающие в подвергшейся иноземному вторжению местности, от реальности. К такого рода сведениям надо относиться с осторожностью, хотя в них нет ничего невероятного, и нет оснований совсем отказывать им в историчности.

После взятия Полоцка сдавшееся в плен население было построено у Полоты напротив большого полка («полочане бурмистры и мещане и все городские люди... царь и великий князь велел всех собрати и поставити к реке против большова полку»)²³⁸. Видимо, речь идет о сдавшихся 15 февраля, так как более ранний полон, захваченный на посаде, как уже говорилось, был роздан в холопы победителям (служилым людям и татарам).

Здесь была проведена перепись полочан: «И повеле царь и великий князь полочан переписати, дворян королевских и шляхт и всяких служилых людей, а бурмистров и гостей и лавников и земских людей торговых велел переписати по тому же опроче, и лядских людей конных и драбей велел переписати по тому же и держати их опроче». Пленных поделили на три категории: воинские люди ВКЛ, гражданское население Полоцка и польские солдаты и наемники. Любопытно сообщение летописи: «...а которые люди государю служили, и государь тех по рассмотрению жаловал»²³⁹. То есть среди населения Полоцка были люди, которые во время осады «служили» русскому царю и получили потом награды. Роль «промосковской партии» в осажденном Полоцке в 1563 г., видимо, недооценена историками.

18 февраля царь во главе крестного хода прошел к Св. Софии, присутствовал там на службе, где полоцкие священники пели многолетие своему новому государю. Службой руководил коломенский епископ Варлаам. В русские и ливонские города были посланы гонцы с радостными вестями о взятии Полоцка. В городах должны были служить праздничные молебны с колокольным звоном²⁴⁰.

Русские сразу же стали активно обустроиваться в Полоцке. Воеводами в замке были назначены кн. П.И. Шуйский, князя В.С. и П.С. Серебряные, И.В. Шереметев-Меньшой, кн. А.И. Прозоровский, кн. Ф.И. Татев. На сгоревшем посаде воеводами

стали З.И. Очин-Плещеев и Д.В. Гундуrow, «городничими в приказе» стали В.П. Головин и В.К. Замыцкий, полоцкими дьяками — А. Безносков и В. Захаров, ответственными за ремонт и строительство укреплений сделаны П. Зайцев и дьяк Б. Щекин²⁴¹.

Первое, чем занялись новые власти, — ремонтом крепости. Проводилась строгая проверка стен, рвов, незамедлительно начинался ремонт стен и «...рвы старые почистить и новые поделати, чтоб были рвы добре глубоки и круты». Начался ремонт укреплений в посаде Заполотья. Фактически там возводилась новая крепость: «...и то место велети заделати Петру и Борису накрепко, стены в три или в четыре... и землю насыпати, и подошвенные бои и башни поделати для стенного бою, и рвы старые около стен копати»²⁴². Войска были расписаны для охраны ворот, патрулирования в городе и для возможной вылазки при осаде крепости. Ночной караул в специально построенной «светлице» в замке несли 100 стрельцов, вокруг замка ездили «с фонарями» патрули.

Что изменилось для ВКЛ?

Жители Полоцка, не покинувшие город и оставшиеся жить при новой власти, оказались в нем чужими. Им было запрещено ходить в замок: «А литовских людей в город, приезжих и тутошних, детей боярских и земель и черных людей, однолично не пущати». Горожане допускались к службе в Св. Софии только в большие церковные праздники, и то ограниченными партиями. Из полочан на территории замка могли жить только попы в своих домах²⁴³.

Присутствие московской власти в Полоцке проявлялось прежде всего в ночных патрулях с фонарями, которые следили за порядком на улицах. Центр городской жизни переместился в Заполотье, где из местных дворян, «кому мочно верити», был устроен городской суд, занимавшийся имущественными и мелкими уголовными делами по праву ВКЛ («...как у них обычи ведутца, да с их обычая сперв аи судити и управы им в городе давати»)²⁴⁴. А вот сгоревший Великий посад и застройку Иванского острова восстанавливать полочанам было запрещено. То есть сразу же началось изменение облика города, его планировки.

Новая администрация сразу же занялась поиском местной документации, прежде всего фискальной. Также принимались меры по установлению экономического потенциала окрестной сельской округи — описывалось землевладение, количество работников, размеры угодий и т. д. «Черных людей» сельской округи приводили к присяге, если те отказывались — вели к присяге силой.

Для горожан сохранялись торговые правила, пошлины, способы их взимания. Но уклад жизни менялся: бывшим жителям Великого посада предлагалось уехать в деревни или переселяться в Заполотье. Переселенцам из Задвинья не везло больше: если такие пытались бы переселиться в Полоцк, их надлежало высылать с семьями к Себежу и Невелю «по селам и крепостям». Всем полочанам запрещалось иметь оружие, а за любую попытку неповиновения властям полагалась высылка в Псков, Новгород, Великие Луки или к Москве²⁴⁵. Тем самым русские власти применили модель, успешно применявшуюся при собирании русских земель, начиная с Ивана III, — «перебор людишек», принудительные или полупринудительные переселения, миксирование людей, разрушение общин и местных корпоративных связей, помещение людей в новую, чуждую для них среду. В такой ситуации люди вели себя тихо и не могли организовать в сколь-либо серьезное движение сопротивления.

Значительная часть населения Полоцка осталась в Полоцке, некоторые даже поступили на русскую службу. А.Н. Янушкевич принимает версию немецкого «летучего листка», что пленных горожан и шляхту пять дней морили голодом, собрав на отдельном холме, а затем предложили выбор — или русская служба, или «голодная смерть в заключении»²⁴⁶. Поэтому кто-то выбрал службу. Правда, «листок» приводит сведения о том, что не пожелавших служить царь по обычаям времени отпустил.

Потеря Полоцка значительно изменила всю конфигурацию опорных крепостей и карту землевладения ВКЛ. Необходимо было искать следующий рубеж обороны между Полоцком и Вильно. Таким рубежом стала Дисна — крепость ниже по течению Западной Двины, расположенная примерно в 60 км северо-западнее Полоцка. Именно сюда, в район Дисны, была

основная миграция беженцев-полочан после наступления Ивана Грозного. Они построили в Дисне себе дома и значительно укрепили крепость Дисну: соорудили новый острог с валами, рвами, башнями, оснащенными гаковницами и «ручницами» (аркебузами). Уроки Полоцка пошли впрок, к обороне никто уже легкомысленно не относился²⁴⁷.

Поскольку среди переселенцев было много мещан и купцов, они стали требовать сохранения привычного городского уклада, а именно — превращения сторожевой крепости Дисны в город. Городом укрепленный населенный пункт делало магдебургское право. В 1569 г. Дисна получает магдебургский привилей по инициативе полоцких переселенцев, ставших дисненскими мещанами. Даже система платы за перевоз через Двину, как указано в документе, была скопирована с тех порядков, которые были в Полоцке. Таким образом, возник как бы «Новополоцк», частично сохранивший для жертв войны традиционный жизненный уклад, пусть и в иных масштабах.

Взятие Россией Полоцка вызвало большие проблемы у землевладельцев ВКЛ, имевших деревни и угодья в Полоцком повете. Для многих это была существенная утрата, и шляхта надеялась со временем вернуть потерянное. Например, в завещании Александра Семеновича Гарабурды (брата известного писателя ВКЛ Михаила Гарабурды) 1570 г. говорится о его селах в Полоцкой земле: Озерце, Городея, Веприще, Ушачи, Бедрица. Во владения входили пашенные и непашенные земли, борти, озера, леса и покосы. Несмотря на констатацию факта, что земли захвачены «неприятелем господарским московским», тем не менее они передавались по наследству, то есть не считались утраченными навечно²⁴⁸.

Дворяне, потерявшие свои земли в результате взятия Полоцка Иваном Грозным, стали восстанавливать свои права на земли в других областях ВКЛ, что вызывало конфликты с местными землевладельцами²⁴⁹. В Полоцке погибла документация, подтверждающая права землевладельцев, и ее надо было восстанавливать²⁵⁰.

Вместе с тем, освободились поместья убитых и плененных дворян ВКЛ, которые можно было перераспределить²⁵¹. Часть земель

оказалась просто брошена, но при этом не была занята русскими. Власти ВКЛ выявляли эти земли, административно переподчиняли их Витебску, Сурожу, Дисне и другим опорным центрам, ставшим пограничными с Полоцким уездом. А затем опять пускали в раздачи служилым людям²⁵². Происходили серьезные подвижки административных границ и масштабная смена землевладельцев²⁵³. Для региона это в принципе не было чем-то новым: перераспределение земель и их административное переподчинение случались и ранее, в связи с дележом Торопецкой и Себежской земли²⁵⁴.

Показательно, что власти ВКЛ беспокоились, чтобы пограничные земли «пусты не лежали», активно пытались их заселить или пустить в новые раздачи. Видимо, это было связано с тем, что бесхозные земли было легче захватить врагу, они лишались контроля, в том числе охраны рубежей, который худо-бедно обеспечивали землевладельцы.

В то же время Сигизмундом II Августом было обещано, что все земли, потерянные из-за попадания в плен или захвата врагом, должны быть возвращены прежним владельцам. Реализовывать это обещание пришлось в 1579 г. уже Стефану Баторию²⁵⁵.

Надо признать, что потеря Полоцка озаботила власти ВКЛ, но в малой степени сказалась на внешнеполитических планах Короны. Главным из них было в 1563–1564 гг. присоединение Ливонии, расширение там своего влияния (прежде всего — урегулирование отношений с Ригой), создание в Ливонии эффективной администрации, противостояние русской армии. Эти дела волновали куда больше, чем Полоцк. Канцлер кн. Н. Х. Радзивилл Черный в связи с потерей Полоцка в сердцах даже обвинял короля Сигизмунда II Августа в пренебрежении к проблемам ВКЛ²⁵⁶. Следует обратить внимание на наблюдение А.Н. Янушкевича: тяготы содержания войск в Ливонии лежали в основном на ВКЛ, что вызывало немалое раздражение в отношениях Великого княжества и Короны²⁵⁷. Ученый ссылается на документ, в котором расходы ВКЛ на войну в Ливонии с 1556 по 1573 г. определяются как 1 340 676 польских злотых — огромная сумма. В этом контексте получается, что содержание ливонского контингента иссушало силы

ВКЛ и умаляло и без того невеликие ресурсы. Отсюда становится более понятным бессилие властей ВКЛ в отношении освобождения Полоцка — дело было не только в нежелании шляхты воевать, но и в объективных экономических трудностях.

На 20 мая 1563 г. в Вильно был намечен вальный сейм, на котором предполагалось обсудить, что же делать с Полоцком²⁵⁸. На сейме решили собирать войско в Крево к 1 августа. Однако сборы получались плохо, Иван Грозный предложил перемирие до 1 ноября, и срок созыва «рушения» был перенесен на 29 сентября²⁵⁹. Тем самым русским было практически подарено все лето для укрепления обороны и закрепления в Полоцком повете, чем они не преминули воспользоваться.

Причины неявики шляхты на войну были просты: паны боялись, что пока они героически сражаются на фронтах, менее сознательные, но более предприимчивые соседи нападут на их деревни, угонят скот, «свезут» крестьян и т. д. Собственно, об этом они прямым текстом пишут в письмах: «...будучи мне в том часе посланным от его королевские милости пана

моего милостивого на Рус(ь), панство его милости господарское украинное, для постережения от неприятеля небезпеченства его кролевские милости и речи посполитое от великого князя Московского... а маючи кривды и шкоды, а долеглости немалые от соседов своих обополных, так и в земли Волинской в повете Луцком, Володимерском, яко и на Подляшу, в повете Берестейском, в квалтех и наездьках, воех, грабежах и инших многих речах, которыеся мне самому, именям и подданным моим, хрестияном и жидом деют...»²⁶⁰.

Но что-то надо было делать, тем более что ВКЛ само себя пугало множющимися слухами о дальнейших агрессивных планах московитов. Страна втягивалась в большую войну, которая пришла в нее из далекой Ливонии.

Пером, а не шпагой

Проигравшая сторона пустилась в рассуждения о причинах поражения. Король Сигизмунд II Август во всем винил неорганизованных и ни на что не способных подданных: «Где ж по взятии оного замку Полоцкого и пан гетман великий, панове рада и все рыцарство войска нашего, будучи под боком того неприятеля и войска его в великой небеспечности сут(ь), не могучи дати битвы про неспособность(ь) и малост(ь) войска нашего»²⁶¹.

Немецкая гравюра, изображающая штурм Полоцка в 1563 г.

По мнению А.Н. Янушкевича, в Вильно причиной поражения видели плохое командование, тактические просчеты воеводы С. Довойны. Обсуждались также темы предательства «русской партии», полоцких православных и вероломство Ивана Грозного, внезапно напавшего на ВКЛ²⁶².

Успешный контрудар был организован не в военной, а в идеологической сфере. Воевать мечом у шляхты не очень получалось, зато в распоряжении интеллектуалов ВКЛ и Польши было печатное слово, пропагандистская машина. На страницах печатных изданий — газет и «летучих листков» — от издания к изданию увеличивались ледящие душу подробности резни беззащитных горожан, измышательства над невинными девушками и женщинами, росло число трупов. Русское завоевание сравнивалось с бедствиями, которые приносят «христианскому миру» турки. Иван Грозный сравнивался с турецким султаном, который, как мусульманин, напал на европейский христианский город²⁶³. ВКЛ обвинялось в бездействии, в том, что бросило своих на произвол врага²⁶⁴.

Немецкий «летучий листок» о взятии Полоцка в 1563 г.

Немецкий «летучий листок» о взятии Полоцка в 1563 г.

«Листки» готовились в Польше, переводились на немецкий и латынь, дальше публиковались в Германии и расходились по всей Европе. К их изготовлению, видимо, были причастны и немецкие авторы из Ливонии и собственно немецких городов, имеющие своих информаторов из числа эпистолярных корреспондентов в Риге, Польше, ВКЛ. Освещение взятия Полоцка как величайшего злодеяния тирана «Васильевича» стало первой столь массовой пропагандистской кампанией во время Ливонской войны — даже русское нападение на Ливонию в 1558 г. удостоилось куда меньшего внимания. Взятию Полоцка было посвящено около десятка «летучих листков»²⁶⁵.

Одновременно с вбрасыванием информации в Европу об агрессии России против христианского государства, изначально преподносимой в совершенно определенном

ракурсе и с обличительными оценками, появляются «летучие листки», содержавшие яркие художественные и пропагандистские тексты, направленные против Москвы. А. Каппелер оценивает данное «Письмо ужасного и страшного врага-Московита королю Польскому» как один из наиболее своеобразных текстов²⁶⁶. Иван Грозный и его армия в нем изображены как аналог библейских монстров-непталимов, исполинов, врагов израильского народа. Автор «листка» утверждает, что на Полоцк напала армия антибогоизбранного народа, то есть, в конечном счете, Антихриста. Правитель монстров-московитов, великий князь московский Непталим посылает королю-Ягеллону оскорбительное послание, на что тот с достоинством отвечает. По аналогичной схеме и с таким же содержанием был выпущен в 1563 г. в Праге листок на чешском языке «Новости ужасные, грозные и горестные...»²⁶⁷.

Кроме немецких и чешских, появились тексты на латыни, причем было прямо указано, что листок переведен с немецкого²⁶⁸. Он был издан в нескольких вариантах в северофранцузском городе Дуэ. На обложке использованы разные гравюры, в том числе изображение человека, топором срубающего дуб. Знания автора о реалиях Восточной Европы невелики: он считает, что Полоцк и Псков — один и тот же литовский город. Листок сообщает о взятии города, злодействах над мужчинами, женщинами, девственницами и детьми, рисует толпу голых пленных женщин и т. д., описывает масштабы военной угрозы Польше со стороны Московии, о сотнях тысяч воинов, сражавшихся под городом. Московиты объявлены врагами Священной Римской империи, и нужны решительные действия, чтобы выжечь эту язву, угрожающую христианам.

Сочинение автора, скрывающегося за именем Иоганн Рейнхард Гравингеллиус (Johann Reinhardus Grawingellius), было издано в 1563 г. в Нюрнберге²⁶⁹. Этот «Жалобный плач города Полоцка» был написан... в стихах. Он адресован в Эрфуртский коллегиум монахов ордена августинцев. Перед читателем предстает богатый богобоязненный город, опущенный московитами в бездну греха. Гибнут преимущественно женщины и дети. В плен в Московию гонят несчастных полочан. Во всем виноваты

ужасное тиранство и жестокость московитов и их страшного правителя. Полоцк кается, плачет и причитает о своем горе, которое видит следствием своих грехов. Не грешил бы — может, и не было бы Господнего наказания. Надо сообщить об этой трагедии всему свету, особенно германскому миру, потому что ему особенно угрожает Московит. А покаяние и избавление от грехов может вернуть Полоцку его белую судьбу.

Современники не ожидали от русской армии способности к ведению столь успешных боевых действий. Поэтому возникали самые экзотические объяснения невиданных побед московитов: некий итальянский аноним XVI в. виновниками поражения литовцев называл... английских и немецких пушкарей, служивших московитам. Именно они якобы своим огнем зажгли город и принудили его к сдаче²⁷⁰.

Следующими пунктами агрессии московитов авторы немецких «летучих листов» уверенно называли Киев и Вильно. Все эти выдуманные ужасы излагались, как отмечено в самих сочинениях, «для предостережения и исправления немецкого читателя», что сопровождалось призывами обращения к Богу и укрепления веры перед угрозой «Бича Божьего», новых варваров с Востока.

Стоит подчеркнуть, что в этой пропагандистской кампании Литва и Польша полностью преуспели. Они создали у европейского читателя устойчивое мнение: Полоцк стал жертвой масштабной и жестокой агрессии, а Россия — страшное варварское антихристианское государство во главе с царем-тираном.

От дипломатии к войне. Битва под Улой

23 февраля 1563 г. литовский посланник Павел Бережицкий привез к командовавшему одним из полков под Полоцком боярину И.Ф. Мстиславскому грамоту от Н.Я. Радзивилла, Н.Ю. Радзивилла и Г.А. Ходкевича. Она была адресована боярам: И.Д. Бельскому, П.И. Шуйскому, Д.Р. и В.М. Юрьевым, И.П. Яковлеву. Иван IV обвинялся в поведении, не соответствующем облику христианского государя из-за нарушения своего слова, нападения на Полоцк и учинения кровопролития христианам. Паны

просили о перемирии до праздника Успения Богородицы (1 сентября 1563 г.), до которого, по их заверениям, должны были приехать в Москву большие послы Сигизмунда. Это встретило понимание и у царя, и у Боярской думы: фактически Сигизмунд соглашался на то, чего русская сторона давно добивалась. Царь велел объявить послу, что ради обращения панов он приказал отложить якобы готовившийся поход вглубь литовского государства и ждет послов до Успенева дня.

Об этом панам была отправлена ответная грамота от имени бояр. Вину за нападение на Полоцк полностью возложили на литовскую сторону: Сигизмунд и паны слишком долго слали послов, вот и дождались боевых действий. Иван IV полоцким походом «искал своей вотчины» «за брата своего, вашего государя, неправду», и Божие милосердие в виде падения Полоцка — несомненный признак того, что Господь на стороне русского царя, истинного христианского государя. Бояре били челом брату Ивана, Владимиру Андреевичу, чтобы тот ходатайствовал перед царем о перемирии, и согласие Грозного получено, панам только следует поспешить с послами²⁷¹.

В данном обмене грамотами представлены два видения ситуации, литовское и русское. Для панов идеалом выступает король Сигизмунд, который не нападал на Московию и этим миролюбием снискал репутацию истинного христианского короля, жертвы агрессии отступника от христианской морали и виновника ужасного кровопролития Ивана IV. Падение Полоцка, которое могло трактоваться как признак недовольства Господа Сигизмундом, интерпретировалось иначе: крепость была взята, когда король был в отъезде в Польше, то есть без него, поэтому монарх не виноват, а в данном обстоятельстве еще раз проявилось коварство русских. Русские же бояре писали об истинном царе, который блюдет свою вотчину, даже некогда утраченную, наказывает врагов за их неправды, но при этом милостив к побежденным, дарует им жизнь и готов даже пожаловать и принять на службу, прислушивается к советам родственников и подданных и способен простить короля, если последний продемонстрирует готовность к переговорам и пришлет послов.

В русской посольской книге указано, что государь в феврале 1563 г. милостиво «по литовской грамоте» отложил свои планы дальних военных походов и согласился ждать больших послов. Насколько можно буквально верить этой фразе — мнения ученых расходятся. А.Л. Хорошкевич, безоговорочно доверяя источникам, считает, что и литовская знать уязвила царя («в титуле не было ни слова “царь”, столь долгожданного из уст литовцев...»²⁷²), и русская знать проявила строптивость и, втайне поклоняясь идеалам пацифизма, стакнувшись с литовцами и с готовностью пошла на перемирие, презрев все завоевательные планы своего монарха. Более взвешенную оценку перемирия февраля 1563 г. дает А.Н. Янушкевич, указывая, что литовцам было необходимо срочно прекратить боевые действия и не допустить их развития²⁷³.

Нам неизвестно, откуда у А.Л. Хорошкевич информация, что Иван Грозный после взятия Полоцка ожидал признания ВКЛ его царского титула, и то, что это не сбылось, его оскорбило. В источниках об этом нет решительно никаких сведений. Ситуация с перемирием февраля 1563 г. кажется предельно ясной: русские только что достигли цели похода, за две недели взяли городской центр огромной территории, победа, эйфория — нужна передышка, остановиться, оглядеться, тем более что неясна ситуация с вражескими силами, которые могут напасть и деблокировать Полоцк — судя по количеству русских полков, выделенных для противодействия нападению извне, этого серьезно опасались. А тут неприятель сам просит перемирия, то есть он не нападет — конечно, надо соглашаться! ВКЛ же было очень важно не допустить разрастания масштабной катастрофы, чтобы русская военная машина остановилась на берегу Западной Двины. Так что временное, тем более такое краткосрочное перемирие устраивало всех, и не стоит тут искать каких-то тайных политических смыслов.

Зато в грамоте, посланной 24 февраля в ВКЛ, было сделано сразу несколько важных деклараций. Впервые в царский титул было включено определение «Полоцкий». Полоцкая земля именуется вотчиной московского государя. Претензии России (и зона перемирия) обозначены как «город Полоцк и весь повет

Полоцкий»²⁷⁴. Случившееся знаменует собой богоугодное дело и торжество православия.

Проходивший в мае-июне в Вильно сейм литовской шляхты постановил собрать ополчение («посполитое рушение») к 1 августа 1563 г. Были определены нормы имущества, с которого дворяне великого княжества должны были выставлять определенное количество воинов с полным вооружением. Несоблюдение норм сбора ополчения грозило конфискацией имений. Но, несмотря на «крутизну» принимаемых мер, мобилизация происходила медленно и плохо. Идти воевать почти никто не хотел, хотя, казалось, над родиной нависла смертельная опасность.

Сигизмунду ничего не оставалось, как продолжать затягивать переговорный процесс. В мае 1563 г. он отправил Ивану IV послание, в котором выражал негодование по поводу нападения на Полоцк (о чем, согласно письму, узнал от панов рады), одобрял заключенное между панами рады и боярами перемирие до дня Успения Богородицы 1563 г. и... требовал новую опасную грамоту на послов, поскольку предыдущая была нарушена взятием москвитями Полоцка²⁷⁵! 13 июня 1563 г. это послание вручил царю в Александровой слободе гонец Юрий Быковский. Аналогичную просьбу от панов рад к митрополиту привез посланник Войтех Сновицкий²⁷⁶.

В грамоте Ивана IV Сигизмунду, отправленной с гонцом А.Ф. Клобуковым, царь писал, что причиной Полоцкой войны было вмешательство Сигизмунда в ливонский вопрос. При этом Москва предлагала еще продлить перемирие, с 1 сентября до 1 ноября, прекратив на это время все боевые действия²⁷⁷. В сентябре после визита в Москву посла В. Мацкевича перемирие затем было продлено до 6 декабря 1563 г. — до этого срока планировалось прибытие в Москву больших литовских послов²⁷⁸.

Затяжка времени была Сигизмунду необходима для сбора войска (для задабривания шляхты король приступил к раздаче привилегий²⁷⁹) и поиска союзников. В Крым отправился литовский посол Ю. Быковский. Он сообщил, что с Москвой заключено перемирие до 6 декабря, и предложил в срок до 21 ноября собрать литовскую и татарскую

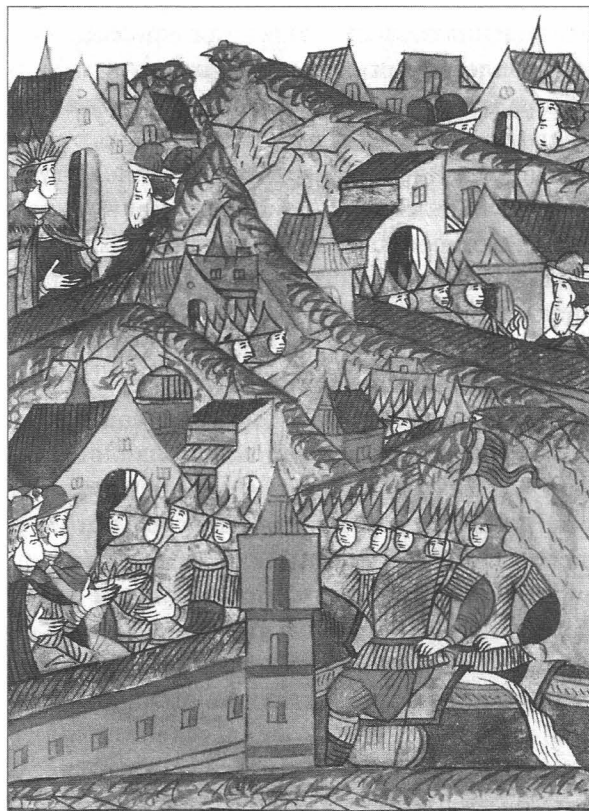
армии и совместно одновременно вторгнуться в Московию. Быковский убеждал, что вся русская армия под Полоцком, границы оголены. Крымцам отводилась зона нападения: Северская земля и Смоленщина²⁸⁰. ВКЛ очень рассчитывало на помощь татар. Тем более что их обнадеживали отдельные набеги 1563 г.: в мае было получено известие о набеге 10 000 крымских татар под русский г. Михайлов²⁸¹.

Однако планы ВКЛ сорвались из-за более искусных действий русской дипломатии, которая к тому времени почти что склонила Девлет-Гирея к заключению московско-крымского союзного договора²⁸². А в июне крымцы ударили по южным землям ВКЛ²⁸³. Антимосковского союза не получилось...

В июне-июле 1563 г. отряды Великого княжества атаковали позиции русских войск. Но в этих локальных боевых действиях были

Сборы русского войска в Вязме, Дорогобуже, Смоленске и Полоцке.

Миниатюра Лицевого летописного свода

Немецкий «летучий листок» о битве под Улой 1564 г.

задействованы не основные силы шляхетского ополчения, а каневские черкасы (украинцы, жившие вокруг г. Канева) и белгородские (приднепровские) татары. Под командованием князя Дм. Вишневецкого, перебежчика, когда-то служившего Ивану Грозному, они напали на Северские земли вокруг Чернигова, Новгород-Северского и Путивля. Все набеги «литовских людей» были отбиты²⁸⁴.

Россия же продолжала развивать успех на полоцком направлении. 11 августа 1563 г. русским отрядом, пришедшим от Полоцка, был сожжен Лукомль²⁸⁵. Нападения также совершались на Витебскую волость, с. Улеи, задвинские села Бобрыничи, Ореховно, Плюсное, Чураки, Усвее, Глубокое, Березвечо, Ластовицу, Залесье, Задорожье, местечко Лепель, замок Дриссу²⁸⁶. В сентябре-октябре последовал поход русских войск от Полоцка на Дриссу, «аж до Дисны», относящиеся к этому району с. Белое, Дерновичи, Зябки, было сожжено имение Я. Глебовича Голомысль²⁸⁷.

Только в декабре 1563 г. ВКЛ сумело нанести контрудар — литовцы из Борисова напали на Лукомль, села Чашники и Нисино в Полоцком повете²⁸⁸.

На фоне этих мелкомасштабных и довольно бессистемных боевых действий громом среди ясного неба прозвучало известие о крупной победе ВКЛ, разгроме «москвитов» под Улой и гибели первого воеводы захваченного Полоцка П.И. Шуйского в январе 1564 г.

Сведения источников о сражении под Улой довольно подробно разобраны в монографии А.Н. Янушкевича²⁸⁹, и со многими его выводами стоит согласиться. Складывается следующая картина. Зимой 1564 г. по приказу из Москвы русская армия начала продвижение по Полоцкой земле. Целью, судя по всему, было расширение контроля над территорией между Смоленском и Полоцком. Два крупных отряда выступили из Полоцка (командир П.И. Шуйский) и Смоленска (В.С. Серебряный) одновременно в направлении Орши и должны были соединиться в селе Бораны. Далее войска должны были совершать разорительные рейды по территории ВКЛ. Источники называют разные направления этих набегов: Минск, Новогрудок, Друцкие поля и даже Вильно²⁹⁰. Следует согласиться с А.Н. Янушкевичем, что русский командный состав в этой кампании был весьма представительным — бояре П.И. Шуйский, В.С. и П.С. Серебряные, З.И. Очин-Плещеев, И.В. Шереметев Меньшой и др., татарские царицы Ибак, Кайбула. С такими командирами группировка должна была быть крупной. Вопрос — насколько.

А.Н. Янушкевич считает наиболее вероятной цифру, содержащуюся в письме Н. Радзивилла Рыжего (Рудого), — 17 000–18 000. Исходя из вышеприведенного исследования численности русской армии в Полоцком походе, она представляется нереальной. Для рейдов по территории противника столько войск совсем не надо. Что за рейд, в котором участвуют не менее 30 000 лошадей? Они вытопчут и съедят весь Полоцкий повет. Это не набег — это нашествие. Рейды русской армии по Ливонии в 1550–60-е гг. показывают, что в них участвовали отряды от

3000–4000 до 11 000–12 000, которые действовали не монолитно, а «рассыпались» в «загоны» по несколько сотен человек²⁹¹.

Думается, что примерно так же возможно оценивать и размеры отрядов Шуйского и Серебряного — по несколько тысяч, что в сумме могло дать двузначную цифру между 10 000 и 15 000 (то есть верхняя планка приближается к данным, указанным Радзивиллом). Хотя большие размеры войска сомнительны — если в Полоцком походе участвовало от 30 до 60 тысяч, то неужели для рейда по тылам ВКЛ было выделено от половины до четверти войск, участвовавших в Полоцком походе? Ведь эти войска не стояли на месте в Полоцке, их значительную часть сохраняли дети боярские, бывшие «на годованье» в разных крепостях России и мобилизованные для похода на Полоцк. Они должны были после кампании

вернуться обратно, чтобы не оголять свои места службы.

Большинство участников Полоцкого похода 1563 г. должны были уйти обратно в Россию. Те, кто остались, составляли полоцкий гарнизон, контролировали ближнюю округу, коммуникации, сидели в мелких крепостях и опорных пунктах («острожках») — их невозможно было снять и бросить в какой-то там рейд. Свободных войск, пригодных для подобных военных мероприятий, на Полотчине в 1564 г. не могло быть много.

Однако для прославления победы над «московитами» требовался масштаб. «Лист о новинах» сообщает о 24 000 «московитов», В. Папроцкий в «Гербовнике рыцарства польского» — 25 000, хроники М. Стрыйковского и М. Бельского — по 30 000 у Шуйского и 50 000 у Серебряного. Этой армии противостояло очень скромное количество литовских

Современный вид на Иванские поля.

Где-то в этом районе произошла Ульская битва 1564 г.

войск — те же источники сообщают о 4000–10 000 литвинов²⁹². Тем самым победа под пером авторов пропагандистских текстов оказывалась еще более великой — меньшие силы разгромили большие орды врага.

Отряд Шуйского шел от Полоцка на юг, в направлении Лукомля. Литовские войска столкнулись с ним 26 января 1564 г. «на встречном курсе», выступив от Лукомля к Чашникам. Сражение произошло «на Иванских полях», недалеко от Чашников и реки Улы.

Ход боя в источниках описан довольно противоречиво. Принципиальный вопрос — перехватили ли литовские войска отряд Шуйского внезапно, в лагере или на марше, не готовым к бою, или же это была «правильная» битва с построением полков и т. д.? Согласно московской летописи, «Царевы же и великого князя воеводы не токмо доспехи [не] успели на себя положить, но и полки стати не успели». Летописец обвиняет воевод в том, что они «...шли не по государскому наказу, не бережно и не полки, и доспехи свои и всякой служебной наряд везли в санех»²⁹³. По этой версии, отряд Шуйского был застигнут врасплох, либо на марше, либо уже когда входил в лагерь на Иванском поле и готовился размещаться на ночлег. Воины были без доспехов, оружие везли упакованным на подводах. Внезапная атака литовцев, практически в преддверии ночи («прилучилося к ночи») рассеяла русское воинство и обратила его в беспорядочное бегство. Атаку начали роты Б. Корсака и Г. Баки, потом подключились роты кн. Соломерецкого и М. Сапеги. За ними подошли основные силы литовского войска. Нунций Дж. Коммедоне сообщает, что литвины напали на врага «из кустов».

Согласно же ряду литовских источников (донесения Н. Х. Радзивилла и Дж. Коммедоне), русское войско успело построиться и встретило врага в правильном строю и полной боевой готовности. Но удар солдат ВКЛ был сильнее и обратил противника в беспорядочное бегство. Погоня шла до реки Кривица.

Таким образом, как следует из проведенного А. Н. Янушкевичем анализа источников, перед нами два возможных сценария: «...в одном из них битва имеет характер открытого боя, в другом сначала были разбиты

передовые отряды московитов, и лишь потом состоялась генеральная атака, которая, скорее всего, была неожиданной для противника»²⁹⁴. Нам кажется, что вопрос надо ставить несколько иначе: литовцы разбили войско Шуйского внезапным нападением, перехватив его на марше или при заходе в лагерь, неготовым к бою, или же русские войска хотели дать врагу полевое сражение на Иванском поле под Чашниками, но оказались слабее. Думается, что правильной является первая версия. В ее пользу говорит вечернее время событий — кто же изготавливается к полемому сражению в ночь, когда уже смеркается? Шуйский прозевал нападение врага, и русское войско просто рассеялось и побежало из-за неготовности принять бой.

Интересно, что Ульская битва заслужила честь быть изображенной в Лицевом летописном своде: ей посвящено целых девять миниатюр, как бы небольшая «иллюстративная повесть». На первом листе изображено выступление войск Шуйского, на втором — войск Оболенского.

На третьей миниатюре показана выдача наказа Ивана Грозного воеводам о соединении. На четвертой войско Шуйского, вышедшее из Полоцка, идет без доспехов, тащит за собой обоз. Автор комментирует это подписью, что воеводы ослушались царя и шли «небрежно», не по государеву наказу. Причем возы изображены закрытые чехлами и затянутые веревками. С таких в самом деле нельзя было быстро взять оружие.

Саму битву Лицевой свод изображает... в лесу («места тесные и лесные»). Поэтому воеводы и не смогли «исполчиться», взять с возов оружие, выстроиться в боевой порядок.

На следующей миниатюре изображена атака закованной в броню литовской кавалерии и гибель русского войска.

На последней миниатюре цикла изображено русское войско («дети боярские, стрельцы и боярские люди»), которые ушли в Полоцк. Тем самым подчеркивается, что русская армия была разбита не вся, а отдельные отряды. Остальные же благополучно ушли на свою базу. На миниатюре интересны изображения стрельцов и вид Полоцка со Св. Софией, как его представлял себе художник.

*Выступление отряда князя Оболенского.
Миниатюра Лицевого летописного свода*

*Войско Шуйского выходит из Полоцка.
Миниатюра Лицевого летописного свода*

Лицевой свод утверждает, что никакого поражения под Улой и не было. Согласно его версии (которую можно считать русской официальной версией), литовцы всего-навсего «не пустили» Шуйского к Орше и в бою погибло 150 детей боярских. Зато когда остальные воеводы узнали о неудаче Шуйского, они «в Литовской земле войну распустили». Так что ВКЛ еще и понесло урон от стычки под Улой, вызвало тем самым разоренье своей территории. На миниатюрах изображены русские воины, секущие местное население. Показаны огромные отряды конников в высоких шлемах-шишаках, идущие по литовской земле и увозящие большой полон — вот чем, по мнению автора Лицевого свода, на самом деле закончилась битва при Уле!

Русские войска в битве при Уле в «местах тесных и лесных». Миниатюра Лицевого летописного свода

*Поражение русских войск в битве при Уле.
Миниатюра Лицевого летописного свода*

В литовских источниках размеры потерь «москвитов» росли от текста к тексту. Если в донесении Радзивилла изначально значилось 9000, то в «реестре Ульской битвы» — уже 16 000, у Л. Гурницкого — 18 000, у М. Стрыйковского — 25 000, у А. Гваньини — 30 000, в «Хронике литовской и жмойтской» — 45 000. Истинные потери установить столь же трудно, как и общую численность русского отряда. Русские летописи указывают небольшие потери (до 150 человек) и делают акцент на рассеивании детей боярских — они «розбеглись». Потери литовской стороны составили, по литовским источникам, около 20 убитых и 600–700 раненых²⁹⁵. Среди погибших командиров был П.И. Шуйский. Обстоятельства его смерти устанавливаются с трудом: он был убит местными крестьянами, убит польским

*Отступление русских войск в Полоцк
после битвы при Уле.
Миниатюра Лицевого летописного свода*

*Разоренье литовской земли после битвы
при Уле.*

Миниатюра Лицевого летописного свода

шляхтичем Каспером Швейковским, зарублен топором, утоплен («посажен в воду»), труп найден в колодце, и т. д.²⁹⁶ Несомненно только факт гибели полоцкого воеводы.

Победа над Шуйским под Улой вызвала ликование и поток победной риторики в королевских посланиях. Король всячески восхвалял рыцарство и шляхту, «родичок великого княжества», и указывал, что агрессия Ивана IV направлена именно против знати ВКЛ. Именно ее он хочет истребить, лишить имущества, «отчизны», т. е. родовой земельной собственности, разлучить семьи, истребить потомство (жен-матерей и детей) и т. д. Перечень весьма примечателен. Он свидетельствует, что король стремился сделать борьбу с агрессором личным делом каждого шляхтича, донести до него чувство смертельной угрозы его личному благополучию, ценностям (вольностям и правам) и бытию. При этом, как и в России, широко привлекалась религиозная риторика: великий князь московский совершает антихристианские поступки, а ведь Господь гордым противится, а смиренным дает благодать (Иак. 4: 6). Король восклицает, что Бог на стороне рыцарей Великого княжества («народа шляхетского»)²⁹⁷.

Как точно заметил А.Н. Янушкевич, «...литовская пропаганда отлично работала». Полководцы ВКЛ (прежде всего Н. Х. Радзивилл) делали акцент на том, что малой кровью в честном открытом бою победили несметные темные силы «москвитов». Газеты и «летучие листки» о победе при Уле с подачи литовской и польской стороны активно распространялись в Европе. Донесение Радзивилла о победе было переведено на немецкий и опубликовано в Германии. Столь активное муссирование темы победы над войсками Ивана Грозного вызвало даже появление известий в европейских газетах, что литовцы зимой 1564 г. ... отбили у русских Полоцк²⁹⁸.

Каково на самом деле значение Ульской битвы? Несомненно, это было поражение русских войск. Были сорваны планы проведения глубоких набегов и рейдов по территории ВКЛ зимой 1564 г. Полоцкий отряд Шуйского разбит и обращен в бегство, а смоленский отряд Серебряного отказался от своих планов и отступил на российскую территорию после

известий о поражении Шуйского и столкновении с отрядом оршанского старосты Ф. Кмиты. Есть сведения, что Ф. Кмита организовал успешную разведывательную операцию — подбросил русским документы о приближении большой армии литовцев и перечни высокопоставленных воевод, убитых и взятых в плен при Уле. После этого В. Серебряный счел за благо отойти к Смоленску. Безоговорочно поверить в заслуги Кмиты мешает то, что в других документах честь организации дезинформации приписана Н. Х. Радзивиллу. Смущают и победные реляции: в результате бегства русских якобы захвачен огромный обоз (от 5000 до 25 000 подвод) и убито до 100 высокопоставленных военачальников и до 9000 москвитов²⁹⁹. Отделить здесь вымысел о великих победах литовских полководцев от реалий непросто. Но думается, что сведения о столь огромных потерях и грандиозных трофеях в десятки тысяч подвод надлежит считать преувеличенными.

Памятник 1000-летию польской кавалерии на Мокотовом поле. Варшава

Памятник 1000-летию польской кавалерии на Мокотовом поле. Варшава

В то же время, если мы посмотрим на историю войны 1563–1565 гг., то видно, что практически никакого влияния на ход войны Ульская битва не оказала. Было проиграно сражение, но война шла своим чередом. В этом плане сценарий войны за Полоцк в первые годы очень похож на Смоленскую войну 1512–1522 гг.: и там, и там сначала был крупный успех русских — взятие Смоленска (1514) и Полоцка (1563), за которым последовало поражение

в полевом сражении (Оршинская битва 1514 г. и Ульская битва 1564 г.). Ни то, ни другое ничего не изменили в общем итоге кампании. И та, и другая война продлится еще несколько лет и после серии мелких стычек и локальных боев закончится перемирием по принципу «кто чем владеет».

Не стоит преувеличивать и степень влияния Ульской победы на интенсивность боевых действий в регионе. Если судить по литовским победным реляциям, то «московита» загнали под лавку, и он дрожал за крепостными стенами и боялся нос оттуда высунуть. Но в действительности война в пограничье и на приграничных территориях ВКЛ не стихла. В Великий пост литовцы от Влеха воевали пригородные волости по рубежу, а русские воеводы из Невеля и Полоцка совершили удачные нападения на литовцев³⁰⁰. В наказе русскому послу в Крым Ф.А. Писемскому сообщается о нападениях русских войск под началом Семиона Касаевича, Ибака и Кайбулы на Дубровну, Оршу, Друцк, Борисов, по Виленский рубеж и по Березину; города: Копос, Шклов, Тетерин, Могилев, Радомль, Мстиславль, Чичерск³⁰¹. Наказ Писемскому, содержащий эту информацию, датирован апрелем 1564 г., но в нем говорится, что в том походе под началом Семиона был П.И. Шуйский, и далее в очень смягченной форме рассказывается о его поражении. Поэтому эти боевые действия можно датировать январем-февралем 1564 г.

И последний штрих. В Варшаве воздвигнут памятник польской кавалерии, и на нем перечислены ее победы. Ульская битва записана как «Orsza 1564». В этой надписи прекрасно все. Битва была не под Оршей, а недалеко от Улы и Чашников (перепутана с Оршинской битвой 1514 г.?). Главной ударной силой был литовский, а вовсе не польский контингент. Но памятник поставлен польской кавалерии.

ГЛАВА 5. СПОРЫ О ПОЛОЦКЕ НА РУССКО-ЛИТОВСКИХ ПЕРЕГОВОРАХ 1563–1566 гг.

«Малое дело» Полоцк. Первые переговоры о судьбе города

1563 год был насыщен событиями. Всем находилось дело. Русская, русинская, литовская и польская пехота и конница сходились в смертельных сватках в полях и лесах под Полоцком. Литовские и польские интеллектуалы сочиняли об этих сражениях победные религии. Типографы печатали газеты и «летучие листки», а купцы везли их в Европу и распространяли в Священной Римской империи. Пора было вступать в игру дипломатам — договариваться о новых конфигурациях границ в Восточной Европе.

После долгих проволочек, исходивших от литовской стороны, только в декабре 1563 г. в Москву прибыло большое посольство во главе с Юрием Ходкевичем, Григорием Воловичем и писарем Михаилом Гарабурдой. Переговоры не задалась. Русские дипломаты прибегли к излюбленному приему: очень высоко задрать планку требований, а потом их постепенно снижать, выдавая отказ от заведомо абсурдных и невыполнимых претензий за грандиозную уступку, которую царь делает через силу, «поступаясь» самым дорогим. При этом, собственно, главная цель переговоров — закрепление за Россией Полоцка с поветом — стояла в самом конце списка. Единственное, что при таком раскладе в данной «шахматной партии» оставалось литовским дипломатам, — просто «смешать все фигуры на доске», провалив переговоры. Что и случилось. Проволочка играла на

руку России, так как по факту она продолжала обустроиваться в Полоцком повете.

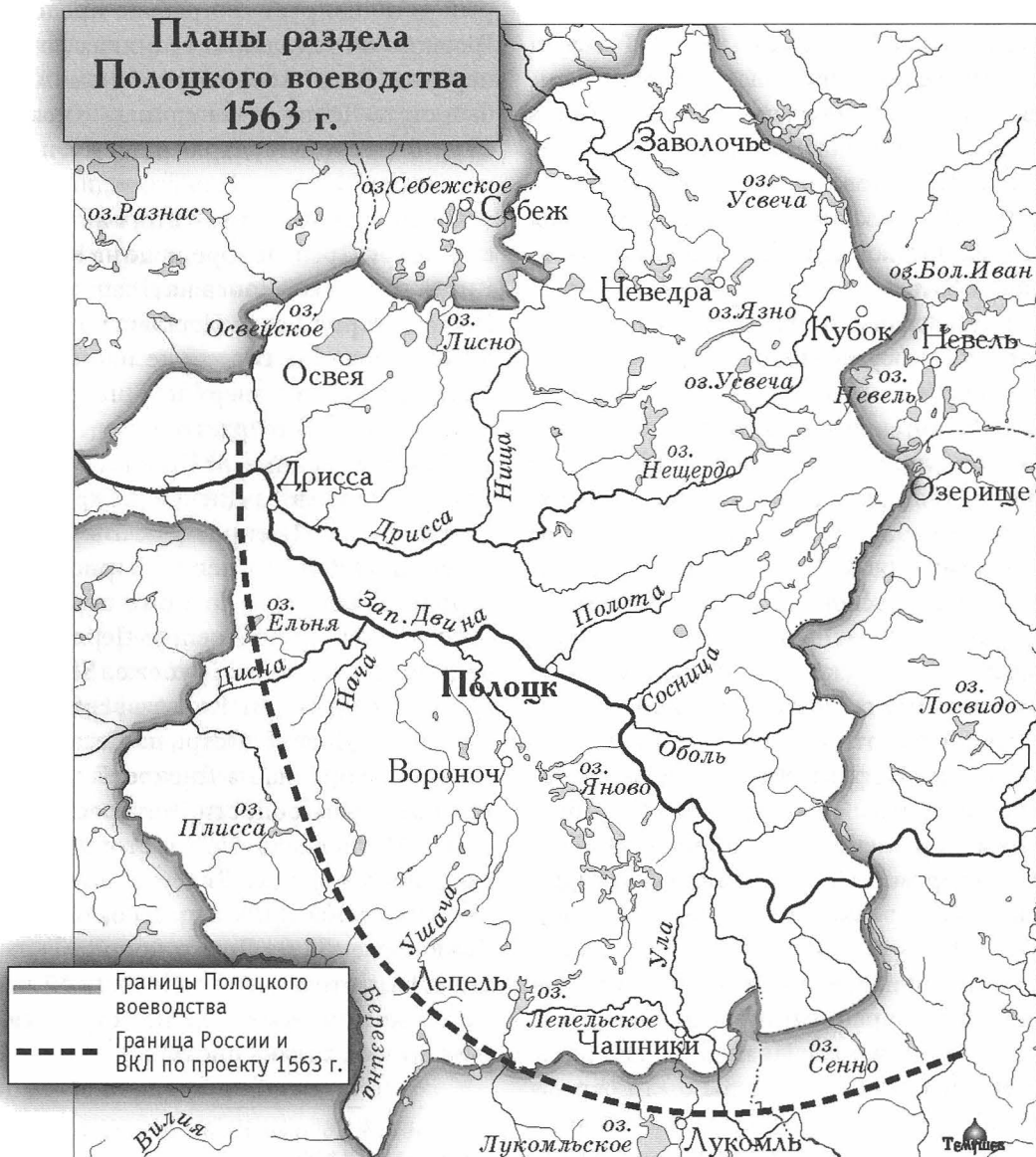
Фактически Россия в декабре 1563 г. предложила ВКЛ полный пересмотр геополитической ситуации в Восточной Европе. Московское государство объявлялось Российским царством, его государь в 1547 г. венчан шапкой византийских императоров Мономахов. А король Сигизмунд злобно не признает этого великого свершения. Без признания царского титула и статуса России как царства миру быть невозможно. Вторая претензия — вмешательство Сигизмунда в дела в Ливонии.

Но это всё были цветочки. Ягодки пошли потом. В декабре 1563 г. впервые открытым текстом из уст русских бояр прозвучала интерпретация титула «всёя Руси» как символа претензий на бывшие вотчинные земли Рюриковичей. Причем такая интерпретация употреблению оборота «всёя Руси» была дана задним числом, спустя полвека, и фактически приписана Ивану III (при нем такой трактовки не было) Якобы когда Иван III в договоре с Александром Казимировичем был назван «государем всёя Руси», то это означало, что он государь «и той Руси, которые города русские ныне за государем вашим»³⁰². Но перед нами — трактовка 1563 г., в 1494 г. она не звучала!

Вот это уже был кошмар. Титул «всёя Руси», принятый Иваном III в конце XV в. (точная дата спорна), был изначально связан с идеей собиранья под его властью великокняжеской вотчины, собственно древнерусских земель (Новгорода, Твери и т. д.). В ВКЛ на

него всегда смотрели подозрительно, опасаясь, что под «всю Русь» попадают Киев, Полоцк, Минск, Витебск и вообще большая часть земель Великого княжества. Но впервые в качестве лозунга собирания всех земель, когда-то входивших в Русь, российская сторона интерпретировала титул «всея Руси» только в 1563 г. Зато контекст, в котором это произошло, был весьма впечатляющим: только что взят Полоцк, который называется вотчиной Ивана Грозного. А поскольку «вся Русь» — тоже вотчина московских государей, не является ли взятие Полоцка только началом большого наступления на запад?

На переговорах бояре зачитали перечень населенных пунктов, входящих в вотчину Рюриковичей, «...но от наших предков невзгодами к его брата нашего предков зашли городов и с уезды их». Этими землями Сигизмунду предлагалось «поступиться»: Киев, Вышгородское городище, Белгородское городище, Любеч, Остерское городище, Лоева Гора, Речица, Стрешня, Рогачев, Могилев, Шклов, Копось, Орша, Дубровна, Чичерск, Пропойск, Кричев, Гомель, Мстиславль, Тетерин, Быхов, Логойск, Друческ, Горволь, Бобруйск, Свислочь, Борисов, Минск, Витебск, Сурож, Озериче, Канев, Черкасы, Переяславльское городище,

Красный, Трепольское городище, Белая Церковь на р. Роси, Звенигородское городище, Житомир, Слободище, Ижеславль, Глушеск, Глучск, Мозырь, Чернобыль, Овруч (Вручий), Звягль, Давыдов городок, Петрокович, Туров, Слуцк, Копыль, Плеск, Кобрин, Брест, Каменец-Берейский, Ковно, Турейск, Володимир, Горюховен, Кошира, Луцк, Черторыйск, Клевань, Торчин, Ровно, Дубна, Острог, Ковель, Жеславль Волынский, Полоной, Шульженцы, Чудно, Вишневец, Дорохвеевцы, Янполь, Перемерка, Холм, Перемышль, Чернигов, Бряславль, Хмельников, Веницы, Львов, Галич, Каменец-Подольский, Межибож, Сакаль, Друя, Дрисса «и от Смоленского рубежа по Березыню и Киева со всеми города, что из старины к нему было, и до Берести и Подольские и Волынские земли... А Волынская и Подольская земля и по Полской рубеж, и то все вотчина наша»³⁰³. Данные земли — вотчина Рюриковичей от Св. Владимира Крестителя и его сына Ярослава. Под власть великих князей литовских эти территории «попали насилем»: «а зашла та вотчина за государя вашего и за предков его... некоторыми незгодами после Батыева пленения, как безбожный Батый многие грады русские попленил, и после того потому от государей наших русские города и поотошли».

Столь обширный и детализированный перечень территориальных претензий к Литве Москва предъявила впервые, и это было, несомненно, вызвано эйфорией от военного успеха под Полоцком. Столь же грозно выглядели и конечные условия, на которых Россия готова заключить вечный мир: «И будет брат наш учнет наше царское имя к нам писати по нашему царскому венчанию сполна и тое наши старинные вотчины по сему писму поступитца, а из Вифлянские земли из нашею вотчины своих людей выведет, и мы так с братом своим миру вечного и доброго пожитья хотим». Недаром писарь Михайло Гарабурда, выслушав такие речи, заметил перед началом дебатов: «Первое малые те дела переговоровим, потом и большие учнем говорити»³⁰⁴. На фоне подобных требований «малым делом» Гарабурда счел... взятие Иваном IV Полоцка.

Ответные претензии Литвы были скромнее и касались в основном недавних территориальных потерь. Послы заявили о желании

короля получить: Великий Новгород, Псков, Смоленск, Полоцк, Торопец, Великие Луки, Вязьму, Белую, Чернигов, Путивль, Новгород-Северский, Радогощ, Стародуб, Мглин, Попову Гору, Почап, Брянск, Трубчевск, Одоев, Воротынский, Любуцк. Кроме новгородских и псковских земель, речь шла в основном о территориях, потерянных Великим княжеством в русско-литовских войнах в первой половине XVI в.³⁰⁵

Переговоров не получилось. Бояре говорили послам: «О том себе и на уме не держите, что государю нашему из Полоцкого повету соломинка дати, не токмо что о Смоленске вам поминати». Литовцам был предъявлен новый список территориальных претензий, который детализирует географию представлений Грозного об идеальных границах Российского царства. Осью новых приобретений должен был стать Днепр, а центром — Киев: «А описали бы есте государю нашему на вечный мир город Киев, да Вышегородище, а города к Киеву, которые по той стороне Днепра вниз по Днепру: Треполь Городище на Красной реке, Китай городище, Канев на Днепре, Черкасы на Днепре, город Белая Церковь на реке на Роси, Звенигородское городище на угорьском текиче. А от Киева вверх по Днепру на той же стороне реки Днепра: городище Лоевы Горы на Днепре, Речица на Днепре, Стрешен на Днепре, Рогачев на Днепре, Быхов на Днепре, Могилев на Днепре, Шклов на Днепре, Тетерин, Орша на Днепре, Борисов, Друческ. Города к Киеву ж, которые по сей стороне Днепра вниз же по Днепру: Перясловское городище, Красное на Трубеже, Белое городище на Днепре. А от Киева вверх по Днепру: Любечь на Днепре, Острь на Десне, Копось на Днепре, Дубровна на Днепре, Гомей на Соже, Пропоеск на Пропости, Чичереск, Кричев на Соже, Мстиславль. По сю сторону Березыни русские ж города: Витебск на Двине реке, Сурож усть Каспли, Озереща на озере, Друя на Двине реке. Да из Дрыси королевских людей вывести, потому что то Полотцкой повет. Да в Вифлянскую землю бы не вступался, а царское бы имя сполна писал*»³⁰⁶.

* Речь идет о требовании признать царский титул («царское имя») Ивана IV

Однако все эти воображаемые владения Московского государства, как показал дальнейший ход переговоров, были не более чем декларацией о возможных намерениях. Как только выяснилось категорическое нежелание послов даже обсуждать поставленные вопросы без получения от короля соответствующих инструкций, русская сторона тут же объявила, что «царь поступается Киевом», и стала добиваться заключения перемирия с крестоцелованием на условиях закрепления за Россией Полоцка и Ливонии, что, видимо, было действительной целью Ивана IV. В случае несогласия послов им предлагалось остаться в Москве, пока не подъедет из Вильно новое посольство с инструкциями о «вечном мире» и передаче России Киева.

Поскольку в этом случае дипломаты имели все шансы умереть в Москве от старости, они быстро пошли на попятную и объявили о королевском согласии на время перемирия признать утрату города Полоцка, но Полоцкий повет разделить по р. Двине. Ходкевич, Волович и Гарабурда упирали на то, что «сам государь в повете не был»³⁰⁷, он не завоеван, а русские на него претендуют только в силу административной подчиненности данных земель Полоцку, что несправедливо. Им можно уступить полосу земли по левому берегу Двины шириной в одну милю, и все³⁰⁸. В Ливонии же Сигизмунд предлагал перемирие по принципу: «Кто чем владеет на момент переговоров». Срок перемирия Литва предлагала до 1 июля 1564 г.

21 декабря 1563 г. Иван IV огласил условия, на которых он готов был разделить с королем Ливонию при заключении перемирия на 10–15 лет. Он «поступался своею вотчиною» «для бояр своих челобитья» по р. Двине. К Литве отходили Динебург (Невгин) и Зелборх (Силпиль), вся Курляндия, города Баус на р. Булдере, Митов, Дублин, Током, Новгородок, Сабель, Кандов, Ковдин, Дорбен, Гробин, Фруенборх, Виндов, Аус, Огротус, Трейден; дворы за Двиною: Олм, Одурбен, Карлсох, Зандерсакин, Юрьев в Иркесте, Талсен, Клавесфранк, Герт Донгоф, Иков, Карлсох. Интересно, что в боярской речи перечислялись только те населенные пункты, которые должны были отойти к Сигизмунду. О русских владениях

в Ливонии не говорилось ни слова. Тем самым достигался эффект, что королю действительно «поступаются» частью чего-то целого, и на этом фоне как-то «терялись» гораздо более масштабные реальные приобретения Ивана Грозного³⁰⁹.

Дипломаты Сигизмунда отказались даже обсуждать заключение перемирия на этих условиях. Робкие попытки договориться о судьбе полоцких пленных успеха не имели. Тогда 4 января литовское посольство было отпущено. Пропускная грамота, которую дали послам, содержит апофеоз описания могущества русского царя, у которого бесчисленное множество подданных разных народов, в том числе — «немцы», и «фрязы», и «жолныри», «и наши вотчины Вифлянские земли мызником и немцом и латышом и чухном и всем воинским людем, руси и татаром и литве и фрязом и немцом и черкасом, кто ни буди нашего государства войска»³¹⁰.

Провал переговоров в Москве зимой 1563–64 гг. был расценен в Королевстве Польском как объявление войны³¹¹. Но после кратковременного успеха под Улой в январе 1564 г. активные боевые действия между Россией и ВКЛ переместились на территорию Ливонии. Предпринимались меры по сбору войска, но реализовывались они крайне неубедительно. 7 апреля по Великому княжеству были разосланы листы о сборе ополчения 24 апреля под Мяделем, которые шляхта в очередной раз проигнорировала. В июне воевода Ю. Токмаков из Невеля прошел маршем к Озерищу. Если верить Лицевому своду, под стены города на судах были перевезены орудия. На миниатюре изображены лесные засеки, причем, что любопытно, в виде деревянных дощатых (или брусьяных, бревенчатых) заборов.

Крепость осаждалась 4 дня, осаду снял подошедший из Витебска четырехтысячный отряд, посланный воеводой С. Пацем.

В июле смоленский воевода В. Бутурлин вел боевые действия в кричевских, радомльских, мстиславских и могилевских волостях. Летопись даже называет точный размер взятого полона: 4787 душ³¹². В августе произошли мелкие вылазки отрядов ВКЛ под Мстиславль, Полоцк и Краский на Псковщине³¹³.

Осада Озерниц. На заднем плане — лесные засеки в виде заборов.

Миниатюра Лицевого летописного свода

На сентябрь 1564 г. Сигизмунд назначил большой поход по освобождению Полоцка.

Поход на Полоцк 1564 г.

В организации похода на Полоцк войск ВКЛ 1564 г. очень рельефно видна разница военных систем России и Литвы. Русская армия была отобилизована, хорошо организована на марше. Осада была тщательно спланирована, обеспечен огневой перевес, который и сыграл решающую роль.

Армия ВКЛ, выступившая под Полоцк, была куда малочисленнее, чем армия Ивана Грозного в 1563 г. В ней, как установлено А.Н. Янушкевичем, было 4900 конников и 3700 пеших драбов и неизвестное

Осада Озерниц. Перевозка осадных орудий в судах.

Миниатюра Лицевого летописного свода

количество воинов в литовских ротах. Цифры русской летописи, говорящей о 50 000 литвинов и 12 000 поляков, надлежит считать недостоверными³¹⁴. Самое главное, что не было тяжелой осадной артиллерии. Не готовы оказались и лестницы и другие орудия для штурма стен. Для их изготовления на месте нужны были чернорабочие: дворяне не умеют валить лес и заниматься столярными работами. Недаром Иван Грозный вел с собой столько посохи.

Было выбрано странное место для лагеря — перед Заполотьем, между Двиной и Полотой. Штурмовать с этой позиции Полоцк было нелепо — сперва предстояло бы взять Заполотье, где находились по крайней мере валы и острожная стена (которую русские за 1563–1564 гг. успели восстановить). Затем войско уперлось бы в реку Полоту, причем оказалось бы на низком, пологом берегу, абсолютно беззащитным перед огнем с крутого высокого противоположного берега. Пришлось бы форсировать Полоту под огнем неприятеля и штурмовать крутые склоны, на которых стоял Верхний замок. Более дурацкого плана штурма Полоцка трудно было придумать. Заметим, что Иван Грозный в 1563 г. атаковал город с прямо противоположной стороны, от Великого посада, а со стороны Заполотья только блокировал и обстреливал.

А.Н. Янушкевич, ссылаясь на М. Стрыйковского, пишет, что литовцы рассчитывали на полевое сражение — мол, русские выйдут из крепости за Полоту в чисто поле, и вот тут их и разобьют. Неясно, откуда эту версию взял польский хронист. Но если она верна, тактическое мышление литовского командования следует охарактеризовать как, мягко говоря, наивное — с какой стати гарнизону выходить из замка и рисковать фортуной в полевом сражении? Русские всю осаду, с 16 сентября по 4 октября, благополучно просидели за крепостными стенами и постреливали в неприятеля. Показательно, что объявился всего один перебежчик — к литовцам бежал новоторжский сын боярский О.М. Непейцын³¹⁵. Так и не предприняв ни единой попытки штурма, бездарно впустую простояв под Полоцком, войско ВКЛ сняло осаду и ушло.

Русские дипломаты объясняли вялость осады ожиданием татарского нападения на Русь, которое должно было сыграть роль отвлекающего маневра. Замысел был слишком масштабен. Татары в конце сентября 1564 г. в самом деле атаковали Рязанскую землю, при отражении нападения отличился воевода А.Д. Басманов³¹⁶. Но могли ли бои под Рязанью, в 700 км от Полоцка, что-то изменить в судьбе этого города?

Иван IV чувствовал себя абсолютно уверенно, в сентябре 1564 г. послал под Великие Луки отряд Шигалея для организации набегов на Литву³¹⁷. В октябре русское войско, вышедшее из Великих Лук, нанесло удар по г. Озерищу, 6 ноября «городок взяша огнем»³¹⁸. Из города не ушел никто, гарнизон погиб полностью, последние защитники стогрели в крепостных башнях³¹⁹.

В марте 1565 г. боевые действия развернулись на Псковщине. Двигавшиеся

Осада Полоцка литовскими войсками в сентябре 1564 г.

Миниатюра Лицевого летописного свода

от Великих Лук отряды И.А. Шуйского и И.В. Шереметева Меньшого под Велье столкнулись с литовцами, «и потравились наши с ними немного, да отступив, пошли к Вороначу». Литовский отряд их преследовал, но за 5 верст до Воронача повернул и устроил погром окрестностей Красного Городка, Велья, Острова. Осада Красного в марте закончилась безрезультатно: и Бог града не предал»³²⁰. Через полторы недели литовцы ушли к Влеху с большим полоном, «и помещиковы и христианские дворы жгли, церквей не жгли, а вышли из земли в первую неделю поста»³²¹.

В переписке литовских панов начинают звучать панические предложения сжечь пограничные крепости — Дриссу, Дубровну, Сурож и Радомль, пока их не захватили русские. Сигизмунд клял подданных за «великую людскую безответственность и медлительность» и твердил, что пока эти пороки не будут преодолены, успехов в войне не будет³²². Война окончательно приобрела характер постоянных мелких стычек в пограничье, набегов отдельных отрядов на приграничные крепости. В 1565 г. польские наемники под командованием С. Тиковского воевали в окрестностях Смоленска, Ф. Кмита сжег Почеп и окрестности Стародуба. Ф. Кмита и К. Острожский совершили совместный набег в направлении Чернигова. Постоянные бои шли в Витебской земле, где действовали отряды С. Паца. 8 июня смоленский воевода П. Морозов под Смоленском настиг и разгромил отряд литовских казаков под командованием С. Бирули. 10 июня русские разбили большой (1200 человек) отряд под Мстиславлем, вскоре погиб литовский отряд Ивана Лычка, делавший набег на Рославль³²³.

2 октября 1565 г. было получено известие о нападении литовцев на с. Быстрое Заволоцкой волости Ржевского уезда, на волости Покровскую и Ясу Полоцкого уезда. Витебские и сурожские казаки воевали села в Озерищенской волости: Балтоковичи, Ясеницы, Ловать, Степановичи, Веричи, а также Усвятскую волость. Литовцы отвечали взаимными претензиями: русские «...христьян бьют, и животы их грабят, и головами их сводят, и рыбу ловят, и бобры гонят, и мед дерут

и всякие убытки им делают». Литовская сторона обвиняла в нападении на Усвятскую волость, принадлежащую Витебскуозерищенского воеводу Ю. Токмакова³²⁴.

Было ясно, что такой стиль ведения войны не даст перевеса ни той, ни другой из сторон. Делать набег и жечь села можно было долго, до тех пор, пока крестьяне окончательно не разбегутся из приграничной зоны. Но ни к чему, кроме разорения и запустения, такая тактика не привела бы. Необходимы были решения, которые принципиально изменили бы ситуацию, но принять их могли только дипломаты. В 1566 г. стороны вновь решили сесть за стол переговоров.

Попытка 1566 г.

9 июня — 21 июля 1566 г. в Москве состоялись переговоры с литовским посольством Ю. Ходкевича, Ю. Тишкевича и М. Гарабурды. Послы передали письмо короля Сигизмунда, в котором он писал по вопросу о русских землях в составе ВКЛ, чтобы Иван IV: «... тех прежних дел не припоминал, занже отцы и деды наши и прадеды, на своих государствах будучи, государства свои управляли, и из их государств на обе стороны города и волости переменялися по Божию изволению, и они промеж себя, будучи государи, которые дела меж них делались, те уж минулися, а сами они на Божей суд отошли, ино живым мертвых судити пригоже ли, и какое то хрестьянство, што Божей суд восхищати».

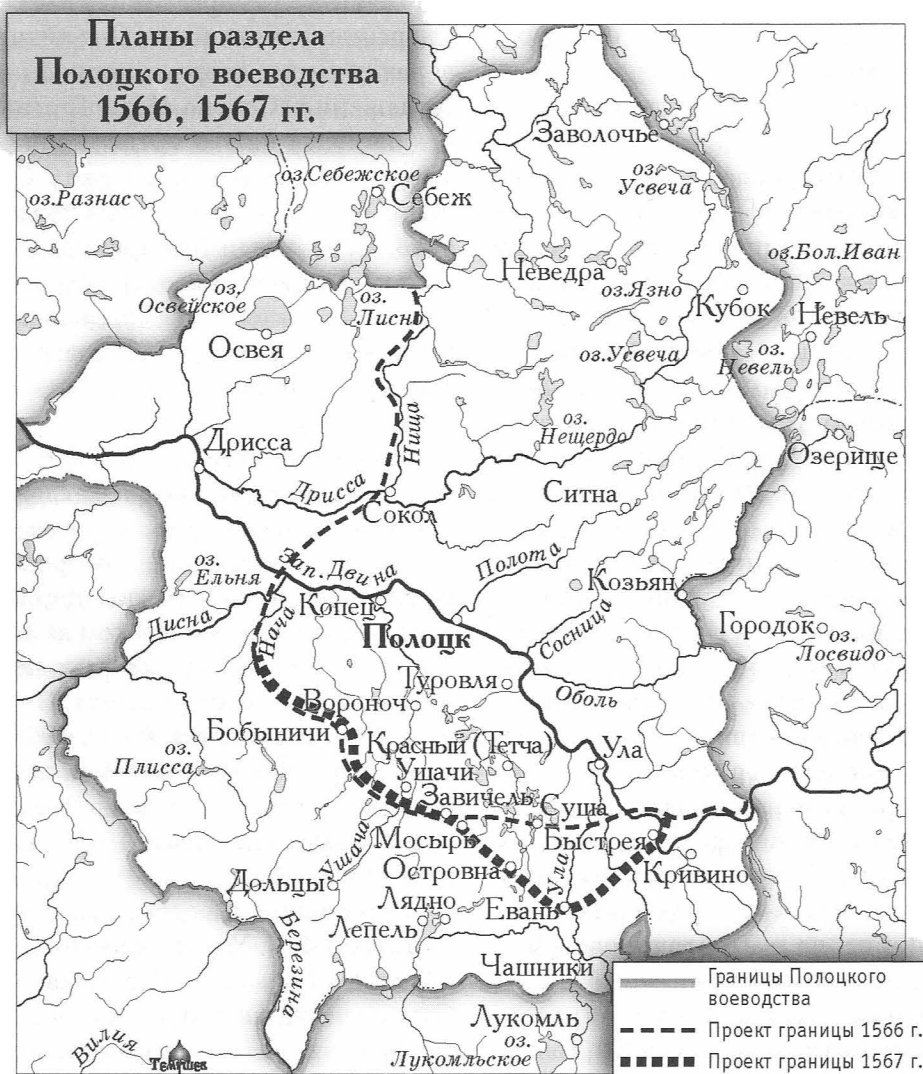
В ответ боярин В.М. Юрьев заявил, что Сигизмунд «...нашу из прародителей вотчину держит за собою, занже два жеребья в Литовской земле и до польские границы, и Подолье, то вся вотчина наша, и брат бы наш то з души предков своих свел, того бы нам поступился, штоб то на душе предков его не лежало»³²⁵. Таким образом, спор перешел в плоскость христианской этики. Захват русских земель Москва в 1566 г. объявила грехом первых князей ВКЛ, который теперь должны искупить их потомки!

Условия, на которых Россия была готова заключить «вечный мир», были аналогичны предложениям, прозвучавшим на переговорах 1563 г. Опять перечислялись земли всея Руси от Подолья и Волыни до Витебска как «вотчина»

русского царя, которой он только из милости «поступаетца» Сигизмунду. Дипломаты ВКЛ возражали, что никогда не слышали, чтобы Киев входил бы в вотчину предков Ивана Грозного³²⁶. Они ответили по привычному сценарию ответным набором нереалистичных территориальных претензий на Новгород, Псков, Великие Луки и т. д. По сравнению с 1563 г. в список были добавлены: Дорогобуж, Можайск (!) и Мосальск. Появление Можайска послы объяснили полемическим выпадом Сигизмунда: Иван IV требует у короля заведомую вотчину Ягеллонов, и Сигизмунд выдвигает претензии на город, чья принадлежность Рюриковичам тоже весьма древняя. Но теперь он объявлен древним владением польских

и литовских королей! Литовцы пытались также обменять в Ливонии русский г. Говью на г. Мариенгаузен, но получили ответ, что Иван IV не будет ничего менять, так как считает всю Ливонию своей вотчиной. Дипломаты ВКЛ пытались применить русский прием: «поступаться» в пользу России городами, которые ей и так принадлежат — тем же Дорогобужем и Можайском³²⁷. Но данная позиция встретила полное непонимание в Москве, и послы, сконфузясь, ее оставили. Не удалась и попытка обменять признание легитимности владения Россией Смоленском на возврат Полоцка и Озерища³²⁸.

Принципиально новым было озвученное литовскими послами предложение

антишведского союза для изгнания шведов из Ливонии с последующим разделом между Россией, Польшей и Литвой отобранных у Швеции городов. Если раздел не устраивает Москву, то эти города предлагалось передать в совместное владение, «а впредь Ливонская земля от неприятелей оберегати заодин». Таким образом, Сигизмунд предложил новую конфигурацию расклада политических сил в Прибалтике. Русская сторона на это предложение не отреагировала.

Литовцы были также готовы заключить перемирие на 4–6 лет на следующих условиях: Россия получает Полоцк и Озерище и земли вокруг них: от Полоцка вверх по р. Оболь 15 верст, вниз по р. Ропнице 5 верст, Озерищенский уезд весь, кроме Усвятской волости, возвращаемой Литве³²⁹. Ливония делится по принципу «кто чем владеет», и стороны совместно выступают против Швеции для возврата городов, захваченных шведами на территории ордена.

Россия же претендовала на весь Полоцкий повет, а не сравнительно небольшие участки земли по Оболи и Ропнице. Принципиальным для нее также был вопрос о разделе Ливонии. В 1566 г. русские в Ливонии владели: Юрьевом, Феллином, Нарвой, Ракобором, Алыстом, Керепетью, Лаюсом, Новгородком, Сыренском, Тарвастом, Говьей, Муковым, Костром, Костром Новым, Порховым, Адежем, Курсловым, Рынголом, Ранденом, Кавлетом, Коконготом, Толчбором, Потушиным, Бабьим, Полчевом, Кивелем. Иван IV хотел получить от Сигизмунда города, находившиеся под его властью: Ригу, Малую Ригу, Колывань, Пернов, Пайду, Кесь, Ровный, Володимерец, Дюнемед, Адеж, Ротопойс, Керкольм, Леневард, Айскродна-Двине, Куконос-на-Двине, Зенкольд-на-Говье, Шуин, Зербень, Трекат, Плетенборх, Эрмис, Гелман, Буртник, Розен, Лемзель, Перкур, Трейден, Руин; городища: Ленборх, Нитов, Юренборх, Смилтин, Ишкиль, Эрль; «городков мызных» и «дворов ропатных»: Доленя-на-Двине, на о. Протопоповском, г. Кремона, Сонселя, Розенбека Мызникова, двух городков Ровы, Муяна. Таким образом, за Польшей и Литвой осталась бы только Курляндия. Все остальное в Прибалтике отошло бы к России³³⁰.

Вопрос о шведских захватах в русском проекте перемирия был обойден молчанием. Города, подконтрольные Швеции (тот же Ревель) русский царь почему-то требовал от Великого княжества Литовского. В случае, если Сигизмунд пойдет на территориальные уступки в Ливонии, Грозный был готов освободить всех литовских пленных, а русских выкупить. Срок перемирия предлагался на 10 лет.

Послы негативно оценили русские предложения. Они заявили, что русский царь поступился Сигизмунду «огородами», а лучшие замки хочет забрать себе — какой же тут мир? Дальнейшие переговоры проходили в мелочном торге о территориальных уступках с обеих сторон.

5 июля послы выступили с неожиданным заявлением. Они предложили съезд государей на границе, чтобы монархи в личных переговорах сняли спорные вопросы и достигли соглашения. Сперва Иван Грозный охотно откликнулся на это предложение, назначив местом встречи рубеж между Смоленском и Оршей. С каждой стороны должно быть не более 5000 людей (по прикидкам литовцев, сюда вошло бы не менее 2000 слуг). Размещение шатров, порядок приемов и пиров должны были продемонстрировать абсолютное равенство государей. Готовить съезд планировалось почти целый год³³¹.

Но в итоге идея сорвалась. Литовские послы настаивали на предварительном отпуске пленных, которым придется иначе еще больше года сидеть в заточении. А бояре с Иваном IV подозревали, что король под предлогом съезда просто затянет время, а потом на съезд не придет и тем самым добьется фактического перемирия на литовских условиях. Поэтому было решено «о съезде отказать» и вести традиционные переговоры через обмен посольствами. До поездки русских послов в Вильно, которая планировалась на январь 1567 г., устанавливалось перемирие.

Переговоры о перемирии с русским посольством Ф.И. Умного-Колычева состоялись в Гродно с 24 июля по 19 августа 1567 г.³³² Они были очень трудными, так как обе стороны настаивали на заведомо невыполнимых условиях, которые не желали обсуждать и корректировать. Поскольку разговора о принципиальных

вещах не получалось, дипломаты буквально погрязли в мелочных спорах по процедурным вопросам и громких декларациях по любому поводу. Литовская сторона хотела утвердить *status quo*, то есть кто чем владеет в данный момент, с оговоркой, что по истечении перемирия король оставляет за собой право «промышлять» над потерянными территориями. При этом Полоцк и узкая полоса вдоль Двины оставались за Россией, а Полоцкий повет считался принадлежащим ВКЛ. Русские же расценивали результаты войны как победу Москвы. Поэтому она вправе требовать новых территориальных уступок от «побежденного» Великого княжества Литовского. Полоцк должен быть закреплен за Россией вместе с поветом.

Никакого желания достичь компромисса ни литовцы, ни русские не продемонстрировали. Камнем преткновения стало включение в титул Грозного добавлений: «Смоленский», «Полоцкий» и «Лифлянский». Король отказался их признавать, из-за чего даже не была оформлена итоговая грамота по результатам переговоров. Она была отправлена вслед посольству с гонцом Ю.Я. Быковским: Сигизмунд хотел, чтобы последнее слово осталось за ним. В послании в срыве переговоров обвинялся русский царь. Король писал, что был готов на время перемирия поступиться Полоцком, и считал, что это вполне достаточная уступка Москве. От России же Сигизмунд требовал возврата Северских земель. Понятно, что при таких позициях сторон переговоры не могли иметь никакого успеха. Не удалось даже продлить перемирие: боевые действия должны были начаться сразу, как только посольство Умного-Колычева покинет литовскую землю.

Было ли возможно поставить точку в войне?

Продолжавшаяся в 1565–1566 гг. вялотекущая война в пограничье все больше демонстрировала неспособность Литвы к сопротивлению. Собственно говоря, королю так и не удалось, несмотря на все грозные указы и повышение налогообложения, собрать большое боеспособное войско, которое могло бы нанести русским серьезный удар. Дворянство пограничных районов относилось к проблеме обороны более ответственно, но часто

действовало на свой страх и риск. Литовские магнаты все время жаловались королю, что им не по силам заставить своих подданных воевать, что русские — слишком сильный противник и не по зубам Великому княжеству Литовскому. Лозунгом этой группы панов, склонных к пораженческим настроениям, были слова Николая Радзивилла, обращенные к королю Сигизмунду: «Воюя с Россией, мы пукаемся с мотыгой на солнце».

Выход был один — объединить силы Великого княжества Литовского и Королевства Польского в единое государство — Речь Посполитую. В январе 1569 г. в Люблине начал работу общий польско-литовский сейм, созданный специально для обсуждения этого проекта. После 1385 г. Литва и Польша были объединены в рамках династической Кривской унии, то есть у них был единый король из династии Ягеллонов. А вот государственное устройство (отдельно коронная рада и «рада панов» в ВКЛ), денежная система, армия, законодательство, даже внешняя политика были отдельными. Напомним, что у Польши была особая точка зрения на участие поляков в войнах в Восточной Европе: они воюют за Отечество, а Отечество — это Великая и Малая Польша, Мазовия, Подляшье, Поморье и т.д., но отнюдь не земли Великого княжества Литовского. Отсюда в войсках ВКЛ присутствовали польские наемники и добровольцы, отдельные польские роты. Но мы не видим на полях сражений с русскими основными силами польской армии. Логика сторонников более тесного слияния государств была проста: в едином государстве легче собирать налоги, проводить мобилизационные мероприятия. Единая армия спасет Великое княжество от поражения в войне с Россией. Иначе — Литва погибнет, не выстоит.

Идеологи унии нагнетали обстановку — Литва проигрывала войну, но в XVI веке это было не в первый раз. Собственно, все имевшие место ранее «порубежные войны» либо выигрывала Россия, либо результат можно считать ничейным. ВКЛ утратило большие территории, но одждать его гибели как государства было бы преувеличением опасности. Несмотря на все ожидания, русский царь в XVI в. так и не пошел ни на Киев, ни на Вильно. После взятия

Полоцка в 1563–1569 г. российская армия не совершила ни одного крупного похода в глубь территории великого княжества. Война протекала в ближнем пограничье. Войска разоряли земли Литвы, но больше не захватили ни одного крупного городского центра — таких задач перед командованием просто не ставилось.

Тем не менее, победила точка зрения, что без объединения двух государств «Литва падет». В 1569 г. была заключена Люблинская уния, по которой создавалась Речь Посполитая «обоих народов» — польского и литовского. Тем самым Полоцкая кампания и последующая за взятием Полоцка борьба способствовали изменению облика Восточной Европы, образованию новой державы. Исторически это оказалось победой Польши, потому что в Речи Посполитой именно она была культурным, социальным и политическим лидером, задававшим стандарты поведения населения.

Но вернемся к войне 1561–1570 годов. Если вспомнить аналогию с русско-литовской Смоленской войной 1512–1522 гг., можно было бы, уступив Полоцк, заключить перемирие на несколько лет. После 1522 г. следующая, «Стародубская» война между Россией и Великим княжеством Литовским вспыхнула только в 1534 г. То есть многолетнее замирение в принципе было возможно. А уж потом история рассудила бы спор двух держав, кто из них станет господином всей Восточной Европы...

Попытку поставить точку в войне русские и литовские дипломаты сделали в 1570 г. 10 мая 1570 г. в Москве бояре М.Я. Морозов, Н.Р. Юрьев, печатник И.М. Висковатый и дьяк Андрей Васильев приняли посольство Речи Посполитой во главе с Яном Скртошиным. Диалог сторон развивался по привычному сценарию: литовцы запросили Великий Новгород, Псков, Смоленск, Дорогобуж, Вязьму, Торопец, Великие Луки, Новгород Северский, Стародуб, Брянск, Почап, Чернигов, Путивль, Козельск, Карачев, Мценск, Мосальск и другие северские города, Полоцк, Озерище и Усвят со всеми их поветами. Бояре в ответ зачитали список русских претензий на Киев, «городов, которые по Днепру к Киеву», Волынь, Брест, Каменец-Берестейский, Дорофеевцы, Янполь, Збараж, Черников, Хмельников,

Винницу, Львов, Галич, Каменец-Подольский, Витебск, Могилев, Шклов, Мстиславль, Канев, Черкассы, Кричев, Чичерск, Пропойск.

Поскольку продолжение переговоров в таком стиле означало их очередной провал, стороны медленно и неохотно стали делать уступки. 12 мая Иван IV отказался от претензий на Канев, Черкассы, Вышгород, Могилев, Любеч, Гомель, Остер, Чичерск, Пропойск, Мстиславль, Кричев, Сурож, Быхов, Шклов; 17 мая — от Киева, Витебска и городов Полоцкого повета: Дриссы, Лепли, Чашников, Лукомля, Белмаков в обмен на остальную территорию повета с передачей Литвой России Улы, Копья, Усть-Ушачи, Воронача, Тетчи.

Позиция сторон по Ливонии тоже не изменилась: Сигизмунд предлагал закрепить существующее положение вещей по принципу «кто чем владеет» и просил обменять занятый Литвой г. Мариенгузен на русский г. Говью. Бояре же и слышать об этом не хотели и сперва требовали всю Ливонию, а 18 июня торжественно объявили, что царь «поступается» Курляндией, которой и без того владела польская Корона. Рубежом между Русской и Польской Ливонией должна стать р. Западная Двина. В ответ послы заявили, что «Инфлянты» даны Богом «в оборону» польским королям, и они не намерены поступаться данной землей.

Поскольку территориальные споры оказались неразрешимы, на переговорах 18–20 июня было найдено компромиссное решение: заключить трехгодичное перемирие, но при этом в грамоты ливонских «рубежей не писать», чтобы юридически не фиксировать принадлежность земель тому или иному государю. Вопрос о разделе Ливонии обе стороны решили оставить открытым. Проблема титулов, как всегда, горячо обсуждавшаяся на переговорах, решалась просто: каждая сторона писала в свой экземпляр грамоты те титулы, какие хотела. 24 июня 1570 г. стороны целовали на перемирных грамотах Евангелие и крест. В мае 1571 г. посольством Г.Ф. Мещерского в Литве перемирие было подтверждено, поставив точку в русско-литовской войне.

Итоги войны были утешительны для Ивана IV: он продолжил дело отца по завоеванию крупнейших городов Великого княжества

Литовского (Василий III взял Смоленск, а его сын — Полоцк), добился перемирия с фактическим временным признанием русских завоеваний в Ливонии. Причем дипломатическая инициатива в заключении перемирия исходила от Сигизмунда, что для Грозного также было немаловажно: кто просит мира, тот и проиграл. Торжествующий царь с опричниками устроил публичные издевательства над посольством Скртошина. Послов обижали, грабили, оскорбляли.

На этом злоключения Скртошина с товарищами в Москве не закончились: царские слуги во главе с неким Булатом приезжали на двор к литовцам, угрожали расправой, пугали и издевались. Так же вызывающе вело себя в Литве и посланное подтверждать перемирие посольство Г.Ф. Мещерского. Оно получило приглашение на торжественный обед у короля, но узнало, что сам Сигизмунд не придет, сказавшись занятым, а придет вместо себя панов рад. Царские дипломаты гордо отказались от обеда вообще.

ГЛАВА 6. СОЗДАНИЕ ПОЛОЦКИХ ПРИГОРОДОВ

Змилуй се пане над нами, а не дай нас поглотити и посторонним и внутренним врагом нашим, кгдаж праве, яко к сердцу тиснет се вже, мало не в посеред Полоцкое земли седит.
Остафий Волович, 1567 г.³³³

Замки здешные, украинные, которые лежат не иначе, одно как в пащеце львовой, от тых близких суседов, людей неприятельских, московских...
Станислав Пац, воевода витебский, 1568 г.³³⁴

Зачем создавалась система полоцких пригородов?

Судя по поведению русских властей, они сами не ожидали, что захват Полоцка будет столь легким. Собственно, единственная масштабная попытка отбить город была предпринята только осенью 1564 г. После ее провала стало ясно, что царь Иван пришел в Полоцкую землю всерьез и надолго, и никто его в ближайшее время не прогонит. Проблема Полоцка из военной стала политической и землевладельческой. Теперь на первый план вышли задачи утверждения границ захваченных территорий (не ограничиваться же одним городом Полоцком) и способы закрепления на этих землях.

Опыт русского периода Полоцкой земли в 1563–1579 гг. в этом плане весьма примечателен. Мы сегодня легко говорим: «Присоединили земли», «Полоцк присоединен к Российскому государству». И не всегда задумываемся, что за этим стоит. Давайте смоделируем ситуацию.

В феврале 1563 г., пройдя, как раскаленная спица сквозь масло, точечным остронаправленным ударом русская армия берет Полоцк. После чего в Полоцкой земле воцаряется хаос: власть ВКЛ над территориями утрачена (ликвидирован административный центр, средоточие этой власти), но новой, московской власти еще нет. Фактически в регионе господствуют командиры полевых отрядов, которые для местного населения — и источник угрозы, и заступники, и судьи, и сборщики налогов. Классическая ситуация, которая спустя несколько столетий будет описана знаменитой формулой: «Белые пришли — грабят, красные пришли — грабят». Налетчики свозили крестьян, угоняли скот, отобрали имущество.

Под Полоцком исчезли границы. Полоцкая земля представляла собой кровотокащую рану с рваными неопределенными краями, причем краями нестабильными, постоянно меняющимися свои очертания. Отделить «зону

неблагополучия» от территорий, на которых безопасно, было довольно сложно — не было рубежа, укрывшись за которым беженцы были бы спокойны за свою жизнь и имущество. Нужно было бежать далеко в тыл, за Дриссу, Лукомль и Борисов.

Земли стали ничейными. Рухнула система землевладения, что порождало сразу две сложности: в ВКЛ дворяне требовали компенсации утерянного, а новгородские и московские дети боярские занимались самозахватом, надеясь, что когда начнутся официальные раздачи земель, за особые заслуги эти самозхваты им подтвердят. Самой незавидной здесь была судьба крестьян, за которыми охотились обе стороны — чтобы увести с собой или чтобы заставить работать на новых хозяев. В крае до войны не было крупного землевладения, стало быть — не было владельческих замков. Это тоже сыграло свою роль в легкости завоевания русскими Полоцкого повета — оборонительные рубежи и опорные пункты попросту отсутствовали³³⁵.

Перед военным командованием в Полоцке стояло несколько взаимосвязанных задач. Первая — определить пределы продвижения на территорию ВКЛ. Сделать это можно было как военным, так и дипломатическим путем. И тот, и другой путь имели свои сложности. Военный предполагал создание устойчивой системы обороны новых русско-литовских рубежей в Полоцкой земле, что при отсутствии ясно выраженных естественных границ (прежде всего крупных рек) было фактически невозможно. Чтобы контролировать 200–300 км рубежей, нужно было бы постоянно держать на них слишком крупные воинские контингенты — у России это не получалось нигде: ни на окском рубеже (который был сезонным), ни на «Казанской Украине», ни на западной границе с ВКЛ. Единственная русская граница, которая в XVI в. была более-менее надежна в военном отношении, — это русско-ливонская, большая часть которой проходила по естественным водным рубежам, р. Нарове и Чудскому озеру.

Поэтому Россия предпочла бы договориться о границах дипломатическим путем и в 1563–1567 гг. прилагала к этому определенные усилия. Но ВКЛ не хотело отдавать России Полоцкий повет. Его в какой-то степени

устраивала неопределенность ситуации с рубежами: была надежда, что русских удастся загнать за Западную Двину. Когда стало ясно, что переговоры ни к чему не приведут, Россия меняет тактику и начинает закрепляться в Полоцкой земле всерьез и надолго. Русские стали строить сеть крепостей — полоцких пригородов (по аналогии с псковскими, смоленскими, новгородскими пригородами), которые должны были обеспечить власть России в Полоцком уезде.

Примечательно то, где планировали строить эти крепости-пригороды. На первый взгляд, их расположение нелогично. По идее, они должны были бы встать между Полоцком и землями, принадлежащими ВКЛ, то есть обозначить тот самый новый рубеж. Парадоксально, но с запада, со стороны ВКЛ, Полоцк не прикрывала вообще ни одна крепость, и ставить их там не планировалось. Главным рубежом обороны Полоцкой земли с западной стороны в 1563–1579 гг. оказывался сам Полоцк (при том, что Россия однозначно претендовала на земли западнее Двины). С юга, с могилевского направления его прикрыли четыре крепости — Суша, Красный, Туровля и Ула. Севернее Полоцка располагался единственный опорный пункт, правда довольно крупный — крепость Сокол. А вот восточнее, между Россией и Полоцком, оказались расположены самые главные крепости — Усвят, Нещерда, Озерище, а также более мелкие Ситна и Касьян.

При этом остается незащищенным юго-западное направление от Полоцка — виленское направление. Это выглядит несколько парадоксальным в свете грозных заявлений некоторых историков о том, что после взятия Полоцка русская конница «вышла на виленский тракт» и вот-вот хотела идти на Вильно. За весь период 1563–1579 гг., «российский» период истории Полоцка, в этом направлении не было нанесено ни одного удара. Что интересно — и с этого направления не было ни одного ответного похода ВКЛ. Граница была проведена в 1566–1567 гг. по Глубоцкой дороге по линии Бобынич — Завечелье — Несино — Евань, и это была самая стабильная граница во всем Полоцком повете. На ней вообще почти не было боевых действий, не ставились крепости ни с той, ни

с другой стороны. Хотя, казалось бы, это было самое актуальное направление главного удара («на Вильно») для России и, соответственно, самое опасное для ВКЛ.

Данная конфигурация нуждается в объяснении — логика военных строителей эпохи Ивана Грозного явно отличается от нашей. Получается, что с прифронтовой стороны не возводятся вообще никаких укреплений, зато их зачем-то в большом количестве строят в местности, считающейся тылом. И именно эта мера, исходя из логики русских властей в Полоцке, будет способствовать закреплению их власти над захваченными территориями. Напрашивается вывод: главной задачей был контроль над коммуникациями, прежде всего речными, и перешейками между озерами, где проходили сухопутные дороги. Кто контролировал дороги и речные пути — тот и владел Полоцкой землей. Снабжение войск, стоявших в Полоцке, еще долго шло в основном из России — местная инфраструктура налаживалась медленно. Например, в июле 1566 г. отряд некоего Ивана Кота совершил удачный налет на обозы, везущие в Полоцк «запасы полотцких годовщников», то есть людей, присланных на службу на год. Пришлось поднимать гарнизон, высылать войска на поимку погромщиков³³⁶. То есть спустя три года после взятия города ситуация на дорогах оставалась нестабильной. В посольских книгах этот инцидент, в котором нападавшие названы «дрисскими казаками», послужил одним из аргументов, к которому обращались русские дипломаты, отвечая на вопрос, зачем Россия строит крепости в Полоцком повете³³⁷.

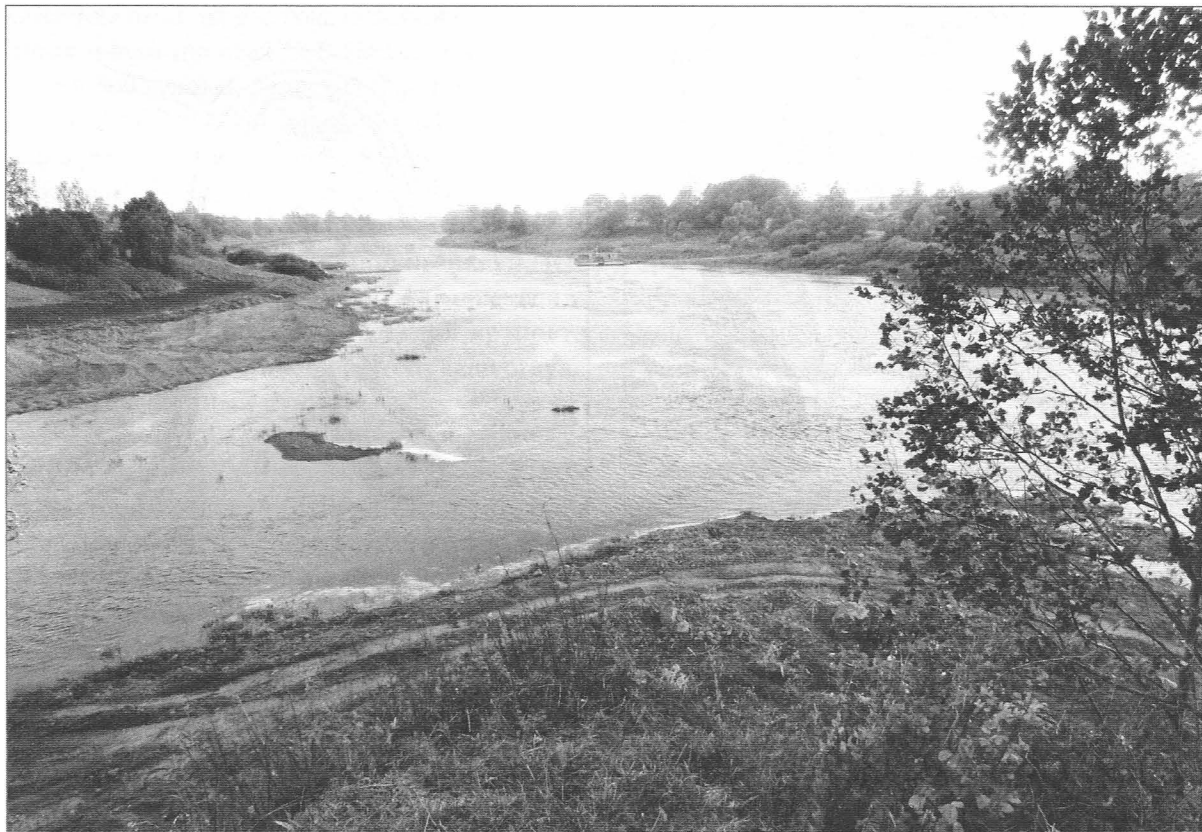
Заметим, что данная постановка вопроса в Полоцке звучала не в первый раз. В 1503 г. конфликт горожан с воеводой Станиславом Глебовичем заключался в том, что его люди перекрыли реки и стали брать пошлины со стругов, на которых из округи в Полоцк доставляли провиант и сырье для ремесленников. В этом же документе упоминается о заставах на дорогах, которые держали полоцкие мещане для обеспечения бесперебойного функционирования коммуникаций³³⁸.

Современные археологи, авторы недавнего фундаментального исследования об Усвяте и его округе, справедливо указывают,

что Усвят «...расположенный между Луками и Витебском, в стратегическом “подбрюшьи” Новгородской земли, он надолго стал ареной упорной борьбы за коммуникации... Вместо прежних речных магистралей и редкой сети волоков, соединяющих верховья рек, в XV в. вокруг Усвята образуется дорожная сеть, близкая к современной. Историческая судьба Усвята неотделима от истории этих, старых и новых дорог»³³⁹.

Если мы посмотрим на карту, то крепостями русские как раз занимали все ключевые коммуникации в регионе. Сам Полоцк контролировал Западную Двину и разрывал связи ВКЛ с Ригой и Балтийским морем. Ивану Грозному приписывают фразу: «Берега Двины серебряные, а дно ее золотое», что якобы указывает, насколько высоко русский царь ценил торговый путь по Западной Двине³⁴⁰. Южнее Полоцка выходы к Двине перекрыли еще две крепости: Туровля (в месте впадения р. Туровлянки в Двину) и Ула (устье р. Улы, место впадения в Двину). Севернее Полоцка крепость Сокол, поставленная в устье р. Нищи (место впадения в р. Дриссу) надежно перекрыла эти две речные коммуникации. Касьян был призван держать путь по р. Оболь в Западную Двину. Ситна находилась на пути русских войск во время похода на Полоцк в 1563 г., это были как бы «северо-восточные ворота» в Полоцкую землю, примыкавшие к бассейну р. Полоты.

Полоцкая земля — озерный и болотистый край. Маршруты дорог здесь сильно зависят не только от рек, но и от конфигурации озер и болот и проходят по перешейкам между ними. По крайней мере две крепости были поставлены в этих перешейках: Красный (между озерами Паульское (другое название которого — Тетча) и Берёзовским) и Суша (между озерами Теменица и Островки (вместе составляющими озеро Суша)). Видимо, они должны были контролировать сухопутные дороги. А вот на юго-западном направлении, видимо, были густые труднопроходимые леса (от Глыбоцкой дороги до Березины). Этот район и сегодня частично занят Березицким биосферным заповедником. Естественные рубежи лесных массивов обезопасили и Вильно, и Полоцк от прямых путей нападения друг на друга.

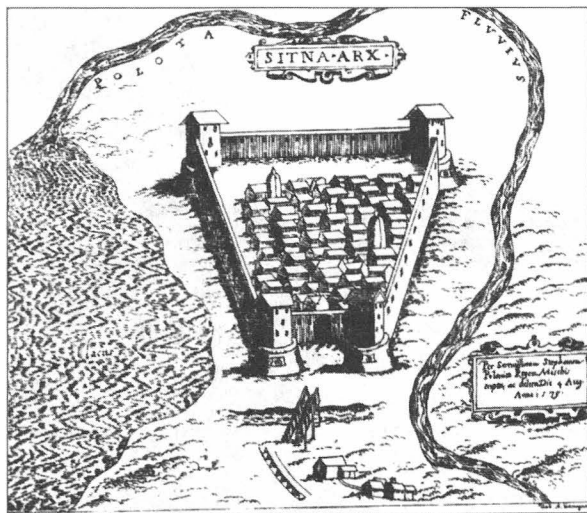
Вид с замчища Сурож на слияние рек Каспли и Западной Двины

На северо-востоке Полоцкой земли, в ее порубежье с Псковской и Смоленской землями располагалась группа озерных крепостей — построенных на труднодоступных мысах и островах в больших озерах. Это уже известный нам Себеж, самая южная пограничная псковская крепость Заволочье, Нещерда, Озерище и Усвят. Данные крепости, по-видимому, были призваны прежде всего выступать твердынями, трудными для взятия противником пограничными опорными пунктами.

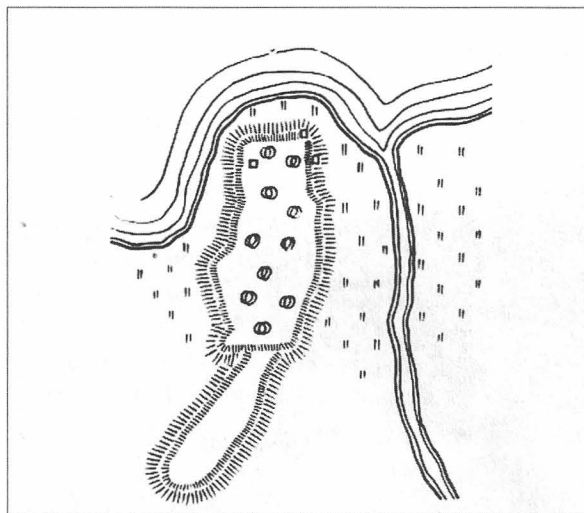
В связи с этим необходимо повторно вернуться к вопросу: как все-таки функционировали крепости, какую задачу они были призваны выполнять? Когда укрепления с орудийными башнями стоят прямо над рекой, по которой плывут корабли — все понятно, путь контролируется дальше некуда. За ним следят через прицелы пушек. Но насколько маленькие реки — Улу, Туровлянку, Нищу,

Оболь — можно считать важными речными коммуникациями? Сегодня это мелкие речки, по которым сплав возможен только на лодках, да и то не везде. В XVI в. они были полноводней, но все равно вряд ли являлись судоходными для большегрузных судов. Имеет ли смысл строить крепость, чтобы угрожать из пищалей лодочникам? Думается, эти реки играли роль не столько летних, сколько зимних коммуникаций — зимой эти ледяные дороги представляли собой идеальные пути для санных обозов. Нища, Оболь и Ула вместе образуют почти правильный крест (по схеме: север — восток — юг), в центре которого — Полоцк и Западная Двина.

Сложнее определить роль крепостей, которые явно стояли не на перекрестках дорог. Их выносили на труднодоступные мысы в озерах, на перешейки между озерами. Туда и сегодня добраться непросто. Противнику сложно дойти до крепости, столь удачно расположенной

Ситна. Рис. С. Пахоловицкогo

План городища Ситна.

Рисунок взят из издания: *Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Віцебская вобласць*. Мінск, 1985. С. 370

на местности, и подвести силы для ее осады. Но зачем такая крепость? Если до нее трудно дойти, то не менее трудно и из нее выйти на оперативный простор. Если крепость стоит в отдалении от дорог на мысу в озере — то что она охраняет, каким задачам служит? Непосредственно в приделах крепостных орудий ничего нет, кроме камышей.

Видимо, данные крепости выступали военными базами, из которых по округе высылались воинские конные разъезды. Эти разъезды и следили за коммуникациями, патрулировали дороги. То есть перед нами что-то вроде опорных фортов американских переселенцев на фронтире. Деревянное укрепление, небольшой гарнизон в несколько сотен человек, все необходимое для вооруженных разъездов по округе. Роль разъездов — во-первых, информационная. Вряд ли разъезд в несколько десятков человек мог бы контролировать большие отрезки дороги. Следить — да, мог. Во-вторых — административная на первичном уровне. Крепости символизировали наступившую русскую власть в регионе, и в этом качестве выходившие из них отряды могли заниматься принуждением безоружных крестьян к принесению присяги, сбору налогов, гасить мелкие конфликты и т. д.

Но чисто военная роль крепостей была невелика. Этим, судя по всему, и объясняется слабость крепостей в фортификационном отношении: чтобы отбить налет полевого отряда противника или местных разбойников — хватало простых деревянных стен, пары башен с небольшими пушками и нескольких десятков пицалей. А большое войско супостата через болота и буреломы не доберется... Когда войско Стефана Батория все-таки добралось — крепости пали одна за другой.

Впрочем, сравнение с фронтиром надо делать крайне осторожно, и это касается только военно-фортификационного аспекта. Социальная ситуация от фронтирной отличалась кардинально — это были земли ВКЛ, давно освоенные, с местным сельским населением, а не дикие леса. Места основания замков Ивана Грозного были известны, и там находились населенные пункты и замчища еще до прихода русских войск. В историографии обычно говорится об «основании» полоцких пригородов. Это не совсем так. Видимо, надлежит говорить о постановке новых крепостей, «городов». Но они ставились не на пустом месте. В 1508 г. в перемирной грамоте при описании полоцких «украинных рубежей» упоминаются Усвят, Озерище, Ситна, Себеж³⁴¹. В 1524 г.

Озерище было на два года освобождено от налогов и повинностей³⁴². В 1561 г. упоминается рота в 300 человек польских военнослужащих в Соколе, в 200 — в Озерище. Их задача — перекрывать дороги на Ливонию, Кокенгаузен и Венден³⁴³. В 1502 г. в Суше владели землями полоцкие мещане Иван и Грицко Буцковичи³⁴⁴. Суша была именем Дубровицких князей, в 1541 г. распределенным между наследниками³⁴⁵. То есть почти для каждой крепости Ивана Грозного есть какой-то предшествующий ей населенный пункт.

Война крепостей

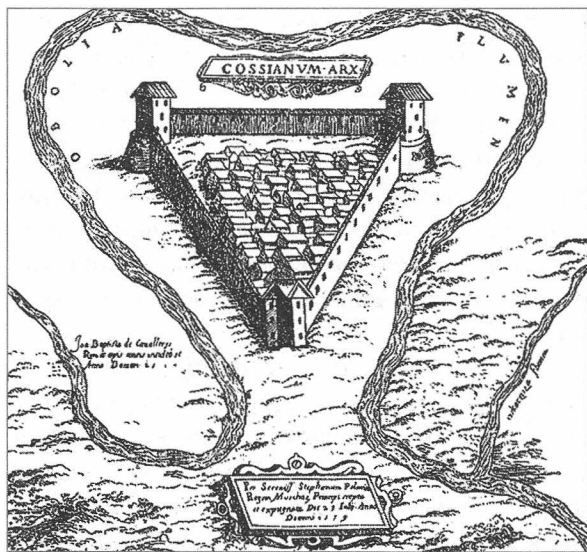
История основания полоцких пригородов практически не изучалась. До сих пор единственной специальной работой, посвященной им, остается брошюра Б. Брежго «Замки

Витебщины» (1933). Она является только первым приступом к проблеме и содержит много ошибок (например, отождествлены псковский Воронич и полоцкое городище Воронич)³⁴⁶. Более поздние работы являются ее развитием³⁴⁷. Научную значимость представляют две недавние статьи, посвященные полоцким пригородам³⁴⁸. Археологическое обследование полоцких пригородов проводилось, но не было масштабным³⁴⁹.

История создания полоцких пригородов — это история борьбы, которую вели Россия и ВКЛ за земли Полоцкого воеводства. Поскольку дипломатия ничего не решила и решать не собиралась, последнее слово оказалось за войском. По полоцкой, оршинской, смоленской, витебской землям туда-сюда передвигались отряды, от нескольких десятков до

Замчище Ситна. Современное фото

Козьян. Рис. С. Пахоловицкого

нескольких сотен человек, которые вели непрекращающиеся боевые действия. Им нужны были базы. В качестве таких баз выступали небольшие крепости, основанные в регионе обеими сторонами конфликта. Шло соперничество: кто заложит больше крепостей и тем самым возьмет под контроль коммуникации и окрестные деревни.

В регионе первоначально лучше ориентировались жители ВКЛ (как-никак, это была их земля). Еще до войны, в 1546 г., в противовес Себежу была основана Дрисса. В 1563 г. по приказу Сигизмунда II Августа витебским воеводой Стефаном Збаражским в месте впадения р. Каспли в Западную Двину поставлен Сурож³⁵⁰. Крепость основана на месте имения Сапегов Држевелики. В 1570 г. сурожане получили те же торговые и ярмарочные льготы, что и жители Витебска³⁵¹. В принципе, расположение города было удачным, но он оказался в некотором отдалении от главного театра военных действий.

Русские в том же 1563 г. основали крепость Ситну в верхнем течении Полоты (возможно, на месте литовского укрепления XV в.). Гарнизон ее составил 300 человек. Сегодня городище находится в деревне Малое Ситно (Полоцкий р-н Витебской обл. Белоруссии), на левом (западном) берегу р. Полоты, в месте ее вытекания из оз. Измок. Территория городища представляет собой поросшую сосновым

лесом возвышенность овальной формы примерно 90 на 80 м над заболоченными берегами оз. Измок и р. Полоты. Грунт песчаный, носит следы укрепления склонов холма. Четко выраженных следов земляных укреплений нет. На восточном склоне напротив берега Полоты поставлен памятный знак.

Согласно Гейденштейну, Ситна стояла «на дороге Велико-Лукской, при верхнем течении реки Полоты»³⁵², то есть контролировала дорогу из Полоцка на Великие Луки и далее на Новгород. Ближайшие пункты к Ситне — Нещерда (северо-западнее), Невель и Озерище (северо-восточнее). Географически дорога должна была идти на Озерище и затем на Невель и Великие Луки. Но далее при описании осады Полоцка в 1579 г. Гейденштейн пишет: «В то же время Венгерцы и Литовцы, бросившись вдруг от Полоцка по дороге Псковской на Ситну, сожгли ее неожиданным и внезапным образом»³⁵³. То есть здесь он дорогу Полоцк — Ситна оценивает уже не как Великолуцкую, а как Псковскую. Тогда она должна была от Ситны поворачивать на север, на Нещерду. Данная «путаница» в названии дорог говорит о необходимости относиться к сообщениям Генденштейна как к нуждающимся в проверке, тем более что сам хронист никогда не был в местах, которые он описывал. Четко реконструируется только отрезок пути от Полоцка до Ситны — он шел по Полоте. Дальнейшие дороги могут быть восстановлены только гипотетически.

На рисунке С. Пахоловицкого Ситна изображена как 4-башенная трапециевидная крепость. Одна башня располагалась ближе к устью Полоты, вторая — в излучине реки, прясло стены между ними было самым длинным, до 90–100 м. Излучина реки образовывала как бы полуостров, куда оказалась «вписана» широкая часть трапеции. Дорога проходила перед узкой частью трапеции, где между двумя башнями были ворота. В общем, серьезных противоречий между рисунком Пахоловицкого и возможностями его наложения на местность не возникает, при поправке на схематичность и условность изображения.

В том же 1563 г. для контроля над другим восточным притоком Двины на западном берегу р. Оболь русскими был основан Козьян.

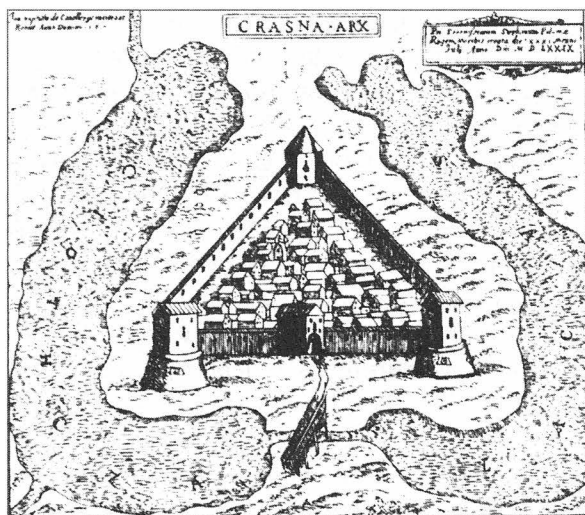
Сегодня городище Козьян локализуется севернее поселка Красномай. Река Оболь там образует несколько изгибов, формируя полуострова в виде сердечек. На одном из таких «сердечек» и был в 1563 г. построен опорный пункт (Генденштейн: «Козьян на реке Оболи, которая тут как бы описывает круг около него»)³⁵⁴. Место, где был основан Козьян, было обитаемым издревле — рядом находится курганный могильник раннего Средневековья (обследован в 1972 г. В.Б. Короткевич), предположительно кривичский. Замчище Козьян стало известно с 1837 г., разведывательные раскопки проводились в 1972 г. В.Б. Короткевич. На продолговатом мысе, вытянутом с запада на восток, сохранились остатки земляных валов. Рельеф местности и русло реки изменились, но место расположения крепости устанавливается по остаткам валов и р. Оболь. На рисунке Пахоловицкого расположена треугольная крепость, судя по городищенской площадке, примерно 50 x 120 x 110 м.

Если верить Гейденштейну, Козьян как крепость противопоставлялся Уле — между ними около 70 км по прямой, но коммуникации не очевидны (Ула перекрывает Двину, а Оболь впадает в Двину ниже по течению, Улу логичнее было бы противопоставить Туровле). Ула была расположена на мысу в слиянии рек Улы и Западной Двины. Данная территория входила во владения рода Кишек, а потом Жаб³⁵⁵. Сохранилась городищенская площадка без следов укреплений из-за перестроек местности (постройка церкви, опоры ЛЭП). Ульский замок был основан литовцами в 1563 г. (строительство велось итальянцами, инженером из Венеции). Были возведены земляные валы, и часть из них вымостили валунами. Но тем же летом недостроенный замок был захвачен русскими³⁵⁶.

ВКЛ для усиления позиций в крае предпринималось не только строительство новых замков, но и усиление старых. По приказу короля Сигизмунда II Августа Дисна в 1563 г. получает

Река Оболь в районе замчища Козьян

Замок Красный. Рис. С. Пахоловицкого

статус местечка, в 1565 г. в ней возведены новые укрепления³⁵⁷. Но более интенсивной строительной работе, по справедливому замечанию Ю.Ф. Устиновича, мешал низкий экономический потенциал Великого княжества — оно просто не тянуло серьезные фортификационные работы на границах³⁵⁸.

22 июля 1564 г. отряд Ю.Д. Токмакова, пришедший от Невеля «с конными людьми, с пешими да и с судовыми людьми» и с «легким нарядом», осадил крепость Озерище. Она известна с 1377 г., упоминается как владение Ульяны Тверской, вдовы Великого князя Литовского Ольгерда. Ей позже владели великая княгиня Елена Ивановна, жена Александра Ягеллончика, потом королева Бона.

О дальнейших событиях сообщает летопись: Токмаков «...стоял у города четыре дни, и под городом промышлял, и все дороги подзасек, которые были к Озерищам. И пришли к Озерищу из Витебска на помощь литовские люди, в головах ротмистры, а с ними конных и пеших людей 12 тысяч, и засеки учили прочищать. И князь Юрьи Токмаков наряд в судех да и пеших людей отпустил к Невлю на перед, а сам с конными людьми и с стрельцы пришел к литовским людям встречу, дело с ними делал и передовой полк побил на голову и с пятдесят языков было конных у них взято. И как пришли всеми людьми на него и князь Юрьи

языков побил и со всеми людьми пришел на Невль здорово»³⁵⁹.

Невель отделен от Озерища озером Озерище. Тактика русского нападения четко видна из летописного описания: в судах через озеро перевезли пушки и какое-то количество живой силы. Основной конный отряд обошел озеро берегом. Город был блокирован путем создания засек (лесных завалов) на дорогах, ведущих к Озерищу. Взять его быстро не удалось — все-таки крепость стояла фактически на острове, массивный штурм затруднен, подход возможен только по узкому перешейку (дамбе), скрытому под водой (насколько в XVI в. — неизвестно, сегодня примерно на 0,7–1,5 м). Поэтому, получив известие о том, что противник прорывается через засеки, Токмаков отправил домой артиллерию и пехоту, а сам нанес упреждающий удар по передовым отрядам врага. Пока литовцы приходили в себя и разбирались, где неприятель и что он делает, отряд Токмакова без потерь ушел к Невелю.

Выводы из неудачной осады были сделаны, и в ноябре 1564 г. войско под командованием Семиона Касаевича, И.И. Пронского и В.С. Серебряного и стрелецкого головы Р. Пивова взяло Озерище «приметом». Разница масштабов нападения (которая видна из имен воевод — в принципе рядовой военачальник Токмаков в июле и татарский царевич с двумя боярами и стрелецким приказом в ноябре) позволяет предположить, что поход Токмакова был своего рода разведкой боем — определить потенциал противника и возможности для взятия Озерища. Примет — длинные ветки и мелкие стволы деревьев, которыми засыпали рвы крепостей. В данном случае, видимо, была засыпана подводная дамба, войска подошли к стенам островной крепости, ну а остальное уже было делом техники: «И Божиим милосердием, город Озерища взяли приметом, ноября в 6 день, и державу Озерицкого пана Мартина Островицкого со многими королевскими дворяны, и ляхов и дрябей и земских людей многих поймали, а ротмистров пана Держинского, да пана Прогалинского и многих дворян, и ляхов, и дрябей и всяких земских людей побили на голову, а которые запирались в стрельнях и в баштах и в хоромех, и те погорели, а город до основания выгорел, а дворы господские

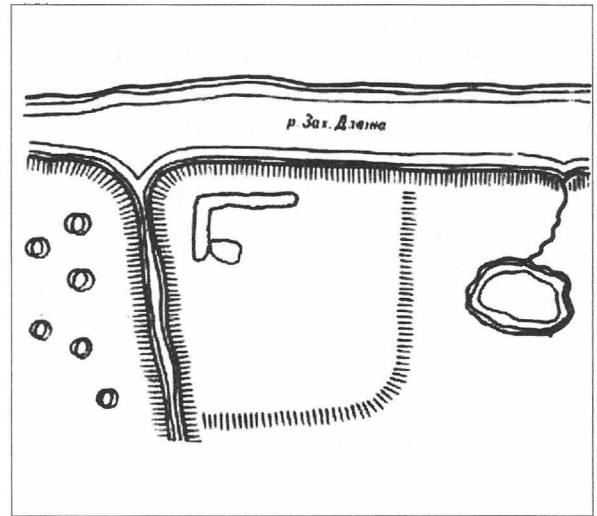

Туровля. Рис. С. Пахоловицкого

и посадские и острожные все выжгли, и никоков человек из города не утек»³⁶⁰. Как следует из описания, у Озерища на берегу был посад, причем частично укрепленный (упоминается острог), а в крепостных башнях замка («стрельнях») располагалась артиллерия или по крайней мере крупнокалиберные крепостные ружья. Русские город не столько штурмовали, сколько просто сожгли вместе с людьми.

Городище Озерище расположено на южном берегу оз. Езерища на полуострове (фактически — острове) в 3 км севернее деревни Местечко. Крепость имела четырехугольную форму, примерно 100 x 120 м. Сохранились остатки деревоземляной крепости, с валами и тремя башнями. Но это не уничтоженная литовская, а восстановленная затем на острове русская крепость, которая по конфигурации могла не повторять литовскую.

Потеря Озерища резко ослабляла позиции ВКЛ в крае. О значении Озерища говорит тот факт, что Озерище с поветом Иван IV готов был обменять на признание его власти над всей Ливонией³⁶¹. Нужны были новые замки, которые и пытались строить в 1564 г. Согласно версии, изложенной Б. Брежго, трехбашенный замок Тетча был основан по приказу Сигизмунда II Августа у озера Тетча в 1564 г. В том же году был взят русскими и переделан в замок Красный³⁶².

План городища Туровля.

Рисунок взят из издания: Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі.

Віцебская вобласць. Мінск, 1985. С. 376

Местоположение замка точно не установлено. Главным ориентиром является гравюра С. Пахоловицкого, на которой замок изображен на острове (полуострове) в озере, названном Ciothcza Lacvs. Таким образом, его можно связать с озером Паульским, которое носило название Тетча, и разместить на перешейке между озерами Паульское и Березовское. Существует также версия о локализации замка на перемычке между оз. Плесно и Островито³⁶³. Но она основана на «сходстве местности» с рисунком Пахоловицкого, что, учитывая прошедшие 400 лет и изменение береговой линии, вряд ли может быть аргументом. Никаких следов замка на местности при визуальном осмотре обнаружить не удалось.

В июне-июле 1565 г. войска ВКЛ попытались нанести ряд ударов по Смоленской земле. Сыграл свою роль недавно основанный Сурож: отряды ВКЛ выходили из Витебска, Сурожа, Мстиславля, Кричева. Целью были Щуческая волость Смоленской земли, Рославль, Ивановский стан. Отряды противника насчитывали 1200–1500 человек. Если верить летописи, все набеги были отражены, в стычках нападавшие понесли потери³⁶⁴. В октябре-ноябре 1965 г. нападению подверглись окрестности Заволочья и Озерища³⁶⁵.

1566 год принес в жизнь полоцких пригородов много бурных событий. Нападению литовцев (казаков Бирули) подверглась Ситна. Она была сожжена, затем восстановлена. В устье р. Туровлянки, в месте ее впадения в р. Западную Двину, русскими была основана крепость Туровля (локализуется у совр. деревни Городище). Это место было намечено для строительства собственной крепости воеводами ВКЛ. Но, как это часто бывало в ВКЛ, не нашлось средств, людей, все потонуло в бюрократической переписке.

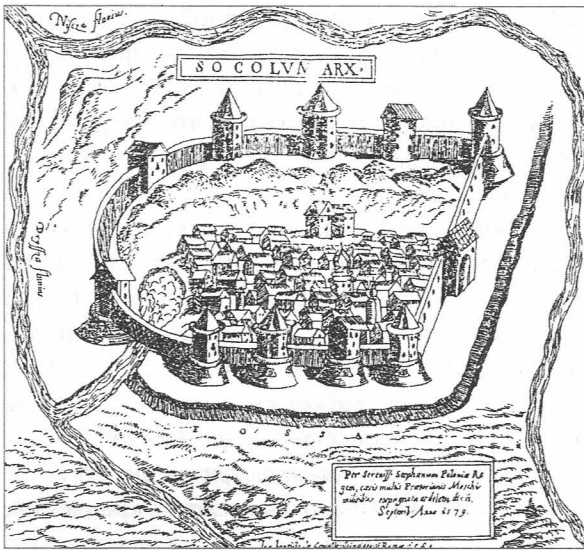
Ко 2 июля 1566 г. стало известно, что русские приходили на устье Туровли, его размечали и измеряли. Ходкевич заявил, что для строительства замка нужны люди, а также — «живность», чтобы их кормить, «стрельба» и «рыцарство», чтобы оборонять. Ничего нет в нужном объеме. Нет камней для строительства. Ходкевич предложил просить о помощи

короля, но тут же сорвался в злобную и бессильную критику властей ВКЛ, что от них не поступило ни локтя сукна, ни «жадного гроша» для перекупки «шпегов», лазутчиков и перебежчиков — как тут воевать? На свои собственные деньги³⁶⁶? На Туровлю предлагалось послать одну или две литовские роты, чтобы препятствовать русским построить замок. Ходкевич отмечает, что серьезных сил в регионе нет, одни «годовщики». Между тем «Москва» ездит по владельческим селам и приводит население к присяге³⁶⁷. Достаточно небольших сил, чтобы остановить продвижение русских — но даже этих сил у ВКЛ не нашлось, Ходкевича никто не услышал. Туровля была построена.

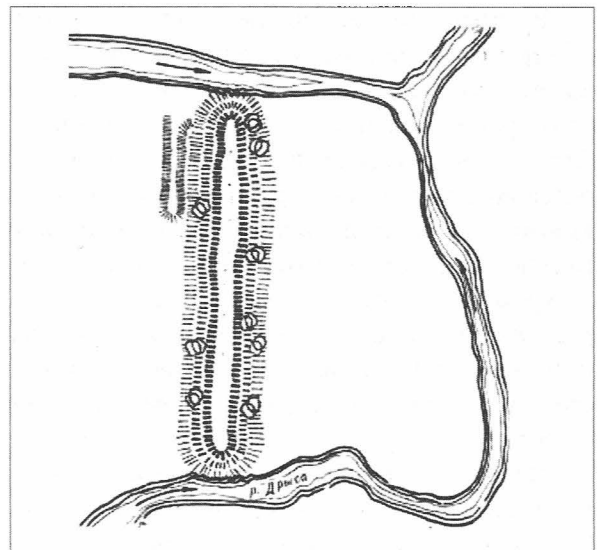
От крепости на местности остались слабовыраженные фрагментарные следы валов. Существует изображение крепости, сделанное в 1579 г. С. Пахоловицким. На рисунке — четырехугольная в плане пятибашенная крепость.

*Место впадения реки Туровлянки в Западную Двину.
Над этими берегами пытались построить крепость Туровлю*

Крепость Сокол. Рис. С. Пахоловицкого

План городища Сокол.

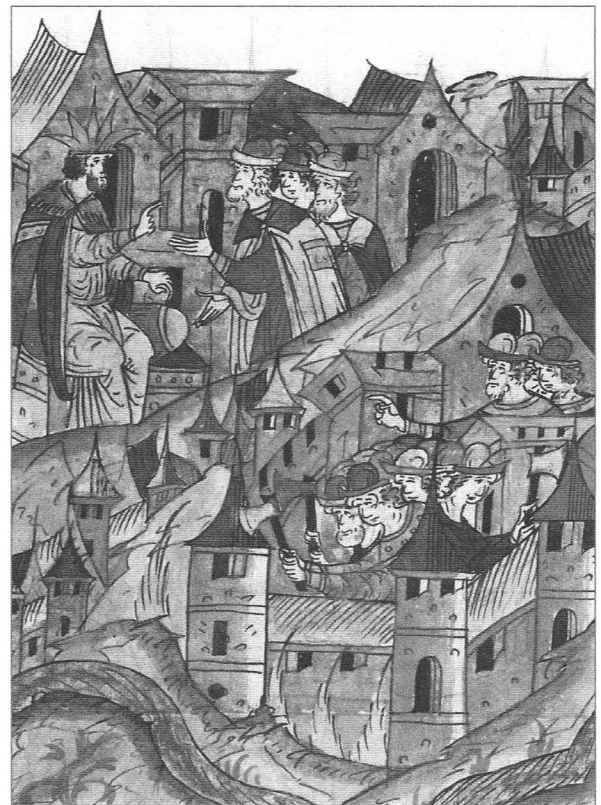
Рисунок взят из издания: Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Віцебская вобласць. Мінск, 1985. С. 388

При соотнесении с местностью возникает вопрос: почему была избрана четырехугольная форма в поле, когда слияние двух рек предполагает мысовую крепость? В рисунке Пахоловицкого мыс никак не учитывается. Поэтому предполагается, что рисунок неточно передает укрепления Туровли. Даже если она была четырехугольной в плане, крепость должна была быть более вытянутой, скорее ромбовидной, чтобы вписаться в мыс. Но тогда в напольную сторону она должна будет смотреть углом, что представляет собой необычную конфигурацию для крепостей. Туровля представляет собой очень интересный памятник, границы крепости на местности нуждаются в уточнении. Рисунку Пахоловицкого здесь нельзя полностью доверять, он слишком схематизирован.

В устье Нищи в декабре 1566 г. была поставлена другая крепость — Сокол³⁶⁸. Она располагалась в слиянии рек Нищи и Дриссы, на восточном берегу Дриссы. Сегодня городище находится в 1 км западнее дер. Кульнево. Указываемая в некоторых путеводителях локализация Сокола у дер. Соколище (там стоят стилизованные памятные знаки) является ошибочной.

Основание крепости Сокол.

Миниатюра Лицевого летописного свода

Русла рек (особенно Нищи, очень сильно обмелевшей), видимо, претерпели некоторые изменения. Тем не менее четко локализуется сохранившийся внутренний вал крепости. Это именно внутренний вал, а не внешний, оказавшийся далеко от реки из-за ее обмеления или изменения русла. Это подтверждает рисунок С. Пахоловицкого: на нем изображена крепость с внутренним земляным валом, разделявшим крепость на две зоны обороны. И именно этот вал в сильно облесенном состоянии, с основанием одной из башен хорошо сохранился.

На наш взгляд, фортификационное решение в Соколе очень редкое и интересное. Получалось, что противник, взяв внешнюю стену, оказывался перед дополнительным внутренним укреплением (этот прием русские в 1581 г. будут успешно использовать при обороне Пскова). Уникальность Сокола в том, что обычно внутренняя стена была деревянной.

Здесь же она представляла собой высокий земляной вал, что делало ее еще более фундаментальной, чем внешние деревянные линии стен. Даже сегодня, в оплывшем состоянии, вал достигает высоты 7–10 м, то есть он явно был не ниже крепостных стен.

Появление внутреннего вала могло быть вызвано еще одним обстоятельством: Сокол стоит на плоской площадке в излучине Нищи и Дриссы. Если берега Дриссы одинаково пологие, то правый берег Нищи представляет собой высокие облесенные холмы. Сокол же стоит на левом, пологом берегу. Холмы правобережья слишком неровные по рельефу местности, чтобы на них можно было бы сделать укрепления, построить город. А вот при осаде разместить там стрелков или даже легкую артиллерию можно было бы вполне. Внутреннее пространство Сокола тогда простреливалось бы с противоположного берега Нищи. Возможно, вал в Соколе играл ту же роль, что в Ивангороде

Внутренний вал крепости Сокол

каменная стена, закрывавшая город от обстрела с «Длинного Германа» Нарвского замка.

В 2016 г. появились сведения о раскопках в районе слияния рек Нищи и Дриссы экспедиции Института истории НАН Белоруссии под руководством М. Гатина. Несколько журналистских публикаций в Интернете сообщали о сенсации: на раскопках, которые проводились две недели, крепость Сокол была обнаружена в другом месте, найдены ворота, линии стен, локализовано место жительства русских стрельцов и т. д. Вал, который все предыдущие археологи ошибочно принимали за вал Сокола, на самом деле является естественной возвышенностью (грядой), а найденные в нем фрагменты оружия и доспехов XVI в. — остатками могилы ландскнехтов, которых закопали в ближайшем холме³⁶⁹.

К сожалению, интернет-публикации носят характер журналистского интервью, и по ним трудно судить, что же в самом деле нашли

белорусские археологи и как это меняет принятую в науке локализацию Сокола. До появления научных публикаций результатов раскопок обоснованность отрицания реальности сокольского вала и переноса крепости в другое место трудно оценить, как и сложно понять, какой именно участок крепости (а Сокол был большой крепостью) раскопали белорусские археологи и как он соотносится со всей площадью крепости и посада. Безусловно, их находки позволят уточнить локализацию и конфигурацию крепостных укреплений и городской застройки и достичь ясности в вопросе о расположении Сокола. Поэтому научной публикации по новым находкам в отношении Сокола историки ждут с нетерпением. Возможно, она внесет коррективы в наши гипотезы о конфигурации укреплений Сокола.

Освоение новых полоцких территорий было несколько задержано эпидемией. В августе 1566 г.

Вид на облесенный вал Сокола со стороны дер. Кульнево

Основание крепости Улы.
Миниатюра Лицевого летописного свода

разразился мор в Полоцке, Озерище, Невеле, Великих Луках, Торопце. Наступательные операции были временно приостановлены: вернувшиеся из дальнего похода дети боярские вполне могли вместе с победой принести домой смерть (что в конце концов и случилось — зараза достигла Новгорода и Смоленска). В полоцких пригородах вымерли попы, пришлось мобилизовывать священников центральной России и посылать на Полотчину — некому было вести церковные службы³⁷⁰.

В октябре 1566 г. русские решили ставить замок на устье Улы. 12 октября он был заложен³⁷¹. Здесь была построена восьмибашенная деревоземляная крепость. Местные «врадники» на него напали, но «не сделали ничего» и отошли³⁷².

Русский отряд напал на Воронач, но гарнизон отбил. Лепельскому старосте Юрию Зеновьевичу было приказано разместить

*Река Ула в месте впадения в Западную Двину, современное фото.
Справа — уходящий вперед мыс, на котором в XVI в. была крепость*

в Вороначе роту для обороны городища. Судя по терминологии (городище), новых укреплений на городищенском холме в это время возведено не было. Русские же, как свидетельствуют источники, хотели его не взять, а осмотреть (видимо, подбирались места для замков). Для обороны Воронача посланы 300 человек и «стрельба», то есть малокалиберные артиллерийские орудия. Местным властям ВКЛ велено собирать окрестных людей и строить замок на Вороначе³⁷³.

Летом 1566 г. русские начали строить Усвят, город на городище Межеве³⁷⁴. Здесь существовало литовское укрепление, возведенное при старосте Остафии Воловиче, т. е. около 1563 г.³⁷⁵ Новая крепость должна была противостоять Сурожу и Витебску. Войска ВКЛ сразу же пытались напасть на округу, источники зафиксировали некие бои «на Усвятских озерах»³⁷⁶.

В районе опоры ЛЭП и церкви — место, где была крепость Ула.

Вид со стороны мыса между реками Западной Двиной и Улой

В апреле 1567 г. разведкой ВКЛ было получено известие о попытке строительства русскими замков в Лукомле и на Саре, для чего в Полоцк была пригнана посоха. Посоха, «люди немалый, ездный и пеший» собирались в Нище и Уле, «готовят дерево». Район Лукомля было предложено оборонять Роману Сангушке, воеводе Брацлавскому, старосте Житомирскому³⁷⁷. Лукомль в 1567 г. был определен, по выражению Ю.Ф. Устиновича, как «центр дислокации» польного гетмана³⁷⁸. Также поступили слухи о планах строительства замков: 1) в Чашниках, 2) на Сорице, в пяти милях от Витебска, 3) на р. Сари, в миле от Дриссы, 4) в устье р. Сволны, в месте ее впадения в Дриссу, в трех милях от замка Дриссы. В Чашники отправлен Константин Вишневецкий, на Сорицу — Мартын Яцынич, каждому придано по несколько сот казаков и «пешего люда ротмистров»³⁷⁹. Они должны были предотвратить продвижение русских. Лукомльские князья заявили, что собираются в ответ строить замок в Лукомле. Р. Сангушко с войсками стоял в Вороначе, на неукрепленном древнем городище³⁸⁰.

Судя по переписке воевод ВКЛ, они были преисполнены энтузиазма и рассчитывали опередить русских и поставить свои замки раньше. Константину Вишневецкому велено ставить замок на Туровле, тогда Полоцку были бы «шкоды», а Ула безо всяких усилий «была бы наша». Планировалось поставить еще один замок на острове на Двине, ближе к Полоцку, а также строительство замков в Вороначе, Лепеле, Дриссе, Чашниках, Сорице. Ходкевич писал, что это «шпица» «в око неприятеля»³⁸¹. Однако это «планов громадье», активно обсуждаемое в переписке между панами, было абсолютно бессистемным — не существовало ни четкого плана постройки замков, ни очередности этой постройки (паны пишут: хорошо бы начать с Туровли, нет, лучше с Кривины³⁸²), ни ясных представлений, откуда взять людские и материальные ресурсы.

Опередить «неприятеля московского» со строительством замков не очень получалось — солдаты требовали денег, войск не хватало, паны перепихивали ответственность

друг на друга, ждали «науки» о замках от короля и т. д. Солдатам в Орше не платили три месяца, они не хотели служить. Жолнеры «не токмо быдло переели, але и на самих шкуру не вем» («не только съели скот, но и на самих шкуры не осталось»). Вся надежда была на местных землевладельцев, которые были заинтересованы в обороне своих земель и прилагали бы для этого усилия, не дожидаясь «королевской науки». Например, в Чашниках строительство замка вела местная пани Кишка. Но взамен паны хотели освобождения от других воинских повинностей, что уже не устраивало центральные власти ВКЛ — военный бюджет и повинности и так не выполнялись.

Переписка о поведении панов в войсках ВКЛ производит странное впечатление. Так, в качестве поощрения практиковался отпуск домой к жене, и это считалось серьезным аргументом, чтобы покинуть действующую армию в ходе боевых действий: «...поручника моего, пана Келчевского, сезде на побыванье до

Городище Воронач. Современное фото

жоны, на час малый пустити...»³⁸³. Интересно, сколько московских детей боярских было опущено из Полоцкой земли повидаться с женой? А сколько дворян ВКЛ? Наверное, ответ на этот вопрос объясняет, почему русские взяли Полоцк, а Великое княжество не смогло его отстоять.

Было непонятно, откуда брать артиллерию для новопостроенных замков. Из Могилева прислали одно орудие и 20 гаковниц, из Лепеля — два орудия³⁸⁴. Предполагалось, что артиллерией поделятся Борисов и Могилев, но они совсем не спешили это делать. Переписка панов дает представление о боезапасе, который полагался для крепостей. На одну гаковницу требовалось от 30 до 50 зарядов («куль»), на орудие («дело») — до 50 зарядов³⁸⁵. Найти пушки было полбеда: а кто из них будет стрелять? Нужны были пушкарки, а взять их можно было из тех же городов вроде Могилева, посулив большие деньги. Денег при этом не было.

Та же ситуация была со снабжением замков. Планировалось, что из Могилева будет поступать продовольствие для гарнизона в Чашниках. Из Могилевской волости предполагалось брать 50 яловиц, но их нет, сами могилевцы разорены и ездят за продовольствием на Волынь. На исходе даже солонина. В Могилеве кончился скот — осталось только зерно. Могилевская дорога была разбита, надо чинить мост. Паны обсуждали в переписке, кто же это будет делать. Нужно набрать в Могилеве от 300 до 500 «холопов», которые и поставят замок на Туровле³⁸⁶. Но они никак не набирались...

19 июня 1567 г. было получено долгожданное письмо от короля «с наукой». Из него известно, что замок на Сорице под контролем витебского воеводы Станислава Миколаевича Паца строит ротмистр Мартин Курч. Но замок расположен неудачно — место под крепость выбрано слишком большое («широко»), поэтому стоит выделить в нем небольшую, но наиболее удобно расположенную площадку, ее «плотом обведчи», «землей засыпати» и сделать рубленые деревянные «башты». Монарх констатирует, что опять не хватает ресурсов: люди на замчище грабят окрестные села в поисках съестного. Король просит прислать провиант

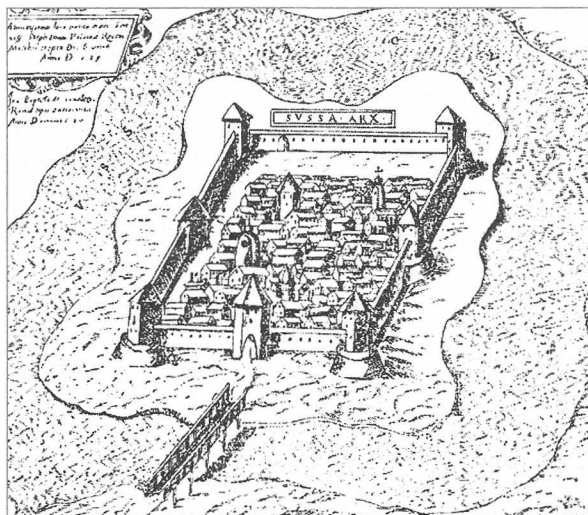
из Могилева. Вновь в переписке обсуждается проблема неплатежей служилым людям³⁸⁷.

23 июня 1567 г. Ходкевич сообщал Р. Сангушке, что «люди московские» из Озерич, конные и пешие, выходили в Витебскую землю, смотрели урочища в Болицке и на Тетче на предмет устройства там замков. Шпионы сообщили, что они еще хотят строить замок в урочище Городок («копец») на границе Озериченской и Витебской. На Городок Ходкевич предложил послать казака Бирулю с его ротой. Но людей не хватает, денег и средств для охраны всех опасных точек тоже (Вишневецкий грозит уйти из Чашников из-за неплатежей жалованья). К тому же литовцы боялись спровоцировать Москву к крупным боевым действиям на границах.

Поэтому Ходкевич увещевает не нападать на Улу, которая как раз строится, мол, пусть построят. Когда вернем — все наше будет. Ула строится с использованием леса, который русские берут в королевском селе Бортниках. Сангушко пишет, что может спалить Улу, а Ходкевич советует подождать. Он рекомендует подкупить кого-нибудь из строителей замка, чтобы тот поджог. Но нельзя, чтобы инициатива нападения исходила от ВКЛ. Пусть думают, что сожгли сами. Воеводы обсуждают большую проблему грабежей, чинимых жолнерами в отношении местного населения — идет натуральный разбой, даже против местных дворян. В устье Туровли, в Городке, Сорице и Чашниках Ходкевич и Сангушко сами планируют поставить замки, только пока не хватает ресурсов³⁸⁸.

Стоит заметить, что надежда возложить на местных поджог Улы не оправдалась — местные, напротив, сделали выбор в пользу русской власти. В сентябре 1567 г. был инцидент, когда ротмистр Марцин Яцынич жаловался: местные крестьяне, «мужики» из сел под Улой служат шпионами («шпегами») русским и сообщают им о казачьих отрядах, которые высылаются к Уле, чтобы действовать на ее коммуникациях. «Мужики» доносят, и из Улы выступают отряды против казаков. В результате все действия по казачьей блокаде Улы оказываются неудачными, и виновны в этом «изменники-мужики»³⁸⁹.

Русские, в свою очередь, угрожали набегами на строящиеся замки и места их

Крепость Суша. Рис. С. Пахоловицкого

потенциального строительства — 11 июля получено известие о готовящемся нападении на Чашники. Ходкевич призывает срочно выдвинуться к Чашникам роты местных землевладельцев — на государственную армию надежды нет³⁹⁰. 13 июля Станислав Пац сообщил, что Токмаков с 700 стрельцами и 60 орудиями выступил из Полоцка к Уле, а оттуда планирует ударить на Сорицу. В Смоленске для Токмакова готовится войско — 20 тысяч татар и 20 тысяч «бояр». Русский полководец «горлом» (т. е. жизнью) поклялся царю, что возьмет Сорицу³⁹¹. Конечно, такие слухи (с оттенком паники), при этом маловероятные (откуда для похода на какое-то ничтожное замчище 40 000 войска?), боевой дух ВКЛ вряд ли поднимали.

28 июля в королевском письме появляется известие о новом успехе русских: они основали крепость Сушу. Городище Суша расположено между селами Суша и Двор-Суша, на перешейке между озерами Теменица и Островки.

Вид на полуостров, на котором располагалась крепость Суша

С момента захвата Полоцка регион оказался вовлечен в боевые действия. Под селом Сушей в 1564 г. был бой, о котором упоминается в литовском актовом материале³⁹².

Крепость Суша была основана в июле 1567 г. воеводой Юрием Токмаковым. Он пришел к острову «безвестно», переправил туда орудия и заранее заготовленный «городовой лес». После чего быстро выстроил город и привел к присяге «тутошних жильцов». Чтобы Токмакова не обижали, пока он не обустроится, недалеко стоял с полком князь П.С. Серебряный. Иван IV велел назвать новую крепость Копье³⁹³.

Королевское письмо от 28 июля несколько иначе рисует историю основания крепости: воеводы П. Серебряный, Ю. Токмаков, В. Палецкий и Г. Колычев пришли под Сушу и решили основать замок. Их атаковали литовские роты, и разбили, и прогнали, только Токмаков умудрился уйти на остров и укрепиться там. Его выбить жолнеры не сумели³⁹⁴.

Подробности о бое под Сушей в июле 1567 г. содержатся в королевском письме к Р. Сангушке от 11 августа. В нем утверждается, что русских и татар было 17 000. В пяти верстах от Суши их отсекли от отряда Токмакова, который вез строительный лес для будущей крепости. Русских разгромили наголову: «...всех на кошу на голову поразил, где и тые гетманы помененые до смерти суть побиты, и увес обоз неприятельский з наметы, кони, зброи, золото, серебро и зо всею их маетностью есте взяли и вязней живых немало, детей боярских зацных». Токмаков за пять верст услышал крики избиваемого русского войска и бежал на остров, используя для переправы заранее заготовленное дерево, при этом в панике потонула 1000 русских. Но воевода, несмотря на поспешное бегство, умудрился переправить на остров 17 орудий, кроме ручниц и гаковниц — и встретил жолнеров ВКЛ огнем. А у них артиллерии не было, поэтому Токмаков и отбился. В победной реляции

Современные остатки вала крепости Суша

рыцарство ВКЛ названо «бичом» над москочитами, победа одержана именем предков и по воле Бога к вечной славе воинов великого княжества. Поименно перечислено полтора десятка героев, дворян и казаков. На щиты в качестве знаков отличия герои битвы под Сушей размещали «аксамиты и адамашки»³⁹⁵.

Герои героями, но в чем, собственно, была победа, в которой паны торжественно отчитались перед королем (сколько побили московских воевод и какую добычу взяли)³⁹⁶? Русские ведь полностью добились своего. Токмаков закрепился на острове и построил там крепость, что и было целью похода. Видимо, он сильно досадил противнику — Остафий Волович в письме к Роману Сангушке буквально призывал на голову Токмакова грома и молнии («чтобы его Перун поразил») ³⁹⁷. В победной королевской реляции много прекрасных моментов. В перечне трофеев особенно замечательно смотрятся возы с золотом и серебром — совершенно необходимая вещь для русского войска, отправляющегося основывать крепость на лесном озере. Золото, видимо, предназначалось для подкупа местных медведей. Тысяча утопленников во время переправы на остров смотрятся тоже неплохо, особенно если задаться вопросом: а кто их считал? И откуда такая аккуратная цифра? Наконец, как 17 полевых орудий могли остановить атаку литовского войска, которое только что разгромило 17 000 детей боярских и татар? Столько пушек даже не хватило бы для обороны острова по периметру. Как воины Токмакова, в панике эвакуирующиеся на остров, смогли переправить туда весь заготовленный лес в достаточном количестве, чтобы быстро выстроить крепостные укрепления? Сами потонули, а лес перевезли?

Вопрос о степени разгрома 17 000 русских (откуда столько?!) открыт. Сражение было, и верх в бою с отрядом П. Серебряного одержали литовцы — о нем упоминается в материалах посольства Ф.И. Умного-Колычева. В них говорится, что литовцы взяли грамоты и указы из саадака П. Серебряного³⁹⁸, что возможно только в случае, если саадак князь потерял в бою. Но вот степень этого поражения не установлена, и, главное — как и многие другие полевые победы литовцев, этот выигранный бой никак

не изменил общую ситуацию. Основание Суши остановить не удалось.

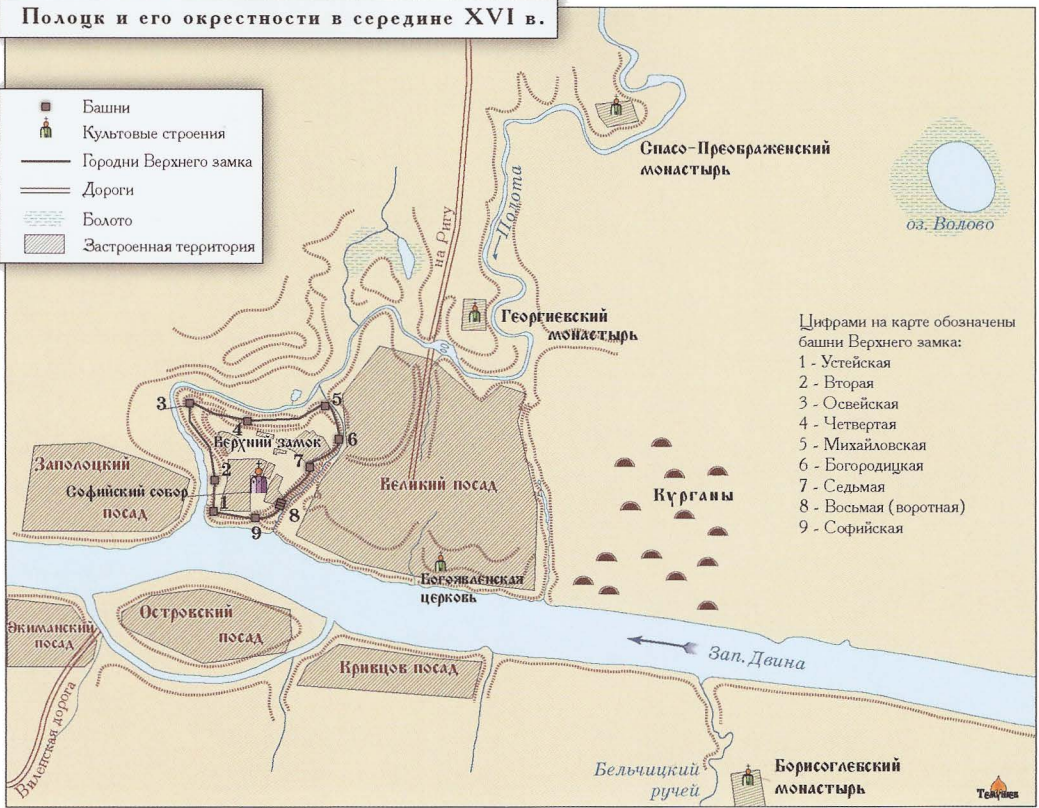
Более трезвую оценку ситуации содержат другие грамоты. Королевское послание от 13 августа приказывает князю Роману Сангушке перекрыть дороги, по которым подвозился лес для строительства Суши³⁹⁹. Это заявление делает картину вообще непонятной. Получается, что Токмакову до сих пор, спустя три дня после сражения, поставляется лес по дорогам? А как же разгром русских наголову и паническое бегство на остров? В письме от 15 августа Григория Ходкевича к Роману Сангушке гетман характеризует положение еще более печально: у него «каменеет сердце» от того, что Токмаков творит на Суше: это «небывалое сплошество и неспособность»⁴⁰⁰. А 16 августа вообще стало известно, что Р. Сангушко отступил от Суши, оставив отряд Токмакова хозяйничать на захваченном острове⁴⁰¹. Это отступление совсем дезавуирует первую победную реляцию. Уже 19 августа из Суши был нанесен удар по Лепелю, «подданных его королевской милости посекли, а иных с собой побрали»⁴⁰².

Донесение Юрия Зеновича от 2 сентября содержит некоторые детали строительства Суши. Во-первых, Суша строится на том месте, «где шанцы наши были», то есть ни о каком бегстве на необитаемый остров не может быть и речи — Токмаков занял бывшие укрепления войск ВКЛ. Не стоит преувеличивать и масштабы привезенного заготовленного леса: в начале сентября русские разбирали на бревна дома в соседней деревне Кугони и возили их для строительства замка. Литовские шанцы были скрыты, земля пошла на насыпи для крепости. Из Суши делают вылазки за стройматериалами: через один-два дня выходит отряд в 300–400 стрельцов, 200 коней и посохи (количество не указано). Приходят в намеченное место (дважды в одно место не ходят), забирают лес и возвращаются назад. Судя по этому описанию, налеты делались именно на деревни, где разбирали на бревна избы (потому что свалить и обработать лес за день в достаточном количестве не успели бы)⁴⁰³.

Сохранился рисунок С. Пахоловицкого. На нем Суша предстает семибашенной

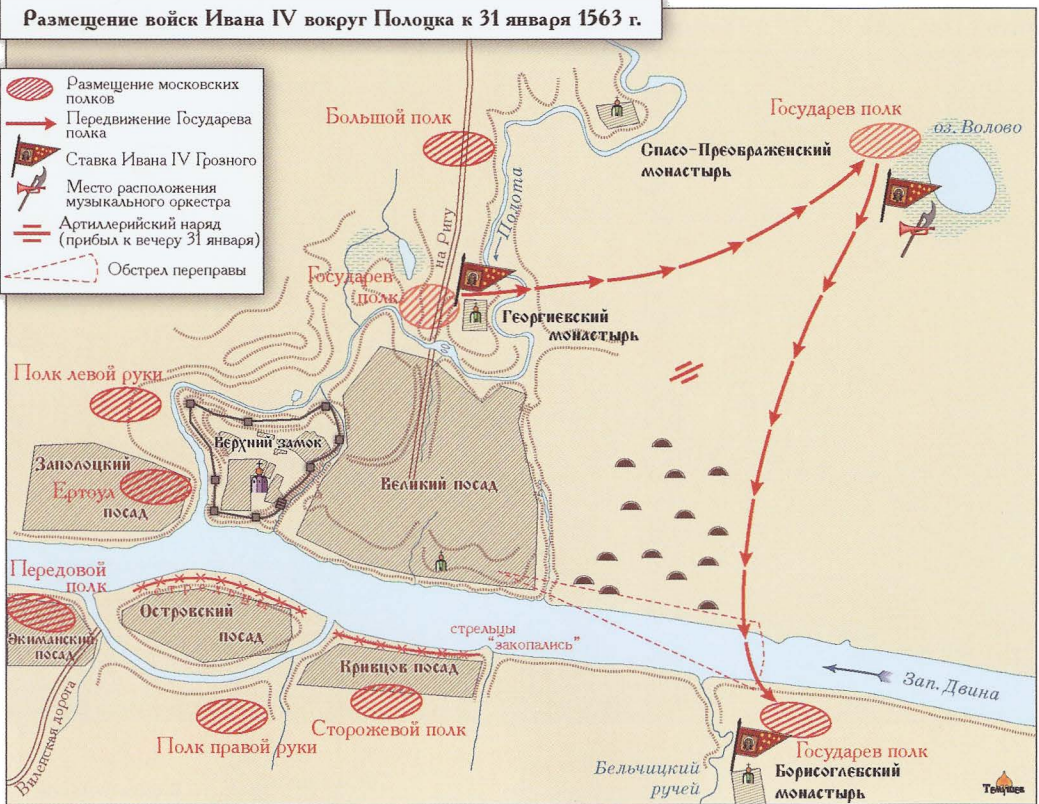
Полоцк и его окрестности в середине XVI в.

- Башни
- Культовые строения
- Городни Верхнего замка
- Дороги
- Болото
- Застроенная территория

Размещение войск Ивана IV вокруг Полоцка к 31 января 1563 г.

- Размещение московских полков
- Передвижение Государева полка
- Ставка Ивана IV Грозного
- Место расположения музыкального оркестра
- Артиллерийский наряд (прибыл к вечеру 31 января)
- Обстрел переправы

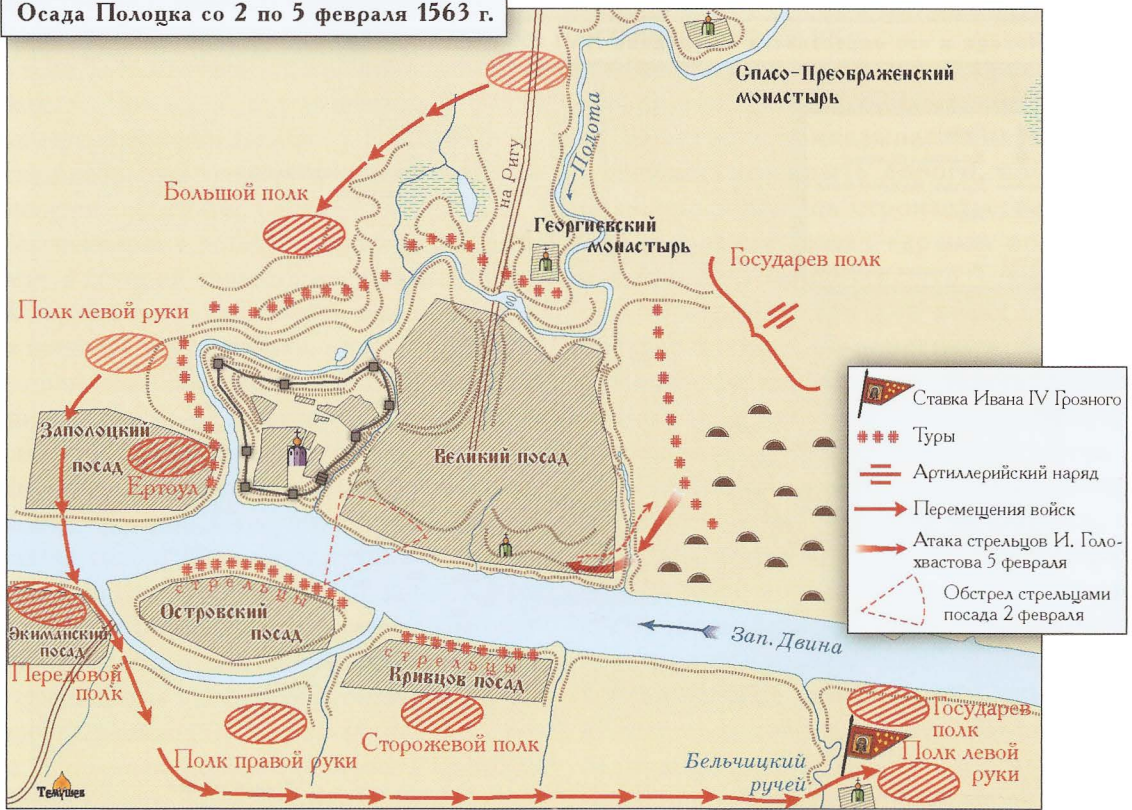

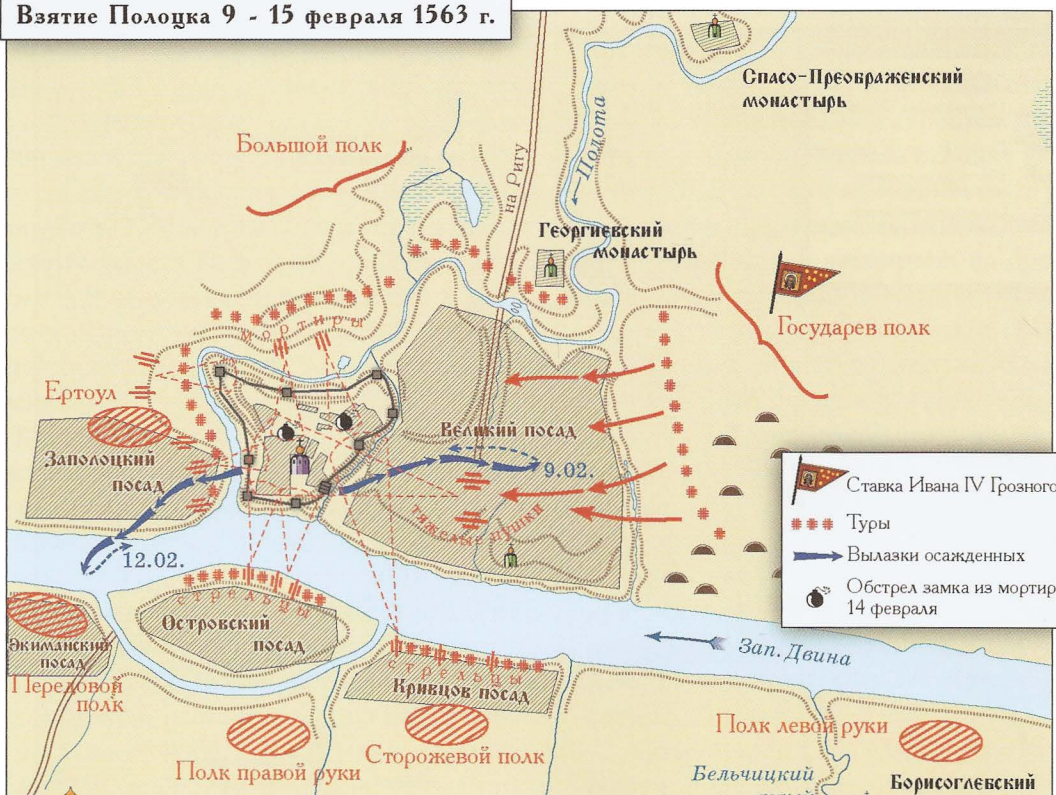
EREPITVM MOSCIS STEPHANO
QVI REGE POLOCRVM
ASPICIS EXIMVS ANKIVE
PRINCIPVS
SIC PRISCI NOBIS REDEVNT
POST SECVLA REBES
GENE ETIAM REDEAT PRIS
CA POLONA VELIM

Осада Полоцка 1579 г. Раскрашенный рисунок Ст. Пахоловецкого

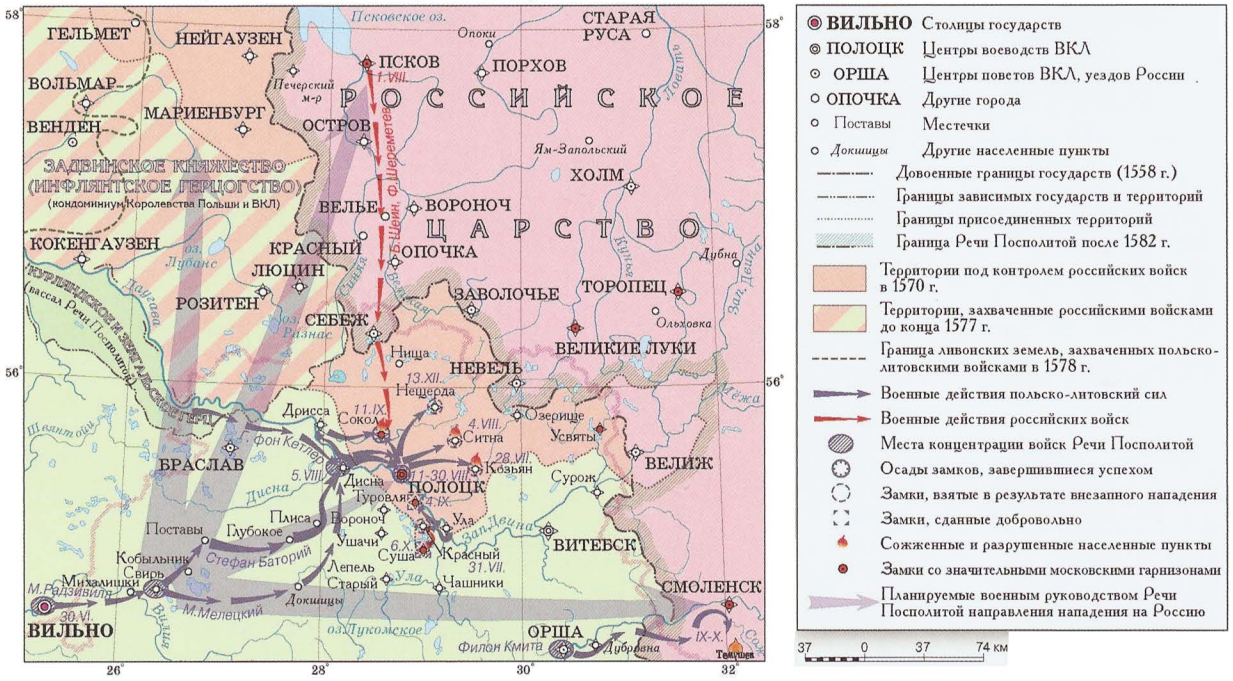
Осада Полоцка со 2 по 5 февраля 1563 г.

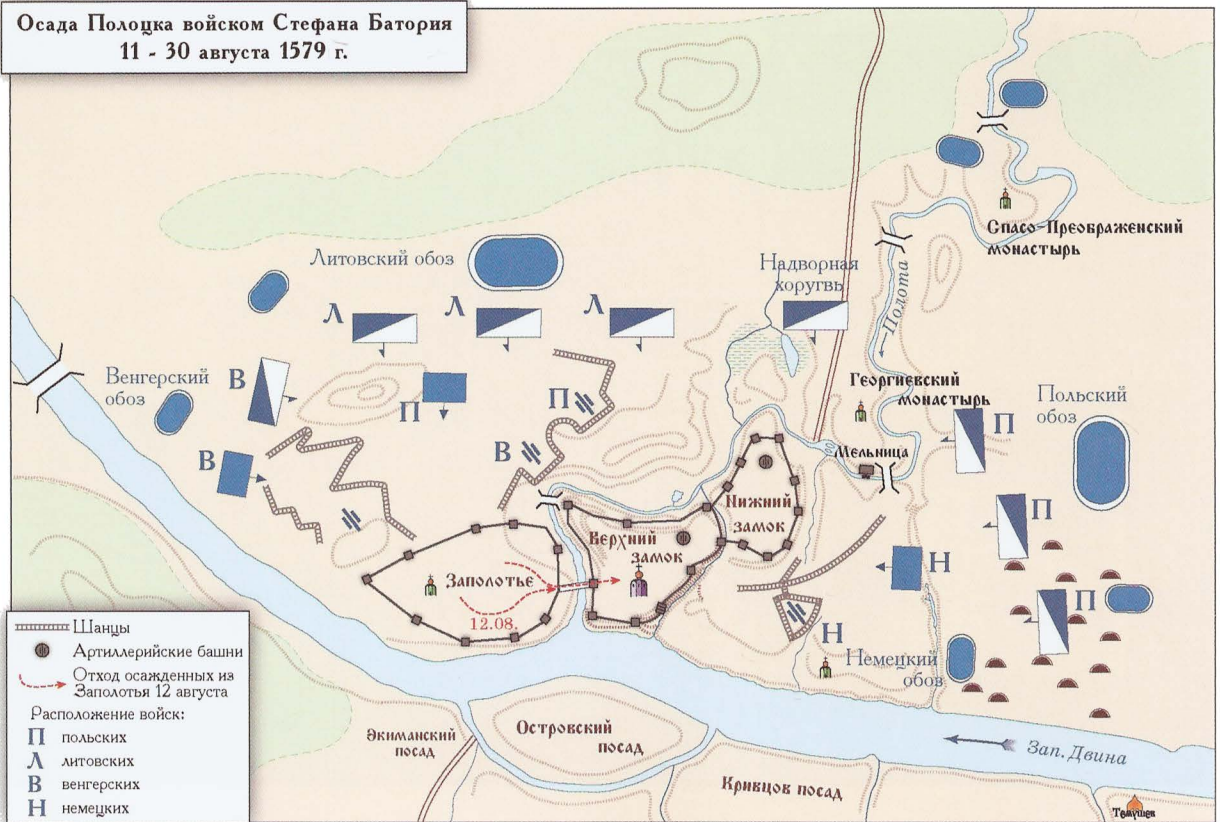
Взятие Полоцка 9 - 15 февраля 1563 г.

Полоцкая кампания Стефана Батория 1579 г.

Осада Полоцка войском Стефана Батория 11 - 30 августа 1579 г.

крепостью, четырехугольной в плане, с отдельной башней типа донжона внутри крепости. Данный рисунок плохо соотносится с местностью. Современный городищенский холм Суши имеет размеры примерно 40 на 60 м, размещение на периметре в 200 м семи башен малореально и нецелесообразно. Либо холм плохо сохранился и имел более масштабные обводы, и крепость надо распространить на весь остров между озерами Теменица и Островки (как, кстати, на рисунке Пахоловицкого), либо рисунку Пахоловицкого нельзя доверять. Стоит заметить, что конфигурация местности с XVI в. в районе Суши значительно изменилась.

В сентябре 1567 г. поступили известия о том, что русские хотят поставить новую крепость — «на Добрицы за Лядном, або в Долцах», в 4 милях от Лепеля⁴⁰⁴. В январе 1568 г. поступили известия о сборе русских войск под Брянском для похода на ВКЛ: 7000 татар и 4000 из Москвы. Еще 12 000 идут из Новгорода. Возможные цели удара: Радогощ или Стародуб⁴⁰⁵. В других донесениях «шпегов» цели названы иные: Орша, Дубровна, Могилев, Шклов, Копысь — «вся сия Украина». Отряды ногайских и касимовских татар вместе с русскими полками под началом Д.Ф. Мстиславского и В.М. Ростовского действовали в районе Браславля и Дорогобужа⁴⁰⁶. В ВКЛ в конце января принято решение о нападении на «замочки» Улу и Сушу⁴⁰⁷.

В январе 1568 г. русский отряд из Усвята внезапно ночью напал на Сурож, спалил посад и увел в плен 60 человек. Из Витебска состоялся ответный набег на Усвят, нападавшие ворвались в острог и в качестве трофеев захватили 14 гаковниц. Успешен был и набег литовцев под Велиж, были захвачены пленные⁴⁰⁸.

В марте 1568 г. в ВКЛ распространился новый слух: что русские хотят поставить замок на Березине, одновременно нанеся удар на Дриссу⁴⁰⁹. Судя по переписке воевод, весну 1568 г. армия ВКЛ встречала в довольно удрученном состоянии: не было денег, доходило до прямых военных бунтов солдат, не получавших жалования⁴¹⁰. Замки ни в Чашниках, ни в Кривине, ни в Лукомле, ни в Сорице не

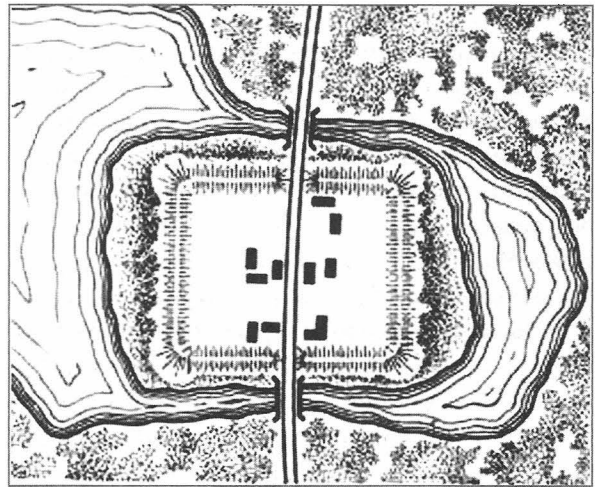

Схема Суши. Рисунок взят из издания: *Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Віцебская вобласць. Мінск, 1985. С. 286*

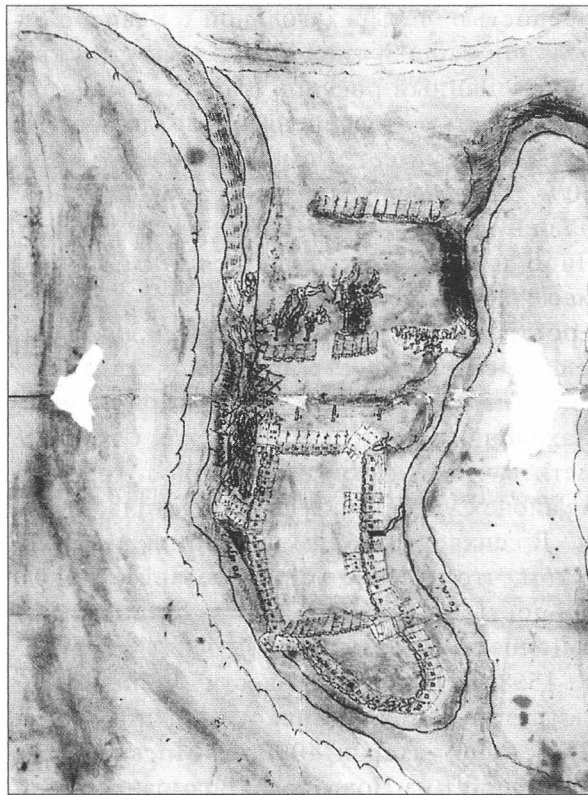
Основание воеводой Ю. Токмаковым крепости Суша. Миниатюра Лицевого летописного свода

были достроены⁴¹¹. Корона перекладывала содержание рот на их командиров и местных землевладельцев. Те были готовы пойти на это в чрезвычайных ситуациях, но ждали затем компенсаций от короля. А с ними были большие сложности. Энтузиазм содержателей рот резко падал, готовность солдат воевать — тоже. Война окончательно приобрела характер взаимных набегов, когда войско ВКЛ пыталось компенсировать нехватку жалованья военной добычей. В июне состоялся набег на Рославль⁴¹². В июне 1568 г. витебский воевода Станислав Пац описывает совершенно невозможные порядки в гарнизонах Витебска, Сурожа и других литовских крепостей: ссоры, дезертирство. Солдат можно держать на службе только силой, под угрозой смертной казни⁴¹³. Рота пана Сологуба дослужила и разъехалась, от нее остались только ротмистровы сани⁴¹⁴.

На этом фоне успеха добивались только те командиры, которые не жалели личных средств для содержания своих рот, пользовались авторитетом и имели репутацию удачливых, способных привести своих солдат к победе и добыче. В 1568 г. Ула три недели (с середины февраля до 3 марта) осаждалась войсками Я. Ходкевича, но устояла. 20 августа 1568 г. отряд Р. Сангушко взял крепость. В плен попали воеводы братья Вельяминовы. Гарнизон замка составлял 800 стрельцов. Ула была сожжена. На городище Сангушко возвел башню («вежу») и загородку из плетня⁴¹⁵. Замок надо было восстанавливать, но для этого не было ни людей, ни денег, ни орудий (русская артиллерия сгорела при штурме). Для постройки новых укреплений планировалось набрать людей в Борисовской, Бобруйской, Любошанской и Могилевской волостях⁴¹⁶. В октябре 1568 г. русскими планировался контрудар, воеводой хотели поставить удачливого Юрия Токмакова⁴¹⁷. Но план не удался, до конца войны Ула была под властью литовцев.

В целом к 1569 г. ситуация стабилизировалась. Продолжались постоянные мелкие стычки и взаимные нападения. Например, А. Сементовский свидетельствует, что еще в XIX в. «...у дороги, ведущей из Суши в Уллу, до сего времени, сохранился немой

План Улы 1568 г. Рисунок XVI в.

свидетель бывших на этом месте кровопролитий — каменный, высеченный из местного гранитного валуна — крест, имеющий в высоту семь, а в ширину пять четвертей аршина. На кресте этом грубо высечена славянскими буквами надпись гласящая: „1569 г. здесь положено 200 жовнер (воинов) во Христу поставил после битвы...“. Имя поставившего этот христианский памятник от времени сгладилось»⁴¹⁸.

В 1569 г. упоминаются новые замки в урочищах Ушачи и Тетча. Русские хотели поставить там замки, но на Ушачи напали Баркулаб и Дмитрий Корсак, захватили укрепления и какое-то время их удерживали. Король приказал послать на Ушачи 2000 коп грошей для найма казаков, стрельцов и служилых людей⁴¹⁹. Чем закончилось, неизвестно, послали ли деньги. Имеется в виду попытка строительства замка на Ушачах или замок Воронач? Ю.Ф. Устинович считает, что замок

Крест возле Суши.

Рисунок из книги: Сементовский А.М. *Белорусские древности*. СПб., 1890

Тетча хотели поставить не русские, а литовцы, и назвали его Лебедь (или Лебедек). А русские в ответ хотели на оз. Аталова возвести замок Кречет. То есть возникла своего рода «война названий» — лебедь против хищной птицы⁴²⁰. К сожалению, подробности истории этих замков нам неизвестны.

В 1570–1571 гг. на озере Нецерда был поставлен последний замок: «Лета 7079-го [...] Того же лета на Нецерде город ставили боярин Никита Романович да воевода Федор Васильевич Шереметев»⁴²¹. Крепость описана в исследовании Д.О. Виноходова: «Крепость была построена, скорее всего, из сосновых брёвен. Судя по рельефу местности, её периметр должен был представлять собой неправильный четырёхугольник не более 250 x 150 м, вытянутый с юга на север. Западная и северная стены опирались на обрывистые берега полуострова высотой до 25 м. В южной и восточной стенах, что

находились на более пологих склонах горы, располагались, соответственно, Егорьевские и Большие (Благовещенские) ворота. Первые из них вели к загородному поселению, а вторые выходили к низинной части оконечности полуострова, где могли находиться различные постройки и пристани. О точном числе башен крепости судить трудно: кроме четырёх угловых и двух брамных, могли иметься дополнительные башни. На внутреннем пространстве, несомненно, находились церковь, жилые дома и различные хозяйственные постройки. Двор головы находился на Большой улице в Казацкой слободе, площадь его составляла 360 м², дворы сотников (5 x 4 сажени каждый, т. е. всего 360 м²) были возле Благовещенских ворот, остальным казакам под дворы в крепости было выделено крайне ограниченное место общей площадью 1640 м². Суммарная же площадь Казацкой слободы вместе с дворами головы и сотников составляла 2370 м², отсюда можно заключить, что внутренняя застройка крепости была достаточно плотной. Впрочем, Казацкая слобода в крепости предназначалась только на случай вражеского нападения и осады («для приходу литовских людей»)»⁴²².

Полоцкая земля в составе Российского государства

К началу 1570-х гг. сложилась система полоцких пригородов. Стабилизировалась и военная ситуация: стало ясно, что крупных военных кампаний не будет, а мелкие стычки и налеты будут постоянно. Можно, наконец, оценить, что же приобрела Россия в Полоцком повете после похода 1563 г.

Первоначально, видимо, у России не было четких планов. Предполагалось сориентироваться по ситуации, во-первых, с помощью волшебного принципа «кто чем владеет/кто что успел захватить», во-вторых — видимо, была определенная надежда, что в случае признания ВКЛ утраты Полоцка вместе с ним России отойдет и его повет. Во всяком случае, в июне 1563 г. В.И. Низовцев и И.А. Кикин были посланы полоцкими воеводами П.И. Шуйским и В.С. Серебряным «рубеж сыскивати»⁴²³. То есть Россия действовала не по принципу: «сколько захватим — все наше», а пыталась

придать своим действиям определенную логику и легитимность: захватили центр (Полоцк), с ним должна отойти и административно подчиненная ему округа. Осталось только уточнить, где проходят ее границы. Кикин и Низовцев определили границы повета по р. Глубокой. Их Россия и будет отстаивать в дипломатических дебатах о Полоцке. К росписи рубежей прилагался схематический чертеж⁴²⁴.

В декабре 1563 г. на переговорах были впервые официально обозначены территориальные претензии Москвы. За западном направлении это была Дрисса, на южном — Лукомль⁴²⁵. Фактически это означало присоединение к России всего Полоцкого воеводства «по Березину», и русско-литовская граница должна была проходить по рубежам Виленского и Минского воеводств. По верному наблюдению В. Воронина, по Березине проводилась граница между «Русью», т. е. русскими землями ВКЛ, и собственно Литвой⁴²⁶. Таким образом, Иван Грозный обозначил претензии на Русь Великого княжества.

Однако ни Дрисса, ни Лукомль не входили в зону, где русские войска чувствовали бы себя уверенно. Заявленные рубежи не соответствовали пределам реальных завоеваний. Поэтому позиция Москвы смягчается, она возвращается на рубежи, выявленные Кикиным-Низовцевым. В июне 1566 г. Лукомль и Дрисса были уже объявлены зоной влияния ВКЛ, государь ими «поступался»⁴²⁷. К ним добавили Лепель, Бельмаков, Копец (пункт в устье р. Ушачи)⁴²⁸.

На переговорах 1566 г. русские обозначали желаемые границы Полоцкого повета: «А рубеж приговорил государь з бояры Полотцку учинити по Задвинью по Глуботцкой дороге, село Бобыничи, от Полотца тритцать верст, а вверх по Двине реке тритцать же верст, тому межа учинити. А вниз по Задвинью от Полотца по реку по Начю дватцать пять верст. А на сей стороне Двины реки вверх по Двине по старой рубеж витебской по реку по Дунавец, от Полотца семдесят верст. А на сей стороне Двины вниз по Двине реке по речку по Оленку, от Полотца дватцать верст. А по сю сторону Полотца и Двины реки весь Полотцкий повет к Полотцку»⁴²⁹. Рубежи выясняли с помощью местных

жителей, старожилов⁴³⁰. Если наложить ориентиры на карту (точно определяются Нача и Бобыничи, остальных ориентиров найти не удалось, накладываем расстояния), то получается, что Россия заняла чуть больше половины, примерно две трети территории Полоцкого воеводства.

Границы Полоцкого повета были уточнены в инструкциях посольству Ф.И. Умного-Колычева (1567): «...и рубежи б учинити Полотцкому повету за Двиною рекою по Глуботцкой дороге с Виленским поветом село Бобыничи, а от Бобынич к селу Завичелю, а от Завичеля к селу Мосыри, что на озере на Мосыри, а от села от Мосыри к селу к Ладосну, что на озере на Ладосне, а от села от Ладосна к селу Островну, что на озере Островне, от озера Островна к селу к Несину, что на озере на Несине, а от Несина к селу к Еванскому Островского монастыря, что на реку Уле. А быти тем селом всем и озерам во государеве стороне к Полотцкому вповету. А городу Уле рубеж с Витебскою землею от усть Улы реки вверх по Двине село Быстрея, что было Яцка Берестейского на берегу Двины от усть Улы до Быстреи пятнадцать верст. А селу Быстрее быти в Ульском повете, а по-за Уле реке с витебскою же сторону рубеж Улскому повету от Двины реки от села Быстреи к усть реки Свечи прямо, что река Свеча пала в Улу с Витебскою ж сторону с Витебским и Виленским поветом рекою Улою вверх по селу по Еванское Островского монастыря. А от Полотца вниз по Двине реке по Задвинью рубеж Полотцкому повету с Кобецкою землею река Нача, от города Полотца пала в Двину пол-третьятцать верст, а от устья Начи реки вверх по реке по Наче рубеж учинити Полоцкому повету с Кобецким поветом от Двины реки тритцать верст, а на городской полотцкой стороне от Полотца вниз по Двине реке рубеж Полотцкому повету с Кобецким поветом речка Оленка, от Полотца дватцать верст, а пала в Двину реку с полотцкую сторону, а от устья речки Оленки вниз по Двине реке до города до Кобца, до усть речки Каменки, что речка Каменка пала в Двину с полотцкую сторону против Кобецкого острова, убережением пять верст, и меж тех обоих речек к городу х Копцу из полотцкие

стороны из Полотцкого повету и из Соколские земли рубеж учинити от Двины реки на пять верст, а ниже Копца вниз по Двине реке меж Копца и Дрыси, и тем селом и погостом рубеж учинити с Полотцкою землею и с Соколской землею и с Полотцкими волостями от Двины реки убережья от берегу по пяти же верст, а ниже Дрыси города вниз по Двине реке Дрыскому городу рубеж учинити по пяти же верст от города, а от Полотцка ж на полотцкой стороне вверх по Двине реке Полотцкому повету с Витебским поветом рубеж старой реке Дуновесь, что речка Дуновесь пала в Двину подо владычным селом под старым, от Полотцка 70 верст»⁴³¹. В Полоцком повете выделялись уезды: Ульский, Сокольский, Лепельский, Копецкий, Дрисский. Отдельно были еще Озерищенский и Усвятский⁴³².

Описание полоцких земель в 1560-е гг. — неоцененный потомками подвиг русских

детей боярских, выполнявших государев наказ. Они выезжали в незнакомые леса небольшими группами от 3–4 до 20 человек. Ехали по дорогам от пункта к пункту. Расспрашивали жителей, которые не хотели отвечать, разбегались при появлении русского разъезда, давали дезинформацию (отмечается противоречивость показаний местных жителей). В переписчиков стреляли из-за угла и нападали (отмечается гибель нескольких групп, которые не вернулись с задания). В записи вносили дороги, наличие церкви в населенном пункте, фамилии землевладельцев, расстояние от пункта до пункта, иногда — количество дворов (целых и запустелых). Затем началась раздача земель детям боярским⁴³³. В Полоцк пришло русское дворянское землевладение.

Речь о русских помещиках в Полоцке пойдет в следующей главе.

ГЛАВА 7. СОСТАВ И СЛУЖЕБНЫЙ СТАТУС РУССКИХ ПОМЕЩИКОВ ПОЛОЦКОГО ПОВЕТА В 1563–1579 ГГ.

Вопрос о русском поместном землевладении в прифронтовых землях периода Ливонской войны давно привлекает внимание исследователей. Установлено, что в Ливонии в силу разных военных и политических обстоятельств была определенного рода текучесть и неустойчивость таких владений в ряде новообразованных уездов Русского государства⁴³⁴. Большую роль как в первоначальном присоединении, так и в испомещении на новоприсоединенных землях сыграли военно-служилые люди, до этого проживавшие преимущественно в северо-западных уездах страны⁴³⁵.

Создание новых уездов с русским поместным землевладением коснулось не только отдельных областей («присяг») Ливонии, но и территории ВКЛ. В связи с этим наиболее полно сохранились документы, которые характеризуют царскую политику и персональный состав помещиков. В конце 1569–1571 гг. они получили новые владения на территории девяти волостей Полоцкого повета (Дриссенской, Межевской, Невердовской Кубок, Неведринской, Непоротовской, Нещерды, Нищенской, Покровской и Турунтовской) и двух волостей Витебского повета (Озерище и Усвят)⁴³⁶. В отличие от большинства других новоприсоединенных территорий, утверждение власти русского царя в Полоцком повете характеризовалось не только обновлением местной военно-служилой корпорации, но и целенаправленным

строительством здесь дополнительных городов-крепостей. Эту политику Ивана IV Васильевича Грозного хорошо иллюстрирует единственная из его сохранившихся духовных грамот, окончательный текст которой относится к маю 1579 г.⁴³⁷ В ней царь вспоминал: «А что, по божией воли, взял есми у брата своего Жигимонта Августа короля свою вотчину город Поло[т]ск, и аз городом Полоцком, с волостми с Полоцкими, и с селы, и с тамгами, и весы, и со всеми угоды, и со всем Полоцким уездом, что было изстари к городу Полоцку, и аз тем городом Полоцком со всем благословляю сына своего Ивана. А что есми, с божиею помощью, поставил города в Полоцком повете, город Сокол на реке на Дрыси, да город Копье, и аз теми городами благословляю сына же своего Ивана, со всеми волостьми, что к тем городам потянет. А что есми, за божиею помощью, взял у брата своего, Жигимонта Августа короля, город Озерище, да к Озерищу волость Усвят, и аз в Усвятской волости поставил город Усвят, и аз городом Озерищем и городом Усвятю со всеми их волостми, и уезды, и селы, и с угоды, благословляю сына же своего Ивана, со всем с тем, как было к тем городам изстари, а держит сын мой Иван то все по перемирным грамотам с Жигимонтом Августом королем»⁴³⁸.

Основная часть данных о русских помещиках 1569–1579 гг. в Полоцкой земле сохранилась в Книге Литовской Метрики № 573⁴³⁹ и русской

приказной документации периода Ливонской войны⁴⁴⁰. Эти же источники имеют фрагментарные сведения о тех детях боярских, которые здесь были испомещены не ранее 1566 г.⁴⁴¹

Социальный состав и служебный статус русских помещиков Полоцкого повета в период Ливонской войны пока досконально не изучен. Предварительные наблюдения В.Ю. Ермак помогают наметить основные пути поиска выяснения уездов, из которых происходили русские помещики. По ее подсчетам, в полоцкой писцовой книге сохранились сведения о поместьях 146 военно-служилых людей. За исключением князя Богдана Андреевича Селеховского, все прочие дети боярские и жильцы были представителями нетитулованных родов. Формально из этого списка можно исключить лишь Макара Ляпунова и Ивана Суморокова детей Мусоргского. Они были потомками Монастыревых, утративших княжеский титул при переходе на службу в Москву еще в конце XIV в.⁴⁴²

Начиная с июня 1563 г., постепенно основной корпус полоцких землевладельцев начал формироваться за счет переселения или временного перевода в Полоцкий повет приказных, но в основном за счет переселения сюда детей боярских разных статей, имевших владения в Бежецкой и Обонежской пятинах Новгородской земли и Невельском уезде⁴⁴³. Их состав дополняли отдельные помещики из Торопецкого, Ржевского и Псковского уездов. В.Ю. Ермак удалось обнаружить в источниках некоторые сведения о представителях всего пяти служилых фамилий (Болотниковых, Борисовых, Глазовых, Змеевых и Обашевых), а также о дьяке Грибане Дмитриеве. В связи с этим исследовательница пришла к следующим наблюдениям: «Из 146 помещиков, получивших земли в Полоцком повете, мы нашли упоминания в российском делопроизводстве лишь шести из них. Это можно объяснить их низким социальным статусом и не главной ролью в государственной жизни Москвы»⁴⁴⁴. Насколько справедлив данный вывод?

На наш взгляд, для его проверки следует рассмотреть происхождение и службу не только самих полоцких помещиков, но и их ближайших родственников, привлекая для работы не только сведения писцовых, разрядных

и частных актов, но и родословные материалы, а также данные синодиков по «убиенным во брани». Это позволит наиболее достоверно выяснить социальный статус русских землевладельцев в Полоцком повете.

БОЛОТНИКОВЫ. Судя по наиболее ранним упоминаниям в актах представителей рода Болотниковых, они были потомками слуг удельных звенигородских князей. Родовые вотчины Болотниковых находились в Дмитровском, Звенигородском и Рузском уездах, что косвенно свидетельствует в пользу того, что до династической войны 1425–1454 гг. их предки должны были занимать видное положение в удельном дворе. Поражение в борьбе за московский великокняжеский престол князя Дмитрия Юрьевича Шемяки сильно подорвало амбиции многих служивших ему родов. Сильно измельчав к началу XVI в., Болотниковы были испомещены в разных уездах Русского государства. Новым их гнездом стал Вяземский уезд⁴⁴⁵.

Согласно росписи Болотниковых, которую они подали в Палату родословных дел при составлении «Бархатной книги» (1688 г.⁴⁴⁶): «И в лета 7038-го году великий князь Василей Иванович всеа Руси пожаловал Федора да Ивана Совлуковых детей да Федорова сына Лобана Болотниковых в Вяземском уезде в Боровой селцом Васильевским з деревнями и с починки. И дана им на то селцо з деревнями и с починки жалованная грамота за красною вислою печатью»⁴⁴⁷.

В начале 1550-х гг. двое представителей рода — Лобан Федоров сын Савлуков и Митька Данилов дети Болотникова — служили по Вязьме⁴⁴⁸.

Согласно росписи Болотниковых, «А у Федора Савлукова сына Болотникова было два сына: Лобан, а прамоя имя Федор, а другой сын Данила. И Лабана Федорова сына Болотникова великии государь царь и велики князь Иоанн Васильевич всеа Руси пожаловал в Торшку поворотным в кормление. И дана ему Лабану жалованная грамота за красною вислою печатью.

А от Федора Лабана три сына: Данила, да Микита, да Григорей, прозвище Булгак.

А от Лабанова первого сына, от Данилы, сын Дмитрей, бездетен.

А от другова Лобанова сына, от Микиты, сын Утеш. И в лето 7080-м году велики государь царь и великий князь Иоанн Васильевич всеа Руси с сыном своим благоверным царевичем Иоанном Ивановичем ходил в Великий Новгород и из Новагорода на свицкого короля, и в то время в их государеве походе он, Утеш Микитич сын Болотников, был в подрындах с чесными людьми.

А у третьева Лобанова сына, у Григорья, прозвища Булгака, было четыре сына: Лаврентей, прозвища Каверя, да Осип, прозвища Смирно[й], да Мина, да Григорей»⁴⁴⁹.

В период Ливонской войны служебное положение некоторых представителей рода повысилось, так как из их числа четырнадцать человек было взято в особый двор царя Ивана IV Васильевича Грозного⁴⁵⁰. Сравнение имен этих лиц с именами, упоминающимися в родословной росписи Болотниковых, показывает, что речь идет о непосредственных родственниках полоцких помещиков. Так, например, по данным этого источника можно установить, что С.Г. Болотников носил молитвенное имя Осип. В 1573 г. его родной дядя Матюша Федоров сын Лобанов, двоюродные братья Дмитрий Данилов, Утеш Никитин, младшие братья Мина и Григорий Григорьевы дети Булгаковы, племянники, сыновья рузского помещика Иван Истома и Иван Лаврентьевы дети Коверины, а также некоторые другие однородцы получали денежные оклады за службу в особом дворе царя Ивана IV Васильевича Грозного⁴⁵¹.

Степан Афанасьев сын Болотников со своими детьми Дербышом и Шелпяком не попали в родословную роспись Болотниковых. Однако можно с большой уверенностью установить, что С.А. Болотников был младшим внуком Федора Савлукова сына Болотникова. Таким образом, С.А. Болотников приходился двоюродным дядей Осипа Смирного Григорьева сына Булгакова Болотникова. Этот факт полностью развеивает сомнения В.Ю. Ермак в их близком родстве. Кроме того, нашему выводу не противоречит и характер позднейшего землевладения Болотниковых. В.Ю. Ермак заметила, что в конце XVI в. О.Г. Смирной Булгаков Болотников и его сын Меньшой Смирный были помещиками Старцевской

волости Торопецкого уезда⁴⁵². В родословной росписи Болотниковых отмечается, что в Торопце помещиками были три сына Осипа Смирного — Федор, Сила и Илья: «И Федор во 131-м году в Торопце при стольнике и воеводе князе Иване Михайловиче Долгоруком у сотни у дворян городских был головою, и то ведомо в Торопце в Записной книге. Да он же, Федор, во 143-м году и в ыные годы был у Торопца у дворян окладчик, и то знатно в Розряде. А детей от него не было»⁴⁵³.

По подсчетам В.Ю. Ермак, среди полоцких землевладельцев у Болотниковых был один из самых больших поместных окладов⁴⁵⁴. В 1570 г. отмечается, что в волости Нещерда, получившей свое название от одноименной реки (правый приток р. Дриссы), за четыремя представителями рода Степаном Афанасьевым сыном Болотниковым, его детьми Дербышом и Шелпяком и племянником Смирным Григорьевым сыном Болотниковым числилось общее поместье. У деревни Войлево оно включало берег озера Нещерда. По данным писцов всего за Болотниковыми было «3 деревни, пашни добрые, земли 26 четий в поле, а в дву потомуж, сена по лугом и по дубровам 60 копен, лесу пашенного поросняку 35 десятин, да поверстного лесу в длину на три версты, а поперег полторы версты»⁴⁵⁵.

Более крупное владение Болотниковых с этого года стало располагаться в Неведринской волости. В его состав входили деревни Шулепово, Сутыкино и Минуно Ильино «над озером над Неведрием», Семенково «над озером над Уклеином», пустоши Скоморохова Векшина на р. Свеблице и Черепово «за озером за Неведрием за Малым», а также селище Оникеево. Всего за Болотниковыми было «4 деревни, да селище, да 2 пустоши, а в них 3 дворы, а людей 3 человека, пашни средние земли 14 четий да перелогу 58 четий и обоего пашни и перелогу 72 чети в поле, а в дву потомуж, сена по лугом и по дубровам 200 копен, лесу пашенного 110 десятин, а непашенного 210 десятин да поверстного лесу в розных местах в длину на 4 версты, а поперег на 2 версты». Поместный оклад С.А. Болотникова составлял 300 четей, Д.С. и С.Г. Болотниковых — по 250 четей, а Ш.С. Болотникова — 200 четей. Помимо Полоцкого повета, они владели еще

небольшими поместьями в Невельском уезде, которые получили до 1569/70 г. Подсчитывая новые полоцкие поместья Болотниковых, писец подчеркивал, что «за ними ж в Нищенской волости на 82 чети, да за ними ж в Нещерде на 33 чети, и перечен и шклад их подлинно писан в Нищце»⁴⁵⁶.

В Нищенской волости, получившей свое название от р. Нищи — правого притока р. Дриссы, за С.А. Болотниковым с детьми и племянником в 1570 г. в поместье были переданы деревни Яковлево, Тимофеев двор, Афонасов двор и Федотово. В них находилось «4 двory, а людей в них 4 человека, пашни средние земли 56 четий в поле, а в дву потомуж, сена по лугомъ и по дубровамъ 130 копен, лесу пашенного 86 десятин, а непашенного 160 десятин, да поверстного лесу в длину на версту, а поперег на полверсты, да за Степаном же з детми с племянником в Нещерде на 26 четий в поле, а в дву потомуж».

Несмотря на эти земельные пожалования на правом берегу Подвинья к северу от Полоцка, Болотниковы в реальности так и не получили своих полных окладов. Это подрывало материальное благополучие их семьи. Из подсчетов писцов выясняется, что за данными помещиками «в трех волостях пашни и перелогу» было «153 чети в поле, а в дву потомуж». Однако при этом было «велено за Степаномъ поместья учинити и с невелским поместьемъ на 300 четий», но «не дошло Степана въ его оклад добрые земли» целых «200 четий с осминою в поле, а в дву потому ж».

Не лучшим образом обстояло дело и с другими членами семьи С.А. Болотникова. За его двумя детьми было велено «учинити и с невелским поместьемъ» оклад по 250 четей на человека, т. е. всего 500 четей. Однако «не дошло въ их оклад добрые земли 232 чети в поле, а в дву потомуж». За их двоюродным братом «за Шелпякомъ» было «велено поместья учинити и с невелскимъ поместьемъ на 200 четий», но «не дошло... въ его оклад добрые земли» целых «140 четий с осминою в поле, а в дву потомуж»⁴⁵⁷.

Таким образом, необходимые материальные ресурсы Болотниковых для участия в обороне Полоцкого повета против войск Речи Посполитой объективно были ограничены.

Болотниковы принимали активное участие в Ливонской войне. Согласно «Синодику убиенным во брани», 5 сентября 1580 г. «Неделого Рудакова сына Болотникова», однородца полоцких помещиков, убили во время неудачной для русской рати битвы под Великими Луками против польско-литовских войск короля Стефана Батория⁴⁵⁸. Обращаясь к родословной росписи Болотниковых, можно установить, что в данном случае речь идет о младшем троюродном брате С.А. Болотникова — русском помещике Федоре Небылом Рудакове, внуке Ивана Савлукова сына Болотникова⁴⁵⁹.

Бывший полоцкий помещик О.Г. Смирной Булгаков сын Болотников закончил свою службу до осени 1597 г. В Вяземский уезд он не вернулся. В московской приказной документации Осип Смирной упоминался как помещик Старцевской волости Торопецкого уезда. 6 октября 1597 г. часть его «живущаго» поместья в 100 четей, включавшее деревни Дорохово на озере Любысне, Мартыновскую, Михеевскую, Савищо Бычково и Котовскую на ручье Железном было передано от отца сыну, Меньшику (Федору?), оклад которого первоначально составлял всего 150 четей⁴⁶⁰. 9 января 1601 г. М.О. Смирного сын Болотников, служивший с прежним окладом, получил ввозную грамоту на другую часть поместья отца. Она состояла из 40 четей и включала в свой состав пустошь Юрки Сивицина «на Большой на Сивицыне ниве», жеребей деревни Котовской Михалевской на ручье Железном и пустошь «Влутвать Нефедовская Офонасова»⁴⁶¹. По-видимому, к этому времени бывший полоцкий помещик Осип Смирной уже окончательно ушел со службы. В 1601/02 г. упоминался в приговорной записи торопецких помещиков, которые разделили оброчные рыбные ловли на рр. Двина и Торопа с прилегающими к ним озерами⁴⁶². В торопецкой верстальной десятне 1605/06–1606/07 гг. Осип Смирной упоминался как отставной городской сын боярский. Помимо него в источнике фигурировали три его сына — Федор, Меньшик (Федор?) и Иван Смирные, а также городской сын боярский Рахманин Григорьев сын Болотников⁴⁶³. В последнем, возможно, следует видеть родного племянника О.Г. Смирного Булгакова,

не попавшего в родословцы сына Григория Григорьева сына Булгакова Болотникова.

БОЛТИНЫ. Представители этой фамилии были одной из линий многочисленного рода известного древнерусского святого царевича Петра Ордынского. Родовые вотчины Болтиных, однородцев Грязных, Ильиных, Молчановых, Ошаниных, Скорятиных и Хлуденевых, находились в Ростовском уезде⁴⁶⁴. Во второй половине XV в. этот сильно разросшийся род находился на службе великого князя Ивана III Васильевича и его матери великой княгини Марии Ярославны. Исследование С.В. Стрельникова позволяет установить, что в родословную Болтиных, поданную в 1686–1688 гг. в Палату родословных дел, не было включено несколько представителей этой фамилии. Они жили и служили во второй половине XV — первой трети XVI в. В ряде случаев происхождение этих Болтиных исследователем устанавливалась предположительно. Однако их принадлежность к роду ростовских вотчинников не вызывает сомнений⁴⁶⁵.

По наблюдениям С.Б. Веселовского, во второй половине XVI в. Болтины относились к числу «старых фамилий, преимущественно из средних и нижних слоев». После опричного разгрома представители рода Болтиных пополнили штат слуг митрополичьего двора⁴⁶⁶. А.П. Павлов уточнил, что они входили в «число лиц, принадлежавших к видным дворянским фамилиям, традиционно связанным с государевым двором, представители которых значатся в Тысячной книге и Дворовой тетради середины XVI в.», выдвинув из своей фамилии ряд дьяков конца XVI — начала XVII вв.⁴⁶⁷

Анализ родословной росписи Болтиных позволяет прийти к выводу, что ее первоначальный текст включал основной состав лиц за конец XIII — первую треть XVI в. Позднее этот источник был дополнен за счет представителей фамилии, которые являлись потомками Ивана Матвеева Большого сына Болтина. Таким образом, источник не имеет полного перечня представителей данного рода⁴⁶⁸. Это затрудняет выяснение точного происхождения Тимофея Григорьева сына Болтина, владевшего одновременно поместьями в трех волостях Полоцкого повета⁴⁶⁹.

В 1686–1688 гг. Болтины объединили сведения о своих младших однородцах. В родословной росписи было отмечено, что в конце XV — середине XVI в. ряд представителей этой фамилии служили с поместий под Великим Новгородом, Псковом и Великими Луками. Некоторые из них были вкладчиками Новгородского Софийского собора⁴⁷⁰.

Так, например, отмечалось: «А у Григорья Иванова сына дети: Андрей, да Василей, Федор, Дмитрей, да Никита. И в лета 7004-м году луцкие помещики Никита Григорьев сын Болтин, да Яков Федоров сын, да Ахмат Федоров сын Бо[лти]ны.

Псковские помещики Иван Михайлов сын Болтин, Буда Угримов сын Болтин написаны у царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа России в полку, а смотрит полк по указу государеву розборных дворян окольничей и оруженничей Лев Андреевич Са[л]тыков да дьяк Иван Юрьев. А та книга в Розряд[е] в Новогороцком столе».

В середине XVI в. служба в пограничных уездах Северо-Западной России охватывала представителей всех линий рода Болтиных. Источник отмечает: «У Исаия Иванова сына, прозвища Угрима, сын Буда. У Будая кормление было во Пскове ямское дьячество, д[а] за ним же кормление было — пожалован был городам В[...]ею и с придаточными пригородки со Орловым и с Володимерцом.

И в лето 7059-го, по указу государя царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа России велено выбрать из всех городов лучших слуг одну тысячу и всех их испоместить около Москвы во ближних городех. И в той в Тысечной книге из Пскова из Острова написаны: Буда Угримов сын Болтин, Иван Михайлов сын Болтин; лучаня дворяня: Федор да Дмитрей Григорьевы дети Болтина»⁴⁷¹.

Сохранившиеся списки Тысячной книги 1550 г. подтверждают эти сведения источника. В главу «Лучане дворяне» в число тысячников, дворовых детей боярских второй статьи, были записаны трое представителей старшей линии рода: «Федор да Микитка Григорьевы дети Болтина. Федоров сын Яковец»⁴⁷².

В главе «Псковские помещики дворовые» в разделе «Остров» третьим среди тысячников, дворовых детей боярских второй статьи, был

отмечен «Будай Угримов сын Болтин-Хрущов», а в разделе «В Мелетовской Засаде» четвертым тысячником среди дворовых детей боярских второй статьи упоминался старший двоюродный брат предыдущего «Иван Михайлов сын Болтин-Хрущов»⁴⁷³. С 20 июля 1554 г. по 20 июля 1555 г. Б.У. Болтин-Хрущов был наместником в псковском пригороде Велье⁴⁷⁴. Они были представителями младшей линии рода⁴⁷⁵.

М.Е. Бычкова, не разобравшись с текстом Тысячной книги 1550 г., ошибочно приписала Болтиных, внуков Ивана Иванова сына Хруща Болтина, к числу «фальшивых тысячников»⁴⁷⁶. Стоит отметить, что «Болтины-Хрущовы» были однофамильцами, а не однородцами видных тульских уездных дворян Хрущовых. Последние в 1686 г. напрасно стали приписываться к потомкам польских шляхтичей⁴⁷⁷.

Разбор персонального состава рода Болтиных показывает, что полоцкий помещик Т.Г. Болтин не мог происходить ни из старшей, ни из младшей линий рода. По-видимому, его предков следует искать среди представителей средней линии Болтиных. Одна из них вела свое происхождение от Семена Матвеева сына Болтина († до 1517/18). Среди его ближайших родственников упоминался Григорий Кузьмин сын Неклюдов Болтин. В апреле 1538 г. вслед за своим родственником Андреем Степановым сыном Болтиным он обменял свои земли в Подольском стане Ростовского уезда на вотчину Троице-Сергиева монастыря в Дубенском стане Кашинского уезда⁴⁷⁸. Здесь Болтины становились соседями Болотниковых, которые ранее получили здесь владения за службу в уделе дмитровского, кашинского и звенигородского князя Юрия Ивановича (1503–1533)⁴⁷⁹.

По-видимому, сыном Г.К. Неклюдова-Болтина мог быть Тимофей Григорьев сын Болтина. Среди представителей старшей и младшей линии рода, живших в середине — второй половине XVI в., не было лиц, носивших имя Григорий. Единственным исключением мог бы стать Григорий Андреев сын Болтин — помещик Шелонской пятины Новгородской земли, точное происхождение которого в этом роде также неясно. Однако это возможное предположение не поддерживают

данные источников. Согласно приправочной писцовой книге И.Г. Белеутова 7059 г., поместье Г.А. Болтина находилось в Щипетском погосте. Он умер до 1550/51 г., оставив на поместье из 7 деревень «и с усадищем, и з старыми починки, а обеж одиннатцать и с пустою полуобжею» и новым починком вдову Аксиныю и трех своих сыновей — Бориса, Гавриила («12 лет») и Митьку («9 лет»). Из их числа «большой брат Бориско служит»⁴⁸⁰. Таким образом, становится ясно, что Т.Г. Болтин не мог быть сыном Г.А. Болтина.

В писцовой книге Полоцкого повета 1570 г. отмечается, что в Межевской волости, находившейся к югу от Нищенской волости, невельским помещикам Т.Г. Болтину и его сыну Семейке, уже владевшим 51 четвертью, были пожалованы деревни Брызжелева «на Великой реке», Максютино «в Озерцах» у р. Великой и Климятино на р. Дриссе (правый приток р. Западная Двина). В них находилось «5 дворов, а людей в них 2 человека, пашни средние земли 24 чети да перелогу 3 чети, а худые земли перелогу 11 четий и обоего пашни средние и худые и перелогу 38 четий в поле, а в дву потомуж, сена по лугом 160 копен, лесу пашенного поросли 35 десятинь, да лесу ж пашенного и непашенного в розных местех в длину на 9 версть, а поперег на 4 версты, да им же дано в Межеве, и оклад их писан подлинно в Межеве»⁴⁸¹.

В Межевской волости за Т.Г. Болтиным и его сыном Семейкой была закреплена пустошь Сидорова, «пашни перелогом девять четий в поле, а в дву потомуж, земля середняя, сена дватцать копен, лесу пашенного семнатцать десятинь, а непашенного дватцать пять десятинь». При этом еще одно небольшое владение этим помещикам было пожаловано в Непоротовской волости — «пашни и перелогу на тритцать на восемь четий».

Итак, в двух последних волостях в поместье за Т.Г. и С.Т. Болтиными оказалось «пашни и перелогу 47 четий в поле, а в дву потомуж». Несмотря на то, что отцу и сыну был учинен общий оклад в 300 четей, «по 150 четий за человеком», в Полоцком повете Болтиным «не дошло въ их оклад добрые земли 200 четий в поле, а в дву потомуж»⁴⁸². Таким образом, как и в случае с семьей Болотниковых,

материальное обеспечение Болтиных на новом месте оказалось недостаточным.

Судьба Т.Г. и С.Т. Болтиных в период Полоцкого взятия неясна. Возможно, к этому времени они умерли или погибли при обороне одного из полоцких городов в 1579 г. На этот вывод косвенно указывает следующий факт. Младшим сыном Т.Г. Болтина был Иван Тимофеевич Болтин. По-видимому, в силу своего возраста он не успел получить поместье в Полоцком повете. Почти сразу после падения Полоцка (в 1579 г.) И.Т. Болтин доспел к службе. В 1580/81 г. он получил в поместье несколько деревень и пустошей на озере Стрижино и р. Дряме в Стрижинской и Данковской волостях Торопецкого уезда на «сто пятьдесят чети в поля а в дву по тому ж, со всеми угоды, что к тем деревням и к пустошам исстари потяглу»⁴⁸³.

Младшим братом С.Т. и И.Т. Болтиных был Молчан Тимофеев сын Болтин. В 1587/88 г. по соседству со старшим братом он получил в поместье несколько пустошей в Данковской волости Торопецкого уезда. Его ввели «в пустошь что была Саввы кузнеца, в пустошь что была деревня да Дристихе Шебанова, в пустошь что была деревня Маринница, в пустошь что была (дрв) Яраковская, в пустошь, что была деревня Михалкино», а в Стриженской волости — «в пустошь Горовятицу, в деревню Лукинскую, в деревню Патрекеевскую на озере на Невороже, в пустошь Васковскую, в пустошь Малые Нивки».

М.Т. Болтин отсутствовал на береговой службе в 1587/88 г. и в походе на Ругодив в 1590 г., за что из его поместья было изъято 90 четей земли. После отсутствия М.Т. Болтина на береговой службе в 1591 г. в приход под Москву крымского хана Казы-Гирея последовал царский указ «у Молчана Болтина поместье все в роздачу роздати, всем крестьяном, которые в тех деревнях живут и на пустошах учнут жити».

31 марта 1592 г. владения М.Т. Болтина были пожалованы новику Дружине Богданову сыну Свистунову⁴⁸⁴. Он был сыном невельского помещика Богдана Истомина Свистунова. В 1570–1579 гг. Б.И. Свистунов вместе со своими родными братьями Дмитрием, Постником и Салтаном, а также племянником Иваном Дмитриевым сыном

Захаровым вместе с общим окладом в 1 тысячу четей (им «не дошло» 250 четей), как и семья Болотниковых, владел поместьями в Нищенской, Неведринской и Нещердской волостях Полоцкого повета⁴⁸⁵.

БУРЦОВЫ и БОЛАНДИНЫ. В Русском государстве было несколько служилых родов, представители которых носили фамильное прозвище Бурцовы (Бурцевы). Один из родов Бурцовых происходил от московских служилых людей XV в.⁴⁸⁶ Их однофамильцами являлись представители старшей ветви переяславского рода вотчинников Елизаровых. Ближайшими их родственниками были Боландины, Вешняковы и Кузьмины. Длительное время Бурцовы были владельцами села Слотино, расположенного в Кинельском стане Переяславль-Залесского уезда⁴⁸⁷.

После 1510 г. Михаил Федоров сын Бурцов, внук Григория Бурца Кузьмина сына Елизарова, получил поместье в Псковском уезде. В 1550 г. М.Ф. Бурцов, как и ранее Болтины-Хрущовы, был отмечен в главе «Псковские помещики дворовые», но этот тысячник служил по городу «Володимерец». М.Ф. Бурцов был в числе дворовых детей боярских второй статьи⁴⁸⁸.

В конце XVI в. Бурцовы, Вешняковы и их однородцы стали приписывать себе происхождение от одного общего предка с представителями старомосковского боярского рода Морозовых⁴⁸⁹. В середине XVI в. Игнатий Михайлович Вешняков, младший однородец Бурцовых, был видным воеводой и постельничим царя Ивана IV Васильевича Грозного⁴⁹⁰. Он был сыном Михаила Александровича Вешнякова, который в 1540–1544 гг. был дьяком в Пскове⁴⁹¹. Двоюродные братья И.М. Вешнякова также псковские помещики. «В Рожнитцкой Засаде» среди тысячников и дворовых детей боярских второй статьи упоминались «Василей, да Богъдан, да Ждан, да Семейка Ондреевы дети Вешнякова»⁴⁹². В Ливонских походах 1558–1564/65 гг. В.А., Ж.А. и С.А. Вешняковы неоднократно были головами в полках⁴⁹³. В 1558 г. Ж.А. Вешняков был назначен головой в Лаюс⁴⁹⁴. В 1563 г. вскоре после взятия Полоцка В.А. Вешняков был назначен головой в Себеж. Ему подчинялся отряд из 25 детей боярских Новгородской Вотской пятины⁴⁹⁵. Отсюда

в 1563–1564/65 гг. В.А. Вешняков ходил в поход с воеводами во время походов русских ратей на ливонские земли⁴⁹⁶. Летом 1564 г. в Себеже его подменял младший брат Ждан⁴⁹⁷. В августе 1564 г. В.А. Вешняков во главе отряда псковских детей боярских под городом Красным нанес поражение одной из литовских изгонных ратей⁴⁹⁸. По-видимому, именно за этот подвиг вскоре он получил жалованную кормленную грамоту на псковский пригород Опочку с корчмой и пятном⁴⁹⁹. В 1570/71 г. В.А. Вешняков был головой в ливонском городе Толщбор⁵⁰⁰.

Позднее к службе в Ливонии из Пскова присоединился младший брат В.А., Б.А., Ж.А. и С.А. Вешняковых — Увар Андреев сын. В 1576–1578 гг. он был головой в Пайде⁵⁰¹.

1 августа 1570 г. прибывший на службу в Полоцк казачий голова Григорий Бурцов получил в Покровской волости поместье, которое ранее принадлежало дьяку Киприану Иванову сыну Дедевшину. Оно состояло из «11 деревень да 3 пустоши, а дворов в них 17, а людей во дворах 18, пашни в деревнях и в пустошех добрые земли 68 четий, да перелогу добрые земли 5 четий, да средние земли 82 чети, перелогу средние земли 17 четий, пустые пашенные земли 19 четий и обоего добрые и средние и пустые пашенные земли и перелогу 191 четь, сена 360 копен»⁵⁰².

Вопреки мнению В.Ю. Ермак, сведения о казачьем голове Г. Бурцове сохранились в русских источниках. После 10 июня 1571 г. полоцкий воевода князь Андрей Иванович Ногтев-Суздальский вспоминал, что ранее копыские купцы, «едучи с Полотцка з гостиного двора апреля в 21 день в субботу к неделе в ночи украли с острова казатские головы Григорья Бурцова четверо лошадей»⁵⁰³.

В обидном списке этого же времени князь А.И. Ногтев-Суздальский также писал, что литовские люди «у полотцких у жилецких казаков Григорьева прибору Бурцова у Нечайка у Иванова с товарищи, у дватцати человек взяли шесть мерин с седлы и с уздами и с епанчами да однорятку настрафилну, да кафтан бел, сукно еренок, да две ручницы, да сермягу белу сукно ржевское, да кафтан сукно рословское, да два колпака, да шесть рублей денег. И всего у них взяли на двадцать на семь рублей, опроче ручниц»⁵⁰⁴.

В следующий раз литовские люди «громили меж Невля и Ситны у Стрел, не доезжая Зеленых Вод, торговых людей с товары и боярских людей з запасы, а поимали у них:

У Филипа у Калюхова да у копейского жилецкого стрельца Данилова прибору Чихачова у Балахны у Дмитреева, да у казака Григорьева прибору Бурцова у Федька у Панкова взяли чetyреста куниц, сто дватцать бобров, семь тысяч белок, сто дватцать мехов заечих, да шесть литр шолку цветного, да три литры золота да се[ре]бра, да сусального иконного золота два фунта, да двесте сапогов, да два постава сукна, один черн, а другой лазорев, да два охобня изуфренных, один черлен, а другой жолт, оба с пугвицы серебряными, да три шубы белыи, да три однорятки с пугвицы серебряными, да рукавиц с-ысподки двесте, да полторы тысячи аршин полотна, да триста аршин сукна сермяжного, да сто аршин тафты розные, да две шапки мушских под сукном, одна под черленным, а другая под черным, а лисицы под ними обе буры, да тритцать шапок женских камчатых, да пятеро лошадей: мерин рыж десяти лет, звезда в целе, да мерин карь, да мерин игрень, да мерин бур, нос порот, да мерин ворон. И всего их живота взяли на триста на дватцать рублей, а балахнина детинку Ваську убили»⁵⁰⁵. Точное число трофейных сапог, кусков сукна и т. д., возможно, указывает на то, что они должны были достаться как часть жалованья казакам прибора Г. Бурцова.

Помимо Григория Бурцова, погибшего 7 февраля 1573 г. во время боя под Пайдой⁵⁰⁶, во время Ливонской войны на службе в Полоцком повете были и другие его родственники. Так, например, казачьим сотником в приказе у Г. Бурцова служил Иван Бурцов. По-видимому, до переезда в Полоцк он был мелким вотчинником в Льяняниковом стане Рузского уезда. Согласно писцовой книге 1567–1569 гг., здесь находилась «Русина Киреева сына Бурцова дрв. Смольково, а дал ему тое деревню дядя его Иван Бурцов. Пашни в одном поле десять чети, да перелогу десять чети, а в дву полах по тому ж, земля худа. Сена тритцать копен, лесу пашенного чetyре десятины»⁵⁰⁷. По-видимому, родным дядей Р. К. Бурцова являлся известный дьяк

царя Ивана IV Васильевича Грозного Иван Бурцов, известный по службе уже в середине 40-х гг. XVI в.⁵⁰⁸

И. Бурцов получил поместье в Дриссецкой волости Петровского стана. Согласно писцовым актам, за ним было «всего... 10 деревень, да селище, да две пустоши, а в них 10 дворов, людей в них 10 человекъ, пашни добрые земли 32 чети да перелогу 20 четий, средние земли 16 четий с осминою да перелогу 4 чети, а худые 29 четий и обоего добрые земли и средние и худые 101 четь в поле, а в дву потомуж, сена по лугом и по дубровам 102 копны, лесу пашенного 59 десятин с полудесятиною, а непашенного 179 десятин, да поверстного лесу у всех деревень в розных местех в длину на 13 версть, а поперег на 5 версть, а велено за Иваном поместья учинити на 100 четий, и мера его за ним учинена вся сполна на 100 четий»⁵⁰⁹.

В 1571 г. казачьим головой в Туровле («Турове») был Федор Бурцов⁵¹⁰. В 1576 г. в судовой рати на Данкове на р. Дону против крымских татар в большой полк среди голов были назначены «Михайло Чюбаров да Племянник Бурцов, а с ними двиняне, кинешемцы, балахонцы, гороховчане, юрьевчане»⁵¹¹. В июле 1578 г. в битве под Кесью погиб сын боярский Третьяк Яковлев сын Бурцов⁵¹².

В 1577–1579 гг. Михаил Иванов сын Бурцов, сын дьяка И. Бурцова, упоминался в Ливонии как коловерский осадный голова⁵¹³. В боярском списке 1577 г. он входил в число выборных дворян, которые числились в статье «Изо Пскова высланы». Вместе с М.И. Бурцовым в этот список попал и его однокоренник Увар Андреев сын Вешняков, служивший «в Пайде»⁵¹⁴. М.И. Бурцов неоднократно упоминался в разрядах с 1560 г. по 1587 г.⁵¹⁵ В 1592 г. в списке «обидным делом» русского посланника Афанасия Резанова отмечалось, что в 1581/82 г. после заключения перемирия «литовские люди» не дали вывезти из Юрьева Ливонского «Михайлова хлеба Бурцова 104-х чети ржи, 72 чети ячменя, 1730 пуд соли»⁵¹⁶.

В 1577–1579 гг. в Коловери при М.И. Бурцове свою службу начинал Андрей Бурцов⁵¹⁷. В 1597–1598 гг. он был головой в Ивангороде⁵¹⁸.

В 1583 г. дьяк Михаил Бурцов входил в состав русской делегации для проведения переговоров со шведами на р. Плюсе о мире⁵¹⁹.

Таким образом, в XVI в. воинская деятельность Бурцовых и их однокоренцев в северо-западных уездах Русского государства имела большую историю. Исполнение в Полоцком повете стало всего лишь одним из эпизодов в служебной карьере Бурцовых.

Интересно отметить, что служебные связи Бурцовых с Псковом и казачеством продолжались и после окончания Ливонской войны. Так, например, в приходной книге Новгородской четверти 1619/20 г. сохранились данные, что «с Москвы ж ис Казачья приказу со псковитином с Федором Бурцовым да казачьим атаманом с Ываном Заборским новгородским атаманом и есаулом, и казаком на жалованье на 127-й год прислано в додачу сорок два рубля восемь алтын»⁵²⁰.

В 1570 г. в Турунтовской волости «в Замощье около Ситно» были исполнены стрелецкие пятидесятники, подчинявшиеся сотнику Ивану Бурцеву. Среди них был его родственник — Смирной Юрьев сын Боландин. Ему во временное владение было передано поместье, которым ранее распоряжался пятидесятник Рахман Родионов. Это поместье состояло из деревень Сергеево, Иваново, Черное и Ходаково (две последние находились «над озером над Черным» вблизи от р. Дриссы), Власьево и Скорубино (они — «над озером над Белым»), Захарово и селище Максимово. Всего за С.Ю. Боландиным числилось «6 деревень, да селище, да пустошь, а в них 7 дворов пустых, пашни добрые земли перелогом 44 чети в поле, а в дву потомуж, сена по лугом и по дубровам 120 копен, лесу пашенного поросли 21 десятина, да лесу ж пашенного и непашенного в розных местех в длину 4 версты, а поперег на версту»⁵²¹. Ему учинили оклад в 40 четий и «мера его за ним вся сполна»⁵²².

По соседству с С.Ю. Боландиным такие же обезлюдившие поместья на 40 четей получили два других пятидесятника — Алеша Онцифоров и Аникей Тимофеев сын Леонов⁵²³. Без крестьян эксплуатировать эти поместья было тяжело. Поэтому им дополнительно давали земли в соседних волостях.

ГРИБАКИНЫ и ЖУКОВЫ. Грибакины были детьми боярскими, служба которых в Русском государстве с конца XV в. была связана с его северо-западными уездами.

В писцовых книгах они упоминались как московские помещики в Новгородской земле. В конце 1490-х гг. владения Грибаки Жукова располагались в Турском и Которском погосте Шелонской пятины Новгородской земли⁵²⁴.

В майском наказе 1492 г. в несостоявшемся посольстве дворового сына боярского И.Н. Берсеня Беклемишева были записаны жалобы «великого князя людемъ Новгородские земли на королевехъ людей». Согласно источнику, «наехавъ» со стороны Полоцка «на Луцкую волость, на Хрянской станъ, на Селивана на Власьева, да на Зенка на Ильина, да на Ивана на Жукова, да на Михайла на Оксентіева пана Яновы люди, Яманъ да Посывня да Станко Волосатой да Голяшъ съ товарищи, деревни выграбили, шестънатцать головъ свели, а восемь человекъ повесили, а грабежу взяли на двесте рублевъ на рижскую»⁵²⁵. Этот И. Жуков мог быть братом или близким родственником Г. Жукова.

В 1515/16 г. среди послухов в купчей грамоте И.А. Колычева у С.З. Ворыпаева на село Некиматово (Екиматово) и деревню Тетевкино в Каневской волости Коломенского уезда были записаны Черемис Федоров сын Кренев, Иван Иванов сын Сукина и Скурат Грибакин сын Жуков. На ее обороте отмечено: «По сеи купчей грамоте яз Скурат Грибакин послух и руку свою приложил»⁵²⁶. В феврале 1517 г. на пути из Пскова в Москву С.Г. Жуков был приставом у Дитриха Шонберга («Шимборка»), посланника магистра Тевтонского Ордена⁵²⁷. Благодаря этим свидетельствам источников можно установить, что Скурат был сыном Грибаки Жукова. Они были представителями одной из ветвей служилого дворянского рода Жуковых.

По-видимому, еще одним сыном Грибаки Жукова был Ивашка Грибцов сын Жуков. В 1545 г. за этим бежецким сыном боярским упоминалось его старое поместье с дополнительной придачей «въ Слезкине-жъ в-Ыльинскомъ погосте»⁵²⁸. Интересно отметить, что здесь его соседями были Сукины. Родственник последних вместе с С.Г. Жуковым записан в акте 1515/16 г.⁵²⁹

В Северо-Восточной Руси известно несколько служилых родов Жуковых. Все они были однофамильцами. Наиболее заметными среди них могли быть ближайшие потомки

видного дворянина Ивана Васильевича Жука, потомка старомосковского служилого боярского рода Лыковых. Пока совершенно неясно, был ли И.В. Жук Лыков отцом Грибаки Жукова.

В начале 1550-х гг. в середине списка Дворовой тетради по Москве были записаны «Василей, да Петр, да Андрей Васильевы дети Жукова», а также «Иванко Иванов сын Жукова» с пометой: «по Бежецкому». Однако нет твердой уверенности в том, что они были ближайшими потомками И.В. Жука Лыкова⁵³⁰. Незначительность служебных назначений этих Жуковых⁵³¹ в сравнении с должностями, полученными Замятниными, безусловными родственниками И.В. Жука Лыкова, пока оставляет этот вопрос открытым.

Данные актов показывают, что представители одной из фамилий Жуковых были известны уже со второй четверти XV в. Между 1432 и 1445 гг. Ивашко Жуков, будучи послухом, упоминался в купчей грамоте с отводом известного троицкого посельского и монаха Геронтия (Лихарева) на деревни Тимонинскую и Матвеевскую в Каменском стане Дмитровского уезда⁵³².

18 мая 1508 г. в жалованной заповедной грамоте великого князя Василия III Ивановича игумену Троицкого Махрицкого монастыря Мисаилу на села и деревни в Переяславском уезде отмечалось, что он дал монахам для обороны от незваных гостей «своег(о) пристава Гридю Семенова с(ы)на Жукова»⁵³³. По-видимому, его родным сыном был Сувор Григорьев сын Жуков, который, будучи на службе «по замъком вкраиным», не позднее 1518 г. попал в литовский плен. Согласно данным Литовской Метрики за 1519 и 1525 гг., С.Г. Жуков находился в берестейской тюрьме. Между сентябрем 1525-го и 20 октября 1538 г. он умер⁵³⁴.

В первой половине XVI в. представители еще одного служилого рода Жуковых были мелкими вотчинниками в Нерехотском и Жабенском станах Кашинского уезда, которые в это время также писались слугами Троицкого Колязина монастыря⁵³⁵. По мнению С.Б. Веселовского, из этого рода происходил Грибака Жуков. Однако его аргументация неясна⁵³⁶. Однофамильцами и земляками этих Жуковых

были землевладельцы из Микулинского удела Тверского великого княжения. Они представляли собой одну из ветвей местного служилого рода Оплечуевых⁵³⁷. В XVI в. Жуковы-Оплечуевы были вкладчиками, а некоторые слугами Иосифова Волоколамского монастыря⁵³⁸.

В XVI в. среди землевладельцев Переяславского уезда также упоминаются Жуковы. Еще в 1511/12 г. в купчей с отводом С.В. Редрикова у своих «братеничей» С.В. и М.В. Редриковых на половину деревни Стоской в Верхнедубенском стане четвертым послухом был записан «Власко Иоанов с(ы)нъ Жукова»⁵³⁹. Его родство с новгородским помещиком И. Жуковым неясно. Возможно, В.И. Жуков был сыном Иванки Жукова сына дьяконова, в 1500/01 г. — писца любовной разъезжей грамоты на землю Пореевскую Т.П. Замыцкого от Мериновской и Иванковской земли Троице-Сергиева монастыря, находившихся в Переяславском уезде⁵⁴⁰. Однако этой версии как будто косвенно противоречит неграмотность послуха В.И. Жукова, не оставившего свою подпись на грамоте.

В правление царя Ивана IV Васильевича Грозного Жуковы сохраняют остатки каких-то владений в Переяславском уезде. По мнению Ю.Г. Алексева, это было связано с опричной земельной политикой⁵⁴¹. Действительно, в 1566 г. опричник Гавриил Константинов сын Жуков был писцом поручной грамоты, составленной на освобожденного из литовского плена воеводу З.И. Очина-Плещева⁵⁴². В настоящее время установить принадлежность Г.К. Жукова к одной из указанных выше фамилий Жуковых не представляется возможным. Предположение А.Л. Корзинина о том, что Г.К. Жуков был выходцем «из верхов уездного служилого дворянства, из городских детей боярских»⁵⁴³, не подкреплено ни одним из свидетельств источников. Грамотность Г.К. Жукова косвенно свидетельствует в пользу его происхождения, скорее всего, из приказной семьи.

В писцовой книге Полоцкого повета стрелецкий голова Федор Жуков чаще всего фигурирует как Федор Скуратов или Федор Грибакин. В волости «Невердовская кубок» его крестьяне вели активную хозяйственную деятельность⁵⁴⁴. В Турунтовой волости

Ф.С. Грибакину сыну Жукову было пожаловано 9 деревень, 6 починок и одна пустошь, в которых в 13 дворах проживало 15 человек. При этом за ним было «пашни добрые земли 167 четий да перелогу 31 четь и обоего 198 четий в поле, а в дву потомуж, сена по лугом и по дубровам 390 копен, лесу пашенного кустарю 202 десятинь, а непашенного лесу бору 153 десятины, да поверстного лесу в розных местах 26 версть, а поперег на 10 версть». Писец подчеркивал, что, в отличие от других помещиков, «велено за Федоромъ за Грибакиным поместья учинити на 200 четий, и оклад его за ним учинен весь сполна»⁵⁴⁵. Помимо этого, Ф.С. Грибакину Жукову на время службы была выделена оброчная пашня за Покровскими воротами между р. Полотой и дорогой, которой жители ездили к Спасскому и Евфросиньеву монастырю напротив Стрелецкой слободы («города»)⁵⁴⁶.

Несколько владений в Полоцком повете имели Жуковы. Так, например, невеликому сыну боярскому Дмитрию Кузьмину сыну Жукову в Покровской волости дали у р. Великой две деревни из четырех дворов, в которых проживало 3 человека. Ценность этому небольшому поместью придавала «добрая земля» на 75 четей, пашенный лес на 20 десятин и непашенный на 40 десятин. Близким по размеру было поместье Д.К. Жукова в Нищенской волости. Всего ему должно было принадлежать владений «на 400 четий в поле, а в дву потомуж». Однако, в отличие от Ф.С. Грибакина Жукова, из этого оклада ему «не дошло... 265 четий с осминою без получетверика осминного в поле, а в дву потомуж».

По соседству с Д.К. Жуковым располагалось общее поместье земляков и родственников Якова, Вешняка, Андрея и Фотия Игнатьевых детей Жуковых. В Покровской волости им принадлежало три деревни, где было семь дворов и крестьян, доброй земли с перелогом 150 четей, 63 десятины пашенного и 30 десятин непашенного леса. В Нищенской волости братья владели поместьем на 88 четей, а в Межевской — на 46 четей. При этом Я.И., В.И. и А.И. Жуковым из их оклада «с невеликим поместьем на 450 четий, и не дошло въ их оклады добрые земли 204 чети в поле, а в дву потомуж». За Ф.И. Жуковым было

«велено поместья учинити и с невелским помещением на 200 четий, и не дошло въ его оклад добрые земли 134 чети с осминою в поле, а в дву потомуж»⁵⁴⁷. Таким образом, как и в предыдущих случаях, невеликие дети боярские, прибыв для обороны Полоцка и Полоцкого повета, не были в полной мере обеспечены землей.

ДЕДЕВШИНЫ. Представители рода Дедевшиных происходили из рода дворовых детей боярских московских великих князей. К рубежу XV–XVI вв. Дедевшины сильно измельчали и связали свою судьбу с удельными князьями. В XVI в. старинные вотчины Дедевшиных располагались в Дмитровском и Угличском уездах. Однако до середины XVI в. центром их владений оставалось село Троицкое Дедевшино, находившееся в Горетовом стане Московского уезда. Позднее здесь они выкупили некоторые свои «искони» вечные вотчины⁵⁴⁸. 12 августа 1524 г. Иван Иванович Дедевшин упоминался как ясельничий дмитровского, кашинского и звенигородского князя Юрия Ивановича⁵⁴⁹. Его родственники Федор Зародин и Артем Лунины дети Дедевшина были дворянами угличского князя Дмитрия Ивановича Жилки⁵⁵⁰. Проня Бекетов сын Дедевшин служил старицкому и верейскому князю Андрею Ивановичу. В 1537 г. во время восстания за Вышним Волочком на р. Цне он предал своего сюзерена и с тремя дворянами бежал из стана князя А.И. Старицкого⁵⁵¹.

После окончательного перехода на великокняжескую службу Дедевшины были испомещены в западных уездах Русского государства. Согласно Дворовой тетради, в 1550-е гг. шестнадцать Дедевшиных служили как из Дмитрова и Углича, так и из Белой и Вязьмы⁵⁵². Среди них в середине списка дворовых детей боярских по Дмитрову были записаны «Киприян, да Гриша, да Роман, да Иванец Ивановы дети Дедевшина. Иванец убит громом»⁵⁵³.

Еще в 1546/47 г. братья Дедевшины выступали послухами в купчей грамоте видного московского дворянина Ф.И. Сукина, выходца из приказной среды. Он покупал у Анны Александровны дочери Огарева, вдовы Ивана Коки Дедевшина, вотчину умершего — деревни Голубчиково и Лежнево. Она также находилась в Горетове стане. Благодаря этому акту выясняется, что зятем

ближайшего родственника К.И. Дедевшина, Никиты Нестерова сына Дедевшина, был видный представитель тверского боярства Андрей Петрович Житов (из рода Бороздиных). На обороте купчей было отмечено, что «послух Кипреян Иванов сын Дедевшина и в братьи своей место руку приложил»⁵⁵⁴. Неясно точно когда, но приблизительно в те же годы Ф.И. Сукин купил у Дедевшиных село Троицкое Дедевшино со всеми пустошами и угодьями, которые позднее он завещал своему племяннику, будущему думному дворянину Василию Борисовичу Сукину. 20 января 1607 г. последний в качестве вклада на вечное поминовение отдал эту свою куплю, бывшую старинную вотчину Дедевшиных, властям Успенского Свяяжского монастыря⁵⁵⁵.

По-видимому, поземельные связи с влиятельной семьей Сукиных, из среды которой вышло несколько думных чинов уже в XVI в., способствовали началу карьеры К.И. Дедевшина. В 1560–1562/63 гг. вместе с Г.С. Плещеевым и подьячим Федором Козловым он был писцом и межевщиком в Рязанском уезде⁵⁵⁶. Будучи членом Государева двора, К.И. Дедевшин за службу получил поместье под Москвой. В 1567–1569 гг. в волости Воиничи Рузского уезда за ним было записано поместье с центром в сельце Кучино на р. Мологоще. К нему тянуло 10 деревень и две пустоши, «пашни худые земли в одном поле двести пятьдесят одна четь, да перелогу сорок семь чети. И обоево пашни и перелогу двести девяносто восемь чети в одном поле, а в дву потому ж». Писцы отмечали, что К.И. Дедевшину «за доброю с наддачею двести чети, а наддано ему девяносто восемь чети». Ему также принадлежали «сена сто осмнатцать копен, лесу пашенного кусторю всего дватцать десятин»⁵⁵⁷.

В 1569 г. бывший дмитровский сын боярский, а ныне дьяк К.И. Дедевшин стал видным помещиком Полоцкого повета. Владения дьяка находились в Покровской волости. Ранее они принадлежали Ивану Пустошкину, а до него потому самого известного, знатного и богатого полоцкого боярского рода — пану Петру Дмитриевичу Корсаку. Всего к К.И. Дедевшину отошли «21 деревня, да 3 починка, да 7 пустошей, а в них 33 дворы да двор пустъ, а людей в них 34 человека, пашни добрые земли

150 четий, а средние 152 чети, да перелогу 92 чети и обоего добрые средние и перелогу 394 чети в поле, а в дву потомуж». Ему был учинен оклад в 400 четей «в поле, а в дву потомуж», из которых в оклад не дошло всего 6 четей!

При этом за К.И. Дедевшиным еще было сено «по лугом и по дубровам 748 копен, лесу пашенного поросли 294 десятины, а непашенного лесу бору 308 десятин, да лесу ж пашенного и непашенного в розных местех в длину на 30 версть, а поперег на 13 версть». К угодьям, где его крестьяне ловили рыбу, относились озера Ясо, Олело, Колпино, Тележно, еще одно Колпино и по половине озер Белое и Островито. Таким образом, по сравнению с русским поместьем материальное обеспечение К.И. Дедевшина, несомненно, улучшилось.

К.И. Дедевшин заверял писцовые описания волостей Полоцкого повета. Вместе с дьяком Грибаном Дмитриевым он собирал оброчные деньги в казну. Крестьяне К.И. Дедевшина вели интенсивную хозяйственную деятельность в лесах, озерах и на р. Великой⁵⁵⁸.

Интересно отметить, что, подобно представителям рода Нееловых и Поскочиных, ближайшие родственники полоцкого дьяка К.И. Дедевшина встречаются в 1588–1589 гг. на поместьях в Ржевском уезде⁵⁵⁹. Кроме того, явно прослеживается косвенная связь между составами фамилий русских и полоцких помещиков. В обоих уездах служили представители таких семей, как Болотниковы, Бурцовы, Калитины, Кобылины, Нееловы, Полибины, Поляниновы (Полениновы), Поскочины и Челищевы⁵⁶⁰.

ЗМЕЕВЫ. Согласно родословным источникам XVI–XVII вв., в Русском государстве было два дворянских рода, чьи представители носили фамильное прозвище Змеевы. Первый из них был старшей ветвью старомосковского служилого рода Беклемишевых. Их старинные владения, помимо Московского, располагались в Переяславль-Залесском, Радонежском и Юрьев-Польском уездах⁵⁶¹. Змеевы происходили от Федора Васильевича Змея, старшего внука боярина Федора Елизаровича Беклемиша. Их однородцами также были дворянские семьи Шулепниковых, Щепотьевых, Княжнинных, Фроловых и Орловых. В первой

половине — середине XVI в., если верить сведениям родословных росписей, ни один из представителей рода Змеевых-Беклемишевых не носил имя Яков⁵⁶². Правда, они дают неполную информацию и иногда противоречат себе. Так, например, в Румянцевском списке 1-го извода Патриаршей редакции родословных книг в конце XVI в. утверждалось, что «у Федора у Змея дети: Василеи Керенбеи, да Тимофеи, да Володимер, да Иван Спячей, да Юрья, да Ондрей; те все бездетны, опричь Керенбея. А у Керенбея сын Володимер». Однако здесь же утверждалось, что у «Спячего дети: Ондреи да Данило. А у Семена дети: Федор да Галахтион»⁵⁶³.

Второй род Змеевых также происходил из числа потомков старинного боярского рода Владимиро-Суздальского ополья. Они являлись однородцами и старшими родственниками Добрынских. У Дмитрия Константиновича Зайца, предка Зайцевых, Телегиных, Поджогиных и Бирдюкиных, было семь сыновей, из числа которых шестым был Андрей Змей⁵⁶⁴. В конце XIV — XV в. ближайшая родня и потомки Андрея Дмитриевича Змея связали свою службу с Тверским великим княжением. Осенью 1485 г. Иван Змеев сначала вместе с тверским и кашинским великим князем Михаилом Борисовичем бежал из осажденной Твери в ВКЛ. Однако затем, поняв бесперспективность продолжения борьбы против московского великого князя Ивана III Васильевича и его соправителя великого князя Ивана Ивановича Молодого, Иван Змеев отъехал от своего государя, «занеже zde (т. е. в Твери — А.К.) жены ихъ поостались». Таким образом, он перешел на службу в Русское государство⁵⁶⁵. Судя по Дворовой тетради начала 50-х гг. XVI в., его потомки Змеевы были лишены своих владений в Тверской земле, получив взамен поместья в Калуге и Мещовске, расположенных в Поочье⁵⁶⁶.

В первой половине 1550-х гг. в середине дворového списка детей боярских в разделе «Мещоск» упоминались «Яковец Матвеев сын Змеев. Брат его Иванец. 65-го году»⁵⁶⁷. В.Ю. Ермак, как и в случае с К.И. Дедевшиным, не обратила должного внимания на это сообщение источника. Поэтому исследовательница не смогла связать Я.М. Змеева с полоцким

казацким сотником и опричником Яковом Змеевым⁵⁶⁸. Между тем, в третьей четверти XVI в. по сравнению с известными назначениями других своих родственников Я.М. Змеев и его братья сделали весьма заметную карьеру.

Начав службу ничем не примечательным мещовским сыном боярским, Я.М. Змеев за 20 лет успел обратить на себя внимание царя Ивана IV Васильевича Грозного. По-видимому, этому способствовало дальнейшее родство Я.М. Змеева с царским ясельничим, а затем думным дворянином и видным опричником Петром Васильевичем Зайцевым († между 18 VI и 7 IX 1571), потомком боярина Дмитрия Константиновича Зайца. П.В. Зайцев был первым сыном Василия Федоровича Ярца, заметного служилого человека эпохи правления великих князей Ивана III Васильевича и его сына Василия III Ивановича⁵⁶⁹. В.Б. Кобрин, восприняв некритично позднюю родословную Зайцевых-Добрынских в версии Бархатной книги 1688 г., напрасно приписывал П.В. Зайцеву фамилию его родственников Бирдюкиных-Зайцевых⁵⁷⁰.

Зимой 1562–1563 гг. вместе с П.В. Зайцевым, бывшим «в суде у бояр», Я.М. Змеев лично принимал участие в победоносном царском походе на Полоцк. Согласно подлинному разряду, «г другому копью» были назначены «поддатни Митка Болобанов, Яковец Матвеев сын Змеев»⁵⁷¹.

Не обращаясь к официальным летописям XVI в. и исследованию А.А. Зимина о царском архиве XVI в., В.Ю. Ермак не смогла определить точное время крымской службы Я.М. Змеева, ошибочно полагая, что «дату этого путешествия установить сложно»⁵⁷². Между тем, Опись Посольского архива 1626 г. прямо свидетельствует, что его служба состоялась в 1566 г.: «Книга 7074-го году, при Девлет-Гирее царе: приезд к Москве ис Крыму государевых гонцов Семена Бартенева да Григорья Темирава да крымских гонцов Янмагметя с товарищи; да отпуск в Крым Якова Змеева да крымских гонцов Янмагметя с товарищи и приезд ис Крыму Якова Змеева...»⁵⁷³. Эти события, связанные с Я.М. Змеевым, как уточнил еще А.А. Зимин, произошли в период между 26 марта и 3 сентября 1566 г., когда он был царским гонцом в Крымской Орде⁵⁷⁴. Посольский наказ

Я.М. Змеева относился к марту 1566 г.⁵⁷⁵ Его миссия прошла удачно. Я.М. Змеев привез нужные грамоты, забрал ответные и даже смог передать подарки («государево жалование») некоторым представителям крымской знати⁵⁷⁶.

До 1570/71 г. Василий Скрябин сын Ушаков заложил часть своей вотчины в сельце Ляпино с деревнями в Верховском стане Бежецкого уезда «въ 60-ти рублехъ у Якова у Змиева, а писались въ той кабале братья мое Русинъ Скрябинъ сынъ Ушакова да Иванъ Ершовъ сынъ Ушаковъ»⁵⁷⁷. В 1571 г. по приказу царя Ивана IV Васильевича Грозного Бежецкая пятина была включена в опричнину, а ее помещики выселены в другие уезды. По мнению В.Ю. Ермак, с этим событием связано получение Я.М. Змеевым новых поместий под Усвятом и Полоцком⁵⁷⁸. Но так ли это?

Предыдущая служебная связь Я.М. Змеева в одном из «верховских городов» и Бежецком Верхе до перехода в опричнину, возможно, указывает на то, что еще его отец мог находиться в каких-то служебных отношениях с бездетным удельным калужским князем Семеном Ивановичем. В пользу такого предположения свидетельствует как расположение поместий Я.М. Змеева на территории бывшего московского удела, так и тот факт, что в 1550-е гг. основная часть его родственников (подобно, кстати, однородцам еще одних полоцких помещиков Бундовых) также служила по Калуге⁵⁷⁹.

По-видимому, Я.М. Змеев стал опричником по протекции П.В. Зайцева. Скорее всего, это событие состоялось задолго до июля — августа 1571 г. (в любом случае, не в 1571 г., как ошибочно полагает В.Ю. Ермак⁵⁸⁰), когда этот один из главных опричников был казнен.

Родство с влиятельным лицом из первого опричного правительства трагически повлияло на судьбу Я.М. Змеева. В «Синодике опальных» среди лиц, казненных по первому новгородскому делу, поминали «Якова [Змиев]». Вместе с ним погиб Леонтий Мусоргский⁵⁸¹, близкий родственник полоцких помещиков Макария Ляпунова и Ивана Суморокова детей Мусоргских⁵⁸².

Я.М. Змеев мог попасть в круг бывших бежецких землевладельцев, которые вызвали подозрение у царя Ивана IV Васильевича Грозного, случайно. Включение в состав

казненных лиц по этому делу Я.М. Змеева выглядит несколько нелогично, так как он был опричником, а не земцем. Возможно, ключ к разгадке причин смерти в декабре 1569 г. — январе 1570 г. Я.М. Змеева заключается в том, что он был казнен во время «ноугороцкой посылке» Л.Г. Скуратова-Бельского. Казнь родственника думного дворянина и также опричника П.В. Зайцева по приказу такого влиятельного опричника с широким кругом полномочий во время новгородского террора, как Л.Г. Скуратов-Бельский, могла отражать борьбу между различными группировками внутри опричного двора за близость и влияние на царя Ивана IV Васильевича Грозного. В итоге жертвами удачных интриг худародного думного дворянина Л.Г. Скуратова-Бельского, как известно, стали потомки знатных старинных родов — боярин А.Д. Басманов-Плещеев и близкий к нему П.В. Зайцев⁵⁸³.

Оказавшись до 25 декабря 1569 г. («на Рождество Христово лета 7078») на службе в Полоцком повете, т. е. еще до перехода бежецких земель в опричнину, Я.М. Змеев играл заметную роль в экономической жизни этого нового региона Русского государства. Его крестьяне выступали как поручители при сборе налогов, а также как арендаторы рыбных ловель на озерах в волости «Невердовская кубок»⁵⁸⁴. Здесь за Я.М. Змеевым числилось «14 деревень да починок, а в них 16 дворов, а людей в них 17 человек, пашни добрые земли 111 четий в поле, а в дву потомуж. А велено за Яковом поместья учинити на 100 четий в поле, а в дву потомуж, а перешло у Якова за его окладом пашни, добрые земли 11 четий в поле, а в дву потомуж, сена по лугомъ и по дубровам 365 копен, лесу пашенного 190 десятин, а непашенного лесу 120 десятин да лесу ж пашенного и непашенного в розных местех в длину на 15 версть а поперег на 7 версть»⁵⁸⁵. По качеству земли это было одно из лучших поместий в волости «Невердовская кубок». Его размеры не должны вводить в заблуждение, так как при этом Я.М. Змеев мог сохранять свои владения, расположенные в опричном Бежецком Верхе и Мещовске.

Военная служба Я.М. Змеева весьма показательна. Она опровергает вывод В.Ю. Ермак о том, что «ни одна из этих 147 фамилий не

упоминается ни в “Книге Полоцкого похода”, ни в разрядных книгах, которые позволяют восстановить карьеру служилых людей только высшего ранга»⁵⁸⁶.

Иван Матвеевич Змеев, младший брат Я.М. Змеева, был новиком 1556/57 г. Зимой 1562–1563 гг. И.М. Змеев также принимал участие в Полоцком походе. Согласно разряду, «у топоров» были «поддатни: Иванко Змеев, Иванко Ростопчин, Иванко Карамышев, Бауш Унковской»⁵⁸⁷. Сведения о его вхождении в состав опричнины не выявлены. В 1577 г. И.М. Змеев упоминался в середине списка выборных дворян по Мещовску. После его фамилии есть помета: «У стрельцов голов[а]»⁵⁸⁸. В 1586 г. в дозорной книге Софийской стороны города Великий Новгород отмечалось, что некоторые стрельцы в «приказ» Ивана Змеева набирались из местных жителей⁵⁸⁹.

Менее удачной оказалась карьера младшего брата Я.М. и И.М. Змеевых. «Нечаю Матфееву сыну Змеева веч(ная) память» читалась в «Синодике убиенным во брани», как выборному дворянину по Мещовску, погибшему 24 мая 1571 г. во время прихода на Москву войск крымского царя Девлет-Гирея и последовавшего за ним сильного пожара в городе⁵⁹⁰.

НЕДЮРЕВЫ. Представители этого рода известны с конца XV в. Они были прямыми предками известной русской святой Иулиании Осоргиной (Лазаревской). Недюревы находились в родстве с видными деятелями из столичной приказной среды⁵⁹¹. В 1494/95 г. Иван Иванов сын Недюрев упоминался как послух в одном из актов Владимирского уезда⁵⁹². Самым тесным образом его родственники были связаны с дворцовым хозяйством московских великих князей и царей в этом крае.

18 июля 1524 г. в указной грамоте Василия III Ивановича был отмечен Истома Недюрев — судья во Владимирском уезде⁵⁹³. 8 апреля 1533 г. в оброчной грамоте большого московского дворецкого и боярина князя Ивана Ивановича Кубенского на борти в Гусской волости помещику И.И. Любовникову И. Недюрев уже был упомянут как погребной ключник⁵⁹⁴.

В 1538/39 г. Устин Васильев сын Недюрев выступал как послух в земельной сделке между властями Саввино-Сторожевского и Кирилло-Белозерского монастыря в Звенигородском

уезде⁵⁹⁵. В 1539 г. он находился на службе в Ярославле⁵⁹⁶. В 1542 г. У.В. Недюрев уже был владимирским ключником⁵⁹⁷. В 1548/49 г. вместе с младшим братом Иваном он выступал как душеприказчик владимирского сына боярского А.И. Басаргина⁵⁹⁸. 28 февраля 1551 г. У.В. Недюрев упоминался в т. н. «Плесской грамоте». Она была выдана всего через несколько дней после окончания Стоглава. Согласно этому акту, «Плесская волость, находившаяся ранее в ведении владимирского наместника князя Д.Ф. Бельского, передавалась владимирскому городовому приказчику В. Суцову и ключнику У. Недюреву, которые должны были “кормы братии и крестьян тое волости судити”»⁵⁹⁹.

У.В. Недюрев был женат на Стефаниде, дочери влиятельного дьяка Григория Лукина, в свою очередь, женатого на Анастасии Никифоровне Дубенской. Дочерью У.В. Недюрева была Иулиания Осоргина⁶⁰⁰.

В малолетство великого князя Ивана IV Васильевича Грозного Иван Васильев сын Недюрев занимал видное положение в управлении страной. Из ВКЛ после попадания в плен во время Стародубской войны князь Ф.В. Телепнев-Оболенский рассылал письма нескольким адресатам, чтобы добиться своего скорейшего освобождения. В 1536 г. этим занимался находившийся вместе с ним в плену слуга Андрей Горбатый, который направлял свои «листки» и «до Ивана Недюрева». К И.В. Недюреву, поддержавшему его материально в трудную минуту, в сентябре 1536 г. А. Горбатый уважительно обращался: «Государю моему Ивану Васильевичу гор(ь) кой победный полоняник, твой слуга Андреец Горбатый чолом бьет», жалуясь на свое трудное положение⁶⁰¹.

20 ноября 1547 г. в жалованной заповедной (от «въезда» крестьян) грамоте царя Ивана IV Грозного игумену Саввино-Сторожевского монастыря Афанасию на рощи в Звенигородском и Рузском уездах и поросняги в Московском уезде отмечалось, что в случае нарушения его запрета «тех же крестьян и людей в той пене и в продаже велел есми Ивану Васильеву сыну Недюреву давати на поруки з записми да чинити срок стати на Москве перед нашим дворетцким перед Данилом Романовичем

с монастырскими приказчиками с очей на очи»⁶⁰². В 1555/56 г. И.В. Недюрев выступал как душеприказчик ростовского вотчинника И.З. Панфилова. Вместе с И.И. Панфиловым он передал село Поникарово на р. Шулохме с деревнями и со всеми угодьями в Согильском стане Ростовского уезда как вклад по душе умершего властям Троице-Сергиева монастыря⁶⁰³.

Небольшая вотчина принадлежала Недюревым по соседству с Дедевшиными в Горетовом стане Московского уезда. В 1578/79 г. ее продала Александра Иванова дочь Недюрева⁶⁰⁴.

В XVI в. многочисленные родственники и их зятья У.В. и И.В. Недюревых продолжали становиться ключниками и приказчиками во Владимирском уезде⁶⁰⁵. Некоторые из них, будучи на службе, выходили за пределы этого региона. Так, например, в 1567 г. Дружина Недюрев был рыбным приказчиком на Белоозере⁶⁰⁶. Возможно, был близок к опричнине Меньшик Недюрев. 20 марта 1573 г. при выдаче жалованья «приказным людям... по окладу» он упоминался в должности путевого ключника Сытного двора, а «государева ему жалованья было в земском 50 рублей, а в опричнине ему оклад не бывал»⁶⁰⁷. В конце 1580-х гг. в Бохове стане Московского уезда упоминалось его запустевшее поместье — две пустоши Дьяково и Обухово, а «в нихъ пашни лесомъ поросло худые земли 75 чети в поле, а въ дву потомужъ, сена 50 коп.»⁶⁰⁸. В 1578/79 г. Афанасий Терентьев сын Недюрев выступал в качестве послуха в данной грамоте А.Е. Симонова, пожаловавшего четверть сельца Маслово в Колпском стане Владимирского уезда, властям Владимирского Рождественского монастыря⁶⁰⁹. В 1586/87 г. по Клековскому стану этого же уезда были составлены отдельные книги «путново ключника Офонася Недюрева 95-го году»⁶¹⁰.

В 1569/70 г. большое поместье в Полоцком повете получил ключник Шарап Титов сын Недюрев. Его отчество устанавливается благодаря записи на рукописной книге «Измарагд» (с дополнениями), сохранившейся в списке второй четверти XVI в. Согласно данному источнику, можно установить, что в 1550/51 г. Ш.Т. Недюреву ее продал Семен Павлов, «человек» царского родственника (с 1547 г.)

и боярина князя Дмитрия Федоровича Щереды Палецкого⁶¹¹. Последний состоял в близком родстве с полоцким архиепископом Афанасием (Палецким). Таким образом, получение Ш.Т. Недюревым назначения в Полоцк могло быть следствием как служебных связей и заслуг его рода перед царем Иваном IV Васильевичем Грозным, так, возможно, и давних личных контактов с его ближним окружением самого Шарапа.

Учитывая важный служебный статус ключника Ш.Т. Недюрева в Полоцке, ему пожаловали земли как в непосредственной близости от города, так и в нескольких волостях Полоцкого повета, а «оклад его учинен весь сполна»⁶¹². Однако данные о них сохранились не полностью⁶¹³. Судьба Ш.Т. Недюрева после окончания его полоцкой службы неясна.

В конце XVI — первой четверти XVII в. представители рода Недюревых сохраняют свой прежний служебный статус, появляясь на поместьях, помимо столичных уездов, например, в Нижегородском крае.

НЕЕЛОВЫ. В XVI в. видным служилым дворянским родом были Нееловы — однородцы Апрелевых и Гурьевых. В XVII в. они обвинялись своими местниками, не знавшими перипетий вхождения отдельных земель в состав Русского государства, в низком происхождении как выходцы из подчиненного ВКЛ Смоленска⁶¹⁴. На самом деле Нееловы входили в число старомосковских служилых фамилий. По акту 1506 г. известно их сельцо Неелово (в акте около 1471 г. его название ошибочно прочитано как Негловское⁶¹⁵). Оно располагалось в Марининой слободке Борисоглебского стана Переяславль-Залесского уезда⁶¹⁶. Возможно, что когда-то оно принадлежало Никите Неелову. По одним данным в 1404 г., а по другим — в 1406 г. он был послом владимирского, московского и новгородского великого князя Василия I Дмитриевича в Пскове⁶¹⁷. По-видимому, его сыном являлся Семен Неелов. 7 июля 1445 г. он погиб в неудачной битве под Суздалем русских князей под командованием великого князя Василия II Васильевича против ордынцев. Для вечного поминания имя Семена Неелова было внесено в синодик Успенского собора Московского Кремля и других соборов русских епархий⁶¹⁸.

В конце XV — начале XVI в. многочисленный род Нееловых разделен на несколько самостоятельных ветвей. Одна из них вместе с однородцами Апрелевыми и Гурьевыми попала на поместья в Новгородскую землю. Здесь они осели в Бежецкой пятине⁶¹⁹. Представители другой ветви Нееловых были испомещены в Дорогобужском и Смоленском уездах и стали активно участвовать в обороне русско-литовской границы и походах против ВКЛ. Так, например, 8 сентября 1514 г. Некрас Наумов сын Неелов участвовал в неудачной битве под Оршей против польско-литовских войск. В результате разгрома он оказался в плену. Согласно данным Литовской Метрики от 24 мая 1519 г., Н.Н. Неелов под арестом содержался в подляшском городе Дорогичине. До сентября 1525 г. он умер и здесь был похоронен то ли в храме Пречистой Богородицы, то ли в Никольской церкви⁶²⁰.

В начале 1550-х гг. дети боярские из новгородской и смоленско-дорогобужской ветви Нееловых попали в Дворовую тетрадь⁶²¹. Помимо этого, в первой половине XVI в. отдельные представители рода, подобно семье еще одного полоцкого помещика князя Богдана Андреевича Селеховского, были землевладельцами в Тверском уезде. Так, например, в 1551–1554 гг. в Горицком стане волости Хорвач упоминаются деревня Петряево и пустошь Шапкино — поместье Третьяка Александрова сына Неелова⁶²².

В Верхневолжье по соседству с Тверским уездом находился Ржевский (Ржевы Володимеровой) уезд. Он был освоен местными вотчинниками, а также землевладельцами, имевшими корни в Тверском великом княжении или происходившими из старинных московских уездов. В 1588–1589 гг. в волости «Сижьская» Ржевского уезда на поместьях сидели родные братья дети боярские Вешняк и Федор Юрьевы дети Неелова⁶²³. В 1619/20 г. в расходной книге Устюжской четверти с окладом «по 16 рублей» упоминался «Ржевы Володимеровы Микита Вешняков сын Неелов», сын В.Ю. Неелова⁶²⁴. 14 марта 1619 г. он посылался с 600 рублями для наема хлебных возков из Ржева и Старицы в Торопец⁶²⁵.

По-видимому, В.Ю. и Ф.Ю. Нееловы были родными братьями казацкого сотника

прибора головы Григория Бурцова — Рычка Юрьева сына Неелова. За Р.Ю. Нееловым, соседом Я.М. Змеева в волости «Невердовская кубок» на р. Уще, было «7 деревень, да 8 пустошей, да селищ, а в них 9 дворов, а людей 11 человек, пашни добрыя земли 35 четий, а средние 30 четий да перелогу 30 четий, а худые земли 10 четий и обоего добрые и средние и худые 105 четий в поле, а в дву потомуж». Писцы отмечали, что «велено за Рычком поместье учинити на 100 четий, и оклад его за ним учинен весь сполна, сена по лугом 55 копен, лесу пашенного кустарю 33 десятины с полудесятиною, да лесу ж пашенного и непашенного в длину на 14 верст, а поперег на 6 версть с полуверстою»⁶²⁶.

Крестьяне Р.Ю. Неелова также имели право ходить в бортный ухой Истецкий лес. Вместе с крестьянами Я.М. Змеева и Ф.С. Грибакина-Жукова они эксплуатировали ресурсы озера Исца и соседних с ним угодий, расположенных вдоль рек, платя за это дополнительных оброк на имя царя размером в 3 рубля. Экономическая деятельность этих крестьян складывалась удачно. В 1569/70 г. писцы отметили, что они «перед старым оброкомъ надали два рубля»⁶²⁷.

Помимо помещиков, служивших царю Ивану IV Васильевичу Грозному, на территории Полоцкого повета проживала еще одна группа детей боярских, писцовое описание владений которых не сохранилось. Речь идет о детях боярских, находившихся на службе у полоцкого архиепископа Антония (Палецкого). Так, например, после 10 июля 1571 г. в грамоте полоцкого воеводы князя А.И. Ногтева-Суздальского к канцлеру ВКЛ пану князю Н.Ю. Рыжему Радзивиллу отмечалось, что «ехали с Невля в государя нашего отчину в Полотцк после Велика дни на семой неделе в четверг мая в 31 день полотцкого архиепископа Антонья дети боярские Петр Бегичев, Юрьи Дичков, Степан Микифоров, Михайло Ступишин, Офонасей Иванов, Давыд Чюлков, Михайло Кобылин, Григорей Федоров, Гаврило Хворощин, да подьяк Ивашко Олферьев, да повар Краско Иванов, да оловяничник Савка Остафьев, да помяс Ульянко Киселев, да конюх Батрачко. И как они будут промеж Невля и Ситны, не доежая за три версты

Зеленых Вод, на Стрелице, и тут на них пришли из Витепска государя вашего люди многие, Григор да Ашамакан с товарищи да их громили и Петра Бегичева да Юрья Дичкова ранили, а живот у них архиепискупль и их поймали»⁶²⁸.

В документах имена полоцких архиепископских детей боярских встречаются и позднее. Как и в случае с государевыми детьми боярскими, можно отметить на примере с Кобылиными и Хворощинными, что их родственники происходили из числа помещиков Ржевского уезда⁶²⁹. Несомненно, история присутствия в Полоцкой земле архиепископских детей боярских требует также отдельного внимания и изучения. Она позволяет увеличить здесь число русских помещиков не менее чем на 10 человек.

СЕЛЕХОВСКИЕ. Представители этой титулованной служилой фамилии были потомками великих князей смоленских. Предком князей Селеховских был соправитель великого князя Святослава Ивановича и его племянник великий князь Иван Васильевич, вместе с которым он погиб в битве против войск ВКЛ на р. Вехре под Мстиславлем 29 апреля 1386 г.

В частных списках родословных книг встречается роспись князей Селеховских. Несмотря на то что «род Селеховских... писан по изволу, не против родословца»⁶³⁰, этот источник не дает нам представления ни о точном поколенном происхождении этой ветви потомков Ростиславичей, ни о времени выезда этих князей на службу в Русское государство.

В этом источнике отмечается: «У князя Василья Ивановича Смоленского сын князь велики Иван Смоленский. А согнал его с Съмоленска Ольгерд. И он приехал к великому князю Дмитрею Ивановичю Доньскому. А от него пошли Селеховския князи.

А от княж Ивановых детеи и внучат Ивановича Смоленского были дети: князь Василей да князь Иван Калита». В родословной росписи были записаны прямые потомки этих князей, служивших в Русском государстве в конце XV — начале XVII вв.⁶³¹ Однако в ней удивительным образом отсутствуют сведения о лицах, происходивших из тверской линии рода, представителем которой был полоцкий помещик князь Богдан Андреевич Селеховский.

В дозорной книге 1551–1554 гг. отмечалось, что в волости Шейский уезд бывшего Тверского великого княжения находились спорные деревни М. и С. Резановых Микитинская, Герасимово, Завражье и Сеньки Бакланова, которыми владела «княж Иванова Селеховского княини Огрофена»⁶³².

В том же Шейском уезде располагалась большая вотчина князя Ивана Андреевича Селеховского — село Селехово (Ильинское). К нему тянуло несколько деревень и починков. Это важное свидетельство источника позволяет лишь установить, что фамильное прозвище князя Селеховские получили по своей вотчине⁶³³. Захватив осенью 1485 г. Тверское великое княжение, правители Москвы в несколько этапов проводили здесь испомещение служивших им людей. Между тем, старинные вотчины оставались лишь за теми тверскими землевладельцами, кто не отъехал в ВКЛ или не попал позднее в опалу. Поэтому можно сделать вывод, что предки князей Селеховских сначала выехали из Смоленска на службу в Тверь, а затем лишь осенью 1485 г. они перешли под власть великих князей Ивана III Васильевича и Ивана Ивановича Молодого.

В 1547 г. князь И.А. Селеховский единственный раз упоминался в разрядах, когда он, будучи третьим воеводой, «годовал» вместе с князьями И.Ю. Хохолковым-Ростовским и Д.И. Хилковым-Ряполовским «в Василегороде»⁶³⁴. В момент начала описания земель Тверского уезда он умер. Поэтому И.А. Селеховский, в отличие от своих родственников, не попал в Дворовую тетрадь 1551–1552 гг. В этом источнике не был записан и его родич князь Даниил Федорович Селеховский, погибший в 1552 г. при взятии Казани⁶³⁵. Поэтому можно предположить, что князь И.А. Селеховский умер не позднее 1551/52 г. Его жена крепостей на владения семьи писцам предоставить не смогла, так как они «згорели на Москве в большой пожар»⁶³⁶.

Аграфена лишь на несколько лет пережила своего мужа. Княгиня не стала отдавать вотчину родственникам, а полностью завещала эту собственность на помин души князя И.А. Селеховского, его родителей и себя властям Троице-Сергиева монастыря. В 1558 г.

душеприказчики Аграфены, митрополичьи дворяне Обрюта и Третьяк Семеновы дети Фомины (из старомосковского боярского рода Бяконтовых), передали обители два вклада по 50 рублей, а 19 июня 1559 г. ее власти уже получили права на село Селехово⁶³⁷.

Вопреки утверждению В.Ю. Ермак, полоцкий помещик князь Б.А. Селеховский входил в число привилегированных слуг Государева двора. В начале 1550-х гг. «Богданец да Василей княж Андреевы дети Селеховского» упоминались как дворовые дети боярские. Подобно некоторым представителям рода Нееловых, они служили из Ржева⁶³⁸. Позднее князь Б.А. Селеховский стал помещиком в Невеле и отсюда, как и многие другие дети боярские, попал в Полоцк.

В 1570 г. князь Б.А. Селеховский получил поместья в Межевской и Нищенской волостях Полоцкого повета. Они были даны «ему въ его оклад в триста четий к невелскому поместью к сороку с девяти четвертям», но проблему наделения землей князя Б.А. Селеховского они не решили, так как в итоге «не дошло въ его оклад добрые земли двусот трех чети с осминою в поле, а в дву потомуж»⁶³⁹. Его позднейшая судьба пока неясна.

В северо-западных уездах страны однородцы князя Б.А. Селеховского появились еще ранее. С конца XV в. князья Селеховские входили в корпорации новгородских детей боярских⁶⁴⁰. Несколько представителей рода также служили из Торжка и Дмитрова⁶⁴¹.

Не менее знатного происхождения были и другие полоцкие помещики. Среди них выделяются дворяне Пыжовы, прямые потомки московского тысяцкого и боярина Алексея Петровича Хвоста Босоволкова († 1357)⁶⁴². Испомещение псковских тысячников Пыжовых в Полоцке произошло накануне их гибели во время опричного террора⁶⁴³. Несколько менее знатными, но также заметными на фоне основной массы уездных городских детей боярских, несомненно, были представители рода Челищевых (потомки московского боярина и воеводы Михаила Ивановича Бренка) и Чихачевых (потомки последних нижегородско-суздальских тысяцких), попавших в Полоцк из соседнего Торопца. Таким образом, если судить по служебной

верхушке русских помещиков Полоцкого повета, то можно сделать вывод, что по своему составу она мало чем отличалась от некоторых других северо-западных, западных служилых корпораций детей боярских и, несомненно, превосходила многие из южнорусских.

* * *

Как же сложилась судьба других бывших помещиков Полоцкого повета после его утраты Русским государством в 1579 г.?

В конце XVI — начале XVII в. довольно многочисленная группа бывших полоцких помещиков и их детей фигурируют в документах не только Новгородской земли (такие, например, как Бунковы, Паюсовы и Свербеевы), но и упоминаются в актах, а с окладами — в верстальной десятне 1605/06–1606/07 гг. Торопецкого уезда. Благодаря этим информативным источникам можно выяснить, что после потери в 1579 г. своих полоцких поместий именно в Торопецком уезде осели представители таких служилых фамилий, как Барановы (Борановы), Болотниковы, Болтины, Ватолины (Вотолыны), Гафидовы (Агафидовы), Глазовы,

Долгие, Жуковы, Захаровы, Зелёные, Исаковы, Калитины, Коромолины (Карамалины), Короткие, Макаровы, Мартюгины (Мартюшины), Мормылевы, Нороватые, Обашевы (Абашевы), Полибины, Свистуновы, Скворцовы, Скоробогатовы (Скоробогатые), Челищевы, Чихачевы и Языковы⁶⁴⁴.

Не все из указанных выше фамилий для данного региона были пришлыми. Так, например, помещики Зелёные и Чихачевы являлись дворовладельцами в Торопце и землевладельцами в Торопецком уезде еще до 1540/41 г.⁶⁴⁵

Тем не менее разбор ряда других служилых фамилий показывает, что история поместного землевладения в Полоцкой земле в 1563–1579 гг. самым тесным образом была связана с историей многих семей военно-служилых родов. Они происходили не только из северо-западных уездов Русского государства, но и его центра. Отсюда московские дети боярские начали переселяться в северо-западный регион страны несколькими потоками, начиная с конца XV в. Их пребывание в Полоцкой земле отражает лишь один из них, который пришелся на время Ливонской войны.

ГЛАВА 8. ВЗЯТИЕ ПОЛОЦКА СТЕФАНОМ БАТОРИЕМ В 1579 Г.

Полоцкий вопрос в дипломатических переговорах 1570-х гг.

1570-е гг. протекали в Полоцкой земле достаточно спокойно. Шло развитие дворянского землевладения, строительство городов и крепостей. Война оставалась фоном земного существования. Но к мелким стычкам все привыкли, а крупных боевых действий не было и не предвиделось. В 1572–1576 гг. Речь Посполитая погрузилась в пучину политических неурядиц, связанных с первым и вторым бескорольями, и ей было не до Полоцка — шутка ли, монарха выбираем. В 1577–1578 гг. эпицентр военных действий переместился в Прибалтику. Поэтому вплоть до конца 1570-х гг. полоцкая проблема перестала быть злободневной и только периодически поднималась в ходе дипломатических дебатов.

Наиболее подробно проблема Полоцка обсуждалась во время посольства С. Крыского 1578 г. Оно должно было добиться признания Россией легитимности избрания Стефана Батория на престол Речи Посполитой и как-то попытаться урегулировать военный вопрос. Россия и Польша пребывали в несколько странном стоянии «ни мира, ни войны» — предыдущее перемирие 1570 г. закончилось в 1573 г., а нового из-за бескорольев заключено не было. В то же время на границе России и Речи Посполитой не произошло и эскалации военных действий — Россия закреплялась в Ливонии (знаменитый поход 1577 г., покоривший почти всю Ливонию), но в отношении своего западного соседа новых планов не строила,

вполне удовлетворенная захватом Полоцка в 1563 г.

Избрание Стефана Батория польским королем не только больно укололо самолюбие проигравшего выборы Ивана Грозного. Ведь русский царь искренне считал «семиградского воеводишку» худородным по сравнению с державным Рюриковичем. Поэтому русская сторона на переговорах 1578 г. заняла позицию отставания легитимных, законных властей. В этом контексте и всплыла тема Полоцка. Бояре заявили, что Великое княжество Литовское после пресечения династии Ягеллонов — законная вотчина Рюриковичей как самых генеалогически близких к Ягеллонам правителей:

«И как Бог своим милосердием нас, смиренных раб своих, прослави, то во всей вселенной ведомо, также и братия наши, короли полские и великие князи литовские от ведомого государьства и ведомые государи были. Почон от великаго Владимира, просветившаго Рускую землю святым крещением, что взял город Полотцк, и Рогволоду полотцкого князя дочь Рогнедь взя за себе. И от тое Рогнеди родил сына Изяслава и посади его опять на Полотцку. А у Изяслава сын Бречислав, а у Бречислава сын Всеслав, а у Всеслава дети Борис да Ростислав, а у Бориса сын Рогволод. А рогволодовых детей Василия да Ивана да Ростислава князь великий Киевской Мстислав Володимирович Манамаш Смоленской за непослушанье поймавши да сослал в Царьгород в заточенье. А гетманы литовские со страхованья великаго князя Мстислава Киевскаго приложиса дань давати королю Угорскому. А города,

которые ныне за королем Полским, те были об-
ладаны князьями черниговскими и галицкими
и смоленскими и киевскими. И оттоле вилняне
взяли себе ростиславлих детей Рогволодовича
на государство, Давила да Мовколда, а давилов
сын Вид, его ж люди Волком звали. А Видов сын
Проиден, а Проидене сын Витин, а Витиненев
сын князь великии Гедиман Литовской.
А Гедиманов сын князь великии Олгерд.
А Олгердов сын король Ягаило, а Ягаилов сын
Андрей Казимер. А Казимеров сын Жигимонт.
А Жигимонтов сын Жигимонт Август по ся
места. И те были славные великие государи,
наша братия, по всей вселенней ведомы. И по
коленству нам братия. И по потому и Корона
Полская и Великое княжество Литовское наша
вотчина, что того роду не осталось никого»⁶⁴⁶.

Таким образом, бояре, предвосхищая речи
послов, заявили, что Полоцк еще в древности
подчинился киевским князьям, Мономаху и его
потомкам, которыми и являются московские
Рюриковичи. Поэтому в 1563 г. Иван Грозный
только восстановил справедливость, вернул
Полоцк обратно. Сейчас надо бы справедли-
вость закрепить:

«А Палотцкое княжество также Бог нам по-
ручил, за неправду брата нашего Жигимонта
Августа короля, что вступился в нашу отчину
в Лифлянскую землю. И ныне Божья воля ста-
лось, брата нашего Жигимонта Августа короля
в животе не стало, и той вотчине Палотцкой
вотчича оприч нас никого нет. А государь ваш
той вотчине не есть вотчичь. И он бы к той
нашей вотчине к городу к Палотцку поступи-
лся Палотцкого повету города Лукомля с во-
лостьями, города Белмаки с волостьями, города
Чашников с волостьями, города Бобынича с во-
лостми, города Голубича с волостми, города
Улы с волостьями, которой в незгуду Божия
посланья взяли, города Копца, той ж Дисна
с волостми, города Мерешковичи с волостми,
города Дрыси с волостми, города Лепля с во-
лостьями, города Лебедка с волостьями, города
Ушача с волостьями, и весь Палотцкой повет»⁶⁴⁷.

Таким образом, в 1578 г. Россия предъ-
явила Речи Посполитой территориальные
претензии на оставшиеся городки-крепости

Полоцкой земли, последовательно воплощая
в жизнь принцип: «Перешла столица — пере-
шла вся земля» (т. е. с Полоцком должен отой-
ти весь повет). Дипломаты Речи Посполитой
предложили поделить повет «по письму Яна
Скртошина»⁶⁴⁸.

Проект перемирия, составленный в Москве
в январе 1578 г., был обречен на неудачу. Он
предполагал трехгодичное прекращение во-
енных действий на условиях «кто чем владе-
ет» на момент заключения договора⁶⁴⁹. После
победоносного похода 1577 г. значительная
часть Ливонии оказалась под контролем войск
Грозного, и это, естественно, не могло устроить
Батория. В Полоцкой земле на период переми-
рия король обязывался не нападать на полоц-
кие пригороды. Все это было шатким основа-
нием для урегулирования ситуации, поскольку
по большому счету не устраивало ни Россию,
претендовавшую на весь Полоцкий повет, ни
Речь Посполитую (не смирившуюся с утра-
той части этого повета во главе с Полоцком).
В итоге перемирие 1578 г. не было утверждено
королем Стефаном. У него были другие планы
решения полоцкого вопроса.

«Враг должен быть отвратителен»: идеологическая подготовка к войне против России

При избрании Батория в Варшаве он поклял-
ся, что освободит от Московита всю Ливонию —
к этой клятве апеллировали литовские послы
при заключении Ям-Запольского перемирия
в декабре 1581 г.⁶⁵⁰ Выступая перед шляхтой на
сеймах в 1578 г., король не жалел красноречия.
Он говорил, что если Речь Посполитая немед-
ленно не ввяжется в войну с Россией — ей гро-
зит гибель: шляхта будет истреблена моско-
вским тираном, над женами надругаются, детей
продадут в рабство, а Польшу ждет позор и по-
ругание у соседних народов⁶⁵¹.

В июне 1577 г. был введен специальный на-
лог на оборону границ от Москвы и татар⁶⁵².
Участники будущей Московской войны уже
в 1577 г. специальным распоряжением Батория
получили материальные льготы⁶⁵³. Указом от
4 января 1577 г., подтверждавшим сеймовое
решение, они также освобождались от судеб-
ных преследований⁶⁵⁴. 10 июня 1578 г. вышел
универсал о наборах пехоты для королевской

армии⁶⁵⁵. Кроме того, король раздавал земли под военные займы⁶⁵⁶. Был проведен ряд военных реформ⁶⁵⁷. Прежде всего король стремился наладить финансирование армии. Для того были введены новые подати: на земельные наделы, на продажу спиртного, установлены квоты набора в армию. Денег все равно не хватало, и тогда король вложил в армию личные средства, из собственной казны. В Вильно был сделан завод, который отливал пушки по личным королевским рисункам⁶⁵⁸.

Основную ставку Стефан сделал не на шляхетское ополчение, «посполитое рушение», которое не имело особых преимуществ перед таким же русским дворянским ополчением, а на наемную армию. Как раз в эти годы в Европе произошла так называемая «катастрофа мира» — уменьшилось число войн, и огромное количество военных наемников оказалось не у дел. Они ничего не умели, кроме как воевать. Эту силу, профессиональных солдат, и решил призвать под свои знамена Баторий. В германские земли были посланы для найма воинов Христофор Розражевский и Эрнест Вейер. Кроме того, брат Стефана, Христофор Трансильванский, прислал несколько отрядов венгерской пехоты и конницы.

Как показало будущее, расчет польского короля оказался совершенно правильным: наемное профессиональное войско оказалось куда сильнее московских ополченцев. Во многом именно этим фактором и были обусловлены поражения России в 1579–1581 гг. На полях сражений столкнулись две разные армии: современная польско-литовская, главную боеспособную силу которой составляли профессиональные наемники из Европы, и московское войско, по своему составу, выгучке и организации принципиально не отличавшееся от феодальных ополчений раннего нового времени.

Новая страница в истории войн между Россией и Речью Посполитой была открыта с грохотом артиллерийского салюта с крепостных стен г. Урядова 10 ноября 1578 г. На вопрос пребывавших в городе русских послов, по какому случаю праздник, они услышали ошеломляющее: «мы под Кесью разбили русских и хвалу Богу воздаем». Московские дипломаты отказывались верить, ссылались на то, что между Россией и Речью Посполитой перемирие, скрепленное

крестоцелованием. Но им с гордостью называли раздутые цифры потерь армии Ивана Грозного: 6000 татар, 4000 стрельцов, «ездового люду» и посохи 12 000⁶⁵⁹.

Победа под Венденом (Кесью) оказала сильное вдохновляющее действие на Батория и польское военное командование. Она была воспринята как знак перелома, грядущих побед: «...это известие принесло с собою как бы предзнаменование о ходе всей войны»⁶⁶⁰. Европа откликнулась на нее «летучими листками», славящими победу польского оружия над «ужасным сверхтираном». Они пошли в Европу из Польши через германские города. Названия говорят сами за себя: «Новое известие о великолепной победе польских, шведских и немецких воинских людей под Венденом в Лифляндии в настоящем 1578 году...»⁶⁶¹, «Московитское поражение и осада города Вендена...»⁶⁶². Примечательно, что известия о поражении московитов под Венденом в «летучих листках» объединялись с рассказом о «падении» турок (конфликте с Персией) под заголовком «хорошая счастливая новость»⁶⁶³.

Рассказ о победе под Венденом начинается с создания страшного образа врага-московита: «Известно всем, какую бесчеловечную жестокость, какие бедствия и скорбь еще на давню испытывали от московского тирана города, крепости, селения, которые он покорил своему ужасному владычеству, но в особенности, к сожалению, очевидно, как отвратительный неприятель в год тому назад поступал в Лифляндии, не только разоряя в той стране крепости, города и замки, но даже не соглашаясь никого щадить, как бесчеловечно и низко проявлял он свой тиранский гнев без всякого различия над полководцами, над лицами благородными, над знатными воинами, над особами духовными, женщинами и девицами, даже над малыми невинными детьми, приказывая их рубить на куски, четвертовать, втыкать на копья, раздирать лошаадьми, сдирать с них кожу, равно как мучить другими ужасными способами и насилловать женщин и девиц»⁶⁶⁴. Выступление против такого врага — священный долг и обязанность каждого правоверного европейского христианина. А победы над ним — победа Бога над Дьяволом.

Призыв к войне против «восточных варваров» содержится в брошюре Франтишека Гослава «Война против Московитов, обращение

к рыцарям польским», вышедшей в Познани в 1578 г. Автор рассуждает о необходимости защиты государства, о долге подданных, о законе, обороне и справедливости. Он перечисляет потери, которые принесли «христианской республике» (Repub. Christianorum) московиты⁶⁶⁵. Надо остановить тирана, который хочет захватить всю Ливонию и оккупировать Великое княжество Литовское. Московская угроза сравнивается с турецкой⁶⁶⁶.

Стефан Баторий выпустил несколько официальных манифестов, в которых провозглашались благородные и богоугодные цели и задачи войны, противник изображался в самых черных красках, а войско вдохновлялось на победы. Главной причиной борьбы с Московитом была названа необходимость противостояния его жестокому тиранству, которым он хочет поработить всех истинных христиан. Первый такой манифест на латыни вышел в 1579 г.⁶⁶⁷ В 1580 г. на их основе была издана в Нюрнберге немецкая брошюра, оформленная в виде официального вызова, объявления войны Стефаном Баторием московскому тирану. На титуле был изображен меч с подвешенным к нему письмом⁶⁶⁸.

Образ обнаженного меча фигурирует в еще одной легенде об объявлении Стефаном Баторием войны Ивану Грозному, которую приводит Пауль Одерборн, автор первой европейской биографии царя Ивана (1585). Согласно ей, в 1579 г. в Москву прибыл королевский гонец В. Лопатинский, который должен был явиться к Ивану Васильевичу с грамотой об объявлении войны и обнаженным мечом наперевес. Царь согласился его принять, и посол ехал ко двору в колеснице, запряженной четверкой лошадей, а перед колесницей слуга нес обнаженный меч, сверкавший в лучах солнца. Смотреть на столь небывалое зрелище сбежалось множество московитов, причем в возникшей давке задавили 100 человек. Царь с достоинством принял посла и его грамоту, оказал послу должные почести (хотя и взял его под стражу), а затем собрал своих «магнатов» и стал с ними обсуждать, что же теперь делать⁶⁶⁹.

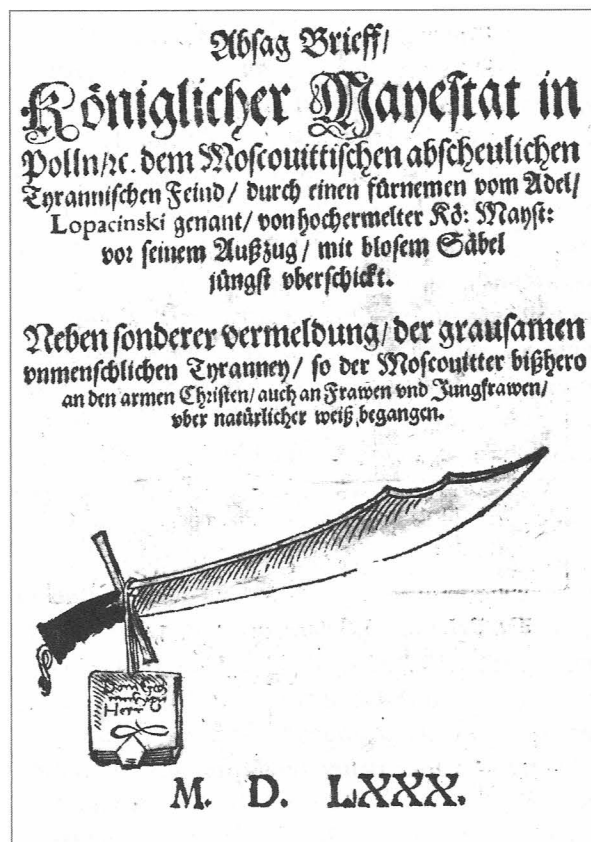
Данные пропагандистские тексты показывают, что война против России расценивалась в Речи Посполитой как своеобразный моральный и политический долг, определенная культурно-цивилизационная миссия, как часть

общевропейского противостояния варварам, мусульманам, туркам и т. д. Стефан Баторий, если выразиться современным языком, получил большую «общественную поддержку» своих военных планов.

Куда наступать?

Как свидетельствуют королевские письма, идея нанести контрудар по России возникает осенью 1577 г.⁶⁷⁰ Сейм, открывшийся в Варшаве 20 января 1578 г., принял решение о необходимости войны с Россией, причем — с изменением всей военной доктрины: войну надлежало вести «...в пределах неприятельских, так как прежний способ держать войска внутри собственных границ и только обороняться от врага был осужден на основании происшедшего отсюда домашнего вреда и на основании примера прошлого года». Сам Стефан в беседе с нунцием Лаурео заметил, что возможен не

Немецкая брошюра, опубликованная «вызов» Стефана Батория Ивану Грозному. 1580 г.

только возврат Ливонии военным путем, но и завоевание Москвы, путь к которой лежит через возврат Полоцка и Смоленска. 10 марта сейм вынес постановление об учреждении специальных налогов для военных нужд (в том числе пошлину в 1/8 стоимости с каждой бочки пива)⁶⁷¹. Правда, Пруссия, Сандимирское, Краковское и др. воеводства не поддержали введение налогов.

В январе 1579 г. Баторий расписал пути, по которым войска должны были двигаться к месту сбора. Окончательно решение о наступлении именно на Полоцк было принято в Гродно в феврале 1579 г. Ян Замоиский прокомментировал его словами: «Бери то, что ближе всего»⁶⁷². 12 июня 1579 г. король Стефан Баторий обратился к своему войску с воззванием о причинах войны с Москвой одновременно на латинском, польском, венгерском и немецком языках. Излагались преступления великого князя московского, главным из которых было его нападение на Ливонию. Война объявлялась справедливой, за восстановление мира и обуздание агрессора. Провозглашался священный характер войны — Бог на стороне Батория и его армии⁶⁷³.

30 июня 1579 г. королевское войско двинулось в поход на Россию. Его ядро составило ополчение Великого княжества Литовского под командованием коронного гетмана Николая Радзивилла. Жолнерами руководил его сын Кшиштоф, польским рыцарством — Миколай Мелецкий, воевода Подольский, немецкими наемниками — Кшиштоф Розжаржевский. Уже под стенами Полоцка к войску присоединились еще и прусская пехота и подольская кавалерия. Продвижение было затруднено дождями. Размыло дороги, и на них застревали телеги с амуницией, пушки, повозки с боеприпасами.

Сколько воинов участвовало в походе? В. Новодворский со ссылкой на нунция Калигари приводит цифру в 60 000, но оговаривает, что часть из них пошла в Ливонию, так что непосредственно в полоцком походе было 40 000. В.Г. Васильевский, ссылаясь на немецкий «летучий листок», называет ни с чем не сообразную цифру 136 000⁶⁷⁴. Итальянец Мартинелли, секретарь папского нунция, говорит о 40–50 000 человек, осадивших Полоцк⁶⁷⁵. К. Горский анализирует

имеющиеся документальные свидетельства о войске Батория и приходит к выводу, что непосредственно под Полоцком было около 16 000 человек⁶⁷⁶. Х. Котарский определял общий состав войска в 40 000 человек, из них наемный контингент — 18 000. У Батория, по его подсчетам, под Полоцком было 33 орудия. Надо заметить, что общее число участников кампании с трудом поддается учету: кто-то был под Полоцком, кто-то выступил к Себежу и Невелю, чтобы блокировать возможный подход русских сил, кто-то продвигался по территории Полоцкого повета и осаждал полоцкие пригороды.

Что интересно, поход Стефана Батория на Полоцк в 1579 г. оказался такой же неприятной неожиданностью для русского командования, как в 1563 г. поход Ивана Грозного. Разведка не сработала, хотя, казалось бы, пограничье покрывала густая шпионская сеть из «шпегов». Шпегии во второй половине XVI в. в какой-то степени заменяли собой пограничную службу. Рубежи были, а их охрана практически отсутствовала. Обязанности блюсти пределы государства в неприкосновенности возлагались на местных воевод и землевладельцев имений, располагавшихся в порубежной зоне. Трудности были в недостатках ресурсов. Воеводы высылали конные разъезды, которые ездили по определенным маршрутам и время от времени проверяли наиболее опасные направления. На дорогах и в городах стояли заставы. Но этим система охраны и исчерпывалась, то есть граница была абсолютно проницаема. Стоило только поехать по другой дороге, и ее спокойно и незаметно пересекали в любом объеме и количестве товары, люди, воинские отряды.

В условиях точечной пограничной стражи и ограниченности воинских континентов, способных выступить по тревоге для предотвращения вторжения, главным средством охраны границы становилась вовремя полученная информация. Гетман Великого княжества Литовского Григорий Ходкевич в письме к князю Роману Сангшуске 25 сентября 1567 г. писал, что границу «боронят» только сторожи, т. е. стационарные пункты слежения за дорогами, мостами, устьями рек и т. д.⁶⁷⁷, и «шпегии», на которых главная надежда⁶⁷⁸. Многочисленные «шпегии» с обеих сторон образовывали целую

сеть, от эффективного функционирования которой зависела безопасность стран.

«Шпегии» должны были получать информацию о:

1) перемещениях войск неприятеля (маршруты, цели, количество, состав). Сведения о маршрутах и целях обычно фигурировали в виде слухов, собранных лазутчиками из случайных разговоров, подслушанных слов и т. д. В донесениях часто приводились несколько версий, то есть агенты стремились соблюсти видимость объективности, указать на источник информации. Вместе с тем, она часто была шаблонной, стандартизированной. Так, «шпегии» ВКЛ очень любили три цифры — 10 000, 15 000 и 40 000, и чаще всего приводили в донесениях именно их. Часто данные были заведомо завышенными: так, 26 июля 1567 г. оршинский староста Филон Кмита сообщал о подготовке русского похода на Ригу, для которого к Полоцку выступило 30 000, а к Уле — 9000⁶⁷⁹. Но в маленькую крепость Ула (площадь примерно 200 x 300 x 300 м) 9000 воинов дополнительно к гарнизону просто физически не влезли бы;

2) составе войска. Он описывался по видам вооруженных сил (стрельцы, «люди конный и пеший», пушкари с «делами» (пушками) и «стрельбой» (пищали и крупнокалиберные ружья) и т. д.). Но главное — «шпегии» должны были узнавать имена и степень знатности командиров и их военную репутацию (в каких походах участвовали, какие битвы выиграли). По тому, кто стоит во главе войска, судили о серьезности предполагаемого похода или войсковой операции («...бо коли будем ведать голову старшого, лацно можем розуметь великость люду при них»)⁶⁸⁰;

3) ресурсах, строительстве. «Шпегии» собирали сведения, идет ли найм и набор трудового люда («посохи»), куда везут «жито», боеприпасы, строительные материалы, гонят скот и т. д. Они интересовались, нет ли где голода или эпидемии («морového поветрия»), где строят или ремонтируют дороги, мосты, крепостные сооружения, рубят лес;

4) персонах. Это кадровые назначения на военные и административные посты⁶⁸¹, места содержания и положение пленных, особенно высокопоставленных;

5) поездках послов. Любой приезд посла — это шанс пообщаться со свитой и что-то выведать или вбросить дезинформацию. По мелким деталям можно было узнать многое, поэтому тщательно описывали все, от состава сопровождающих до внешнего вида и меню питания посла.

Как строилась работа «шпегов»? Выражаясь современным языком, было две категории агентов — стационарные (внедренные) и полевые. Стационарные — это шпионы из местных жителей, мирные обыватели, которые узнавали и передавали информацию как самостоятельно (путем закладок в тайники, например, условленные дупла), так и через засланных гонцов, которых тайно принимали у себя. Они были чем-то вроде связанных и явок агентуры более позднего времени. Например, 18 июня 1567 г. стало известно о поимке под Оршей Филоном Кмитой московского «шпега», Федора Олиферовича Добровицкого. Были установлены его связи. Связным в Орше был мещанин Микула, в Дубровне — Клим Дубровенский⁶⁸².

Полевые агенты лазили по лесам и полям в виде охотников, пастухов, рыбаков и просто бродяг. Они засылались в чужую землю и потом возвращались домой. Некоторые по заданию своих «работодателей» специально отправлялись в районы, интересующие разведку противника. Например, в 1568 г. оршанские «шпегии» Васко Глазко и Васко Станков были посланы в Смоленскую землю и дошли до самого Смоленска, до села Надвы⁶⁸³. И. Ауэрбах приводит в пример действия в 1579 г. агента Филона Кмиты, смоленского сына боярского Матвея Цедилова⁶⁸⁴. Но заметим, что такие шпионские вояжи не могли быть длительными и открытыми — конечно, сын боярский мог тайно проехать по тылам русской армии, хоронясь в лесах. Но при этом он сразу переходил на нелегальное положение — иначе его хватились бы на службе в Смоленске, да и в других местах поинтересовались бы, что это за неучтенный сын боярский путешествует по России. Больше возможностей для разведывательных миграций было у простонародья (крестьяне, пастухи), а еще больше — у монахов-пилигримов. Именно последние благодаря возможностям свободного перемещения по стране (и через границу под предлогом паломничества в православные

монастыри) быстро начинают составлять костяк наиболее ценных шпионов. Хотя от эпохи Ивана Грозного сведений о монахах-шпеггах немного, этот вид шпионажа расцветает позже, в XVII–XVIII вв.

В связи с этими характеристиками представляется заниженной оценка И. Ауэрбах «штата» литовских шпионов в России в 60–80 человек⁶⁸⁵. Думается, что их число в принципе плохо поддается учету, а в прифронтовой зоне, несомненно, было гораздо выше (равно как и российских «шпеггов» в Великом княжестве Литовском). Речь должна и с той, и с другой стороны идти о сотнях человек.

У «шпеггов» была разработанная система оповещения, связанная с объектами природы — деревьями. Ветки, обломанные с определенной стороны дерева, сломанные ветки, положенные у дороги и т. д. — все это были условные сигналы, оформленные под естественный вид лесного пейзажа⁶⁸⁶. В источниках преобладают сообщения об устной передаче информации, которая записывалась уже руководством «шпеггов» в воеводских канцеляриях. В основном это рассказы, а не письменные донесения. Это говорит о том, что грамотность и эпистолярная практика были не сильно распространены. При записи сообщений «шпеггов» всегда старались указать, откуда информация: видел лично, сказал тот-то (имя, должность), услышал там-то («на торгу»). Поэтому известия обычно очень детальные. Правда, неизвестно, насколько при этом достоверны: все эти подробности было легко придумать, а личности неведомых «Федек» и «Васек», которые шепнули «шпегу» страшно секретные сведения о готовности 40-тысячного русского войска напасть на Вильно, были в принципе непроверяемы⁶⁸⁷. Практика любой разведывательной деятельности показывает: как только информация становится коммерческой, резко возрастает процент фантастики, продаваемой под видом самых достоверных и секретных, «с трудом полученных» сведений. Судя по содержанию донесений, в какой-то степени этот процесс имел место и в русско-литовском пограничье среди «шпеггов» и с той, и с другой стороны.

Кто шел в «шпегги»? Основная масса — это «шпегги поневоле», друзья и знакомые, родственники, волею судеб оказавшиеся в разных

государствах, по разные стороны границы. Родственнику не откажешь, когда он ночью постучит в твою калитку и спросит, не видел ли ты поблизости войска. Многие сообщали сведения добровольно, заботясь о родных, которые могут оказаться на пути очередного налета или похода со всеми последствиями, вытекающими для мирного населения. Люди спасали своих и для этого сообщали сведения о планируемых нападениях, передвижениях армии и т. д. Например, в сентябре 1567 г. жители порубежного села Любавич бежали в Оршу с семьями, женами и детьми, потому что «шпегги» их предупредили: в этом районе готовится крупное наступление русских из Смоленска⁶⁸⁸. Конечно, такие известия не отличались регулярностью, а часто — и достоверностью (передавались пугающие слухи), но зато такая информационная сеть была всепроникающей и охватывала фактически все население пограничья.

И. Ауэрбах справедливо отмечает, что данное явление было причиной репрессий со стороны властей, которые не имели возможности (да и желания) разбираться, кто из приграничного населения шпион, а кто нет, и обрушивали репрессии и террор на головы целых пограничных деревень. Впрочем, по словам немецкого исследователя, такое явление — записывание в шпионы и изменники целыми населенными пунктами — не было необычным для Московского государства (вспомним хотя бы печально известный «Новгородский опричный погром» 1560–1570 гг.)⁶⁸⁹.

В то же время, для многих «шпегство» было профессией, способом заработка или приработка. Воеводы постоянно пишут в центр, что для оплаты работы агентов нужны сукна, деньги и т. д. И. Ауэрбах приводит подсчеты: за 4 года на шпионов в Оршанском старостве было потрачено 154 коп грошей, в среднем 6,5 на человека. Это небольшая плата: примерно $\frac{1}{4}$ жалованья конного воина или $\frac{1}{2}$ — пехотинца⁶⁹⁰.

Для населения это также был вид службы в нестабильном приграничье, когда они обретали пусть ненадежных, но заступников в лице властей: своего агента, тем более ценного, власти могли и защитить в сложной ситуации. Занятие «шпеггов» было опасным, но давало полезные связи и с властью предрержащими, и с приграничным криминальным миром,

контрабандистами. Спрос на их услуги был стабильным и в мирное, и в военное время. Он оплачивался куда надежней, чем ратная служба служилых людей.

Считались ли «шпегги» изменниками? Конечно, в случае поимки с ними обходились по законам военного времени. Но, что характерно, «шпегги» не вызывали осуждения у населения, которое исправно поставляло людей в их ряды. Оно воспринималось как работа — в источниках нет сведений, что «шпегов» выдавали свои, односельчане. Да и власти относились к ним скорее как к особому виду служилых людей — если ловили вражеского шпегга, то судьба его была незавидной. Но сами шпегов активно вербовали и использовали. В текстах нет следов презрения к ним как к предателям и перебежчикам.

Возможно, это было связано с особым мировоззрением населения земель, порождавших «шпегство». По справедливому замечанию К.Ю. Ерусалимского, «Большинство переселений на восточноевропейском “фронтире” происходило на спорных русских землях, которые сохраняли историческое единство, несмотря на их фактическую принадлежность нескольким новым государствам»⁶⁹¹. Нам представляется, что важным элементом этого единства был приоритет местной, локальной идентичности над государственной и этнической. Преданность своему городу, деревне, своим односельчанам/горожанам была важнее, чем долг перед государственной властью (тем более постоянно меняющейся) или этносом (о котором понятия были весьма смутные, скорее больше связанные с религиозной принадлежностью). Острее воспринималась измена вере, но в ситуации пограничья ВКЛ и России, когда православные были с обеих сторон, она играла меньшую роль, чем локальная идентичность. По верному замечанию К.Ю. Ерусалимского, «Перебежчик совершал преступление против “народа” только в том случае, если менял религиозную принадлежность»⁶⁹². Отсюда «шпегство» как служба за деньги в разведке чужого государства — не такой уж и криминал, если при этом ты не представляешь своих односельчан и не приводишь на их землю войска. Хотя были случаи, когда по доносу шпегов вырезались «неверные» деревни, присягнувшие противнику⁶⁹³. То есть

их деятельность не была столь уж безопасной и невинной для односельчан.

Провал «шпегства» как системы в случае нападения Батория на Полоцк в 1579 г. очевиден. Оно оказалось полностью неожиданным для русской стороны. Разведка провалилась и не смогла предупредить осаду города. Вообще, возникает ощущение, что все русские «шпегги» в 1579 г. куда-то внезапно делись. Задание разведать ситуацию получили... дипломаты, выполнявшие посольскую миссию: «Да память Леонтью. Будучи ему в литовской земле, проведывати, что королевское вперед умышление и которые наемные люди полские и угрове и желныри и дряби с королем были и где они ныне, отпущены ли, или будет даны им при которых граница лежи, и не будет ли королевского или панов его сее зимы походу? И будет поход будет, и х которымъ городом чаяти королевского приходу или воинских людей на которые места приходу? И о всяких вестях ему доведыватись и то ему все писати да привести с собою»⁶⁹⁴. Понятно, что эффект от таких мер невелик — много ли покажут дипломату? Но этот пример показывает, что «шпегги» скорее предупреждали мелкие, чем крупные акции. Ведь поход Ивана IV на Полоцк в 1563 г., сопровождаемый специальными мерами безопасности, тоже оказался внезапным для ВКЛ.

Сложно сказать, в чем тут причина. Видимо, все-таки в средствах связи. Поход многотысячной армии так или иначе не спрячешь. А вот его отследить, установить масштаб и цель, сообщить об этом куда следует и организовать контрмеры — видимо, реализация этой серии действий занимала слишком много времени. Пока доскачут гонцы, пока дойдет до руководства, пока придумают и дадут команды, что делать, пока их доведут до войск и станут исполнять... Поэтому Полоцк и в 1563-м, и в 1579 гг. встречал врага в одиночку.

Нельзя сказать, чтобы о планах Батория в Москве совсем ничего не знали. Русские дипломаты в Литве, Петр Головин и Курбат Григорьев, 3 июля отправили в Россию грамоту, в которой о планах короля сообщалось буквально следующее: «...рать, государь, у короля собрана все наемные люди из Польши и из Литвы — желныри. А шляхта литовские идут охочие не многие, которые похотели итти

на своих грошах, а которые не похотели, те не идут, а ис Польши паны и шляхта никто не идет, опричь наемных людей, а на Петров государь день, сказывают, король будет в городок в Свирь от Вильны за шеснатцать миль, и рати всей збор будет у него в Свире. А говорил дей король паном и шляхте, чтоб с ним всею землею шли к Смоленску или к Полотцку, и паны, дей, государь, радные, королю то отговаривают, чтоб он от литовские земли войны не всчинал, к Смоленску б и к Полотцку не ходил. И король дей говорил паномъ и шляхте будет дей вы и шляхта сами со мною итти не хотите, и вы дей дайте с собя людей и яз дей и без вас иду, дей ему отговаривают, чтоб он к Полотцку и к Смоленску никак не ходил, а за Вифлянты бы стоял, что Вифлянты не в миру и король говорил паном, чтоб с ним всею землею шли в Вифлянты доступати тех городов, которые ты государь поимал, и паны дей ему и то отговаривали, чтоб он сам и в Вифлянты не ходил, а послал бы с наемными людьми для войны беречи тех городов, которые ныне за ним и над иными города за тобою государем в Вифлянтех промышляти. Да паны, дей, государь, болшие с собя ему людей посулили, а шляхта и людей и дать не хотят, веть дей с нас гроши и на наемные люди иманы. И за то дей, государь, у короля с паны была великая нелюбость. И паны дей, государь, тешачи короля почали намолвяти шляхты, чтоб с королем в Вифлянты шляхта пошли. И шляхта государь иные немногие похотели, а многие хотять да и по ся место государь короля про его поход не уложено, куды ему итти, а рада дей, государь, у короля болшая будет в Свире, как сметится с людьми, о том самому ли ему куды итти или людей послати. А болши говорят, что королю итти в Вифлянты, а собранье, государь, сказывают людей тысяч с сорок, а иные сказывают болше, а иные меньше. А посоху, государь, с поветом збирали конные и пешие. Запас им велели имать на три месяцы. А збирали посоху на Десну, а срок сказывали стати на Десне — Петров день, а надежа дей, государь, королева на свиского. Свиской, дей, сложился с ним, вместе за Вифлянты стоять. И перед Петровым государь заговеином за неделю учал слух быти, что король посохи с поветов збирати не велел, а велел за посоху со всех поветов поимати

гроши, а збирает дей гроши крымскому на поминки и на наемные люди, а из Литвы государь к тебе ко государю нам наперед себя король послати не дал. А сю грамоту послали есмя тебе ко государю с рубежа июля въ 3 день. Для того, чтоб тебе, государю, про твое государево дело ведомо было ранее»⁶⁹⁵.

Поэтому нельзя согласится с В. Новодворским в том, что якобы уже с июня 1579 г. в Москве знали о готовящемся нападении на Полоцк⁶⁹⁶. Знали, что король собирает силы и, возможно, куда-нибудь пойдет походом. Выбор возможностей широк: от Ливонии до Северной земли. Если мы обратимся к текстам посольских книг и к пограничной переписке воевод, то увидим, что подобные сведения поступали постоянно, приносились как дипломатами, так и «шпегами». В Москве их принимали во внимание, но составить сколь-либо эффективный план действий на основе подобных слухов — а Головин прислал именно собранные им слухи — невозможно. Организовать противодействие было бы можно, если бы удалось получить точные сведения: королевская рать идет таким-то маршрутом туда-то в таком-то составе. А вот этой четкости не было.

Поэтому русское командование не успело предпринять что-то серьезное. Когда же стало ясно, что король идет на Полоцк, что-либо предпринимать было поздно. Итальянец Антонио Мартинелли, секретарь папского нунция в Польше Калигари, рассказывая о действиях Батория, пишет: «...объявив, в какую сторону он хочет повести армию и что он должен захватить в первую очередь (это сначала держалось в тайне)»⁶⁹⁷. То есть планы выступления как такового не скрывались, а вот его конкретное направление изначально утаивалось. Согласно тому же Мартинелли, войско Батория прошло лесами к Полоцку за три дня — за это время организовать контрудар было невозможно.

В.В. Пенской считает, что пассивность Ивана Грозного была сознательной. Причину он видит в неготовности и низком боевом духе сосредоточенных на северо-западе русских войск. Царь не решился вводить их в дело и рассчитывал, что Баторий измотает свои войска в осадах многочисленных крепостей. А там можно будет или улучшить момент и ударить, или добиться перемирия дипломатическим

путем⁶⁹⁸. Данная версия не противоречит известным нам фактам. Хотя думается, что вряд ли пассивность была настолько сознательной, скорее стихийной. Что-либо предпринять сразу не получилось, нападение началось, и в самом деле оставалось только ждать развития событий.

После выступления из Вильно 30 июня 1579 г. в Свири король собрал военный совет, на котором состоялось последнее обсуждение направления главного удара. После некоторых размышлений была отвергнута идея вытеснения русских войск из Ливонии. Страна была слишком разорена, чтобы на ее территории можно было развернуть обширные боевые действия. Войско не смогло бы кормиться за счет местного населения. А зависимость от подвоза фуража сделала бы армию Батория медлительной и неповоротливой. Было ясно, что судьба кампании решится на русско-литовском, а не ливонском фронте.

Паны Великого княжества Литовского выдвинули план наступления на самый богатый из ближайших русских городов — Псков. Однако, несмотря на всю соблазнительность этой идеи, король ее отверг. К Пскову предстояло бы идти через русскую территорию, на которой располагались многочисленные крепости с гарнизонами. Штурмовать их означало бы затяжку похода, и Иван IV успел бы подтянуть к Пскову значительные силы. А оставлять их в своем тылу и идти маршем к Пскову являлось рискованным⁶⁹⁹.

Поэтому Баторий и командиры подтвердили намерение нанести удар на Полоцк. Д. Купиш исчерпывающе обозначил причины того, почему целью похода стал именно Полоцк: «Возвращение этого города позволяло вернуть контроль над течением р. Западной Двины и ликвидировало клин, с помощью которого русские владения врезались в границы Литвы. Это снижало также риск нападения на Вильно со стороны Москвы. Полоцк и Витебск составляли раньше систему обороны, охранявшую большую часть литовского пограничья от московских нападений со стороны Смоленска. Полоцк блокировал дороги из России в южную Ливонию, а также давал возможность похода на Псков. Кроме того, возвращение этого важного города, утраченного

во время последней войны, могло повлиять на рост престижа Батория»⁷⁰⁰. Потеря Полоцка в 1563 г. была самым крупным уроном, понесенным Великим княжеством Литовским во второй половине XVI в. И его возврат имел бы огромное психологическое значение и покрыл бы новоиспеченного короля неувядаемой славой.

Баторий шел через Поставы и Глубокое к Дисне⁷⁰¹. То есть удар пришелся на незащищенный полоцкими пригородами юго-западный участок рубежей Полоцкого повета, в котором ранее многие годы не происходило боевых действий. Это был старый полоцко-виленский тракт, которым после 1563 г. 16 лет не пользовались. И он просто зарос. Баториевцам пришлось буквально прорубаться через лес, делать новые дороги и просеки. Мартинелли свидетельствует, что путь в шесть лиг (примерно 30 км) прорубали через лес 3 дня⁷⁰².

К Полоцку для перерезания коммуникаций и противодействия подходу возможной подмоги были посланы отряды Николая Радзивилла и Каспара Бекеша. 17 июля в Дисне Баторий провел смотр войск и дождался подхода последних отрядов. Армия, согласно письму итальянца Мартинелли, участника похода, выглядела красочно: на шеях коней в некоторых отрядах были повязаны куски ткани, напоминающие бороды, другие лошади покрыты шкурами волков и тигров, а упряжь украшена золотыми камнями, золотом и шелками⁷⁰³. Гусары имели за спиной орлиные крылья, по мнению итальянца — во время скачки пугающие русских лошадей⁷⁰⁴.

28 июля литовские казаки взяли Козьян, 31 июля — Красный, а венгры и дворяне ВКЛ 4 августа овладели Ситной. Войска Батория, как видно из этих ударов, перекрывали дороги к Полоцку. При этом о сохранении опорных пунктов не задумывались: Я. Замойский писал нунцию Калигари, что Косьян был дотла сожжен. А вот гарнизон Красного, если верить этому сообщению Замойского, сдался вместе со своим воеводой⁷⁰⁵.

Баторий выступил с обращением к народу России. Он объявлял, что воюет не с русскими дворянами, горожанами, крестьянами, а исключительно с тираном и преступником Иваном Грозным. Цель войны — освободить

оккупированные злодейским царем земли, в том числе Полоцк и Ливонию, и вернуть задушенным бесчеловечным деспотизмом московитам права и свободы, которых достойны истинные христиане. Баторий призывал всех недовольных правлением Ивана IV поддержать освободительные польско-литовские войска. Всем, кто это сделает, король обещал льготы, сохранение всех прав и привилегий и дополнительные награды. Кто не хочет покориться — пусть покинет крепости и бежит. А кто останется — как говорится, пусть не обижаются на королевских солдат⁷⁰⁶.

Забегая вперед, заметим, что этот призыв остался без ответа: за все годы войны на сторону противника перешло несколько десятков дворян. Были дезертиры и перебежчики из действующей армии, были сдачи в плен целых гарнизонов. Но никакой внутренней оппозиции Ивану IV внутри страны, да еще и готовой поддержать вторжение польской армии, так и не возникло. Баторий сильно ошибся в русских...

Полоцкие воеводы — В.И. Телятевский, П.И. Волинский, Д.М. Щербатый, И.Г. Зюзин — ввели войска под защиту крепостных стен. Есть свидетельство, что русские войска первоначально выстроились перед воротами, но при приближении баториевцев ушли в крепость. Это решение было, с одной стороны, правильным, потому что в полевом сражении армия Батория была явно сильнее. С другой стороны, получилось, что король дошел до стен Полоцка, практически не встречая сопротивления. Никаких сражений на дальних подступах дано не было. Полоцкие пригороды оказались брошены на произвол судьбы и пали один за другим.

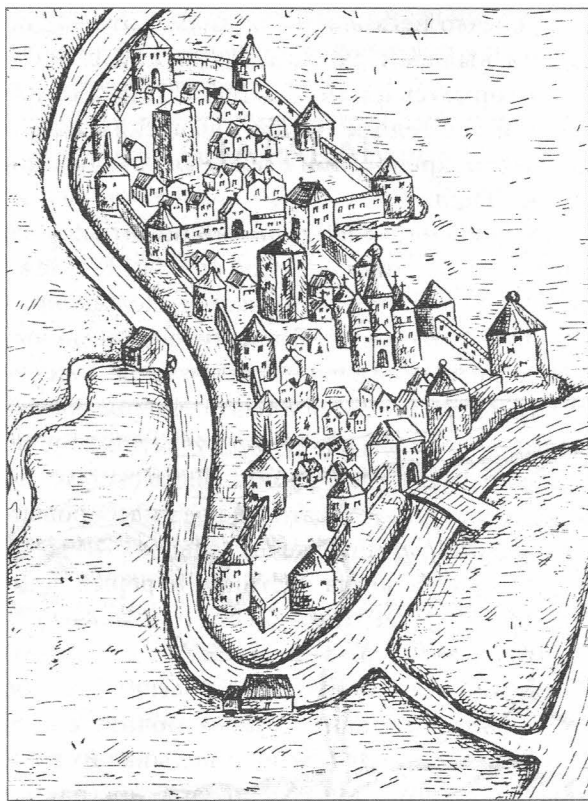
Русский гарнизон в Полоцке в 1579 г. был немногочисленным. По К. Горскому, он насчитывал около 6000 человек⁷⁰⁷. В.В. Пенской говорит о 2000–3000 детей боярских, 1000–1500 стрельцов и казаков и от 1500 до 3000 мобилизованных горожан и крестьян. В крепости было 38 пушек, 300 гаковниц и 600 «долгих» пищалей-ручниц⁷⁰⁸. Мартинелли свидетельствует, что перед осадой в город успело прорваться небольшое подкрепление — 1000 пехотинцев и 200 конников⁷⁰⁹.

Воеводы даром времени не теряли, и укрепления по сравнению с 1563 г. были сильно перестроены. В их основу был положен иной

принцип, чем у Полоцка эпохи ВКЛ. Верхний замок теперь имел 14 башен (против девяти в 1563 г.) и артиллерийскую башню-донжон. Великий посад оказался заброшен (когда город освободили, то вернувшиеся туда жители были потрясены тем фактом, что на месте домов и улиц начал расти дикий лес — некогда процветающий посад просто зарастал). Зато ниже Верхнего замка был построен Нижний, или Стрелецкий замок (для этого даже провели земляные работы по изменению русла Полоты). Он представлял собой овальное восьмибашенное укрепление, которое перекрывало подходы к Верхнему замку с напольной стороны. У замка также был артиллерийский донжон. Было расширено и укреплено Заполотье, в котором также было семь или восемь башен. Тем самым подходы к сердцу Полоцка — Верхнему замку со Св. Софией — перекрывались двумя дополнительными крепостями. В принципе, решение было верным и в духе времени — древоземляные крепости могли противостоять противнику в условиях развития артиллерии только подобной многослойной обороной.

1 августа на помощь Полоцку из-под Пскова двинулись отряды Б.В. Шеина, Ф.В. Шереметева, М.Ю. Лыкова, А.Д. Палецкого, В.И. Кривоборского. В.В. Пенской определяет их численность в 4000–5000, в том числе около 2000 донских казаков⁷¹⁰. Однако они дошли до Сокола и остановились, заняв оборону. Воеводы не пошли на выручку Полоцка, боясь столкновения с превосходящими силами противника, а ограничились посылкой мелких отрядов, «промышлявших» на коммуникациях неприятеля и громивших его обозы.

В.В. Пенской справедливо считает этот момент одним из поворотных в полоцкой кампании: неизвестно, как повернулась бы судьба Полоцка, если бы он получил подкрепление, практически удваивавшее гарнизон. Нерешительность воевод, которые испугались столкновения с королевской армией и предпочли отсидеться в Соколе, можно считать главной причиной поражения 1579 г. В.В. Пенской обращает внимание на послужной список воевод: «...причина неудачи с посылкой помощи Полоцку крылась в самих отправленных воеводах. При изучении их послужных списков складывается впечатление, что Иван послал

Полоцк в 1579 г. Рис. С. Пахоловицкого

в Полоцк «штрафную» команду»⁷¹. Они не обладали ни опытом, ни воинскими талантами, а в предыдущих кампаниях проявили себя совсем не с лучшей стороны. От Сокола дезертировали донские казаки, и операция по деблокированию Полоцка была окончательно сорвана. Из Пскова в Полоцк была выслана 40-фунтовая пицаль «Свиток», но до крепости она не доехала.

К 11 августа, к моменту прибытия короля под стены крепости, город был обложен по всем правилам военного искусства. Армия Батория выстроила осадные укрепления — шанцы — и стала подводить их к городу. Намечалось два направления удара: венгры наступали на Заполотье, а немцы — на Нижний (Стрелецкий) замок. Поскольку обычные ядра отскакивали от дубовых стен, то венгры открыли огонь калеными ядрами. Они специально разогревались на огне, обертывались во влажную траву, чтобы не воспламенить порох в пушке раньше времени, и затем выстреливались по деревянному

городу. Уже на следующий день, 12 августа, Заполотье было подожжено (судя по всему, не стены, а городские дома). Гарнизон и жители его покинули и ушли в Верхний замок.

Ядра не причиняли особого вреда толстым дубовым стенам Верхнего и Нижнего замков. Тогда король стал призывать поджечь стены вручную, с помощью факелов. Было набрано несколько отрядов добровольцев, но они почти все оказались перебиты. Под стенами крепости их встречал плотный орудийный, ружейный огонь, выстрелы из луков, огромные бревна, которые сбрасывали со стен, и они катились по склону холма навстречу штурмующим и давили их. Все население Полоцка, в том числе женщины и дети, тушили пожары, а также подтаскивали на стены кипятки, который лили на головы нападавшим. Некоторые защитники города самоотверженно свешивались на веревках за крепостные стены и, находясь под пулями неприятеля, заливали водой факелы, снаружи подброшенные к основанию укреплений. Полочанам помогла и погода: из-за непрекращающихся дождей промокшее дерево горело плохо, и войскам Батория не удалось зажечь Полоцк.

Дождь доводил баториевцев, стоявших лагерем в чистом поле, до исступления. Современник событий Рейнгольд Гейденштейн писал: «вследствие весьма сильных и непрерывных дождей дороги так испортились, что вьючные лошади, не имея возможности выкарабкаться из грязи, по большей части умирали от истощения, и все дороги устланы были конскими трупами. Дожди до такой степени увлажнили почву, и без того жирную и влажную саму по себе, и все напоили водою, что даже под кожами в самых палатках магнатов не оставалось места, где можно было бы лежать. Следствием всего этого было то, что... съестные припасы и в особенности сено до крайней степени возросли в цене; чего раньше и не слыхивали, особенно в Польше, — каждая мера овса покупалась за 10 талеров, так что им, конечно, кормили только более благородных коней; с другой стороны в числе Поляков и Венгерцев находились такие люди, которые не задумывались есть мясо падших лошадей; и не столько казалось удивительным это само по себе новое и непривычное кушанье, сколько

то, что питавшиеся им не замечали, чтобы от этого им приключилась какая-нибудь болезнь. При затруднительном положении всех, всего более страдали Немцы... потому, что привыкли вести войну в странах населенных частыми городами»⁷¹².

Успеху осажденных способствовал и неожиданный контрудар русских войск, последовавший из крепости Суши, которую войска Батория оставили в своем тылу, полагая, что она опасности не представляет. Отважный гарнизон ночью атаковал Красный, захваченный литовскими казаками, и сжег лагерь неприятеля. После этого отряды из Суши стали нападать на литовские обозы, на которых из Вильно подвозилось продовольствие. В этом сущинцам помогал гарнизон находившейся выше по течению Двины крепости Туровли.

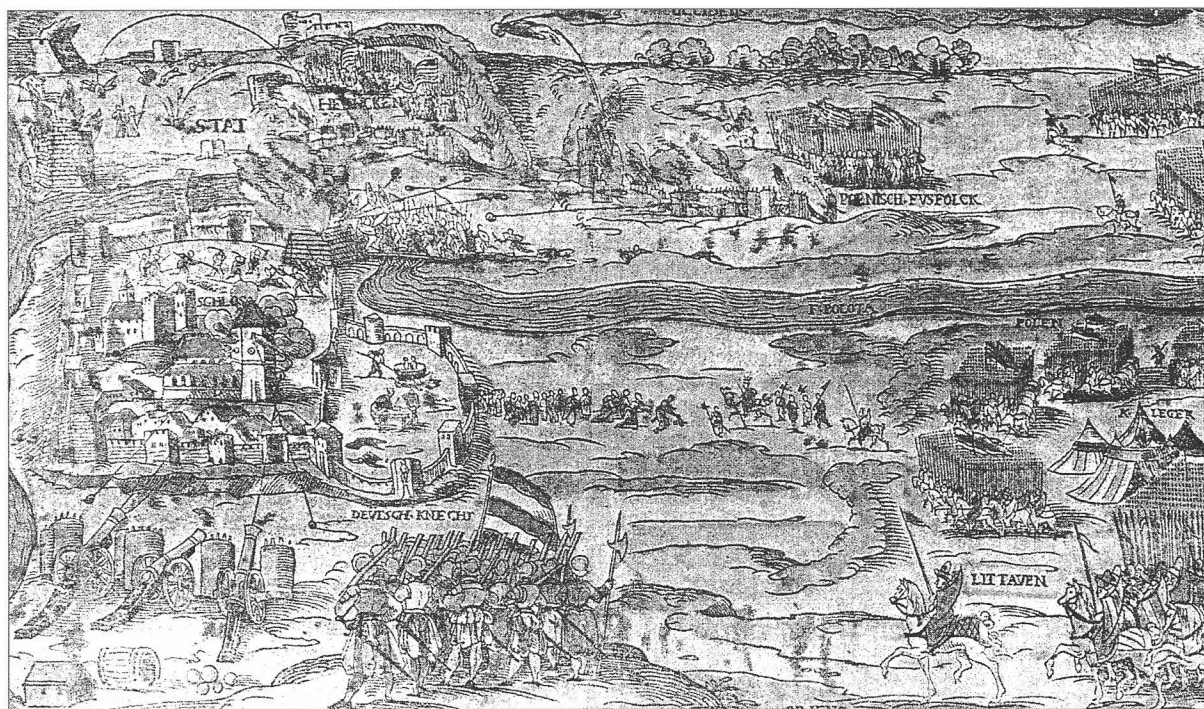
В первых боях под Полоцком наилучшим образом показали себя венгерские и немецкие наемники, а также польская пехота. Между тем, именно эти части хуже всего переносили непогоду и нехватку продовольствия. В полках начался кровавый понос.

Не повезло нескольким немцам, которых во время вылазки русские захватили в плен. Некоторых сварили в котле, а у других изрезали все тело и голыми вывесили на веревках на крепостной стене для устрашения осаждающих⁷¹³.

Король боялся, что наемники откажутся воевать. Силами одного ополчения ВКЛ, даже при поддержке польских частей, Полоцк вряд ли удалось бы взять. Поэтому надо было выбирать: или немедленное отступление, или решающий штурм. 28 августа этот вопрос обсуждался на военном совете при участии короля. Баторий отверг идею фронтального штурма, но предложил попробовать еще раз массивными попытками поджечь стены.

29 августа, когда наступил перерыв в дождливой погоде, осаждавшим удалось поджечь в нескольких местах крепостную стену. Особенно отличился один львовский медник, который переправился через Полоту с котлом, наполненным углями, и высыпал их в основание наугольной северо-западной башни Верхнего замка. Башня задымилась, медник бежал назад, получил в спину стрелу, но

Сдача Полоцка. Немецкий рисунок 1579 г.

переплыл Полоту и вернулся к своим. За храбрость был пожалован дворянством и получил фамилию Полотинского⁷¹⁴.

Защитники тушили пожары целый день, но все равно не смогли предотвратить серьезный урон, нанесенный укреплениям. Крепость горела. Среди полочан начались волнения: малодушные решили, что пора сдаваться. Десять человек на веревках спустилось со стен и перебежало на сторону врага. Однако им не повезло: они вышли в расположении венгерских войск. Венгры же решили пленных не брать, ибо добровольная сдача города лишила бы их славы и возможности безудержно пограбить в качестве награды за труды и потери при штурме. Поэтому солдаты убили перебежчиков. Гейденштейн писал: «Молва о древних богатствах знаменитого города и особенно находящейся в нем церкви св. Софии, о серебряных статуях, о богатейших дарах древних русских князей, которые, как говорили, находились там, возбудила в солдатах надежду на огромную добычу; воспламененные ею, они переносили весьма равнодушно все невзгоды, лишь бы овладеть крепостью»⁷¹⁵.

Вечером 29 августа поляки и венгры попытались войти в город через то место, где стена прогорела и разрушилась от пожара. Однако защитники успели вырыть внутри крепости прямо напротив пролома еще один ров и установить там пушки. Венгерские и польские солдаты попытались проникнуть в Полоцк через пожарище. Штурмующих встретил плотный орудийный и ружейный огонь, и они побежали назад. Король и его приближенные, канцлер Ян Замоиский и командовавший польскими войсками Миколай Мелецкий лично вывели войска к стенам Полоцка, чтобы разбитые отряды поляков и венгров сумели отойти и чтобы осажденные не смогли сделать вылазку. Баторий продемонстрировал немало личного мужества, командуя полками под артиллерийским огнем со стен и башен Полоцка. Венгры и поляки переругались, обвиняя друг друга в несогласованности действий и недостаточном героизме.

30 августа венграм под командованием Петра Рача удалось войти в пролом, окопаться в нем, захватить и сжечь крепостную башню, располагавшуюся недалеко от пролома.

Пользуясь тем, что целый участок стены оказался без укреплений и защиты, солдаты Батория сумели подвести осадные укрепления к самому крепостному рву Полоцка. Это делало крепость очень уязвимой. Поэтому среди осажденных возник раскол: «ратные люди» решили прекратить сопротивление и сдать город, епископ Киприан и воеводы требовали стоять до конца. По приказу Киприана была даже сделана попытка поджечь пороховой склад, чтобы гарнизон взорвал себя сам, но не сдался бы врагу. Однако рядовые ратники предотвратили взрыв. Тогда Киприан со своими сторонниками заперся в соборе Св. Софии и отказался выходить, пока его не вытащат оттуда силой.

31 августа 1579 г. король вступил в город. Русские прекратили сопротивление при условии, что кто хочет — того отпустят в Россию, кто хочет — поступит на королевскую службу. Король лично смотрел, чтобы пленных не обижали, и даже своей рукой убил ударом булавы поляка-мародера, который пытался грабить пленных. Для охраны пленных были выделены два эскадрона под командованием ротмистра Садовского, но как только они отвели пленных от лагеря — начался безудержный грабеж, в котором участвовали и солдаты Садовского. Пленные просто разбежались по окрестным лесам, преследуемые грабителями.

Помочь Полоцку в последние дни осады мог бы удар из Сокола, но войска в Соколе были недвижны. В.В. Пенской дает их поведению совершенно справедливую оценку: «Шейн и его товарищи не сдвинулись с места, забыв о поговорке “Сам погибай, а товарища выручай”». Своей пассивностью сокольские воеводы ускорили падение Полоцка и тем самым подписали смертный приговор себе и большей части своих ратников, ибо теперь, когда Баторий достиг главной цели начатой весной кампании, ничто и никто не мог остановить его на пути к овладению Соколом»⁷¹⁶.

Баторий обратился к воззванием к подданным как Речи Посполитой, так и Российского государства, обыграв при этом титул Ивана IV и перечислив названные в нем земли как адресаты своего послания (хотя его реальным и непосредственным адресатом оказался полоцкий гарнизон). Стефан объяснял причины войны с Россией, возлагая всю вину на Ивана IV.

Великий князь несговорчив на переговорах, не хочет идти навстречу во имя заключения мира, нападает на Ливонию и земли Великого княжества Литовского. Поэтому Стефан, как христианский государь, вынужден бороться за свободу христиан. Прочитавшим послание москвитам предлагалось сдаваться в плен, не оказывая сопротивления королевским войскам⁷¹⁷.

Комендантом взятого Полоцка был назначен Януш Лисовский⁷¹⁸. Опасаясь царской опалы, некоторые воеводы не захотели возвращаться в Россию, хотя Баторий их был готов отпустить. Литовский гонец Богдан Проселок осенью 1579 г. свидетельствовал: «А про воевод полотцких сказал, что воевод полотцких король был отпустил, и они сами итти не захотели, а соколские воеводы были на Копце после короля три дни и ис Копца хотели их отпустить, да с Копца их велел взяти к себе неведомо для чего»⁷¹⁹.

Вошедшие в город солдаты Батория оказались страшно разочарованы: они не нашли той богатой добычи, на которую надеялись. Только трупы, разбитые орудия и брошенные боеприпасы, пепелище, воронье и разоренные дома... Самой главной ценностью в Полоцке оказалась богатая библиотека, но наемники Батория не обратили на нее никакого внимания. Воины нашли выход своему раздражению во взаимных сварах: в лагере начались массовые драки между венграми и поляками за дележку небогатых трофеев. Король сумел прекратить это безобразие, только раздав богатые подарки из собственной казны. 17 сентября Баторий отправил Ивану IV из взятого Полоцка грамоту, в которой сообщал, что восстановил справедливость и вернул город⁷²⁰.

С падением Полоцка наступление Батория не прекратилось. Литовские казаки жгли замки по Двине за 4 мили до Улы. 4 сентября пала Туровля, которую взял отряд Константина Лукомского. К 5–6 сентября под стены Сокола подошли отряды Я. Збаражского и М. Мелецкого. Начались стычки перед стенами Сокола, так называемое «травление» — взаимные налеты конных разъездов. Судя по свидетельствам разных источников (наилучшим образом проанализированных в статье В.В. Пенского⁷²¹), русские войска имели укрепленные позиции («окопы») перед стенами

Сокола, и первоначальной задачей для баториевцев было взять их и загнать обороняющихся в крепость.

Литовские источники сообщают, что в Соколе было 5000 человек гарнизона и двухтысячный отряд Юрия Булгака. Представляются более адекватными оценки В.В. Пенского: гарнизон составляли не более чем 200–300 детей боярских с послужильцами и не более 500–600 стрельцов и казаков⁷²². Его хотели усилить отрядом Б.В. Шеина и Ф.В. Шереметева, посланным на выручку Полоцка и до него не дошедшим. В него входили дворянская конница, донские казаки, астраханские стрельцы.

Король опасался, что из Сокола будут направлены силы на помощь Полоцка, поэтому послал туда отряды, которые должны были сковать противника. В.В. Пенской пишет, что «...Баторий отправил под Сокол сперва кривского старосту Яна Волменского с отрядом конницы («несколькими гуфами», по словам М. Стрыйковского), к которому потом присоединился польный литовский гетман Кристоф Радзивилл и минский каштелян Иван Глебович»⁷²³.

Сокол был обложен, вдоль Дриссы и Нищи поляки и немцы стали строить осадные траншеи и открыли из-за реки огонь по крепости калеными ядрами. В.В. Пенской приводит свидетельство, что «...Мелецкий отправил к Шеину послание, в котором предложил воеводе и его товарищам сдаться, на что, по словам Папроцкого, ему ответили: “Когда нас за ноги из него вытащишь, тогда и возьмешь его, потому что нас послали оборонять его, а не сдавать”»⁷²⁴. В ходе обстрела Сокола калеными ядрами 10–11 сентября враги зажгли крепостную стену, начался пожар. Русские, отчаявшиеся защитить крепость, через ворота со стороны Нищи сделали попытку выйти из города. Попыток, видимо, было несколько: конница стремилась прорваться через боевые порядки противника и уйти на Псковскую дорогу, но конников настигли и перебили. Другая часть пыталась прорваться через ворота, ведущие к Нище, столкнулась с немцами, не смогла выйти из города и тогда опустила воротную решетку («гирсу»), отрезав немецкий отряд, успевший войти в город. Началась страшная взаимная резня среди охваченных пламенем

зданий. Обе стороны понесли большие потери, немецких наемников погибло до 500 человек. Их товарищи продолжали атаковать город с внешней стороны. Крепость пала, гарнизон частично погиб, частично был рассеян по окрестным лесам и искал спасения в бегстве⁷²⁵. Русских, по литовским источникам, погибло около 4000–5000. В боях у стен Сокола погибли воеводы Борис Шеин, Андрей Палецкий, Михаил Лыков, Василий Кривоборский. В плен попали Шереметев и атаман донских казаков Мясоед. У литовцев погибли ротмистры Каменский, Высоцкий, Якоб Свецинский, Якоб Борнковский, Михаил Ключевский.

С боями под Соколом связан известный эпизод: литовцы вырезали у убитых тучных русских из животов жир, из которого потом делали лекарство от ран. На Руси это было воспринято как поругание трупов и признак язычества («волхования»). Сам царь Иван Грозный писал королю Стефану: «Мертвым поругались беззаконным обычаем, чево ни в безверных не слыхано: убьют ково на бою да покинут, ино то ратной обычей; а твои люди собацким обычаем делали, выбирая воевод и детей боярских лутчих мертвых, да у них брюха възрезывали, да сало и жолчь выимали как бы волховным обычаем»⁷²⁶.

6 октября полоцкий воевода Миколай Дорогостайский-Монивид взял Сушу. За добровольную сдачу города весь гарнизон, 6000 человек, был отпущен с оружием в руках. В качестве трофеев противнику досталось 21 орудие, 136 гаковниц, 123 большие пищали-ручницы, 100 бочек пороху и почти 4800 пуль⁷²⁷.

В это же время оршанский староста Филон Кмита с литовским рыцарством и казаками громил окрестности Смоленска, сжег множество мелких сел и деревень (В. Новодворский называет фантастическую цифру в 2000)⁷²⁸, предместье Смоленска, угнал огромные стада скота. Константин Острожский и брацлавский каштелян Михаил Вишневецкий перешли Днепр, осадили Чернигов, спалили «место черниговское». Были распущены загоны по Северной земле до Стародуба, Радогоща и Почепа.

Речь Посполитая ликовала. Новый король принес ей славу военных побед над заклятым врагом — москвитами. В восхвалениях своего обожаемого монарха польские поэты

и писатели не знали удержу. Ян Янушевский написал похвалу Стефану на Полоцкое взятие. Он называл победу польского оружия величайшим в истории «триумфом». Увлекаясь, автор писал, что король «укротил неистового Буцефала», «прошел между Сциллой и Харибдой и привел свой корабль в тихую гавань». Стефан подобен Александру Македонскому, Цезарю и Карлу Великому, вместе взятым⁷²⁹. Таким образом, Полоцкая победа 1579 г. была поставлена в один ряд с подвигами великих античных и средневековых полководцев.

Ян Замоиский говорил, что эта победа как бы лишила Ивана Грозного всей предыдущей военной славы: «Мы одержали столь славную победу над неприятелем, которого все страшались вследствие высокого мнения о его могуществе и о его воинской доблести, о его победах над другими народами; никто не думал, что он сам может быть побежден. Случилось, однако, по особенной милости Божией, то, что неприятель не только побежден, но лишен Полоцка, который будет служить вечным памятником этой победы, лишен славы своих прежних побед; все его трофеи, какие он только получил впродолжение стольких лет над Ливонцами, Шведами, над покоренными Казанцами и Астраханцами, над Татарами и Турками, пытавшимися было соединить Дон с Волгою и Каспийское море с Черным, над другими воинственными и дикими народами, все эти трофеи с него сняты этою победою; их будут нести впереди при настоящем триумфальном военном торжестве»⁷³⁰.

О взятии Полоцка был немедленно выпущен целый ряд листов информационно-пропагандистского характера⁷³¹. В них подробно рассказывалось об осаде с указанием имен воевод, размеров войска, описанием боевых действий. Особо подчеркивалась выдающаяся роль польского короля Стефана — организатора побед над тираном-Московитом. Некоторые листки были подписаны именем короля. Все это должно было произвести впечатление на европейского читателя.

В Падуе в 1580 г. вышла поэма о взятии Полоцка, автором которой был выпускник Виленской иезуитской коллегии Базель Гиацинт⁷³². Она была посвящена прославлению подвига Батория и его полководцев,

прежде всего Николая Радзивилла Рыжего. Панегирическое сочинение состоит из прозаического посвящения Радзивиллу и стихотворной 50-страничной поэмы, содержащей традиционный дискурс освободительной борьбы против московского тирана. В памятнике также присутствует сарматский дискурс. Про само взятие Полоцка сказано немного, в основном присутствуют общие панегирические мотивы.

В Варшаве в 1580 г. вышла небольшая «песня» Яна Кохановского на взятие Полоцка. Она была посвящена Яну Замойскому. Иван Грозный назван «тираном полночной стороны» (т. е. северным), который «зывается грозным», но «утекает» от победоносной польской армии⁷³³. Кохановский прославляет непобедимого Батория и говорит, что победой под Полоцком он стяжал себе славу.

Пропагандисткий удар, нанесенный России в результате взятия Полоцка 1579 г., оказался успешным и эффективным. Настолько, что в Европе создаются первые сборники, посвященные Московской войне⁷³⁴. Вербовщики европейских наемников в армию Стефана Батория не испытывали недостатка в желающих отправиться в Россию повоевать — кто ради добычи, кто за торжество истинного христианства. Европа превозносила польского короля — ее спасителя — от московских варваров и схизматиков. Добро торжествовало над злом, и это говорило, что завершающий акт драмы с «тираном Васильевичем» в главной роли уже не за горами. Объявленная европейскими интеллектуалами «Московская война» в том виде, в котором она разворачивалась на страницах западной пропагандистской литературы, могла иметь только один исход — победу «христианского мира» и посрамление московитов.

Правда, где есть герои и победители, всегда появляются и завистники. Как ни странно, победа Батория увеличила и число его противников в Речи Посполитой. Король награждал командиров, наиболее отличившихся в боях под Полоцком, — а это большей частью были венгры. Данные награды вызвали страшное раздражение среди польской и особенно литовской шляхты, куда менее доблестной на полях сражений, зато считающей, что Баторий должен поощрять прежде всего «посполитство», польских и литовских панов. Каждый

захудалый шляхтич был убежден, что король обязан своим избранием лично ему — ведь он бы мог отдать свой голос и за другого. Паны ждали дождя наград, почестей, привилегий. А вместо этого получили набор в войска, повышенное обложение налогами на нужды армии да еще и явное пренебрежение шляхетской демократией (что в условиях военного времени было правильным и полностью оправданным).

Поэтому завистники и клеветники исходили злобой. По стране пошли слухи, что Стефан будет возвышать только иностранцев, а коренные народы, «посполитство», останутся ни с чем. Когда Баторий по делам поехал во Львов, то тут же был пущен слух, что он украл казну и теперь хочет бежать в свою Венгрию. Клеветники стремились внести склоки в семейную жизнь короля, нашептывая Анне Ягеллонке, что Стефан ее непременно бросит, так как считает ее слишком старой.

Раздавались даже высказывания, что победой над Россией Стефан может поставить Речь Посполитую на грань катастрофы. Если вдруг мы победим московитов и присоединим их к своему государству (а именно такой исход войны паны уже воображали в своих горячих головах), то не будет ли от этого хуже Польше и Литве? Ведь этими невежественными русскими надо будет управлять, надо будет их кормить и т. д. Канцлер Ян Замойский даже был вынужден произнести перед сеймом особую речь, в которой обосновывал необходимость завоевания России для нужд Польши. Он заявил: «Положение нашего государства, мне кажется, таково, что если только мы хотим... сохранить настоящее положение республики, то совершенно необходимо присоединить к ней какое-нибудь новое королевство». И Россия прекрасно подходит на эту роль. Замойский пригрозил смутьянам, сеющим мятеж, королевскими карами: «Пусть никто не рассчитывает злословием и особенно запоздалыми стараниями произвести смуту, выслужить себе те награды, какие даются за доблесть и честные заслуги».

На Руси же потеря Полоцка произвела крайне удручающее впечатление. В ответной грамоте, посланной с литовским гонцом Богдном Проселком, принятым при дворе

Ивана Грозного в конце ноября 1579 г., о взятии Полоцка упоминается очень кратко: об этом «...ныне говорити несть потреба»⁷³⁵. Редкий случай, когда царю Ивану нечего было сказать.

Больше всего пугало то, что часть войска сложила оружие без боя. Поскольку армия «богоизбранного» царя по определению проигрывать не могла (это сразу же ставило бы вопрос: действительно ли «богоизбран» ее государь), то Иван Грозный нашел очень простое объяснение военных неудач: во всем якобы виноваты изменники. Мнительность и подозрительность царя резко выросли. Он был убежден, что Полоцк мог бы сопротивляться, но город Баторию «здали Петр Волынской да стрельцы»⁷³⁶.

Замедленное продвижение русской армии на выручку Полоцку также было связано с конфликтом царя с одним из воевод: когда И.Ф. Мстиславский предложил наступать быстрее, то Грозный обвинил его в измене, что князь хочет завести войска в ловушку. Царь кричал на воеводу: «Ты, старый пес, до сих пор насыщен полностью литовским духом» (предки Мстиславского много лет назад приехали из Литвы). Военачальника, который хотел спасти Полоцк, Иван на глазах у бояр отколотил палкой...

После подобных обвинений, которые грозили смертной казнью, у воевод резко уменьшалась охота проявлять инициативу — не дай Бог ошибешься и в глазах царя угодишь в предатели. Лучше уж быть слепым исполнителем монаршей воли и тупо выполнять исходящие сверху приказы. Правда, так войны не выиграешь, но и в застенки к палачу не попадешь... Культивирование обстановки взаимной подозрительности, доносов воевод друг на друга, шпионмании, исходившее от самого Ивана Грозного и командования армией, резко уменьшало ее боеспособность как раз тогда, когда от войск требовалась наибольшая мобилизация

всех сил для защиты России. И в этом — одна из главных причин поражения России в «Баториевой войне». Как верно заметил В. Новодворский, «главным виновником поражений 1579 г. был сам Иоанн»⁷³⁷. Наибольший успех, что показательно, был достигнут в 1581 г. под Псковом, в оборону которого Иван IV не вмешивался. Там же, где царь приложил руку к командованию, были сплошные поражения.

В ситуации 1579 г. русское командование действовало бестолково и нерешительно, что, несомненно, объясняется постоянной оглядкой на реакцию царя, ожиданием от него прямых распоряжений, которые можно было бы выполнить, не рискуя подвергнуться опале и казни. А царь никаких вразумительных распоряжений не давал. В итоге Полоцк и полоцкие пригороды оказались брошенными на произвол судьбы. Ни толкового контрудара, ни переброски войск на помощь Полоцку, ни эвакуации артиллерии и гарнизонов из опасной зоны организовано не было. Возникает ощущение, что на царя и его воевод напал какой-то ступор. Причем не было сделано и никаких выводов: в 1580 г., в великолуцком походе Стефана Батория катастрофа повторилась почти с абсолютной точностью. Изменения в тактике и действиях русских войск и дипломатов наступят только в третьем походе, под Псков, в 1581 г. — и вот тогда Баторий проиграет.

Потерпев поражение в стратегическом плане, Грозный пытался ответить в тактическом. Русские отряды по приказу царя пошли в Литву, грабя и наводя ужас на население. Осенью 1579 г. из Пскова воевать литовскую землю ходили воеводы В.Д. Хилков, М. Безнин. Набег на Лифляндию и Курляндию совершил отряд И. Фустова. Русский летописец сообщает, что полки «воевали до Вильна», но это, видимо, преувеличение. Боевые действия осенью 1579 г. носили локальный характер и были сосредоточены в псковско-полоцком приграничье.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По словам польского историка Д. Купиша, «Полоцкая кампания считается первым этапом принуждения Ивана Грозного к отказу от Ливонии»⁷³⁸. Это действительно так. Блистательные успехи русского оружия 1563 г., в общем успешная кампания по созданию полоцких пригородов, рост дворянского землевладения на новообретенных территориях — все в один миг пошло прахом.

Полоцкие земли вернулись своим владельцам⁷³⁹. При этом в Полоцке осталось немало жителей, которые прибыли туда в годы московского владычества и не захотели возвращаться после утраты Россией Полоцка в 1579 г. Как указал П.Т. Петриков, «брат полоцкого воеводы магнат Лев Сапега 20 июля 1599 г. сообщил Кшиштофу Радзивиллу, что среди жителей Полоцка “большая часть москвичей”, т. е. выходцев из Московского великого княжества»⁷⁴⁰.

Стоит заметить, что «полоцкая идентичность» в XVI в. проявлялась в основном в верности городу и поэтому была больше распространена среди мещан. В полоцких грамотах, обращениях мещан, формулировках апелляций к верховной власти видно, что они осознают себя определенной корпорацией, «полочанами». Но это сугубо местная, локальная идентичность. Она не носила этнического характера, и для нее не были важны религиозные или социальные различия (единственное исключение — евреи). Полоцк в этом плане являл собой пример «плавильного котла», в котором, как и в других землях ВКЛ, старались ужиться католики, православные, лютеране, русины, литвины, татары, поляки, евреи и т. д. Избегать серьезных конфликтов и противоречий помогало пропорциональное представительство (по 12 православных и католиков в городской раде),

приоритет городского суда над судом «по вере» (т. е. юридическая унификация), разделение религиозных общин с принципом невмешательства в дела друг друга.

Но эта социокультурная толерантность оборачивалась своей отрицательной стороной при приходе иноземного супостата — полочане предпочли не сопротивляться, а сдаться войскам Ивана Грозного, как до этого в 1514 г. жители Смоленска, так как не видели в «москалях» непримиримых антагонистов по этносу, вере, культуре и т. д. Ксенофобность населения ВКЛ и Московского государства в XVI в. возникает и формируется в связи с «порубежными войнами» и Ливонской войной, но нужно было несколько поколений, выросших в условиях взаимной ненависти, насилия и убийств, чтобы сформировалась своя идентичность как антагонистическая «вражеской».

Собственно, этот процесс начался после возвращения Полоцка в состав ВКЛ, и он был связан с социокультурными технологиями — власти Речи Посполитой стали активно насаждать неправославные конфессии. С 1580 г. в Полоцке резко усиливаются позиции иезуитов, здесь появляется их коллегия. Баторий щедро наделяет ее землями⁷⁴¹. После 1596 г. стремительно распространяется униатство, конфликт которого с православием в начале XVII в. приведет к трагическим событиям, связанным с именем Иосафата Кунцевича⁷⁴². Нарастание конфессионального антагонизма в контексте военных потрясений XVI–XVII вв. способствовало разведению «полоцкой идентичности» с «московской». Ни православие, ни уходящее в глубь веков общее «русское» происхождение этот процесс остановить не могли. В XVII в. Полоцк — уже однозначно «речьпосполитский» город.

Приложение 1.

Таблица 1.

Полоцкие дворяне в посполитом рушении 1528 г.

	1528 ⁷⁴³		1552 ⁷⁴⁴
Александрович Остафий	1		
		Андрей, поп дворный, и его брат Левон	1
		Богатыревич Степан	1
Богданович Дмитрий	33		
Богданович Ждан	1		
		Болковая княгиня, вдова	1
		Болотовы, Занько и Иван Грыдковичи	1
		Борисовичи, Семен и Василий	1
Быстрейский Яцко	8		4
Быховский Тиша	2	Его вдова «Федя»	1
		Буцко Остафий	1
Василевая, пани	1		
		Воисецкий Михайло	4
		Войнинович Соня Рафаиловна, вдова Василия Войниновича (Картинная)	2
Воиткович Беркош	1		
Волвинцов Иван	1		
		Волоткевич Иван	2
		Волынец Федько	1
Вяземский Ян, князь	4		
		Гарабурда Александр	2
		Гарабурда Богдан	2
		Гарабурда Петр	2
		Глазкович Степан	1
Глебова, пани	18	Марина Васильевна	2
Глебович Андрей	14		
Глебович Иван	15		
Глебович Остафей	14		
Глебович Семен	14		

Глебович Ян	14		
		Глинские, Дмитрий и Богдан	2
Глинская, княгиня, жена Федора	2		
		Головнинич Петрашко	1
Голубцевич Яцко	5		
Грибун	1		
Григоревич Сенко	1		
		Гуца Яким и его брат Михайло, племянники Васко и Максим	2
Гущина Олехно	1		
Дашко Чиж	1		
Дашкович Богдан	2		
Епимахович Андрей	9		
Епимахович Федко	3		
Епимаховичи, братья («Петровы дети»)	12	Епимах Война Петрович	9
		Епимах Богдан Андреевич	4
		Есмановичи Павел, Сидор, Иан, Миколай, Глеб, Ходот Глебовичи	14
		Жижемский Петр, князь	1
Зенков Олексей	1		
		Заньковичи, Вольфромей и Матвей	1
Зеновьевич Богдан	15		
Зеновьевич Глеб	14	Зеновьевич Корсак Ян Глебович	4
Зеновьевич Глеб	1		
Зеновьевич Иван	12	Корсак Зеновьевич Глеб Иванович	11
Зеновьевич Михайло	1	Зеновьевич Иван Михайлович	9
Зеновьевич Федор	1		
Зеновьевич Яцко	18		
Зеновьевич, пани	18		
Зеновьевича Ивана, пани	16		
Зеновьевичи, братья («Михайловичи»)	19		

Иван, «суский наместник»	5		
Иван, митрополичий сын	5		
		Иванович Артем	1
Иванович Онципушко	1		
Иванович Федко	5		
Ивашкович Иван	4		
Индрихович Станислав	4		
		Исаевич Иван	1
		Картен Василий	3
		Каспарович Фронцко	3
Кгетовт	9	Кгетовт Матфей	3
Киенинава Василия жена	2		
		Козицкий Павел	1
		Комарович Федко	1
Корень Иван	1		
Корсакова, пани	15	Корсак Дмитр Богданович	26
		Корсак Василий Михайлович	20
		Корсак Баркулаб Иванович	9
		Корсак Федор Иванович	1
		Корсак Петр Васильевич	4
		Корсак Аникей Андреевич	4
		Кортен Микула	3
Кривонос Остафий	1		
Кублицкий Бодевич	4		
Кублицкий Гаврило	2		
		Кублицкий Иван	1
		Кублицкая Ганна (Дубровинная)	1
		Кублицкий Семен	2
		Кублицкий Федор	2
		Кублицкий Грынашко	2
Левеикович Клим	2		
Левонovich Михно	2	Левонovich Герасим, игумен Воскресенского монастыря	3
Липко Герман, немец	2		
		Лодятич Михаил	2
Лукомская княгиня, жена Михаила	14		

Лукомский Андрей, князь	9		
Лукомский Богуш, князь	4		
Лукомский Михайло, князь	5		
Лукомский Семен, князь	5		
		Мамевич Василий, поп Юрьевский Туловский	1
		Масальский Иван Тимофеевич, князь	4
		Масальский Юрий Тимофеевич, князь	9
Мелешкович Мартин	1	Мелешко Шымко Мартинович	1
		Мелешко Федор Иванович	1
		Мелешко Иван Опанасович	1
		Меницкий Василий	2
		Митрополи Иван	2
Митькович Борис	1		
Митькович Семен	1		
		Митькович Василий	3
Михайло	2		
Михайлова жена	1		
Михайлович Василий	16		
Михно Иван	1		
Михнович Матвей	1	Михнович Матвей	2
		Мохирена Иван	1
		Невельский Петр	1
		Невельский Володько	1
		Непадович Ждан	1
		Нечай Иван	1
		Новоша Микита	1
		Олехнович Василий	2
		Олеша Петр	4
		Ореховинский Степан	3
		Ососки: Яцко, Лецко, Василий, Ждан Ивановичи	1
Остафьевича Глеба дети	13		
Офанасовая пани	2		
		Оханка Яцко и Якуб	1
Петрович Митко	4		

		Подберезский Григорий	2
Полоз	2		
		Полозович Иван	1
Полубенская княгиня	4		
Полубенский Иван, князь	4		
Полупетин Иван	1		
		Полупета Василий	2
		Полупета Михайло	1
Потап	2		
		Прозорок Яцко Петрович	1
Проселко Сенко	2		
Проселков Мартин	1	Проселок Федор, его сын	2
		Вдова Василия Проселка	1
Прыдыбало Иван	6		
Путята	5		
		Рагоза Олехно	1
		Ринков Иван	1
		Рокгуский Бартош	2
Рокус Богдан	1	Василий и Иван, его дети	1
Романович Григорий	1		
		Свецкий Петр	3
Селавич Богдан	3		
Селавич Василий	7		
Селавич Иван	4	Селява Иван	4
		Селява Богдан	3
Селявич Василий	3	Селява Василий	3
		Семигорский Андрей	1
Сенкович, пани	14		
Сенковича пани Ивашковая	2		
		Скорневич Тишко	1
Смолненин Кузьма	1		
Соколинская, княгиня, вдова Василия	9		
Соколинская, княгиня, вдова Ивана	4	Соколинская, княгиня, жена Ивана	2
Соколинская, княгиня, вдова Юрия	8		

		Соколинская-Сангушко Василиса Андреевна, вдова князя Андрея, с детьми Богданом и Андреем	5
Соколинский Павел, князь	2	Соколинский Павел Юрьевич, князь	2
		Соколинский Михаил Васильевич, князь	4
		Соколинский Тимофей Юрьевич, князь	2
Станкевича Михаила жена	10		
		Стрежковский Иван	10
Стрыж Михайло	1	Стреж Иван Михайлович	1
Супронович Михайло с братом	1		
Турко Лапка	1		
		Тяпинский Матвей	1
		Тяпинский Миколай	1
		Ульский Семен	4
		Ульская Федора, вдова Василия Богданова	2
		Ульянович Ермола	1
Федкович Михайло	9		
Федорович Семен	3		
		Фридрихи, Ян и Василий	2
		Хрящи: Остафий, Матвей и Семен	3
Хрящов Микула	1		
Хрящов Федько	1		
Черкас Васько	1		
Чиж Василий	5		
		Чижевич Богдан	1
		Шестовичи, Герасим и Федор	2
		Шипиловы: Куница, Федор, Иван, Семен Васильевичи	1
Шипов Мишко	1		
		Шобловинский Федор	3
		Шишка Филипп	1
Щасный	1		

Юревский Гридко	2		
Яцкович Васько	1		
	560		301 320 ⁷⁴⁵
Полоцкие мещане			
		Александровичи Семен, Васко, Денис, Мамон и Дорошко	1
Алексей с Лещилович	1		
		Андреевичи Иван и Федор	2
Аншутинича Богдана жена	1	Антушков Богдан	2
Артем, городской слуга	1		
Бернище Сава	9		
Бернищов Иван	1		
Боброва жена	1		
Богатыревича Васьки жена	1		
		Богдановичи Иван и Дмитр	1
Болотович Иван	1		
Болотович Федор	1		
Браженский Гридко	1		
Буцко Григорий	2		
Буцковичи, мещане	6		
Валко Иван	1	См. Мещане имения Вороновичи	
Васкович Тишко	3	Его земля продана Васко Панкову	1
Васько, урядник пани Заберезынской	1		
Ветропадовича Евдокима жена	1		
Волк Иван	1		
Галосковичи	1		
Галоскович Никон	1		
		Горбачович Андрей и Борис Алферович	3
Гридкевич Лукьян	1	См. Мещане имения Вороновичи	

Грицевич Дмитр	1	Грицевич Васко и Полович Грыдко	1
		Грицевич Давид — см. Ходашкевич Еско	
Гришанович Петр	1		
Дробиш	1		
Еско	1		
Злобин Бартош	1		
Золотков Васко	1	Золотковичи Федор, Васко, Семен, Павел	1
Золотков Матвей	1		
		Зубрик Иван Климятич	1
Иванович Борис	1		
		Илиматич Михайло	1
Индрих, немец	1		
Капустин Мишко	1		
		Карнилович Васко	1
Климата	1	Климятиничи Иван, Андрей, Степан и Гаврило, Карп Бурмилич и др. мещане	1
		Козариновичи Андрей и Оксен, Михайло Оксулич и Григорий Михайлович	1
Козлов Микула	1		
Кондратович Алексей	1		
		Коротополов Иван	1
Кортеневич Васько с братом	5		
Кортеневич Костюшко	4		
Коршун Еремей	1		
Кузьма	1		
Купля полоцких мещан из Залужья на Дриссе	2		
Куриловичи, люди мещанские	3	См. Мелешковичи	
		Кутиловский Станислав	1
Ленко	1		
Лукошка Артем	1		
Мелешкович Борис	1	Мелешковичи Отрошко, Гаврило, Михайло и Дмитр с братаничем Ваской Куриловичем	1

		Мещане имения Вороновичи, 10 чел.	1
		Мещане имения Тройденовичи, 12 чел.	2
		Мигунов Иван Матвеевич	3
Микита	1		
Микитина жена	1		
Михалко	1		
		Михновичи Еско Степанович и Марко	1
Наумович Петрушко	1		
Наумовича Петра жена	2		
Неизвестные мещане	1		
Неизвестные мещане	1		
Неизвестные мещане	1		
Неизвестные мещане	1		
Нерон	1		
Никон	1		
Овсяникович Васько	2		
		Озарич Иван	1
Окулинич Андрей	1		
Орефич Олифер	1		
		Оскериничи и Сидоровичи, имения на Ушачах (27 чел.)	3
Ососков Яцко	1		
Осташко	1		
Панкович Васько	1	Панкович Давид (имеет имение бояр полоцких Онскушковичов, Гаврилы, Курилы и Андрея)	3
		Панков Максим Давилович	1
Панькович Федор	1		
Першинич Матвей	1		
		Петрашкович Иван и его брат Максим	3
Петрищов Тишко	1	Вдова Васки Петрищова	1
Петрович Гридко	2		
Полович Еско	1	Полович Грыдко — см. Грицевич Васко	
Проселко Олексей	3		

Пуконович Алексей	1		
Раков Мелешко	1	Раков Андрей Васкович	1
Мещане с Боркович	2		
		Савич Михайло	1
Савсекович Михалко	1		
Селивестрович Антушко	1		
		Семенович Микула	1
Скорник Иван	1		
Скурыловичи, мещане	4		
Сохонад Иван	1		
Становский Иван	2		
Стеличнич Климат	7		
Телитинич Левон	1	Телитиничи Степан Янкович, Гридко Иванович, Максим Артемович, Матвей, Васко Матвеевич, Зенко Матвеевич	2
Тригубович Яким	1		
		Угрин Станислав	1
Федор	1		
		Феофан, протопоп Софийский	1
Ходашкович Ленид	2	Ходашкович Еско и Грицевич Давид	1
Цветин Самсон	1		
Цветинские, мещане	4		
Човский Ян, лях	3		
Шестов Денис	1		
Шестович Денис	1		
Шиповича Андрея жена	2		
		Шиштиничи Иван, Богдан и Федор	1
Шишка Мишко	1	См. Мещане имения Вороновичи	
Шишко Дашко	1		
		Щит Мартин	2
Щучин Гаврило	1		
Юревский Василий	1		

	138	В ревизии приводится цифра 47 мещанских коней ⁷⁴⁶ , но при подсчете получается 50	
Казаки Полоцкого замка⁷⁴⁷			
		Русинович Богдан	1
		Плиница Опанас и Сергей Артемович	1
		Цветуха Отрохим	1
		Кондратович Сопрон	1
		Долгий Иван	1
		Артимович Костя	1
		7, по ревизии панцирные слуги полоцких сел и казаки выставляют 45 коней ⁷⁴⁸	

Приложение 2.

Таблица 2.

Русское войско в походе на Полоцк⁷⁴⁹

подразделение	командование	состав	количество
Государев полк	Царь Иван IV Грозный Царь Семион Касаевич Царь Александр	Царь Александр, бояре, окольные и приказные люди	41
		Стольники, стряпчие, жильцы	244
		Дворяне выборные	374
		Выборные из «городов новых»	166
		Дворовые из городов, князя: 5 служилых, 1 суздальский, 5 ростовских, 13 оболенских, 7 стародубских, 13 мосальских. Дворовые: из Москвы 28, из Переяславля 1, из Костромы 2, из Бежецкого верха 5, из юрьева 1, из Рузы 1, из Ржевы 3, из Можайска 1, из Вязьмы 2, из Зубцова 1, из Твери 1.	90
	Князь Юрий Васильевич	Стольники и стряпчие и жильцы кн. Юрия Васильевича	40
		Князей Ярославских и детей боярских	91
		городовых	486
		Из Коломны дворовые	32
		Из Коломны городовые	207
		Из Каширы дворовых	55
		Из Каширы городовых с новиками	382
		Из Тулы дворовые	20
Из Тулы городовые		248	
«Мещане дворовые»		9	
«Мещане городовые»	289		
«И всех детей боярских московских городов»		2726 (так в ркп., при пересчете получается 2774)	
	Новгородских помещиков Вотской пятины дворовых	193	
	Новгородских помещиков Вотской пятины городовых	655	

подразделение	командование	состав	количество	
Государев полк		Псковских помещиков дворовых	93	
		Псковских помещиков городских и земцы	285	
		Торопецких помещиков дворовых	95	
		Торопецких помещиков городских	115	
		Всего новгородских помещиков	1436	
	Годованье с немецких городов:			
		Из Юрьева Ливонского годовщиков Бежецкой пятины	163	
		Из Ракобора	110	
		Из Ругодива	70	
		Ругодивских помещиков	30	
		Из Алыста	70	
		И всех годовых и с помещиками	443	
	С малых статей			
		Коломнич	23	
		каширяне	100	
		туляне	77	
	Голова Василий Ошанин сын Ильина	Одоевцы и перемышляне	160	
		Всего с малых статей	360	
		Всего в полку, кроме бояр, приказных людей и людей царя Александра	4965 (так в ркл., при пересчете получается 5013)	
	Сборные люди с городов			
Меньшик Ислентьев	вятчане	500		
	Вятских пищальников	25		
Молчан Митков	Из Балахны, из Юрьевца, из Корякова, из Белогородья	160		
Гриша Литвинов	Из Галича	100		
Василий Губин	Из Унжи, из Парфеньева, из Каликина	100		
Гаврила Левашов	костромич	100		

подразделение	командование	состав	количество
Государев полк	Тучко Отяев	Из Кишкилева, из Судая, из Жехова, из Верх Костромья	70
	Васко Шереметев-Хлуденев	Из Соли Галицкой	60
	Иван Мясной	Из Чухломы	50
	И всех тех людей		1165
	ВСЕГО В ГОСУДАРЕВОМ ПОЛКУ		6178
Большой полк	Князь Владимир Андреевич		
	Иван Дмитриевич Бельский	Из Муром дворовые	40
		Из Мурома городовые	350
		Из Владимира дворовые	12
		Из Романова и Пошехонья дворовые	25
		Из Романова и Пошехонья городовые	182
		Из Рязани дворовые	40
		Из Рязани городовые	202
		Рязские помещики	171
	Из Великих Лук новгородских помещиков Деревские пятины	233	
	Всего детей боярских дворовых и городских		1255
	Петр Иванович Шуйский	Из Суздаля дворовые и городовые	636
		Волочане дворовые	40
		Волочане городовые	50
		Ружане дворовые	13
		Ружане городовые	65
		Рязанцы дворовые	20
		Рязанцы городовые	60
		Всего детей боярских дворовых и городских	
	Василий Семенович Серебряный	Из Кашина дворовых	80
Из Кашина городовые		216	
Из Юрьева дворовые		40	
Из Юрьева городовые		102	
Из Медыни дворовые и городовые		218	
Из Рязани дворовые		20	
Из Рязани городовые	60		

подразделение	командование	состав	количество
Большой полк	Всего детей боярских дворовых и городских		740 (так в ркп., при пересчете получается 736)
	Всех детей боярских в большом полку, кроме людей Владимира Андреевича		2929 (так в ркп., при пересчете получается 2845)
	Семен Дмитриевич Палецкий	Люди двора Шигалея, татары	688
	Федор Дубенский, Сеит	Люди из Городца, татары	572
	Лука Раков, Еникей-князь	Люди из Темникова, татары	369
	В большом полку татар		1629
	В большом полку атаманов и казаков		1295
	ВСЕГО		5779
Полк правой руки	Семион Касаевич		
	Иван Федорович Мстиславский	Из Переяславля дворовые	55
		Из Переяславля городских	203
		Из Белой дворовых	45
		Из Белой городских	128
		Рязанцев с вотчин	32
		Новгородских помещиков Деревские пятины	150
		Новгородских помещиков Шелонские пятины с Опочки	90
		Юрьева Ливонского помещиков	44
	Всего		748 (так в ркп., при подсчете получается 747)
	Андрей Иванович Ногтев	Из Ржевы и Зубцова дворовых	88
		Из Ржевы и Зубцова городских	185
		Новгородских помещиков Обонежские пятины	375
	Всего		648
	Петр Семенович Серебряный	Из Ростова дворовые	25
		Из Ростова городских	100
		Ярославца Малого дворовых	25
Ярославца Малого городских		123	
Новоторжцев дворовых		103	

подразделение	командование	состав	количество
Полк правой руки		Новоторжцев городских	58
		Новгородских помещиков Шелонской пятины из Заволочья	70
	Всего		504
	Всего у трех воевод		1922 (так в ркп., при подсчете получается 1899)
	Семионовых детей боярских по смотрению		105
	Князь Василек и Роман Плещеев	Черкасские князи с людьми	150
	Федец Нагой	Служилых татар	600
	Лука Раков	Темниковская мордва	216
	Не указано	Атаманов и казаков	1009
	Всего		3979
Передовой полк	Царевич Тохтамыш, с ним Андрей Дмитриевич Дашков Царевич Бекбулат, с ним Василий Михайлович Старый		
	Василий Михайлович Глинский	Из Вязьмы дворовые	110
		Из Вязьмы городовые	202
		Из Стародуба Северского	28
		Новгородских помещиков с Себежа Шелонской пятины	170
		Новгородских помещиков с Невеля Деревской пятины	80
		помещиков с Великих Лук	150
	Всего		740
	Иван Васильевич Шереметев Большой	Из Дорогобужа дворовые	40
		Из Дорогобужа городовые	58
		Новгородские помещики Шелонской пятины дворовые и городовые	330
		Из Белой городовые	80
		Из Брянска	85
		Из Новгородка Северского	20
	Всего		613
	Алексей Данилович Басманов	Из Дмитрова дворовых	110
		Из Дмитрова городских	60
		Из Почапа	35
		Из Лаюса годовых	25
		Из Новгорода новокрещенов	30
	Из Белева	50	

подразделение	командование	состав	количество
Передовой полк		Ржевских помещиков	80
		Феллинских (Вильянских) помещиков	20
		Бежецкой пятины новых помещиков	23
		Хостров с товарищи	30
		Из Ракобора помещиков	50
	Всего		513
	Всего в передовом полку, кроме ногайских и черкасских князей		1900 (так в ркп., при пересчете получается 1866)
	Ногайские мирзы Тахтар с товарищи	ногаи	16
	Григорий Иванович Нагой	Их казаков с крымскими выходцами	244
	Юрий Петрович Репнин	Казанские люди	226
		Свияжские люди	478
		Чебоксарские люди	236
		Голов и казаков передового полка	1046
Всего		4112	
Полк левой руки	Царевич Кайбула, с ним Юрий Федорович Барятинский		
	Иван Иванович Пронский	Из Костромы дети боярские дворовые и городовые	430
		Смоленских помещиков	160
		Из Смоленска бежечан на годование	160
	Дмитрий Иванович Немой	Из Можайска дети боярские	285
		Из Костромы дети боярские	315
	Иван Васильевич Шереметев Меньшой	Из Нижнего Новгорода дети боярские	350
		Из Можайска дети боярские	200
	Всего детей боярских, кроме людей царевича Кайдулы		1900
Кайдула	Люди царевичевы казаки	80	
	Люди царевичевы русаки	28	
Всего		2008	
Сторожевой полк	Царевич Ибак, с ним князь Александр Иванович Ярославов		
	Петр Михайлович Щенятев	Из Боровска дети боярские дворовые и городовые	480
	Из Твери дворовые и городовые	240	

подразделение	командование	состав	количество
Сторожевой полк	Андрей Михайлович Курбский	Из Углича дворовые	40
		Из Углича городовые	205
		Из Боровска дворовые и городовые	300
		Новгородские недельщики	30
		Из Шатского города с малых статей	50
	Иван Михайлович Воронцов	Из Торопца новгородские дети боярские Деревской пятины на годованье	150
		Из Галича дворовые и городовые	250
		Из Боровска вятчане на годованье	80
		Из Клина дворовые и городовые	30
	Всего в сторожевом полку кроме людей царевича Ибака		1855
	Ибак	Люди царевича Ибака	60
	Некрас Жемчужников	Выезжие люди и новокрещенные и татары	150
		Цненские князи и мирзы и казаки и люди их и мордва	232
	Лука Раков	Мещерские бортники	178
	Семейка Девочкин	Муромская мордва и бортники	551
Голов атаманов и сотников и казаков		569	
		3595	
Наряд	Михаил Петрович Репнин, дьяк Шестак Воронин	С ними дворяне выборные в головы	10
		Калужане дворовые и городовые	200
		Митрополичих людей	100
		Недельщиков и пересудчиков	150
		Из Болхова	170
		Из Феллина (Вильяна) годовых	100
	Михаил Иванович Волынский	Из Калуги дети боярские дворовые и городовые	178
		Из Карачева	49
		Ростовского архиепископа	50
		Суздальского владыки	30
		С малых статей с Рязани	21
		С Михайлова города	85
	Борис Иванович Сукин	Дети боярские «мещняне»	164
		Люди Тверского владыки	30
		Из Пронска	66
		Из Керепети годовые	20
		Из Новагородка годовые	20
		Всех «у наряду» со всеми воеводами	1433 (так в РКП., при пересчете получается 1443)

подразделение	командование	состав	количество
	У наряду быть Ивану Григорьевичу Выродкову с посошными людьми		
		У наряду детей боярских, которые служат атаманскую службу, и атаманов	116
		Голов и сотников казаков	932
	Всего		2491
ертоул	Андрей Петрович Телятевский	Из Козельска дворовых и городских	290
		Из Тарусы дворовых и городских	228
		Из Воротынска дворовых и городских	110
	Иван Андреевич Бутурлин	Из Мещеры детей боярских	280
		Из Серпухова дворовых и городских	104
	Всего в ертоуле		1016 (в тексте, при пересчете получается 1012)
	Бекчюра	ногайские татары	60
	Нечай Ртищев	Астраханские люди	30
	Василий Александров	Нижегородская мордва и бортники	293
		Атаманы и казаки черкасские	482
Всего		1877	
Даточные люди ⁷⁵⁰	Меньшик Ислентьев	Вятские люди	500
		Вятские люди, пищальники	25
	Молчан Семенович Митков	Из Балахны	50
		Из Юрьевца	60
		Из Корякова и Белгорода	50
	Гаврила Левашов	Из Костромы	100
	Иван Судочков	Из Галича	100
	Василий Губин	Из Унжи, Парфеньева, Калинкино	100
	Тучко Отяев	Из Шешкилево, Судаи, Жехово, Костромина Верха	100
	Васка Хлуденев	Из Соли Галицкой	60
	Иван Никитович Мясного	Из Чюхломы и Кологорода	50
	Всего		1195
	ИТОГО		31214

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Kirchner W.* The rise of the Baltic question / Second edition. Westport, 1970. P. 109. О терминах «Ливонская война» и «Балтийские войны» см.: *Филюшкин А.И.* Ливонская война или балтийские войны? К вопросу о периодизации Ливонской войны // Балтийский вопрос в конце XV – XVI вв: Сборник научных статей / Отв. ред. А. И. Филюшкин. М., 2010. С. 80–94; *он же.* Изобретая первую войну России и Европы: Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков. СПб., 2013. С. 251–254.
- ² *Александров Д.Н., Володихин Д.М.* Борьба за Полоцк между Литвой и Русью в XII–XVI веках. М., 1994. С. 88.
- ³ Там же. С. 88.
- ⁴ *Соловьев С.М.* История России. Т. 3. М., 1988. Кн. 3. Т. 6. С. 557; *Королюк В.Д.* Ливонская война. М., 1954. С. 55; *Павулан А.А.* Хозяйственное и политическое значение даугавского торгового пути в XIII–XVII вв. // Экономические связи Прибалтики с Россией. Рига, 1968. С. 75–98; *Зимин А.А.* Опричнина. М., 2001. С. 75; *Скрынников Р.Г.* Царство террора. СПб., 1992. С. 154. *Александров Д.Н., Володихин Д.М.* Борьба за Полоцк... С. 89.
- ⁵ *Хорошкевич А.Л.* Россия в системе международных отношений в середине XVI в. М., 2003. С. 322.
- ⁶ *Pelenski J.* Russia and Kazan: Conquest and Imperial Ideology. Paris, 1974. P. 116–117.
- ⁷ *Bogatyrev S.* Battle for Divine Wisdom. The Rhetoric of Ivan IV's Campaign against Polotsk // The Military and Society in Russia, 1450–1917 / Ed. by E. Lohr and M. Poe. Leiden, Boston, Köln, 2002. P. 342–343.
- ⁸ *Янушкевич А.Н.* Ливонская война 1558–1570 гг. и Великое княжество Литовское. Минск, 2013. С. 61.
- ⁹ *Шеламанова Н.Б.* Образование западной части территории России в XVI в. в связи с ее отношениями с Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой: дисс. / канд. истор. наук. М, 1970.
- ¹⁰ *Halperin Ch.* Kiev and Moscow: An Aspect of Early Muscovite Thought // Russian History. 1980. Vol. 7. № 3. P. 312–321; *Idem.* Ivan IV and Kiev // Harvard Ukrainian Studies. 2006. Vol. 28. № 1–4.
- ¹¹ Исключая эпизод ноября 1512 г., когда, отвлекая литовские войска из-под Смоленска, под Киев ходил вассал Василия III Василий Шемячич с новгород-северскими войсками (Иоасафовская летопись. М, 1957. С. 192–193; Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. Т. 4. Ч.1. С. 538). Вместе с тем, столкновения на «киевской украине» в XVI в. были (напр., «загоны» в 1520 г.: СИРИО. Т. 35. С. 570), но они не носили характер большого наступления. Их скорее можно отнести к перманентной пограничной войне.
- ¹² СИРИО. Т. 35. С. 479–480, 483.
- ¹³ 1507, в апреле. Посольские речи князя Михаила Глинского московскому великому князю Василию Иоанновичу о военных действиях русских воевод в Литве // АЗР. Т. 2. С. 22. № 20.
- ¹⁴ 1510, ноября 14. Лист польского короля Сигизмунда к московскому великому князю Василию Иоанновичу об удовлетворении литовских пограничных жителей за обиды и грабежи // АЗР. Т. 2. С. 79. № 63.
- ¹⁵ СИРИО. Т. 35. С. 492.
- ¹⁶ Там же. С. 497.
- ¹⁷ Устюжская летопись // ПСРЛ, Т. 37. С. 100.
- ¹⁸ *Лобин А.Н.* Битва под Оршей 8 сентября 1514 года. СПб., 2011.
- ¹⁹ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. I. Ч. I. М., 1977. С. 146.
- ²⁰ Там же. С. 158.
- ²¹ СИРИО. Т. 35. С. 502, 503. Об осаде Опочки см.: *Лобин А.Н.* Оборона Опочки 1517 г. «Бесова деревня» против армии Константина Острожского. М., 2017.
- ²² Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. I. Ч. I. С. 161–162; *Кром М.М.* Меж Русью и Литвой. М., 1995. С. 223. Прим. 172.
- ²³ СИРИО. Т. 35. С. 621.
- ²⁴ Там же. С. 622.
- ²⁵ Там же. С. 658.

- ²⁶ Там же. С. 675, 676.
- ²⁷ Там же. С. 677, 679, 680.
- ²⁸ Там же. С. 681–682.
- ²⁹ Там же. С. 684.
- ³⁰ Там же. С. 686.
- ³¹ Там же. С. 693–694, 697.
- ³² 1525 марта 20. Грамота полоцкому воеводе Петру Кишке об освобождении жителей Себежской волости от всех даней и повинностей на четыре года по случаю разорения их московскими и литовскими ратными людьми // АЗР. Т. 2. С. 158–159. № 133; Волност людем Себежское волости на границы Псковской от всяких платов и повинностей до чотырех лет 13 // Lietuvos Metrika (1524–1529). Кн. Nr.14. Vilnius, 2008. С. 294. № 711.
- ³³ СИРИО. Т. 35. С. 771, 773, 778.
- ³⁴ Там же. С. 825.
- ³⁵ Там же. С. 843.
- ³⁶ Там же. С. 863.
- ³⁷ Лагунин И.И. Историко-градостроительный очерк г. Себежа и его окрестностей // Псков: научно-практический историко-краеведческий журнал. 2000. № 12. С. 128–129. – Дискуссия о существовании Себежа с 1406 г. как псковской пограничной крепости и его переходе под власть ВКЛ в 1426 г. остается вне рамок нашей работы.
- ³⁸ Лагунин И.И. Историко-градостроительный очерк г. Себежа... С. 128–129.
- ³⁹ Привилей козаку замку Полоцкого Миките Варызе на две землицы у волости Полоцкой в Зябьках Хоришевщину а Брячочевщину, навечность. 1546.03.18 // Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кн. 30/30 (1480–1546). Мінск, 2008. С. 71. № 5.
- ⁴⁰ СИРИО. Т. 59. С. 207.
- ⁴¹ Там же. С. 216, 218–219.
- ⁴² Там же. С. 221, 223–224, 229–230.
- ⁴³ Там же. С. 238.
- ⁴⁴ Там же. С. 262.
- ⁴⁵ Там же. С. 336.
- ⁴⁶ Там же. С. 439.
- ⁴⁷ ПСРЛ. Т. 13. С. 340.
- ⁴⁸ РГАДА. Ф. 53. Сношения России с Данией. Оп. 1. Д. 1. Л. 74; ПСРЛ. Т. 13. С. 341.
- ⁴⁹ ПСРЛ. Т. 5. Ч. 2. С. 242; РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. Л. 155 об.
- ⁵⁰ Там же. С. 243.
- ⁵¹ Наказ посольству А.М. Ромодановского, сентябрь 1562 г. // РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. Л. 340–340 об.
- ⁵² ПСРЛ. Т. 5. Ч. 2. С. 243.
- ⁵³ ПСРЛ. Т. 13. С. 347.
- ⁵⁴ Сапунов А. Река Западная Двина. Витебск, 1893. С. 263; Алексеев Л.В. Полоцкая земля. Очерки истории Северной Белоруссии в IX–XIII вв. М., 1966. С. 83–89.
- ⁵⁵ Воронін В. Полацк // Вялікае княства Літоўскае. Энциклапедыя. Т. 2. Мінск, 2007. С. 445.
- ⁵⁶ 1509 г. августа 27. Уставная подтвердительная грамота («подтверженье») вел. Кн. Литовского и короля польского Жигимонта I мещанам г. Полоцка на магдебургское право // Полоцкие грамоты XIII — начала XVI вв. Вып. 3. М., 1980. С. 55–67. № 306; 1510 августа 27. Жалованная подтвердительная грамота жителям Полоцка на магдебургское право и другие преимущества // АЗР. Т. 2. С. 75–79. № 61; 1511, июля 23. Уставная подтвердительная грамота вел. кн. лит. и кор. пол. Жигимонта I Полоцкой земле // Полоцкие грамоты XIII — начала XVI вв. Вып. 3. С. 85–91.
- ⁵⁷ Пічэта ЁІ. Полацкая зямля ў пачатку XVI стагоддзя // Чатырохсот лецьце беларускага друку. 1525–1925. Менск, 1926. С. 81
- ⁵⁸ 1527 апреля 10. Уставная грамота полоцкому воеводе Петру Кишке о городской управе // АЗР. Т. 2. С. 178–181. № 147.
- ⁵⁹ Полоцк: исторический очерк / Отв. ред. П.Т. Петриков. Минск, 1987. С. 52.
- ⁶⁰ Варонін В. Палітычны лад Полацкага ваяводства ў першай палове XVI ст. // Беларускі Гістарычны Агляд. 1998. Т. 5. Сш. 1. С. 27–66.
- ⁶¹ Тарасаў С.В. Полацк IX–XVII стст. Гісторыя і тапаграфія. Мінск, 2001. С. 38–39.
- ⁶² Дук Д.У. Полацк і палачане (IX–XVIII стст.). Наваполацк, 2010. С. 47.
- ⁶³ Тарасаў С.В. Полацк IX–XVII стст. С. 72.
- ⁶⁴ Дук Д.У. Полацк і палачане... С. 40, 46.
- ⁶⁵ Dwa dwory w Połocku. 1517.04.20 // Lietuvos Metrika. Кн. Nr. 1 (1380–1584). Vilnius, 1998. S. 107. Nr. 514; Fastukul listow papierowych, w ktorzym sie zamykaia // Ibid. S. 108. Nr. 108.
- ⁶⁶ Тарасаў С.В. Полацк IX–XVII стст. С. 81–86.
- ⁶⁷ Aleksandrowicz S. Nowe źródło ikonograficzne do oblężenia Połocka w 1579 r. // Kwartalnik Historii Kultury Materialnej. Warszawa, 1971. Nr. 1. S. 12, Штыхов Г.В. Древний Полоцк IX–XIII вв. Минск, 1975. С. 33; Дук Д.У. Полацк і палачане... С. 8, 71.

⁶⁸ Тарасаў С.В. Полацк IX–XVII стст. С. 91.

⁶⁹ Копыцкий З.Ю. Полоцк в XIV — середине XVIII в. // Полоцк: исторический очерк. Минск, 1987. С. 43–46.

⁷⁰ Людей Полоцкого повета «мужска полу 3907 человек, а жонок и девок 7253 человек, а обоего полу 11160 человек, а по воеводским полком и в татарские станы вышли из острогу, и тем же не бе числа» (ПСРЛ. Т. 13. М., 2000. С. 356).

⁷¹ Подсчеты С. Александровича и А.Л. Хорошкевич (цит. по: Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений... С. 327).

⁷² Варонін В.А. Сацыяльна-эканамічнае і палітычнае развіццё Полацкага ваяводства у першай палове XVI ст. Автореферат / дисс. канд. ист. наук. Мінск, 2000. С. 9.

⁷³ Панов В.А. Социальный строй Полоцкой земли по данным «Полоцкой ревизии 1552 года» // Журнал Министерства народного просвещения. 1915. № 4, 5; Хорошкевич А.Л. 1) Внешняя торговля Полоцка и её влияние на политическое и социально-экономическое развитие Полоцкой земли // Spoleczenstwo, gospodarka, kultura. Warszawa, 1974. S. 59–68; 2) Генеалогия мещан и мещанское землевладение в Полоцкой земле конца XIV — начала XVI вв. // История и генеалогия. М., 1977. С. 140–160; Капыцкі З.Ю. Полацк у эпоху Ранняга Адраджэння // Спадчына Скарыны: 36. Арт. Мінск, 1989. С. 30–38.

⁷⁴ Варонін В.А. 1) Мяшчанскае землеуладанне у Полацкім ваяводстве у I-й палове XVI ст. // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі: Матэрыялы III Міжнар. нав. Канф. Полацк, 1998. С. 58–63; 2) Сацыяльна-эканамічнае і палітычнае развіццё Полацкага ваяводства у першай палове XVI ст. Автореферат... дисс. канд. ист. наук. Мінск, 2000; 3) Полацкія путныя слугі ва ўрадавай палітыцы ВКЛ (XV— сярэдзіна XVI ст.) // Беларускі Гістарычны Агляд. 2000. Т. 7. Сш. 2. С. 305–325.

⁷⁵ 1503, декабря 30. Судная королевская грамота полоцким мещанам по жалобе на наместника Станислава Глебовича // АЗР. Т. 1. С. 358–359. № 210.

⁷⁶ Варонін В.А. Сацыяльна-эканамічнае і палітычнае развіццё... С. 10–12.

⁷⁷ Полоцк: исторический очерк... С. 49–50.

⁷⁸ Там же. С. 47.

⁷⁹ Сапунов А. Река Западная Двина... С. 293.

⁸⁰ Варонін В. Полацкія путныя слугі ва ўрадавай палітыцы ВКЛ (XV— сярэдзіна XVI ст.) // Беларускі Гістарычны Агляд. 2000. Т. 7. Сш. 2. С. 305–325.

⁸¹ См. например: Лист до пана воеводы полоцкого в жалобе вряду местского полоцкого... 1524.10.13 // Lietuvos Metrika (1524–1529). Кн. Nr. 14. Vilnius, 2008. С. 80. № 15; Мещаном полоцким о отложеное пенезеи за земли, от людеи путных у них заставные. 1524.10.21 // Ibid. С. 210. № 511; Людем Полоцкого повета Непоротовское волости: вызволене от князеи Соколинских и вперед не мает их господарь никому отдавати. 1525.01.09 // Ibid. С. 285. № 689; Лист до пана воеводы полоцкого в розных кривдах лентвоиту и мещаном полоцким. 1527.04.10 // Ibid. С. 97. № 49.

⁸² Волност мещаном полоцким, которие ново до места приходят, от всяких платов и служб до десети год. 1525.03.24 13 // Lietuvos Metrika (1524–1529). Кн. Nr. 14. Vilnius, 2008. С. 295. № 712.

⁸³ Например: Справа воеводе полоцкому Ивану Яну Юрьевичу Глебовича с князем Андреем Озерецким и жоною его о наеханье на дома людей его куровицких и збитье трех человек. 1540.07.13 // Lietuvos Metrika (1540–1543). 12-я книга судных дел. Vilnius, 2007. С. 35–36. № 10.

⁸⁴ 1503 декабря 26. Жалованная подтвердительная грамота полоцкому епископу Луке на архирейскую отчину, отчужденную полоцкими боярами и софийскими крылошанами // АЗР. Т. 1. С. 356–357. № 209.

⁸⁵ 1511 июля 5. Судная королевская грамота о присвоении полоцкому владыке Евфимию архиепископского титула // АЗР. Т. 2. С. 84. № 67.

⁸⁶ 1544 октября 2. Наказная королевская грамота литовским радным панам об исследовании по жалобе полоцкой православной шляхты... // АЗР. Т. 2. С. 403. № 234.

⁸⁷ Рэвізія Полацкага ваяводства 1552 года. Менск, 2011. С. 85, 103, 104, 111, 112, 113, 127, 128, 130, 132, 142, 145, 147, 148 и др.

⁸⁸ Перапіс войска Вялікага княства Літовскага 1528 года. Мінск, 2003. С. 154–155.

⁸⁹ Рэвізія Полацкага ваяводства... С. 149.

⁹⁰ Там же. С. 57.

⁹¹ Там же. С. 59–66.

⁹² 1528 мая 1. Устав королевский и сеймовый о наряде земского войска // АЗР. Т. 2. С. 187–188. № 152.

⁹³ Отказ короля, его милости, на некоторые артикулы обывателем земли Жомойтское... 1542.05.20 // Lietuvos Metrika (1540–1543). 12-я книга судных дел. Vilnius, 2007. С. 209. № 246.

⁹⁴ У Петръкове листы писаны по всему паньству Великому Князству Литовскому, абы пенези серебъ-шизные на потребу земскую... 1558.11.25 // *Lietuvos Metrika* (1553–1567). Кн. № 564. Vilnius, 1996. С. 29. № 1.

⁹⁵ Року 1561 месеца марца писаны листы до всех мест о меребъшизну на рок 1559, 1560, неотданую и розосланы через дворян месеца апреля // *Lietuvos Metrika* (1553–1567). Кн. № 564. С. 42. № 21.

⁹⁶ То теж року 1561 писаны листы до всех мест господарских, покладаючи на них сумы пенезеи, и розосланы тые листы месеца мая 14 дня // *Lietuvos Metrika* (1553–1567). Кн. № 564. С. 37. № 12.

⁹⁷ 1538, в сентябре. Посольские наказные речи литовской королевской раде... // АЗР. Т. 3. С. 347. № 191.

⁹⁸ «gublen z derewa sosnowoho» (Рэвізія Полацкага ваяводства... С. 26).

⁹⁹ Полоцк: исторический очерк. С. 43–44.

¹⁰⁰ Рэвізія Полацкага ваяводства... С. 26–45.

¹⁰¹ *Тарасаў С.В.* Полацк IX–XVII стст. С. 40–60; *Дук Д.У.* Полацк і палачане (IX–XVIII стст.). С. 70–106; *Полоцк / Под ред. О. Левко.* Минск, 2012. С. 119–130, 270–325.

¹⁰² Рэвізія Полацкага ваяводства... С. 33.

¹⁰³ Там же. С. 34.

¹⁰⁴ *Тарасаў С.В.* Полацк IX–XVII стст. С. 54.

¹⁰⁵ *Дук Д.У.* Полацк і палачане (IX–XVIII стст.). С. 103.

¹⁰⁶ *Тарасаў С.В.* Полацк IX–XVII стст. С. 58.

¹⁰⁷ *Еремеев И.И.* Древности Полоцкой земли в историческом изучении Восточно-Балтского региона (очерки средневековой археологии и истории Псковско-Белорусского Подвинья). СПб., 2015. С. 15–17.

¹⁰⁸ Подробнее о Реформации в Ливонии см.: *Schnieman Th.* Die Reformation Alt-Livlands. Reval, 1884; *Брахман В.* Реформация в Ливонии // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1880. Т. 3. С. 15–121; немецкое издание этой работы: *Brachman W.* Die Reformation in Livland: Ein Beitrag zur Geschichte Livlands sowohl, als der Reformation. S. I., 1850; *Arbusow L.* Die Einfhrung der Reformation in Liv-, Est- Und Kurland. Leipzig, 1921; *Kirchner W.* The rise of the Baltic question / Second edition. Westport, 1970. P. 16–21; *Urban W.* The Livonian Crusade. Washington, 1981. P. 429–455; *Schmidt C.* Auf Felsen gest: Die Reformation in Polen und Livland. Gttingen, 2000; *Kuhles J.* Die Reformation in Livland: religiöse, politische und ökonomische Wirkungen. Hamburg, 2007; *Селарт А.* Реформация в Ливонии

и Ливонская война (1558–1582) // Балтийский вопрос в кон. XV–XVI вв. СПб., 2010. С. 432–444; *Selart A.* Die Reformation in Livland und konfessionelle Aspekte des livländischen Krieges // *Leonid Arbusow* (1882–1951) und die Erforschung des mittelalterlichen Livland. Böhlau, 2014. S. 339–358.

¹⁰⁹ *Tazbir J.* 1) Panstwo bez stosow. Szkice z dziejow tolerancji w Polsce w XVI i XVII w. Warszawa 1967; 2) Reformacja, kontrreformacja, tolerancja. Wrocław, 1996.

¹¹⁰ *Pelensky J.* Russia and Kazan'. Conquest and Imperial Ideology, 1438–1560s. The Hague; Paris, 1974. P. 116–117; *Александров Д.Н., Володихин Д.М.* Борьба за Полоцк... С. 90; *Bogatyrev S.* Battle for Divine Wisdom... P. 356–357; *Frötschner R.* Der Livländische Krieg (1558–82/83) — ein Glaubenskrieg des Moskauer Zartums? Der Krieg im Spiegel der zeitgenössischen offiziellen Moskauer Historiographie // Der Krieg im Mittelalter und in der Frühen Neuzeit. Gründe, Begründungen, Bilder, Bräuche, Recht. Wiesbaden, 1999. S. 373–394.

¹¹¹ *Янушкевич А.Н.* Ливонская война... С. 63–64.

¹¹² ПСРЛ. Т. 13. С. 334–339.

¹¹³ Там же. С. 345–346.

¹¹⁴ *Александров Д.Н., Володихин Д.М.* Борьба за Полоцк... С. 90.

¹¹⁵ ПСРЛ. Т. 13. С. 353.

¹¹⁶ *Анхимюк Ю.В.* Полоцкий поход 1563 года в частных разрядных книгах // Русский дипломатарий. Вып. 10. М., 2004. С. 161–162.

¹¹⁷ ПСРЛ. Т. 13. С. 346.

¹¹⁸ Там же. С. 347.

¹¹⁹ *Bogatyrev S.* Battle for Divine Wisdom... P. 353–354.

¹²⁰ *Pelensky J.* Russia and Kazan'... P. 116–117.

¹²¹ *Bogatyrev S.* Battle for Divine Wisdom... P. 350, 352, 361–362.

¹²² ПСРЛ. Т. 26. С. 338.

¹²³ ПСРЛ. Т. 6. С. 225; Т. 12. М., 1965. С. 204; Т. 26. С. 267; *ВМЧ.* Сентябрь 14–24. СПб., 1869. Стб. 673.

¹²⁴ *Плюханова М.Б.* Сюжеты и символы Московского царства. М., 1995. С. 135; ПСРЛ. Т. 21. Ч. 1. С. 253, 317; и др.

¹²⁵ АИ. Т. 1. СПб., 1841. С. 550; ПСРЛ. Т. 13. С. 352.

¹²⁶ ПСРЛ. Т. 13. С. 345–346.

¹²⁷ Из речи А.Я. Щелкалова на русско-литовских переговорах в декабре 1563 г. // Сб. РИО. Т. 71. С. 258. — Перед нами цитата из Второго послания апостола Тимофея (3: 8): «Как Анний и Амврий противились Моисею, так и сии противятся истине, люди,

развращенные умом, невежды в вере». Амврий (3 Цар. 16: 25) — израильский царь, «делавший неугодное перед очами Господа», ввавший в идолопоклонство.

¹²⁸ ПСРЛ. Т. 13. С. 353.

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ Там же. С. 359–360.

¹³¹ Там же. С. 363.

¹³² Месеца апреля писаны листы до старост и державец украинских. 1562. 04.02 // *Lietuvos Metrika* (1553–1567). Кн. Nr. 564. С. 92–93. № 83.

¹³³ В месяцы апрели писаны листы до старост украинъных... 1562.04.06 // *Lietuvos Metrika* (1553–1567). Кн. Nr. 564. С. 94. № 85.

¹³⁴ Року 1562 писаны листы поборовые, и розосланы месеца мая 3 дня через дворян // *Lietuvos Metrika* (1553–1567). Кн. Nr. 564. С. 102–104. № 96; Року 1562, месеца авьгуста 20 ден, писаны листы о мынъцу и розосланы через дворян // *Lietuvos Metrika* (1553–1567). Кн. Nr. 564. С. 116–117. № 116.

¹³⁵ 1562 г. чэрвеня 6. Лист Жыгімонта Аўгуста да полацкаго в-ды... аб посланні ў лагер пол. войск, які знаходзіцца ў Полацкай з-лі... // Метрыка Вялікаго княства Літоўскага. Кн. 44. Мінск, 2001. С. 43–44. № 35.

¹³⁶ Послано Квинъту месеца сентября 22 дня. 1562 // *Lietuvos Metrika* (1553–1567). Кн. Nr. 564. С. 120. № 121.

¹³⁷ Тые на сторожу до замьков посланы. 1562.12 // *Lietuvos Metrika* (1553–1567). Кн. Nr. 564. С. 135. № 141.

¹³⁸ А то листы до мест посланы о воланье. 1563.01 // *Lietuvos Metrika* (1553–1567). Кн. Nr. 564. С. 137. № 146.

¹³⁹ Янушкевич А.Н. Ливонская война... С. 61.

¹⁴⁰ Davies B. The Polotsk Campains of Ivan IV and Stefan Bathory: the Development of Military Art during the Livonian War // Балтийский вопрос в конце XV–XVI вв. М., 2010. Р. 111.

¹⁴¹ Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений... С. 324.

¹⁴² Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 155; Davies B. The Polotsk Campains... Р. 111; Янушкевич А.Н. Ливонская война 1558–1570 гг. С. 66.

¹⁴³ Книга Полоцкого похода 1563 г. (исследование и текст). СПб., 2004. С. 8–9.

¹⁴⁴ Разрядная книга полоцкого похода царя Иоанна Васильевича 1563 г. // Витебская старина. Витебск, 1885. Т. 4. Ч. 1. С. 27–70.

¹⁴⁵ Книга Полоцкого похода 1563 г. (Исследование и текст). СПб., 2004.

¹⁴⁶ Баранов К.В. Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года // Русский дипломатарий. Вып. 10. М., 2004. С. 119–154.

¹⁴⁷ Например: Книга Полоцкого похода 1563 г. С. 11.

¹⁴⁸ Воробьев М.В. Предыстория полоцкого похода // От Древней Руси до современной России: сб. научных статей в честь 60-летия Александра Якимовича Дегтярёва. СПб., 2006. С. 154–193.

¹⁴⁹ Книга Полоцкого похода 1563 г. С. 10.

¹⁵⁰ Воробьев В.М. Рукопись разрядной книги Полоцкого похода 1563 г. и ее публикации // Исследования по Русской истории и культуре. М., 2006. С. 375–386; Петров К.В. *Audiatur et altera pars*: в связи с рецензией В.М. Воробьева на издания рукописей с текстом Полоцкого похода 1563 г. // Очерки феодальной России. М.; СПб., 2007. Вып. 11. С. 525–537.

¹⁵¹ Книга Полоцкого похода... С. 35, 37, 55; ПСРЛ. Т. 13. С. 348, 354.

¹⁵² Davies B. The Polotsk Campains... Р. 109

¹⁵³ Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 155; Александров Д.Н., Володихин Д.М. Борьба за Полоцк... С. 92; Лобин А.Н. К вопросу о численности вооруженных сил Российского государства в XVI в. // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2009. № 1–2. С. 74.

¹⁵⁴ Именно это делает Р.Г. Скрынников, определяя состав в 31 546 человек, «ва вместе с вооруженными холопами — до 50–60 тыс. человек» (Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 155).

¹⁵⁵ Лобин А.Н. К вопросу о численности... С. 54.

¹⁵⁶ Смирнов Н.В. 1) Боевые холопы в составе поместной конницы в первой половине XVI — первой половине XVII вв. // Исследования по истории средневековой Руси: К 80-летию Юрия Георгиевича Алексеева. М.; СПб., 2006. С. 381–382; 2) Боевые слуги в составе русской поместной конницы в период Ливонской войны // Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного: Материалы научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны. СПб., 2015. С. 323; Курбатов О.А. «Конность, людность и оружность» русской конницы в эпоху Ливонской войны 1558–1583 гг. // Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного: Материалы научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны. СПб., 2015. С. 257–259.

¹⁵⁷ Курбатов О.А. Отклик на статью А.Н. Лобина «К вопросу о численности вооруженных сил Российского государства в XVI в.» // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2009. № 1–2. С. 109.

- ¹⁵⁸ *Каиштанов С.М.* К вопросу о численности русско-го войска и народонаселения в XVI в. // Реализм исторического мышления. Проблемы отечественной истории периода феодализма. М., 1991. С. 113.
- ¹⁵⁹ ПСРЛ. Т. 13. С. 302.
- ¹⁶⁰ *Хорошкевич А.Л.* Россия в системе международных отношений... С. 328. Примеч. 25; С. 334, 335.
- ¹⁶¹ *Kappeler A.* Ivan Grozny im Spiegel der ausländischen Druckschriften seiner Zeit. Ein Beitrag zur Geschichte des westlichen Russlandbildes. Frankfurt/M., 1972. S. 116, 165; *Ott T.* «Livonia est propugnaculum Imperii»: Eine Studie zur Schilderung und Wahrnehmung des Livländischen Krieges (1558–1582/83) nach den deutschen und lateinischen Flugschriften der Zeit (Osteuropa-Institut München: Mitteilungen 16/ 1996). München, 1996. S. 25.
- ¹⁶² *Kappeler A.* Ivan Grozny... S. 206.
- ¹⁶³ ПСРЛ. Т. 13. С. 358.
- ¹⁶⁴ *Лобин А.Н.* К вопросу о численности... С. 55.
- ¹⁶⁵ *Александров Д.Н., Володихин Д.М.* Борьба за Полоцк... С. 92.
- ¹⁶⁶ ПСРЛ. М., 2000. Т. V. Вып. 2. С. 243–244.
- ¹⁶⁷ *Пенской В.В.* Военный потенциал Российского государства в конце XV–XVI вв.: Количественное измерение // Отечественная история. 2008. № 1. С. 8; *Лобин А.Н.* К вопросу о численности... С. 57.
- ¹⁶⁸ *Strykowski M.* Kronika Polska, Litewska. Zmodska i wszyskiej Rusi. Warszawa, 1846. Т. 2. S. 413.
- ¹⁶⁹ *Александров Д.Н., Володихин Д.М.* Борьба за Полоцк... С. 92.
- ¹⁷⁰ ПСРЛ. Т. 32. М., 1968. С. 109.
- ¹⁷¹ Kurtze Abschrift und Verzeichnus des grossen und gewaltigen Feldtzugs so der Moschcobiter für Polotzko in Littawen den 31. Januarij dieses LXIII. Jars gebracht hat. Nürnberg, 1563; Warhafftige beschreibung wie die grosse Kauffstadt Polotzko So in Littawen gelegen von dem Moschcowitter den 15. Februarij dieses LXIII. Jars erobert und eingenommen worden ist. Nürnberg 1563; Ein nye ledt van dem tyrannischen vyende, dem Moskowiter, wo he dem könige uth Palen ynth landt gefallen ys und eine Stadt, Polotzko genandt, yngenamen hefft, gestörmet, gemordet unde vörbrendt allent, wat em vörgekamen ys. Lübeck, 1563. Этой цифры придерживаются современные белорусские историки: *Янушкевич А.Н.* Ливонская война 1558–1570 гг. С. 66.
- ¹⁷² *Лобин А.Н.* Русская артиллерия в Полоцком походе 1563 года // Балтийский вопрос в конце XV — XVI вв. М., 2010. С. 124, 140.
- ¹⁷³ Разрядная книга 1475-1605 гг. Т. I. Ч. III. М., 1978. С. 418; ПСРЛ. Т. 13. С. 184.
- ¹⁷⁴ *Курбский А.* История о делах великого князя московского / Изд. Подготовил К.Ю. Ерусалимский. М., 2015. С. 32, 403.
- ¹⁷⁵ *Курбский А.* История о делах великого князя московского... С. 32, 34.
- ¹⁷⁶ Наиболее обстоятельное описание похода см.: *Александров Д.Н., Володихин Д.М.* Борьба за Полоцк... С. 91–94.
- ¹⁷⁷ ПСРЛ. Т. 13. С. 343.
- ¹⁷⁸ Книга Полоцкого похода... С. 35.
- ¹⁷⁹ ПСРЛ. Т. 13. С. 345.
- ¹⁸⁰ Книга Полоцкого похода... С. 33–34.
- ¹⁸¹ Там же. С. 37.
- ¹⁸² *Александров Д.Н., Володихин Д.М.* Борьба за Полоцк... С. 91.
- ¹⁸³ ПСРЛ. Т. 13. С. 348.
- ¹⁸⁴ Сб. РИО. Т. 71. С. 189.
- ¹⁸⁵ Книга Полоцкого похода... С. 55.
- ¹⁸⁶ ПСРЛ. Т. 13. С. 349–350.
- ¹⁸⁷ *Курбский А.* История о делах великого князя московского... С. 144.
- ¹⁸⁸ Там же. С. 660, 709.
- ¹⁸⁹ *Хорошкевич А.Л.* Россия в системе международных отношений... С. 326.
- ¹⁹⁰ Року 1563, месеца генваря 6 ден. Писаны листы военньные от их милости панов рад ко всему паньству Великому князству Литовьскому... // Lietuvos Metrika (1553–1567). Кн. Nr. 564. С. 134–135. № 143.
- ¹⁹¹ Року 1563 в месеце генвари писаны листы военные от их милости панов рад по всим хоружим у Великом князстве Литовьском... 1562.01.23 // Ibid. С. 138. № 148.
- ¹⁹² *Хорошкевич А.Л.* Россия в системе международных отношений... С. 328.
- ¹⁹³ Там же.
- ¹⁹⁴ *Янушкевич А.Н.* Ливонская война 1558–1570 гг... С. 67.
- ¹⁹⁵ В месеце феврвали писаны листы от их милости панов рад до поветов, жебы на воину выеждчали... 1563.02.07 // Lietuvos Metrika (1553–1567). Кн. Nr. 564. С. 139. № 149.
- ¹⁹⁶ Zygmund August czyni witówki X. Romanowi Sanguszkowiczowi i bratu ego... 26.02.1563 // Archivum ksiąząt Sanguszków w Sławucie. Т. VI: 1549–1577. Lwów, 1910. S. 225–226. Nr. CXXVI.
- ¹⁹⁷ ПСРЛ. Т. 13. С. 350.

- ¹⁹⁸ Там же. С. 354.
- ¹⁹⁹ Расположение этого монастыря является дискуссионным. Большинство ученых располагали его на месте будущего костела Св. Ксаверия и совр. Ксаверьевского кладбища, то есть на правом берегу р. Полоты (Алексеев Л.В. Полоцкая земля в IX–XIII вв. М., 1966, с. 212). Это оспаривает Д.М. Володихин, отождествляющий Георгиевский монастырь с «манастырем Светого Юрья в поли за местом» и локализирующий его «...на левом берегу Полоты, южнее Спасо-Ефросиньева монастыря и, возможно, южнее Волова озера» (Александров Д.Н., Володихин Д.М. Борьба за Полоцк... С. 96–97). Локализация Д.М. Володихина опирается в основном на логические построения, где какой полк должен был стоять, и не может быть признана достаточно аргументированной.
- ²⁰⁰ Д.М. Володихин почему-то размещает сторожевой полк «против восточной стены Великого посада» (Александров Д.Н., Володихин Д.М. Борьба за Полоцк... С. 97). Но восточная стена посада была с напольной стороны. Стоявший там полк никак не мог бы находиться «напротив Богдавленского взвоза».
- ²⁰¹ ПСРЛ. Т. 13. С. 353–354.
- ²⁰² Александров Д.Н., Володихин Д.М. Борьба за Полоцк... С. 95.
- ²⁰³ Книга Полоцкого похода... С. 62.
- ²⁰⁴ ПСРЛ. Т. 13. С. 353.
- ²⁰⁵ Анхимюк Ю.В. Полоцкий поход 1563 года в частных разрядных книгах // Русский дипломатарий. Вып. 10. М., 2004. С. 163.
- ²⁰⁶ ПСРЛ. Т. 13. С. 353.
- ²⁰⁷ Там же. С. 354.
- ²⁰⁸ Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 155.
- ²⁰⁹ Янушкевич А.Н. Ливонская война 1558–1570 гг... С. 67.
- ²¹⁰ ПСРЛ. Т. 13. С. 354.
- ²¹¹ Там же. С. 355.
- ²¹² Там же. С. 356.
- ²¹³ Книга Полоцкого похода... С. 63. Поджоги пригородов осуществлялись самими полочанами и до прихода русских войск. Летописец указывает, что в Борисоглебском монастыре, где был царский стан, «кельи же того монастыря полоцкие люди до государственного приходу пожгли, а осталася едина монастырская братьская пеколна» (ПСРЛ. Т. 13. С. 353).
- ²¹⁴ Янушкевич А.Н. Ливонская война 1558–1570 гг... С. 69.
- ²¹⁵ Там же. С. 69–70.
- ²¹⁶ Книга Полоцкого похода... С. 64.
- ²¹⁷ ПСРЛ. Т. 13. С. 356.
- ²¹⁸ Там же. С. 356–357.
- ²¹⁹ Книга Полоцкого похода... С. 65–66.
- ²²⁰ ПСРЛ. Т. 13. С. 357.
- ²²¹ Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 156; Александров Д.Н., Володихин Д.М. Борьба за Полоцк... С. 103.
- ²²² Александров Д.Н., Володихин Д.М. Борьба за Полоцк... С. 90.
- ²²³ Davies B. The Polotsk Campaigns... P. 107.
- ²²⁴ Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений... С. 337–340.
- ²²⁵ Янушкевич А.Н. Ливонская война 1558–1570 гг. ... С. 77.
- ²²⁶ СИРИО. Т. 71. С. 186.
- ²²⁷ ПСРЛ. Т. 13. С. 358.
- ²²⁸ Янушкевич А.Н. Ливонская война... С. 72.
- ²²⁹ Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений... С. 332.
- ²³⁰ Цит. по: Александров Д.Н., Володихин Д.М. Борьба за Полоцк... С. 105–106.
- ²³¹ Kappeler A. Ivan Groznyj im Spiegel... S. 116.
- ²³² Янушкевич А.Н. Ливонская война... С. 74.
- ²³³ [Без-Корнилович М.О.] Исторические сведения о примечательнейших местах в Белоруссии, с присовокуплением и других сведений, к ней же относящихся. СПб., 1855. С. 81.
- ²³⁴ Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. Л., 1925. С. 117.
- ²³⁵ ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. С. 244.
- ²³⁶ ПСРЛ. М., 1968. Т. 31. С. 137–138.
- ²³⁷ Берлин И. Сказание об Иоанне Грозном и о разгроме еврейской общины в Полоцке // Еврейская старина: Трехмесячник Еврейского историко-этнографического общества. Пг., 1915. Т. VIII. С. 173–175.
- ²³⁸ Книга Полоцкого похода... С. 68.
- ²³⁹ ПСРЛ. Т. 13. С. 359.
- ²⁴⁰ Там же. С. 363.
- ²⁴¹ Книга Полоцкого похода... С. 70.
- ²⁴² Там же. С. 70–71.
- ²⁴³ Там же. С. 71.
- ²⁴⁴ Там же. С. 73.
- ²⁴⁵ Там же. С. 75.
- ²⁴⁶ Янушкевич А.Н. Ливонская война... С. 73.

²⁴⁷ Месту Дисненскому привелеи на право маидеборское и на печать, и на волности местьские. 1569.01.20 // *Lietuvos Metrika*. Кн. 51 (1566–1574). Vilnius, 2000. С. 226–230. № 164. – Примеры миграции под Дисну: Данина Кресновскому на село монастырское в Полотщизне пустое, до ласки господарское. 1571.11.01 // *Ibid.* С. 286–287. № 204; Мартирови Трофимовичу от Дисны заведены земли Ходоровы на кон, доживотье. 1571.11.01 // *Ibid.* С. 287–288. № 205.

²⁴⁸ Тастамент пана Аляксандра Сямёнавіча Гарабурды, 1570 г., верасня 5 // Тастаменты шляхты і мяшчан Беларусі другой паловы XVI ст. Мінск, 2012. С. 379–381. № 78.

²⁴⁹ Например: 1563 г. жниўня. Рэестр даравальных на землі і людзей Жыгімонта Аўгуста князям і боярам полацкай землі на ўсходзе і паўднёвным усходзе Беларусі // Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кн. 44. Мінск, 2001. С. 95–98. № 82; Федору Сасину потвержене на земли у воеводстве Виленском нижеи описанные. 1567.09.05 // *Lietuvos Metrika*. Кн. 51 (1566–1574). Vilnius, 2000. С. 83. № 74; Князю Андрею Лукомскому на село Незбодичи. 1567.12.08 // Там же. С. 96–97. № 86; Михаилу Фронцковичу на село Ждановичи. 1568.07.06 // *Ibid.* С. 162. № 118.

²⁵⁰ Подтверженьє князю Богдану Озерецкому на имене Дусяты. 1568.07.25 // *Lietuvos Metrika*. Кн. 51 (1566–1574). С. 185. № 133.

²⁵¹ Станиславу Скоковскому на фолварок Несеовщину. 1567.12.28 // *Ibid.* С. 119. № 93.

²⁵² Например: Вписанье листу воеводы витебского пана Станислава Паца тому жь Валентому Каменскому на отмену землями и людьми у воеводстве Витебском лежащими данную належачого. 1570.09.20 // *Ibid.* С. 273–275. № 191.

²⁵³ Ср.: Ротмистрови стрелецкому Рошине данина на Теребовщине в Полотщине. 1570.06.20 // *Ibid.* С. 256–257. № 177.

²⁵⁴ Ср.: Данина Гаврилу Олексеевичу на жеребей Голеницкий в Каменцы... 1541 г. // *Lietuvos Metrika* (1540–1543). 12-я книга судных дел. Vilnius, 2007. С. 151–152. № 165.

²⁵⁵ Указ Сигизмунда II Августа упоминается: Приговор суда Стэфана Батория и панов рады ў справе поміж зямямі Вітэбскага повету Габрыелем Бухуровічам і Балцарам Старасельскім... 1579.IV.12 // Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кн. 272 (1576–1579). Мінск, 2015. С. 203. № 80. Пример возврата

земель потомкам землевладельца-полочанина, погибшего в московском плену: Привілей... Стэфана Батория Лукашу Жарчынскому і яго жонцы... 1583.10.30 // Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кн. 70 (1582–1585). Мінск, 2008. С. 80. № 17.

²⁵⁶ Янушкевич А.Н. Ливонская война... С. 75.

²⁵⁷ Ср. характеристику насущных дел властей ВКЛ в 1563–1564 гг. в сочинении краковского епископа Ежи Радзивилла (1556–1600): *Pamiętnik kardynala Jerzego księcia Radziwiłła z lat 1556–1575* / Wyd. T. Wierzbowski. Warszawa, 1899. S. 17–22. Анализ места «ливонского вопроса» в политике Короны в эти годы: Янушкевич А.Н. Проблема принадлежности Ливонии во взаимоотношениях Польского Королевства и Великого княжества Литовского в период Ливонской войны // Балтийский вопрос в конце XV — XVI вв. М., 2010. С. 100–102.

²⁵⁸ *Unwersał Zygmunta Augusta...* 08.04.1563 // *Archivum książąt Sanguszków w Sławucie*. T. VII: 1554–1572. Lwów, 1910. S. 74. Nr. LXXVII.

²⁵⁹ *Zygmunt August poleca Romanowi I Jarosławowi X. Sanguszkom...* 21.07.1563 // *Ibid.* S. 79. Nr. LXXXIV.

²⁶⁰ *X. Roman Sanguszko... do zastępowania do w sądach grodzkich i ziemskich...* 01.04.1567 // *Ibid.* S. 116. Nr. CXIII.

²⁶¹ *Zygmund August czyni witówki X. Romanowi Sanguszkowiczowi i bratu ego...* 26.02.1563 // *Ibid.* T. VI: 1549–1577. Lwów, 1910. S. 226. Nr. CXXXVI.

²⁶² Янушкевич А.Н. Ливонская война... С. 72, 76.

²⁶³ *Warhafftige beschreibung wie die grosse Kauffstadt Polotzko So in Littawen gelegen von dem Moschcowitter den 15. Februarij dieses LXIII. Jars erobert und eingenommen worden ist. Nürnberg 1563.* — А.Л. Хорошкевич указывает, что в основе листка лежит некое анонимное письмо из Вильно (*Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений... С. 332*); *Mackensen L. Baltische Texte der Frühzeit*. Riga, 1936 (*Abhandlungen der Herder-Gesellschaft und des Herder-Instituts zu Riga*. Bd. 5). S. 80–83.

²⁶⁴ *Kurtze Abschrift und Verzeichnus des grossen und gewaltigen Feldzugs so der Moschcobiter für Polotzko in Littawen den 31. Januarij dieses LXIII. Jars gebracht hat. Nürnberg, 1563; русский перевод: Витебская старина. 1885. Т. 4. С. 119–123.*

²⁶⁵ *Максімовіч Р. «Навіны грозныя» 1563 году: Да гісторыі зачаткаў беларускіх газэтных выданняў // Запісы Беларускага Інстытуту Навукі і Мастацтва.*

Кн. 4. Мюнхен, 1966; *Auerbach I.* Russland in deutschen Zeitungen (16. Jahrhundert) // *Russen und Russland aus deutscher Sicht* 9.–17. Jh. München, 1988. S. 183–195; *Белы А.* Полоцк у нямецкіх «лятурых лістках» XVI ст. // *Спадчына*. 1997. № 6. С. 213–219; *Сагановіч Г.* Захоп Полоцка Іванам IV у нямецкіх «лятурых лістках» 1563 г. // *Матэрыялы III міжнароднай канферэнцыі «Гісторыя і археалогія Полоцка і Полоцкай зямлі»*. (Полоцк, 21–23 кастрычніка 1997 г.). Полоцк, 1998. С. 263–270; *Zawadzki K.* 1) *Gazety ulotne polskie i Polski dotyczące XVI–XVII wieku*. Bibliografia. Т. 1: 1514–1661. Wrocław, 1977; 2) *Polonica in den neuen Zeitungen des 16.–18. Jahrhunderts in den Herzog August Bibliothek* // *Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagiellockiego*. 1994. Т. МСХХХVIII: *Prace Historyczne*. Z. 3. S. 47–77.

²⁶⁶ Absagbrieff des grausamen und erschrockenlichen Feindts des Moscoviters Künig Sigismundo auss Polen zugeschicket: Mitt sampt der Anthwort so von Kün. May. hierüber beschechen. Es wirt auch hierinnen ein sendtbrieff begriffen so von gemelter Kün. Mayestat Secretario auss Polen einem guten freündt zu Presslawu zugeschriben: begreifende die grausamme Tiranney und jämertlich blutvergiessen so der Moscoviter in Littawu an vilen Christen begangen hatt und noch täglich in der Wilde genant übet. S. I., 1563.

²⁶⁷ Nowiny Hrozne strassliwе y zalostiwе kterak Neptalijm Welike knijze Mozkewske geho milosti Krali Polskemu etc. s znamenitým poctem lidu walecneho do zeme Litewske wpadł Pälenjм Mordowanijm Lidij wobogijho pohlawij ne Krestianskym a nestydatym zegijmānjm Mest a zāmkūw dobywānjm welikau a znamenitau sskodu ucinil. Praha, 1563.

²⁶⁸ Memorabilis et Perinde stupenda de crudely Moscovitarvm expeditione narratio, è Germanico in Latinum conuersa. Duaci, 1563. Немецкий первоисточник листка: Warhafftige und erschreckliche Zeitung von dem grausamen Feind dem Moscoviter, Augsburg, 1563.

²⁶⁹ *Grawingellius J.* Gar Erschröckenliche Neue Zeytung von dem Moschcowitter welcher vor wenig tagen in der Kron zu Polen Polotzko einfürneme Stadt und Vestung des Littawer Landes mit grausamer Tyranney erobert und uberweltiget hat. In Klagreyme gefasset durch Johannem Reinhardum Grawingellium. Nuremberg, 1563. Переиздание: Warhafftige neue Zeytung von dem yetzigen Sieg der unsern, so da geschehen ist den 26. Januarii, von dem Littawischen Kriegßvolck wider die Muscovitter dieses 1564. Jars. Item ein schön new

geistlich Lied wider den Muscovitter... durch Johannem Reinhardum Grawingellium. Torca, 1564. Белорусский перевод: *Сагановіч Г.* «Жаласны плач горада Полоцка» // *Беларускі гістарычны агляд*. 2001. Т. 8. Сш. 1–2 (14–15). С. 136–144.

²⁷⁰ *Хорошкевич А.Л.* Россия в системе международных отношений... С. 330.

²⁷¹ Сб. РИО. Т. 71. С. 121–124, 127, 130–131.

²⁷² *Хорошкевич А.Л.* Россия в системе международных отношений... С. 337.

²⁷³ *Янушкевич А.Н.* Ливонская война... С. 76.

²⁷⁴ Сб. РИО. Т. 71. С. 130.

²⁷⁵ Грамота Сигизмунда Ивану IV от 12 мая 1563 г. // *КПМ-I*. № 153. С. 227–228.

²⁷⁶ Материалы переговоров в Александровой слободе с литовскими послами, июнь 1563 г. // Сб. РИО. Т. 71. С. 136–140.

²⁷⁷ Грамота Ивана IV Сигизмунду от 17 мая 1563 г. // Сб. РИО. Т. 71. С. 143–145; *КПМ-I*. № 156. С. 228–230; Грамота Ивана IV Сигизмунду от 16 июня 1563 г. // *КПМ-I*. № 159. С. 237–241. А.Ф. Клобуков выехал с этим посланием только 20 июля, так как пришлось ждать результатов переговоров с литовским гонцами. Правда, позицию России последние не изменили — Сб. РИО. Т. 71. С. 152.

²⁷⁸ Грамота Сигизмунда Ивану IV с московским гонцом А.Ф. Клобуковым, 1563 г. // *КПМ-I*. № 161. С. 242–243; Сб. РИО. Т. 71. С. 163–165.

²⁷⁹ Уже в июне 1563 г. грамота Сигизмунда о привилегиях: *Przywilej Zygmunta Augusta króla Poloskiego porównujacy szlachte i rycerstwo liewskie wo wszystkich wolnosciach i prawach s panama koronnymi*. 6.VI.1563 // *AGAD. Archiwum Radziwiłłow. Dział II. TeKa 1, N. 39*.

²⁸⁰ Инструкции послу в Крым Ю. Быковскому, 1563 г. // *КПМ-I*. № 163. С. 244–246.

²⁸¹ РГАДА. Ф. 123. Сношения России с Крымом. Оп. 1. Д. 10. Л. 111–112.

²⁸² Подробнее см.: *Филлюшкин А.И.* Проекты русско-крымского военного союза в годы Ливонской войны // *Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века Т. II*. СПб., 2008. С. 309–337.

²⁸³ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 10. Л. 127 об.

²⁸⁴ Сб. РИО. Т. 71. С. 146, 152; *КПМ-I*. № 156. С. 234.

²⁸⁵ Послание Сигизмунда Ивану IV от 25 августа 1563 г. // Сб. РИО. Т. 71. С. 160–161. — В литовской по-сольской книге это же послание помечено 22 августа 1563 г. (*КПМ-I*. № 157. С. 234–236).

- ²⁸⁶ Сб. РИО. Т. 71. С. 160–161; КПМ-I. № 157. С. 235–236.
- ²⁸⁷ Сб. РИО. Т. 71. С. 181.
- ²⁸⁸ Там же. С. 277.
- ²⁸⁹ Янушкевич А.Н. Ливонская война... С. 80–95.
- ²⁹⁰ ПСРЛ. Т. 13. С. 377; Копия с письма, присланного литовским гетманом в Варшаву на имя пана Радзивилла // ЧОИДР. 1847. Кн. 3. Отд. 3. С. 1.
- ²⁹¹ Ср.: Филюшкин А.И. Январский поход 1558 г. русской армии в Ливонию: взгляд из разных лагерей // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2009. № 3. С. 120–121.
- ²⁹² Цит. по: Янушкевич А.Н. Ливонская война... С. 82–83.
- ²⁹³ ПСРЛ. Т. 13. С. 377; Т. 29. С. 329.
- ²⁹⁴ Янушкевич А.Н. Ливонская война... С. 87.
- ²⁹⁵ Цит. по: Янушкевич А.Н. Ливонская война... С. 88–89, 90.
- ²⁹⁶ Цит. по: Там же. С. 90.
- ²⁹⁷ Uniwersał Zygmunta Augusta... 07.07.1564 // Archivum książąt Sanguszków w Sławucie. Т. VII: 1554–1572. Lwów, 1910. S. 80–81. Nr. LXXXV.
- ²⁹⁸ Янушкевич А.Н. Ливонская война... С. 94.
- ²⁹⁹ Там же/ С. 92–93.
- ³⁰⁰ ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. С. 245.
- ³⁰¹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 10. Л. 468 об. – Аналогичный перечень городов помещен в Наказе А.Н. Мясному, август 1564 г. (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 11. Л. 113).
- ³⁰² Сб. РИО. Т. 71. С. 270.
- ³⁰³ Там же. С. 260.
- ³⁰⁴ Там же. С. 265.
- ³⁰⁵ Там же. С. 263, 267.
- ³⁰⁶ Там же. С. 272.
- ³⁰⁷ Там же. С. 278.
- ³⁰⁸ Там же. С. 279.
- ³⁰⁹ Там же. С. 283.
- ³¹⁰ Там же. С. 299.
- ³¹¹ Грамота Ивана IV об объявлении войны Сигизмунду Августу и ответ последнего // ОР РГБ. Ф. 256. Оп. 1. № 546. Л. 1–2.
- ³¹² ПСРЛ. Т. 13. С. 385.
- ³¹³ Янушкевич А.Н. Ливонская война... С. 95–97.
- ³¹⁴ ПСРЛ. Т. 13. С. 390, Янушкевич А.Н. Ливонская война... С. 97.
- ³¹⁵ ПСРЛ. Т. 13. С. 390.
- ³¹⁶ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 11. Л. 29–130 об., 135 об.
- ³¹⁷ ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. С. 246.
- ³¹⁸ Там же. С. 246.
- ³¹⁹ ПСРЛ. Т. 29. С. 341.
- ³²⁰ ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. С. 247.
- ³²¹ Там же. С. 247.
- ³²² Цит. по: Янушкевич А.Н. Ливонская война... С. 99.
- ³²³ Подробне см.: Там же. С. 100–101.
- ³²⁴ Сб. РИО. Т. 71. С. 320, 327.
- ³²⁵ Там же. С. 357, 366.
- ³²⁶ Там же. С. 373.
- ³²⁷ Там же. С. 369.
- ³²⁸ Там же. С. 380.
- ³²⁹ Там же. С. 381.
- ³³⁰ Там же. С. 385–386.
- ³³¹ Там же. С. 397–398.
- ³³² Там же. С. 522–554.
- ³³³ List Ostafia Wołowicza do X. Romana Sanguszka... 27.08.1567 // Archivum książąt Sanguszków w Sławucie. Т. VII: 1554–1572. Lwów, 1910. S. 186. Nr. CLII.
- ³³⁴ Stanisław Pac, wojewoda Witebski, uprasza X. Romana Sanguszka... 25.06.1568 // Ibid. S. 274. Nr. CCXXII.
- ³³⁵ Ср.: Устинович Ю.Ф. Система укреплений Великого княжества Литовского и Московского государства на территории Полоцкого воеводства и Витебского повета во время Ливонской войны // Балтийский вопрос в конце XV — XVI вв. М., 2010. С. 142.
- ³³⁶ ПСРЛ. Т. 13. С. 398.
- ³³⁷ Сб. РИО. Т. 71. С. 445.
- ³³⁸ 1503, декабря 30. Судная королевская грамота полоцким мещанам по жалобе на наместника Станислава Глебовича // АЗР. Т. 1. С. 358–359. № 210.
- ³³⁹ Еремеев И.И. Древности Полоцкой земли в историческом изучении Восточно-Балтского региона (черки средневековой археологии и истории Псковоско-Белорусского Подвинья). СПб., 2015. С. 190.
- ³⁴⁰ Сапунов А. Река Западная Двина. Витебск, 1893. С. 263.
- ³⁴¹ 1508 октября 8. Договорная грамота московского великого князя Василия Иоанновича с польским королем Сигизмундом // АЗР. Т. 2. С. 53. № 43.
- ³⁴² Всим людем волости Озеричцкое волност от всяких платов и повинностей до двух год 13 // Lietuvos Metrika (1524–1529). Кн. Nr.14. Vilnius, 2008. С. 278. № 668.
- ³⁴³ Роты служебных польских розьложоны бытии мають. 1561 г. // Lietuvos Metrika (1553–1567). Кн. Nr. 564. С. 77. № 66.

- ³⁴⁴ Потвержене мешаном полоцким Ивану а Гридку Буцковичам... 1502.08.09 // *Lietuvos Metrika* (1494–1506). Кн. Nr. 6. Vilnius, 2007. С. 282. № 479.
- ³⁴⁵ Приповеданье се тых же князей Дубровицких с правом и близкостью своею до именей... 1541.01.11 // *Lietuvos Metrika* (1540–1543). 12-я книга судных дел. Vilnius, 2007. С. 65. № 62.
- ³⁴⁶ *Брежго Б.* Замкі Вітебшчыны. Вільня, 1933. С. 23.
- ³⁴⁷ *Иванов В.А.* Замки Витебской земли. Витебск, 2003.
- ³⁴⁸ *Устинович Ю.Ф.* Система укреплений Великого княжества Литовского и Московского государства на территории Полоцкого воеводства и Витебского повета во время Ливонской войны // *Балтийский восток* в конце XV — XVI вв. М., 2010. С. 141–148; *Бессуднов Д.А.* Проблема пограничного положения ряда московитских крепостей на русско-литовском пограничье во второй половине XVI в. // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология.* 2015. Т. 19. № 36 (216). С. 73–76.
- ³⁴⁹ В 1948 г. на объектах проводилась археологическая разведка экспедиции М.Г. Рабиновича: Отчет об археологических разведках в Полоцкой земле в 1948 г. Ф–1. Р–1. № 215. 14 л., 9 ил., 2 черт. б.ф. 3. АЭ МГПИ им. В.П. Потемкина и ИИМК им. Н.Я. Марра АН СССР. Белорусская ССР (см. Республика Беларусь), Витебская, Полоцкая обл., г. Полоцк, Витебск, д. Долга, Суша, Малая Ситно, Козьяны, Красомая, пос. Красный, с. Туровля, Соколище. Разведки. ОЛ № 82. Крепости Сокол, Касьянов, Туровля, Суша (и курганные мог.), Ситна, Красная, Соколище (и городище), Красомая; курганные могильники Долга. Позднее Средневековье. XVI в. Сведений о коллекции нет // Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Отчеты о полевых исследованиях. Каталог. 1945–1954 гг. / Отв. ред. Н.А. Макаров, П.Г. Гайдуков; Составители: С.И. Болдырев, А.В. Ковальчук, У.Ю. Кочкаров, Е.Ю. Лебедева, О.А. Роянова, И.М. Умарова. М., 2009. С. 73. № 194.
- ³⁵⁰ Города, местечки и замки Великого княжества Литовского. Энциклопедия. Минск, 2009. С. 283.
- ³⁵¹ *Сапунов А.* Река Западная Двина. С. 369.
- ³⁵² *Гейденштейн Р.* Записки о Московской войне (1578–1582). СПб., 1889. С. 86.
- ³⁵³ Там же. С. 84.
- ³⁵⁴ Там же. С. 81.
- ³⁵⁵ *Сапунов А.* Река Западная Двина. С. 404.
- ³⁵⁶ Города, местечки и замки... С. 290–291.
- ³⁵⁷ *Сапунов А.* Река Западная Двина. С. 445.
- ³⁵⁸ *Устинович Ю.Ф.* Система укреплений Великого княжества Литовского... С. 141–142.
- ³⁵⁹ ПСРЛ. Т. 13. С. 384–385.
- ³⁶⁰ Там же. С. 391.
- ³⁶¹ Сб. РИО. Т. 71. С. 392.
- ³⁶² *Брежго Б.* Замкі Вітебшчыны. С. 32. – *Ю.Ф. Устинович* считает, что Красный был построен только в 1569 г. (*Устинович Ю.Ф.* Система укреплений Великого княжества Литовского... С. 148).
- ³⁶³ *Иванов В.А.* Замки Витебской земли. С. 18.
- ³⁶⁴ ПСРЛ. Т. 13. С. 397.
- ³⁶⁵ Там же. С. 399–400.
- ³⁶⁶ *List Hrigoriego Chotkiewiza...* 02.07.1567 // *Archivum książąt Sanguszków w Sławucie.* Т. VII: 1554–1572. Lwów, 1910. S. 145–148. Nr. CXXXVIII. – Надо сказать, что Ходкевич содержал на свои средства немалые вооруженные силы и постоянно жаловался, что государство пренебрегает своими обязанностями, ср.: *Hrehory Chodkiewicz uprasza X. Romana Sanguszka...* 27.09.1567 // *Archivum książąt Sanguszków w Sławucie.* Т. VII: 1554–1572. S. 204. Nr. CLXVIII.
- ³⁶⁷ *List Hrigoriego Chotkiewiza...* 05.07.1567 // *Archivum książąt Sanguszków w Sławucie.* Т. VII: 1554–1572. S. 148–151. Nr. CXXXIX.
- ³⁶⁸ Сб. РИО. Т. 71. С. 441.
- ³⁶⁹ <http://rossonka.by/index.php?type=news&id=3390>; http://ont.by/news/our_news/otkritie-v-mire-arheologii-yunikalnuyu-krepost-vremyon-ivana-groznogo-obnary
- ³⁷⁰ ПСРЛ. Т. 13. С. 404.
- ³⁷¹ Сб. РИО. Т. 71. С. 438; ПСРЛ. Т. 13. С. 405.
- ³⁷² *Zygmunt August zawiadamia X. Romana Sanguszka...* 05.10.1566 // *Archivum książąt Sanguszków w Sławucie.* Т. VII: 1554–1572. Lwów, 1910. S. 108. Nr. CVI.
- ³⁷³ *Zygmunt August poleca Jurjowi Mikołaeiczowi Zenowiczowi...* 09.10.1566 // *Ibid.* S. 109. Nr. CVII; Сб. РИО. Т. 71. С. 438–439.
- ³⁷⁴ ПСРЛ. Т. 13. С. 403.
- ³⁷⁵ *Еремеев И.И.* Древности Полоцкой земли... С. 244.
- ³⁷⁶ Там же. С. 249–250.
- ³⁷⁷ *List Hrigoriego Chotkiewiza...* 01.04.1567 // *Archivum książąt Sanguszków w Sławucie.* Т. VII: 1554–1572. S. 118. Nr. CXIV.
- ³⁷⁸ *Устинович Ю.Ф.* Система укреплений Великого княжества Литовского... С. 146.

- ³⁷⁹ List Hrigoriego Chotkiewiza... 23.04.1567 // Archivum książąt Sanguszków w Sławucie. T. VII: 1554–1572. S. 126. Nr. CXX.
- ³⁸⁰ List Hrigoriego Chotkiewiza... 17.05.1567 // Ibid. S. 128. Nr. CXXI.
- ³⁸¹ List Hrigoriego Chotkiewiza... 18.06.1567 // Ibid. S. 134–138. Nr. CXXV.
- ³⁸² List Hrigoriego Chotkiewiza... 13.07.1567 // Ibid. S. 161. Nr. CXXXV.
- ³⁸³ List Barkułaba Korsaka... do X. Romana Sanguszka... 26.09.1567 // Ibid. S. 203. Nr. CLXVI.
- ³⁸⁴ List Hrigoriego Chotkiewiza... 13.07.1567 // Ibid. S. 160. Nr. CXXXV.
- ³⁸⁵ List Hrigoriego Chotkiewiza... 18.07.1567 // Ibid. S. 163. Nr. CXXXVI.
- ³⁸⁶ List Hrigoriego Chotkiewiza... 13.07.1567 // Ibid. S. 159. Nr. CXXXV.
- ³⁸⁷ Zygmunt August poleca Hrigoremu Chotkiewiczowi... 19.06.1567 // Ibid. S. 139–140. Nr. CXXVI.
- ³⁸⁸ List hetmana Wel. Lit. Hrigoriego Chotkiewiza... 23.06.1567 // Ibid. S. 140–144. Nr. CXXVII.
- ³⁸⁹ List rotmistra, Marcina Jacynicza, do X. Romana Sanguszka... 05.09.1567 // Ibid. S. 190. Nr. CLV.
- ³⁹⁰ List Hrigoriego Chotkiewiza... 11.07.1567 // Ibid. S. 156–157. Nr. CXXXIII.
- ³⁹¹ List Stanisława Paca... 13.07.1567 // Ibid. S. 156–157. Nr. CXXXIII.
- ³⁹² Злобе Германовичу на село Солаши. 1567.11.18 Lietuvos Metrika. Kn. 51 (1566–1574). C. 89. № 81.
- ³⁹³ ПСРЛ. Т. 13. С. 408.
- ³⁹⁴ List króla, Zygmunta Augusta, do X. Romana Sanguszka... 28.07.1567 // Archivum książąt Sanguszków w Sławucie. T. VII: 1554–1572. S. 166. Nr. CXXXVIII.
- ³⁹⁵ List króla, Zygmunta Augusta, do X. Romana Sanguszka... 11.08.1567 // Ibid. S. 174–176. Nr. CXLIV.
- ³⁹⁶ List Stanisława Paca... do X. Romana Sanguszka... 30.07.1567 // Ibid. S. 169. Nr. CXLI.
- ³⁹⁷ List Ostafja Wołowicza do X. Romana Sanguszka... 09.08.1567 // Ibid. S. 173. Nr. CXLIII.
- ³⁹⁸ Сб. РИО. Т. 71. С. 533.
- ³⁹⁹ List króla, Zygmunta Augusta, do X. Romana Sanguszka... 13.08.1567 // Ibid. S. 177. Nr. CXIV.
- ⁴⁰⁰ List Hrigoriego Chotkiewiza... 15.08.1567 // Ibid. S. 179. Nr. CXLVII.
- ⁴⁰¹ Zygmunt August donosi X. Romanowi Sanguszkowi... 16.08.1567 // Ibid. S. 181. Nr. CXLVIII.
- ⁴⁰² List kasztelana ziemi Połockiej, Jurja Zenowicza, do X. Romana Sanguszka... 19.08.1567 // Ibid. S. 184. Nr. CL.
- ⁴⁰³ List Jurja Zenowicza, kasztelana ziemi Połockiej, do X. Romana Sanguszka... 02.09.1567 // Ibid. S. 188–189. Nr. CLIV.
- ⁴⁰⁴ Hrihory Chodkiewicz prosi X. Romana Sanguszka... 28.09.1567 // Ibid. S. 207. Nr. CLXX.
- ⁴⁰⁵ Hrihory Chodkiewicz prosi X. Romana Sanguszka... 13.01.1568 // Ibid. S. 219. Nr. CLXXX.
- ⁴⁰⁶ Filon Kmita donosi do X. Romanowi Sanguszka... 28.01.1568 // Ibid. S. 228. Nr. CLXXXVI.
- ⁴⁰⁷ List Filona Kmity do X. Romana Sanguszka... 20.01.1568 // Ibid. S. 222. Nr. CLXXXII.
- ⁴⁰⁸ Stanisław Pac, w-da Witebski, donosi X. Romanowi Sanguszkowi... 04.02.1568 // Ibid. S. 234. Nr. CXC.
- ⁴⁰⁹ Zygmunt August poleca X. Romanowi Sanguszkowi... 30.03.1568 // Ibid. S. 245. Nr. CCI.
- ⁴¹⁰ Barkułab Korsak uprasza Romana Sanguszka... 30.01.1568 // Ibid. S. 232. Nr. CLXXXVIII.
- ⁴¹¹ Zygmunt August dziękuje X. Romanowi Sanguszkowi... 16.04.1568 // Ibid. S. 251. Nr. CCV.
- ⁴¹² Bohusz Selicki, rotmistr Orszański, donosi X. Romanowi Sanguszkowi... 24.06.1568 // Ibid. S. 272. Nr. CCXXI.
- ⁴¹³ Stanisław Pac, wojewoda Witebski, uprasza X. Romana Sanguszka... 25.06.1568 // Ibid. S. 274–275. Nr. CCXXII.
- ⁴¹⁴ Zygmunt August... 03.07.1568 // Ibid. S. 277. Nr. CCXXIV.
- ⁴¹⁵ Zygmunt August dziękuje X. Romanowi Sanguszkowi... 05.09.1568 // Ibid. S. 285. Nr. CCXXXI.
- ⁴¹⁶ List Hrigoriego Chotkiewiza... 17.09.1568 // Ibid. S. 289–290. Nr. CCXXXIV.
- ⁴¹⁷ Szymon Żabrowski donosi X. Romanowi Sanguszkowi... 07.10.1568 // Ibid. S. 296. Nr. CCXXXVII.
- ⁴¹⁸ Сементовский А. Указ. соч. С. 316.
- ⁴¹⁹ Лист, писанны до подскарбега земьского о пене-зи на люди служебные до замку Ушацкого. 1569.10.04 // Lietuvos Metrika (1569–1571). Kn. Nr. 573. Vilnius, 2001. С. 88–89. № 75.
- ⁴²⁰ Устинович Ю.Ф. Система укреплений Великого княжества Литовского... С. 148.
- ⁴²¹ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 238.
- ⁴²² Вінаходаў Дзьмітры. Як Нешчарда стала легендай: Гістарычная аснова паданьня пра волата Княжу ў кнізе «Шляхціц Завальня» Яна Баршчэўскага // АРСНЕ Пачатак, 2011, № 5 (104). С. 128–143.

⁴²³ Савелов П. Тетрадь, а в ней писаны рубежи городу Полоцку и Полоцкому повету... // Временник московского общества истории и древностей российских. 1856. Кн. 24. Разд. II. С. 1. Об этом документе см.: Шеламанова Н.Б. О характере и времени составления «Тетради рубежей» Полоцкого повета // Вопросы архивоведения. 1965. № 4. С. 51–56.

⁴²⁴ Савелов П. Тетрадь, а в ней писаны рубежи городу Полоцку... С. 24.

⁴²⁵ Сб. РИО. Т. 71. С. 256.

⁴²⁶ Варонін В. Рака Бярэзіна як мяжа паміж „Руссю” і „Літвой” // Беларускі Гістарычны Агляд. 2006.

Т. 13. Сш. 2 (23). С. 177–198.

⁴²⁷ Сб. РИО. Т. 71. С. 387.

⁴²⁸ Там же. С. 389.

⁴²⁹ Там же. С. 391.

⁴³⁰ Савелов П. Тетрадь, а в ней писаны рубежи городу Полоцку... С. 2–3.

⁴³¹ Сб. РИО. Т. 71. С. 448–449.

⁴³² Там же. С. 457.

⁴³³ Об этом подробнее см.: Ермак В.Ю. 1) Землевладение российских помещиков в Полоцком повете в 1563–1571 гг. по данным писцовых книг // Исследования по истории Восточной Европы = Studia historica Europae Orientalis. 2009. Вып. 2. С. 136–151; 2) Полоцкая писцовая книга 1567–1572 гг. — книга Литовской метрики № 573 // Иван Грозный — завоеватель Полоцка (новые документы по истории Ливонской войны). СПб., 2014. С. 5–37.

⁴³⁴ Об этом, например, см.: Флоря Б.Н. К истории русского поместного землевладения в Ливонии // Русский дипломатарий / Отв. ред. А.В. Антонов. М., 1999. Вып. 5. С. 114–117.

⁴³⁵ Рыков Ю.Д. Церковно-государственные помянники русских воинов, погибших в начале Ливонской войны, по данным синодика Московского Кремлевского Архангельского собора (предварительные наблюдения) // Балтийский вопрос в конце XV–XVI вв.: Сборник научных статей / Отв. ред. А.И. Филюшкин. М., 2010. С. 161–205.

⁴³⁶ Иван Грозный — завоеватель Полоцка (Новые документы по истории Ливонской войны) / Сост., подг. к публ., вступ. ст. В.Ю. Ермак; описание ркп. К.Ю. Ерусалимский; науч. и отв. ред. А.И. Филюшкин. СПб., 2014; Варонін В. А. Рэстр путных баяр Полацакага ваяводства 1585 г. Мінск, 2009. С. 12.

⁴³⁷ Подробнее о времени составления частей этого источника см.: Юрганов А. [Л.] «Откровение» от Иоанна Грозного, или Тайна царского завещания // Знание — сила. 1994. № 1. С. 140–150; он же. О дате написания завещания Ивана Грозного // Отечественная история. 1993. № 6. С. 125–141; он же. Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 118–144.

⁴³⁸ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подг. к печати Л.В. Черепнин; отв. ред. С.В. Бахрушин. М.; Л., 1950. № 104. С. 440. Л. 32–32 об.

⁴³⁹ Иван Грозный — завоеватель Полоцка.

⁴⁴⁰ Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. / Ред. серии И.[Ч.] Граля. М.; Варшава, 1998. Т. 3: Документы Ливонской войны (подлинное делопроизводство приказов и воевод) 1571–1580 гг. / Сост. тома: И.[Ч.] Граля, Н.Ф. Демидова, Б.Н. Флоря, Ю.М. Эскин; и др.

⁴⁴¹ Ерусалимский К.Ю. Московско-литовская война 1562–1566 гг. и введение опричнины: проблемы демографии и земельной политики // Российская история. 2017. № 1. С. 15.

⁴⁴² Подробнее о них, например, см.: Веселовский С.Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947. Т. 1. Ч. 1. С. 178–187, 223, 248, 294, 382–383, 432; он же. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 381–384, 390–392, 394, 396; и др.

⁴⁴³ Ермак В.Ю. Землевладение российских помещиков... С. 136–151; она же. Полоцкая писцовая книга 1567–1572 гг. — книга Литовской метрики № 573 // Иван Грозный — завоеватель Полоцка. С. 5–38.

⁴⁴⁴ Ермак В.Ю. Полоцкая писцовая книга 1567–1572 гг. — книга Литовской метрики № 573. С. 35–36.

⁴⁴⁵ Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII в. М., 2008. Т. 4 / Сост. А.В. Антонов. № 50. С. 38–39 [Список 1686 г.].

⁴⁴⁶ Этот важный источник, как уточнил А.В. Антонов, был составлен в Разрядном приказе между 9 июня и 16 июля 1688 г., хотя росписи некоторых фамилий принимались и позднее: Антонов А.В. Из истории Палаты родословных дел: 1682–1688 гг. // Историческая генеалогия. 1994. Вып. 3. С. 80–106; он же. Родословные росписи конца XVII в. М., 1996. С. 13–70). О времени составления Бархатной книги, ее текстологии и археографии, например, также см.: Руммель В.В. Несколько слов о Бархатной книге и печатном ее издании

- // Известия Русского генеалогического общества. СПб., 1900. Вып. 1. Отд. 1. С. 62–69; *Власьев Г.А.* Заметка о неточностях новиковского издания «Бархатной книги» // Летопись Историко-родословного общества в Москве. М., 1907. Вып. 1. С. 28–32; *Бычкова М.Е.* Из истории создания родословных росписей конца XVII в. и Бархатной книги // ВИД. Л., 1981. Вып. 12. С. 90–109; она же. Бархатная книга // Русская генеалогия / Науч. рук. М.Е. Бычкова; под ред. Б.А. Николаева. М., 1999. С. 40–43; она же. Бархатная книга // БРЭ. М., 2005. Т. 3. С. 79; *Енин Г.П.* «Бархатная книга» в списках РНБ // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность: [Сборник статей] / Отв. ред. Ю.Г. Алексеев, В.К. Зиборов. СПб., 2001. Вып. 4. С. 52–58; и др.
- ⁴⁴⁷ РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 18. Родословные росписи. № 157. Л. 1.
- ⁴⁴⁸ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. / Подг. к печати А.А. Зимин. М.; Л., 1950. С. 190–191. Л. 142–142 об.
- ⁴⁴⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. № 157. Л. 2.
- ⁴⁵⁰ Подробнее об этом см.: Список опричников Ивана Грозного / Подг. текста и предисл. Д.Н. Альшица. СПб., 2003. С. 56. Л. 2, С. 58. Л. 2 об.–3, С. 60. Л. 4, С. 63–64. Л. 5 об.–6 об., С. 66. Л. 7 об., С. 97. Л. 29.
- ⁴⁵¹ Ср.: Там же; РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. № 157. Л. 1–2.
- ⁴⁵² *Ермак В.Ю.* Полоцкая писцовая книга 1567–1572 гг. — книга Литовской метрики № 573. С. 35.
- ⁴⁵³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. № 157. Л. 3.
- ⁴⁵⁴ *Ермак В.Ю.* Полоцкая писцовая книга 1567–1572 гг. — книга Литовской метрики № 573. С. 28.
- ⁴⁵⁵ Иван Грозный — завоеватель Полоцка. С. 61–62. Л. 12 об.–13. — См. также: Там же. С. 407–408. Л. 369 об.–370.
- ⁴⁵⁶ Подробнее об этом см.: Там же. С. 322–325. Л. 290 об.–293.
- ⁴⁵⁷ Там же. С. 351–353. Л. 320 об.–321 об.
- ⁴⁵⁸ *Бычкова М.Е.* Состав класса феодалов России в XVI в.: историко-генеалогическое исследование. М., 1986. С. 179. Л. 21; Памятники истории русского служилого сословия / Сост. А.В. Антонов. М., 2011. С. 205. Л. 21.
- ⁴⁵⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. № 157. Л. 4.
- ⁴⁶⁰ Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII в. М., 1998. Т. 2 / Сост. А.В. Антонов. № 38. С. 53–54 [Список 1638 г.].
- ⁴⁶¹ Там же. № 39. С. 54 [Список 1638 г.].
- ⁴⁶² Там же. М., 2002. Т. 3 / Сост. А.В. Антонов. № 471. С. 390 [Список 1638 г.].
- ⁴⁶³ *Малов А.В.* Торопецкая верстальная десятина 114-го (1605/06) — 115-го (1606/07) гг. // Единорогъ: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени / Глав. ред. А.В. Малов. М., 2009. Вып. 1. С. 41. Л. 89, С. 49. Л. 113 об., С. 53. Л. 127, С. 55. Л. 133, С. 63. Л. 158 об.
- ⁴⁶⁴ *Стрельников С.В.* Потомки ростовского боярина // ДРВМ. 2004. № 1 (15). С. 42–51; он же. Потомки Петра Ордынского и Карашская слобода // Исследования по истории средневековой Руси. К 80-летию Ю.Г. Алексеева: сборник статей / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко; сост. С.В. Стрельников. М.; СПб., 2006. С. 223–229; *Кузьмин А.В.* На пути в Москву: Очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII — середине XV в. М., 2014. Т. 1. С. 204–209; и др.
- ⁴⁶⁵ *Стрельников С.В.* Землевладение в Ростовском крае в XIV — первой трети XVII в. М.; СПб., 2009. С. 29, 62, 77–78, 123, 129, 133, 142, 143, 146–151, 165.
- ⁴⁶⁶ *Веселовский С.Б.* Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947. Т. 1. Ч. 2. С. 425.
- ⁴⁶⁷ *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб., 1992. С. 234–235.
- ⁴⁶⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. № 109. Л. 1–4 об. [Подлинник, 1686–1688 гг.]. — Об этом источнике см.: *Антонов А.В.* Родословные росписи конца XVII в. М., 1996. С. 64, 99.
- ⁴⁶⁹ *Ермак В.Ю.* Полоцкая писцовая книга 1567–1572 гг. — книга Литовской метрики № 573. С. 28.
- ⁴⁷⁰ Новгородские синодики XIV–XVII вв. / Подг. текстов, исслед. Т.И. Шабловой. СПб., 2017. С. 108. Л. 89 об.
- ⁴⁷¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. № 109. Л. 1–2.
- ⁴⁷² ТКДТ. С. 102. Л. 166 об.
- ⁴⁷³ Там же. С. 99. Л. 164, 164 об.
- ⁴⁷⁴ *Пашкова Т.И.* Местное управление в Русском государстве первой половины XVI в.: наместники и волостели. М., 2000. С. 134.
- ⁴⁷⁵ РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. № 109. Л. 1–2.
- ⁴⁷⁶ Ср.: *Бычкова М.Е.* Состав класса феодалов России в XVI в. С. 155, 157.
- ⁴⁷⁷ *Антонов А.В.* Родословные росписи конца XVII в. С. 324–325, 364.
- ⁴⁷⁸ *Стрельников С.В.* Землевладение в Ростовском крае в XIV — первой трети XVII в. С. 77–78, 149–150.

- ⁴⁷⁹ Акты Троицкого Калязина монастыря XVI в. / Сост.: С.Н. Кистерев, Л.А. Тимошина. М.; СПб., 2007. № 63. С. 64–66 [Подлинник], № 68. С. 70–71 [Список XVII в.]. – Не обращаясь к тексту этого важного источника, М.М. Бенцианов полагает, что Болотниковы «позднее, скорее всего, находились среди городских детей боярских Юрия Дмитровского», но ниже уже признает, что они «служили Юрию Дмитровскому, хотя и не занимали там сколько-нибудь видных позиций» (Бенцианов М.М. Служилые люди князя Юрия Дмитровского [Ч. 1] // ДРВМ. 2010. № 2 (40). С. 49, 54).
- ⁴⁸⁰ Писцовые книги Шелонской пятины XVI в. / Сост. К.В. Баранов. М., 2009. С. 121–122. Л. 320 об.–322.
- ⁴⁸¹ Иван Грозный — завоеватель Полоцка. С. 301–303. Л. 270–271.
- ⁴⁸² Там же. С. 376–377. Л. 342 об.–343.
- ⁴⁸³ Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII в.: сб. док. М., 1997. Т. 1 / Сост. А.В. Антонов, К.В. Баранов. № 36. С. 35 [Список 1628 г.].
- ⁴⁸⁴ АСЗ. Т. 2. № 383. С. 330–331 [Список 1626 г.].
- ⁴⁸⁵ Иван Грозный — завоеватель Полоцка. С. 49. Л. 3, С. 236–239. Л. 205–207 об., С. 362–365. Л. 329–331.
- ⁴⁸⁶ Веселовский С.Б. Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974. С. 55.
- ⁴⁸⁷ Алексеев Ю.Г. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV–XVI вв.: Переяславский уезд. М.; Л., 1966. С. 79, 81, 111, 160.
- ⁴⁸⁸ ТКДТ. С. 98. Л. 163.
- ⁴⁸⁹ РГБ. Ф. 256. Собрание рукописей Н.П. Румянцева. № 349. Л. 297–297 об.; Веселовский С.Б. Исследования по истории служилых землевладельцев. С. 197, 482, 498.
- ⁴⁹⁰ Подробнее о служебной карьере И.М. Вешнякова, например, см.: Филлюшкин А.И. История одной мистификации: Иван Грозный и «Избранная Рада». М., 1998 (по указ.).
- ⁴⁹¹ Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 91.
- ⁴⁹² ТКДТ. С. 99. Л. 164.
- ⁴⁹³ Разрядная книга, 1475–1598 гг. / Подг. текста, вводн. ст. и ред. В.И. Буганов; отв. ред. М.Н. Тихомиров. М., 1966. С. 171. Л. 192, С. 173. Л. 195 об., С. 176. Л. 200–200 об., С. 185. Л. 214, С. 190. Л. 222 об., С. 194. Л. 228, С. 201. Л. 240 об., С. 205. Л. 246.
- ⁴⁹⁴ Там же. С. 175. Л. 197 об.
- ⁴⁹⁵ Книга Полоцкого похода... С. 84. Л. 144.
- ⁴⁹⁶ РК, 1475–1598 гг. С. 201. Л. 240 об., С. 205. Л. 246, С. 212. Л. 263.
- ⁴⁹⁷ Там же. С. 206. Л. 247 об.
- ⁴⁹⁸ Филлюшкин А.И. Изобретая первую войну... С. 48. Примеч. 29.
- ⁴⁹⁹ С 25 мая 1567 г. на этом кормлении его должен был сменить Н.П. Клементьев-Чепчугов (АСЗ. Т. 1. № 297. С. 289 [Список XVII в.]).
- ⁵⁰⁰ РК, 1475–1598 гг. С. 241. Л. 309.
- ⁵⁰¹ Подробнее о нем, см.: Там же. С. 270. Л. 353 об., С. 272. Л. 357, С. 290. Л. 384; Станиславский А.Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII вв. М., 2004. С. 202. Л. 136; и др.
- ⁵⁰² Иван Грозный — завоеватель Полоцка. С. 409–413. Л. 374–378.
- ⁵⁰³ Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Т. 3. № 1. С. 24 [Подлинник]. Подробное описание украденных лошадей см.: Там же. № 2. С. 33 [Подлинник].
- ⁵⁰⁴ Там же. № 2. С. 29.
- ⁵⁰⁵ Там же. № 2. С. 30–31.
- ⁵⁰⁶ Бычкова М.Е. Состав класса феодалов России в XVI в. С. 185. Л. 46; Памятники истории русского служилого сословия. С. 213. Л. 46.
- ⁵⁰⁷ Материалы для истории Звенигородского края. М., 1997. Вып. 4: Рузский уезд по писцовой книге 1567–1569 гг. / Сост.: С.Н. Кистерев, Л.А. Тимошина. С. 69. Л. 82.
- ⁵⁰⁸ Назаров В. Д. Свадебные дела XVI в. // Вопросы истории. 1976. № 10. № 15. С. 122, № 16. С. 123.
- ⁵⁰⁹ Иван Грозный — завоеватель Полоцка. С. 193–196. Л. 162 об.–165 об.
- ⁵¹⁰ Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Т. 3. № 1. С. 27, № 2. С. 39.
- ⁵¹¹ РК, 1475–1598 гг. С. 263. Л. 343–343 об.
- ⁵¹² Бычкова М.Е. Состав класса феодалов России в XVI в. С. 181. Л. 28; Памятники истории русского служилого сословия. С. 207. Л. 28.
- ⁵¹³ Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Т. 3. № 49. С. 124, № 68. С. 184–185 [Подлинники].
- ⁵¹⁴ Станиславский А.Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII вв. С. 202. Л. 136.
- ⁵¹⁵ РК, 1475–1598 гг. (по указ.).
- ⁵¹⁶ Анпилогов Г.Н. Новые документы о России конца XVI — начала XVII в. М., 1967. С. 79. Л. 126 об.
- ⁵¹⁷ Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Т. 3. № 68. С. 186.
- ⁵¹⁸ РК, 1475–1598 гг. С. 534. Л. 814 об.

- ⁵¹⁹ Мятлев Н.В. Челобитная Михаила Татищева // ЛИРО. М., 1907. Вып. 1. С. 10.
- ⁵²⁰ Приходо-расходные книги московских приказов 1619–1621 гг. / Сост. С.Б. Веселовский; подг. к печати Л.Г. Дубинская и А.Л. Станиславский; под ред. В.И. Буганова и Б.В. Левшина. М., 1983. С. 14. Л. 21 об.
- ⁵²¹ Иван Грозный — завоеватель Полоцка. С. 64–66. Л. 15–17, С. 213–215. Л. 182–184.
- ⁵²² Там же. С. 215. Л. 184.
- ⁵²³ Ср.: Там же. С. 63–66. Л. 14–17 об., С. 212–216. Л. 180 об.–185 об.
- ⁵²⁴ Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией. СПб., 1886. Т. 4: Переписные оброчные книги Шелонской пятины. Стб. 62, 63–64, 66, 68, 95–98.
- ⁵²⁵ В этот период времени откровенному грабежу подверглись не только служилые дети боярские и их люди, но и великолукские купцы, которые возвращались после торговли домой. Интересно отметить, что среди их обидчиков оказался полоцкий купец Лукиан Скорина, отец белорусского первопечатника Франциска Скорины (СИРИО. Т. 35. С. 67).
- ⁵²⁶ Акты Русского государства, 1505–1526 гг. / Сост. С.Б. Веселовский и др.; отв. ред.: А.А. Новосельский, Л.В. Черепнин. М., 1975. № 125. С. 124 [Подлинник].
- ⁵²⁷ Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 53: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Немецким Орденом в Пруссии 1516–1520 г. / Изд. под ред Г.Ф. Карпова. № 2. С. 6.
- ⁵²⁸ Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией. СПб., 1910. Т. 6: Книги Бежецкой пятины. Стб. 532–533, 538.
- ⁵²⁹ Там же. Стб. 55–56, 342, 538–541.
- ⁵³⁰ ТКДТ. С. 127. Л. 96.
- ⁵³¹ Об этом, например, см.: Корзинин А.Л. Государев двор Русского государства в доопричный период. 1550–1565 гг. М.; СПб., 2016. С. 433.
- ⁵³² Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. М., 1952. Т. 1 / Том сост. С.Б. Веселовский; отв. ред. Б.Д. Греков. № 85. С. 71 [Список сер. XVI в.].
- ⁵³³ АРГ, 1505–1526 гг. № 43. С. 50 [Подлинник].
- ⁵³⁴ Антонов А.В., Кром М.М. Списки русских пленных в Литве первой половины XVI в. // Архив русской истории: Сборник РГАДА / Отв. ред. С.С. Ермолаев; сост. А.В. Антонов. М., 2002. Вып. 7. № 2. С. 160, № 4. С. 163 (с. 1265), № 5. С. 174 (с. 1243); Кром М.М. Стародубская война 1534–1537 гг. Из истории русско-литовских отношений. М., 2008. [Приложение 2]. С. 121 (с. 1243); и др.
- ⁵³⁵ Подробнее о кашинских детях боярских Жуковых, например, см.: Акты Троицкого Калязина монастыря XVI в. (по указ.); Веселовский С.Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. 1. Ч. 1. С. 238–240, 255, 276; Пономарёва И.Г. Слуги Троицкого Макарьева Калязина монастыря // АРИ. Вып. 7. С. 86–88, 92–95, 98, 100–101; и др.
- ⁵³⁶ Веселовский С.Б. Ономастикон. С. 88.
- ⁵³⁷ Писцовые материалы Тверского уезда XVI в. / Сост. А.В. Антонов. М., 2005 (по указ.).
- ⁵³⁸ Акты феодального землевладения и хозяйства. М., 1956. Ч. 2 / Подг. к печати А.А. Зимин; отв. ред. Л.В. Черепнин. № 154. С. 148–149, № 157. С. 150–151 [Подлинники], № 171. С. 163 [Список сер. XVI в.], № 302. С. 319, 320 [Список 3-й четв. XVI в.], № 360. С. 401–402 [Подлинник]; Зимин А.А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV–XVI в.). М., 1977. С. 137, 145, 190, 196, 199.
- ⁵³⁹ АРГ, 1505–1526 гг. № 91. С. 96 [Подлинник].
- ⁵⁴⁰ АСЭИ. Т. 1. № 632. С. 544–545 [Подлинник].
- ⁵⁴¹ Алексеев Ю.Г. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV–XVI вв.: Переяславский уезд. М.; Л., 1966. С. 210.
- ⁵⁴² Кобрин В.Б. Опричнина. Генеалогия. Антропонимика: Избранные труды. М., 2008. С. 40.
- ⁵⁴³ Корзинин А.Л. Государев двор Русского государства в доопричный период. С. 274.
- ⁵⁴⁴ Иван Грозный — завоеватель Полоцка. С. 193. Л. 162.
- ⁵⁴⁵ Там же. С. 217–222. Л. 187–191 об., С. 224–225. Л. 193 об., С. 227. Л. 195 об.
- ⁵⁴⁶ Там же. С. 416. Л. 382.
- ⁵⁴⁷ Там же. С. 265–268. Л. 235–238 об., С. 341–342. Л. 312–312 об., С. 373–374. Л. 339–340 об.
- ⁵⁴⁸ Например, см.: АСЗ. Т. 2. № 119. С. 121–122 [Список 1632 г.].
- ⁵⁴⁹ АРГ, 1505–1526 гг. № 231. С. 235 [Список 1534 г.].
- ⁵⁵⁰ ТКДТ. С. 206. Л. 154 об.
- ⁵⁵¹ ПСРЛ. Т. 28. М.; Л., 1963. С. 356. Л. 425; Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979. С. 222. Л. 425. Подробнее об этом событии, например, см.:

Кром М.М. «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30–40-х гг. XVI в. М., 2010. С. 203–204.

⁵⁵² ТКДТ (по указ.).

⁵⁵³ Там же. С. 132. Л. 99 об.

⁵⁵⁴ АСЗ. Т. 3. № 415. С. 340 [Список 1636 г.].

⁵⁵⁵ Там же. № 416. С. 340–341 [Список 1636 г.].

⁵⁵⁶ Там же. Т. 4. № 496. С. 364–365, № 497. С. 375.

Л. 1123 об. [Копии 1780-х гг.]; Памятники русской письменности XV–XVI вв.: Рязанский край / Изд. подг.: С.И. Котков, И.С. Филиппова; под ред. С.И. Коткова. М., 1978. № 33. С. 45. Л. 7; и др. – А.Л. Корзинин, не обратив внимания на состав писцовой комиссии и взяв без проверки ошибочные данные В.Н. Сторожева и П.Н. Милюкова, пришел неверному выводу о том, что К.И. Дедевшин был писцом в Рязанском уезде еще в 1551–1553 гг. (Корзинин А.Л. Государев двор Русского государства в доопричный период. С. 430).

⁵⁵⁷ Материалы для истории Звенигородского края. Вып. 4. С. 150–151. Л. 252 об.–254 об.

⁵⁵⁸ Подробнее о его владениях см.: Иван Грозный — завоеватель Полоцка. С. 67–72. Л. 18–22 об., С. 172. Л. 143, С. 232. Л. 200 об., С. 264–265. Л. 234–235, С. 274–283. Л. 244–252 об.

⁵⁵⁹ Писцовая приправочная книга 1588–1589 гг. уезда Ржевы Володимеровой. № 267. С. 279–280. Л. 524–525 об., № 295. С. 294–295. Л. 563 об.–565 об., № 297. С. 296. Л. 568 об.–569.

⁵⁶⁰ Ср.: Там же (по указ.); Иван Грозный — завоеватель Полоцка (по указ.).

⁵⁶¹ Подробнее о представителях этого рода в XV–XVI вв., например, см.: Савёлов Л.М. Родословные записи (Опыт родословного словаря русского древнего дворянства). М., 1906. Вып. 1. С. 159; Леонтьев А.К. Образование приказной системы управления в Русском государстве: Из истории создания централизованного государственного аппарата в конце XV — первой половине XVI в. М., 1961. С. 30; Алексеев Ю.Г. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV–XVI вв. С. 26, 31, 43; он же. У кормила Российского государства: Очерк развития аппарата управления XIV–XV вв. СПб., 1998. С. 97, 99, 111, 164, 185, 202, 289; Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 11, 13, 167, 371, 455–457, 491; Зимин А.А. Россия на пороге нового времени: Очерки политической истории России первой трети XVI в. М., 1972. С. 270–271; Черкасова М.С. Землевладение Троице-Сергиева

монастыря в XV–XVI вв. М., 1996. С. 34, 98, 182, 240; Станиславский А.Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII вв. С. 241, 249, 284, 285, 338, 378; Кириченко Л.А. Актовый материал Троице-Сергиева монастыря 1584–1641 гг. как источник по истории землевладения и хозяйства. М., 2006. С. 65, 112, 180, 184–185; и др.

⁵⁶² ОР РГБ. Ф. 178. Музейное собрание. № 9465. Л. 92 об.; Там же. Ф. 256. № 349. Л. 249–251, № 350. Л. 291–292 об.; Там же. Ф. 205. Собрание рукописей ОИДР. № 180. Л. 93 об.–95; Там же. Ф. 310. Собрание В.М. Ундольского. № 813. Л. 147 об.–148 об.; РГАДА. Ф. 181. Рукописный отдел Библиотеки МГАМИД. № 173/278. Л. 362–366; ОР РНБ. Собрание М.П. Погодина. № 597. Л. 41–43; РИИР. М., 1977. Вып. 2 / Сост. М.Е. Бычкова; под ред. А.А. Новосельского и Л.Н. Пушкарева. С. 171–172. Л. 163–165 об.; и др.

⁵⁶³ ОР РГБ. Ф. 256. № 349. Л. 249 об.

⁵⁶⁴ РИИР. Вып. 2. С. 73. Л. 627 об.

⁵⁶⁵ ПСРЛ. Т. 24. М., 2000. С. 236. Л. 337, под 6994 г. (сентябрьский стиль).

⁵⁶⁶ ТКДТ (по указ.).

⁵⁶⁷ ТКДТ. С. 172. Л. 128 об.

⁵⁶⁸ Ермак В.Ю. Полоцкая писцовая книга 1567–1572 гг. — книга Литовской метрики № 573. С. 30.

⁵⁶⁹ Подробнее о П.В. Зайцеве, например, см.: Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 61, 68, 212–213, 308, 384–385; он же. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 314; и др.

⁵⁷⁰ Кобрин В.Б. Опричнина. Генеалогия. Антропонимика. С. 40–41.

⁵⁷¹ Книга Полоцкого похода 1563 г. С. 37. Л. 20 об.–21, С. 46. Л. 46 об.

⁵⁷² Ермак В.Ю. Полоцкая писцовая книга 1567–1572 гг. — книга Литовской метрики № 573. С. 36.

⁵⁷³ Опись архива Посольского приказа 1626 г. / Подг. к печати В.И. Гальцов; под ред. С.О. Шмидта. М., 1977. Ч. 1. С. 221. Л. 357 об.–358.

⁵⁷⁴ Зимин А.А. Государственный архив России XVI ст.: Опыт реконструкции. М., 1978. Ч. 2. С. 505; ср.: Описи Царского архива XVI в. и Архива Посольского приказа 1614 г. / Под ред. С.О. Шмидта; отв. ред. М.Н. Тихомиров. М., 1960. С. 42. Л. 345 об.–346 об., С. 103. Л. 214–214 об.

⁵⁷⁵ Филлюшкин А.И. Изобретая первую войну России и Европы. С. 146. Примеч. 227.

- ⁵⁷⁶ Посольская книга по связям Московского государства с Крымом, 1567–1572 гг. / Отв. ред. М.В. Моисеев; подг. текста А.В. Малов, О.С. Смирнова; статьи и коммент.: А.В. Виноградов, И.В. Зайцев, А.В. Малов, М.В. Моисеев. М., 2016. С. 80. Л. 16–16 об., С. 82. Л. 19–19 об.
- ⁵⁷⁷ Шумаков С.[А.] Обзор «Грамот коллегии экономии». М., 1899. Вып. 1: Обзор бежецких (1300–1767 гг.) и алатырских (1607–1761 гг.) актов. № 48. С. 11.
- ⁵⁷⁸ Ермак В.Ю. Полоцкая писцовая книга 1567–1572 гг. — книга Литовской метрики № 573. С. 36.
- ⁵⁷⁹ ТКДТ. С. 170–171. Л. 126 об.–127.
- ⁵⁸⁰ Ермак В.Ю. Полоцкая писцовая книга 1567–1572 гг. — книга Литовской метрики № 573. С. 30.
- ⁵⁸¹ Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 534; Памятники истории русского служилого сословия. № 22. С. 217.
- ⁵⁸² Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. С. 413–414.
- ⁵⁸³ Подробнее об этом, например, см.: Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 434–435.
- ⁵⁸⁴ Иван Грозный — завоеватель Полоцка. С. 171. Л. 143, С. 172. Л. 144, С. 192–193. Л. 161 об.–162, С. 231–232. Л. 199 об.–200 об.
- ⁵⁸⁵ Там же. С. 236. Л. 204 об.–205.
- ⁵⁸⁶ Ермак В.Ю. Землевладение российских помещиков в Полоцком повете в 1563–1571 гг. по данным писцовых книг. С. 143.
- ⁵⁸⁷ Книга Полоцкого похода 1563 г. С. 37. Л. 20 об.–21, С. 47. Л. 47.
- ⁵⁸⁸ Станиславский А.Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII вв. С. 197–198. Л. 128.
- ⁵⁸⁹ Великий Новгород во второй половине XVI в.: Сб. док. / Сост. К.В. Баранов. СПб., 2001. № III. С. 97.
- ⁵⁹⁰ Бычкова М.Е. Состав класса феодалов России в XVI в. С. 183. Л. 40; Памятники истории русского служилого сословия. С. 211. Л. 40.
- ⁵⁹¹ Лихачёв Н.П. Грамоты рода Осоргиных // Известия Русского генеалогического общества. СПб., 1900. Вып. 1. Отд. 3. С. 17–19; Кузьмин А.В. Иулиания [Иустиновна Осоргина] // Православная энциклопедия. М., 2012. Т. 28: Исторический музей — Йэкуно Амлак / Под ред. Патр. Кирилла. С. 545–550; и др.
- ⁵⁹² Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. М., 1964. Т. 3 / Том сост. И.А. Голубцовым; отв. ред. Л.В. Черепнин. № 104–105. С. 141–142 [Список XVII в.].
- ⁵⁹³ Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря, 1506–1608 гг. / Сост.: С.Н. Кистерев, Л.А. Тимошина; ред. С.Н. Кистерев. М., 1998. № 23. С. 52. Л. 207 об.–208 [Список конца XVII в.].
- ⁵⁹⁴ АСЗ. Т. 3. № 223. С. 183 [Подлинник].
- ⁵⁹⁵ Саввин Сторожевский монастырь в документах XVI в. (Из собраний ЦГАДА) / Сост.: С.Н. Кистерев, Л.А. Тимошина. М., 1992. № 8. С. 14. Л. 27 об.–28.
- ⁵⁹⁶ Веселовский С.Б. Ономастикон. С. 216.
- ⁵⁹⁷ Лихачёв Н.П. Грамоты рода Осоргиных. С. 17.
- ⁵⁹⁸ Шумаков С.А. Обзор «ГКЭ». М., 2002. Вып. 5: Материалы по Владимиру, Гороховцу, Мурому, Суздалью, Юрьев-Польскому и Вологде / Сост. Л.И. Шохин. № 16. С. 16.
- ⁵⁹⁹ Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного: Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI в. М., 1960. С. 398–399. — См. также: Дьяконов М.А. О московских реформах половины XVI в. // ЖМНП. 1894. № 4. С. 190–191; Носов Н.Е. Становление сословно-представительных учреждений в России: Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969. С. 85–86; и др.
- ⁶⁰⁰ Лихачёв Н.П. Грамоты рода Осоргиных. С. 19.
- ⁶⁰¹ Кром М.М. Стародубская война 1534–1537 гг. [Приложение 3]. № 1. С. 125, № 6. С. 130 [Списки XVI в.], С. 135.
- ⁶⁰² Саввин-Сторожевский монастырь в документах XVI в. № 14. С. 22 [Подлинник].
- ⁶⁰³ Писцовые материалы Ростовского уезда XVII в. 1629–1631 гг. / Сост. В.А. Кадик. М., 2012. № 101 (45). С. 169–171. Л. 881–892 об.
- ⁶⁰⁴ Явочный список вотчинных владений Московского уезда писцов 1584–1586 гг. Т.А. Хлопова «с товарищи» / Подг. текста В.Б. Павлов-Сильванский // Источниковедение отечественной истории: сборник статей, 1984 г. / Отв. ред. В.И. Буганов. М., 1986. С. 241. Л. 738–738 об.; Антонов А.В. Частные архивы русских феодалов XV — начала XVII в. // Русский дипломатарий. М., 2002. Вып. 8. № 2849. С. 357.
- ⁶⁰⁵ Подробнее об этом, например, см.: Шумаков С.А. Обзор «ГКЭ». Вып. 5 (по указ.).
- ⁶⁰⁶ Лихачёв Н.П. Грамоты рода Осоргиных. С. 17.
- ⁶⁰⁷ Список опричников Ивана Грозного. С. 96. Л. 28 об.
- ⁶⁰⁸ Писцовые книги Московского государства. Ч. 1. Писцовые книги XVI в. / Под ред. Н.В. Калачова. СПб., 1872. Отд. 1. С. 226, 229.

- ⁶⁰⁹ Кистерев С.Н. Владимирский Рождественский монастырь в документах XVI — начала XVII в. // Русский дипломатарий / Сост. А.В. Антонов. М., 2000. Вып. 6. № 28. С. 122 [Подлинник].
- ⁶¹⁰ АСЗ. Т. 2. № 144. С. 141 [Список 1631 г.].
- ⁶¹¹ Каталог славяно-русских рукописных книг XVI в., хранящихся в РГАДА. М., 2005. Вып. 1: Апостол — Кормчая / Сост.: О.В. Беляков, И.Л. Жучкова, Б.Н. Морозов, Л.В. Мошкова; под ред. Л.В. Мошковой. № 69. С. 209–210.
- ⁶¹² Иван Грозный — завоеватель Полоцка. С. 256–258. Л. 226 об.–228 об., С. 366–367. Л. 331 об.–332 об.
- ⁶¹³ Ермак В.Ю. Полоцкая писцовая книга 1567–1572 гг. — книга Литовской метрики № 573. С. 28.
- ⁶¹⁴ Баранов К.В. Легенды XVII в. о родопроисхождении новгородцев Апрельевых, Нееловых и Гурьевых // Чтения памяти В.Б. Кобрин «Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма»: Тезисы докладов и сообщений / Отв. ред. В.А. Муравьев. М., 1992. С. 33–35.
- ⁶¹⁵ АСЭИ. Т. 1. № 399. С. 291 [Подлинник].
- ⁶¹⁶ АРГ, 1505–1526 гг. № 19. С. 28 [Подлинник].
- ⁶¹⁷ ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. М., 2000. С. 14, 32, 112.
- ⁶¹⁸ ОР РНБ. Собрание М.П. Погодина. № 1596. Л. 168 об.; ДРВ. Изд. 2-е. М., 1788. Ч. 6. С. 458–459; Конев С.В. Синодология. Ч. 2: Ростовский соборный синодик // Историческая генеалогия. 1995. Вып. 6. С. 103. Л. 58 об.; и др.
- ⁶¹⁹ Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. С. 418.
- ⁶²⁰ Антонов А.В., Кром М.М. Списки русских пленных в Литве первой половины XVI в. № 2. С. 159. Л. 70 об., № 4. С. 168 (с. 1273), № 5. С. 172 (с. 1240); Кром М.М. Стародубская война 1534–1537 гг. С. 120 (с. 1240); и др.
- ⁶²¹ ТКДТ (по указ.).
- ⁶²² Писцовые материалы Тверского уезда XVI в. С. 255. Л. 620 об.–621.
- ⁶²³ Писцовая приправочная книга 1588–1589 гг. уезда Ржевы Володимировой (половина князя Дмитрия Ивановича) / Подг. А.А. Фролов. М.; СПб., 2014. С. 51. Л. 13 об., № 24. С. 56. Л. 24, № 56. С. 78–79. Л. 70 об.–73, № 140. С. 147–148. Л. 236–237, № 340. С. 325. Л. 634, № 342. С. 326. Л. 635 об., № 350. С. 331–332. Л. 650–651; см. также: Антонов А.В. Землевладельцы Ржевского уезда по материалам писцовой приправочной книги 1588–1589 гг. // Архив русской истории: Сборник РГАДА / Отв. сост. А.В. Антонов; отв. ред. С.С. Ермолаев. М., 2002. Вып. 7. С. 314.
- ⁶²⁴ Приходо-расходные книги московских приказов 1619–1621 гг. С. 156. Л. 188.
- ⁶²⁵ Там же. С. 221–222. Л. 195 об.
- ⁶²⁶ Иван Грозный — завоеватель Полоцка. С. 185–190. Л. 155 об.–159.
- ⁶²⁷ Там же. С. 191–193. Л. 160–162.
- ⁶²⁸ Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Т. 3. № 1. С. 25 [Подлинник].
- ⁶²⁹ Например, см.: Писцовая приправочная книга 1588–1589 гг. уезда Ржевы Володимировой. С. 63, 145, 175, 319, 334.
- ⁶³⁰ Памятники истории русского служилого сословия. С. 146. Л. 263 об./252 об.
- ⁶³¹ Например, см.: РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. № 85/111. Л. 195.
- ⁶³² Писцовые материалы Тверского уезда XVI в. С. 281. Л. 699 об.
- ⁶³³ Там же. С. 286–287. Л. 710–712 об.
- ⁶³⁴ РК, 1475–1598 гг. С. 112. Л. 98.
- ⁶³⁵ Памятники истории русского служилого сословия. С. 184. Л. 123, С. 191. Л. 9 об., С. 202. Л. 14.
- ⁶³⁶ Писцовые материалы Тверского уезда XVI в. С. 287. Л. 711 об.
- ⁶³⁷ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / Изд. подг.: Е.Н. Клитина, Т.Н. Манушина, Т.В. Николаева; отв. ред. Б.А. Рыбаков. М., 1987. С. 100. Л. 356 об.–357.
- ⁶³⁸ ТКДТ. С. 181. Л. 133.
- ⁶³⁹ Иван Грозный — завоеватель Полоцка. С. 293–294. Л. 262–263, С. 362. Л. 328 об.–329.
- ⁶⁴⁰ НПК (по указ.); ПКНЗ (по указ.).
- ⁶⁴¹ ТКДТ. С. 130. Л. 98, С. 199. Л. 148 об.
- ⁶⁴² Кузьмин А.В. На пути в Москву: Очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII — середине XV в. М., 2012. Т. 2. С. 177–194.
- ⁶⁴³ Веселовский С.Б. Исследования по истории служилых землевладельцев. С. 244–246.
- ⁶⁴⁴ Подробнее об этом см.: АСЗ. Т. 1. № 36. С. 35 [Список 1628 г.]; Т. 2. № 38–39. С. 53–54 [Списки 1638 г.], № 93. С. 103 [Список 1629 г.], № 94. С. 103–104 [Список 1620-х гг.], № 177–178. С. 168–169 [Списки 1636 г.], № 285. С. 254 [Подлинник], № 383–384. С. 330–331 [Списки 1626 г.]; Т. 3. № 471–472. С. 390–392 [Списки 1638 г.]; Т. 4. № 316. С. 234 [Подлинник], № 476. С. 350 [Список 1620-х гг.]; Малов А.В. Торопецкая

верстальная десятина 114-го (1605/06) — 115-го (1606/07) гг. // *Единорогъ*. Вып. 1. С. 7–75.

⁶⁴⁵ Подробнее об этом, например, см.: Торопецкая книга 1540 г. / Подг. к печати М.Н. Тихомиров и Б.Н. Флоря // *АЕ* за 1963 г. М., 1964. С. 277–357.

⁶⁴⁶ ОР РНБ. Основное собрание, Q IV-33. Л. 33–34 об.

⁶⁴⁷ Там же. Л. 37 об.–38.

⁶⁴⁸ Там же. Л. 77.

⁶⁴⁹ Тексты перемирных грамот см.: КПМ-II. № 17, 18. С. 29–38; РГАДА. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 1. Кн. 10. Л. 469–481; Оп. 2. № 1. Л. 55–62 об.; Оп. 3. Д. 32; ОР РГБ. Ф. 304. Доп. II. № 17. Л. 276 об.–287 об.

⁶⁵⁰ Грамота Д. Елецкого к Ивану IV, присланная с гонцом П. Толстым 18 декабря 1581 г. // [Успенский Ф.И.] Переговоры о мире между Москвой и Польшей в 1581 — 1582 гг. С. 56.

⁶⁵¹ *Новодворский В.* Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитой (1570–1582). СПб., 1904. С. 71.

⁶⁵² *Pobór na obronę granic od Moskwy i Tatarów przez Stany Litewskie w Wolkowysku uchwalony, Lipca 1577 r.* // *АНР*. Т. IX. С. 83–85. Nr. LVIII.

⁶⁵³ *Moratorium zastrzeżone tym, którzy na wojnie moskiewskiéy służą. 1577 r.* // *Raczyński E.* *Pamiętniki do historyi Stefana, króla Polsliego, czyli korespondencya tego monarchy, oraz Zbiór wydanych przez niego urzędzeń z rępopismów zebrane i wydane.* Warszawa, 1830. S. 139–141.

⁶⁵⁴ Запрещение требовать в суды тех, кои участвуют в войне Московской, учиненное в царствование короля Польского Стефана Батория // *Сборник Муханова / 2-е изд.* СПб., 1866. С. 142. № 88.

⁶⁵⁵ *Uniwersał JKМści o wybranui piechoty w dobrac królewskich, 10 lipca 1578 r.* // *АНР*. Т. IX. С. 117–118. N. LXXXIII.

⁶⁵⁶ 1581 г., июня 3. Мандат (в двух экземплярах) короля польского Стефана Батория помещице Пинского повета Софье Фирсовне, вдове Федора Лецковича Есмана, о явке ее для дачи показаний, на каком основании она владеет, помимо прочих наследников Лецковича, землями в волости Вядской, каковые земли даны были ее покойному мужу королем Стефаном в обеспечение займа на военные надобности в размере 2400 коп грошей литовских // *Курдюмов М.Г.* *Описание актов, хранящихся в Императорской Археографической комиссии* // *ЛЗАК* за 1904 год. СПб., 1907. Вып. 17. С. 428. № 24.

⁶⁵⁷ *Artykuły woyskowe z rozkazu J.K.M... 1577 r.* // *Raczyński E.* *Pamiętniki do historyi Stefana, króla Polsliego, czyli korespondencya tego monarchy, oraz Zbiór wydanych przez niego urzędzeń z rępopismów zebrane i wydane.* Warszawa, 1830. S. 67–70. N. 21; *Ustanowienie nadwornego żołnierza czyli gwardyi konnég, 23 czerwca 1576 r.* // *Ibid.* S. 117–121.

⁶⁵⁸ *Górski K.* *Pierwsza wojna Rzeczypospolitéj z Wielikiém Księstwem Moskiewskiém za Batorego* // *Biblioteka Warszawska*. Т. 4. Warszawa, 1892. S. 98–99.

⁶⁵⁹ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 11. Л. 39–40.

⁶⁶⁰ *Гейденштейн Р.* *Записки о Московской войне...* С. 35.

⁶⁶¹ *Neue Zeitung. Vonn der herrlichenn victori und Sieg welchen die Polnischen Schwedischen unnd Deutschen Kriegsleut für der Stadt Wenden in Lyfflandt in diesem 1578. Jar wieder den schrecklichen Feind und Ertztyrannen den Moscowiter In eröberung jhrer Schantz und auffschlagung jres Eagers durch sonderliche Verleihung des lieben Allmechtigen mit wenigem Volck am 21. tag des Monats octobris manlich erhalten.* Dantzick, 1578.

⁶⁶² *Moscovische Niderlag und Belegung der Statt Wenden. Kurtze und ordenliche beschreibung jüngster belegung der Herrlichen und grossen Handelstatt Wenden in Liffland gelegen wie solche der Moscovitter mit 28000. Mann betranget unablässigen schiessen uffs eusserste geengstet und gar zum stürm beschossen doch endtlich von den Schwedischen und Polnischen den 23. Septembris nechst verflossner zeit umb 1. uhr nach mittag entsetzt die Moscovitter übereilt mit ernst in sie gefallen etlich tausent darunter Fürsten Boiarn und Herrn erschlagen und gefangen alles Geschütz Proviant und Munition gross schätz werth erobert das Feld mit sieghaffter hand behalten und den Rest mit grossem ernst in die flucht getriben.* Nürnberg, 1579. Русский перевод: *Оболенский К.М.* *Поражение москвитян и осада Вендена в 1579 году* // *ЧОИДР*. 1847. Кн. 3. С. 1–6.

⁶⁶³ *Gute gluckliche Newezeitung: Und ware Beschreibung von der jetzigen Turckischen Niderlag (...)* *Sampt angehengten Bericht der Niderlag dess Moscovitters vor der herrlichen Handelstatt Wenden in Liffland gelegen...* Nuremberg, 1579.

⁶⁶⁴ Цит. по: *Оболенский К.М.* *Поражение москвитян...* С. 3.

⁶⁶⁵ *Goslaw F.* *De bello adversus Moschos ad equites Polonos oratio.* Poznan, 1578. P. A. iij v.

⁶⁶⁶ Goslaw F. De bello adversus Moschos... P. B ij–Bij v., C iij.

⁶⁶⁷ Edictum Svirense de causis belli contra Moscum. Warsaviae, 1579; cp.: Edictum regium de supplicationibus ob rem bene adversus Moschum gestam. Cracoviae, 1579.

⁶⁶⁸ Absag Brieff Königlichlicher Mayestat in Polin etc dem Moscovittischen abscheulichen Tyrannischen Feind durch einen fürnemen vom Adel Lopacinski genant von hochermelter Kö: Mayst: vor seinem Auszug mit blosem Säbel jüngst uberschickt. Neben sonderer Vermeidung der grausamen unmenschlichen Tyranny so der Moscovitter bisshero an den armen Christen auch an Frawen und Jungfrawen über natürlicher weiss begangen. Nürnberg, 1580.

⁶⁶⁹ Цит. по: *Новодворский В.* Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитой (1570–1582). СПб., 1904. С. 90–91.

⁶⁷⁰ *Kupisz D.* Połock 1579. Warszawa, 2003. S. 98. См., например, письмо Стефана Батория к Ходкевичу от 10 сентября 1577 г., опубликованное в приложении к книге В. Новодворского (*Новодворский В.* Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитой (1570–1582). СПб., 1904. Приложение. С. 31–32. № 12).

⁶⁷¹ Цит. по: *Новодворский В.* Борьба за Ливонию... С. 68–69.

⁶⁷² Цит. по: Там же. С. 82.

⁶⁷³ *Śliwiński A.* Stefan Batory. S. 139.

⁶⁷⁴ *Новодворский В.* Борьба за Ливонию... С. 90.

⁶⁷⁵ *Дубровский И.* Антонио Мартинелли. История взятия Полоцка польским королем Стефаном Баторием в 1579 году // *Русский сборник Исследования по истории России.* Т. XXI. 2017. Благодарю И. Дубровского за предоставленную возможность ознакомиться с рукописью до ее публикации.

⁶⁷⁶ *Górski K.* Pierwsza wojna Rzeczypospolitéj... S. 102.

⁶⁷⁷ *Barkułał Korsak* uprasza Romana Sanguszka... 30.01.1568 // *Archivum książąt Sanguszków w Sławucie.* T. VII: 1554–1572. S. 231. Nr. CLXXXVIII.

⁶⁷⁸ *Hrihory Chodkiewicz, hetman...* donosi X. Romanowi Sanguszkowi... 25.09.1567 // *Ibid.* S. 197. Nr. CLXI.

⁶⁷⁹ *List Filona Kmity...* do X. Romana Sanguszka... 26.07.1567 // *Ibid.* S. 165. Nr. CXXXVII.

⁶⁸⁰ *Hrihory Chodkiewicz* prosi X. Romana Sanguszka... 28.09.1567 // *Ibid.* S. 206. Nr. CLXX.

⁶⁸¹ Например: *List Filona Kmity...* do X. Romana Sanguszka... 10.06/1567 // *Ibid.* S. 155. Nr. CXXXII.

⁶⁸² *List Hrigoriego Chotkiewiza...* 18.06.1567 // *Ibid.* S. 134–138. Nr. CXXV.

⁶⁸³ *Bohusz Selicki, rotmistr Orszański,* donosi X. Romanowi Sanguszkowi... 24.06.1568 // *Ibid.* S. 272. Nr. CCXXI.

⁶⁸⁴ *Auerbach I.* Ivan Groznyj, Spione und Verräter im Moskauer Russland und das Grossfürstentum Litauen // *Russian History.* 1987. Spring–Winter. S. 19.

⁶⁸⁵ *Auerbach I.* Ivan Groznyj, Spione und Verräter... S. 16.

⁶⁸⁶ «Ино он знак учинити мел такой: иж если бы люди прибыли, тогда с того дерева хвои, под которым се на сроку ыидети зрочил, мел уломит ветку и положит по правой стороне дороги» (*List Filona Kmity do X. Romana Sanguszka...* 20.01.1568 // *Archivum książąt Sanguszków w Sławucie.* T. VII: 1554–1572. S. 223. Nr. CLXXXII).

⁶⁸⁷ См. например: *Jan Łopot, dzierżawca Driski,* donosi X. Romanowi Sanguszkowi... 24.01.1569 // *Archivum książąt Sanguszków w Sławucie.* T. VII: 1554–1572. S. 314–315. Nr. CCLV.

⁶⁸⁸ *Filon Kmity* donosi X. Romanowi Sanguszkowi... 28.09.1567 // *Ibid.* S. 205. Nr. CLXIX.

⁶⁸⁹ *Auerbach I.* Ivan Groznyj, Spione und Verräter... S. 18.

⁶⁹⁰ *Ibid.* S. 15.

⁶⁹¹ *Ерусалимский К.Ю.* Московиты в Польско-Литовском государстве второй половины XVI — начала XVII в. Дисс. / д.и.н. М., 2011. С. 3.

⁶⁹² *Ерусалимский К.Ю.* Московиты в Польско-Литовском государстве... С. 20.

⁶⁹³ *List Filona Kmity...* do X. Romana Sanguszka... 10.06/1567 // *Archivum książąt Sanguszków w Sławucie.* T. VII: 1554–1572. S. 156. Nr. CXXXII.

⁶⁹⁴ Наказ гонцу в Речь Посполитую Л. Стремоухову, август 1579 г. // РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 11. Л. 169 об.–170.

⁶⁹⁵ Статейный список Петра Головина и дьяка Курбата Григорьева, 10 июля 1579 г. // Там же. Л. 23–25 об.

⁶⁹⁶ *Новодворский В.* Борьба за Ливонию... С. 89.

⁶⁹⁷ *Дубровский И.* Антонио Мартинелли. История взятия Полоцка...

⁶⁹⁸ *Пенской В.В.* Героическая оборона Полоцка в августе 1579 года // *Военно-исторический журнал.* 2013. № 6. С. 66.

⁶⁹⁹ Материалы совещания в Свири цит. по: *Новодворский В.* Борьба за Ливонию... С. 92–93.

- ⁷⁰⁰ *Купиш Д.* Русско-ливонское пограничье в стратегических планах Стефана Батория в 1578–1582 гг. // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2014. № 1. С. 68.
- ⁷⁰¹ *Strykowski M.* Kronika Polska, Litewska. Zmodska i wszystkiej Rusi. Warszawa, 1846. Т. 2. С. 428.
- ⁷⁰² *Дубровский И.* Антонио Мартинелли. История взятия Полоцка...
- ⁷⁰³ Цит. по: *Новодворский В.* Борьба за Ливонию... С. 94.
- ⁷⁰⁴ *Дубровский И.* Антонио Мартинелли. История взятия Полоцка...
- ⁷⁰⁵ Цит. по: *Новодворский В.* Борьба за Ливонию... С. 94.
- ⁷⁰⁶ *Acta Stephani regis*. Nr. CXVI. P. 171.
- ⁷⁰⁷ *Górski K.* Pierwsza wojna Rzeczypospolitéj... С. 106.
- ⁷⁰⁸ *Пенской В.В.* Героическая оборона Полоцка... С. 66.
- ⁷⁰⁹ *Дубровский И.* Антонио Мартинелли. История взятия Полоцка...
- ⁷¹⁰ *Пенской В.В.* Героическая оборона Полоцка... С. 66.
- ⁷¹¹ Он же. Взятие крепости Сокол войсками Стефана Батория в кампанию 1579 г. // *Вопросы истории и фортификации*. 2013. № 4. С. 42.
- ⁷¹² *Гейденштейн Р.* История... С. 114.
- ⁷¹³ Цит. по: *Новодворский В.* Борьба за Ливонию... С. 101.
- ⁷¹⁴ Цит. по: Там же. С. 102.
- ⁷¹⁵ *Гейденштейн Р.* Записки... С. 112.
- ⁷¹⁶ *Пенской В.В.* Взятие крепости Сокол ... С. 43–44.
- ⁷¹⁷ *List Jego Królewskiej Mości przy dobywaniu Połocka do zamku Połockiego, przez pana Wileńskiego posłany, sierpniu 1579 r.* // *АНР*. Т. IX. С. 171–174. N. CXVI.
- ⁷¹⁸ *Spisanie armaty Połockiej za króla Stefana. 1579 r.* // *АНР*. С. 175. N. CXIX.
- ⁷¹⁹ Отчет о приеме посла Б. Проселка, ноябрь 1579 г. // *РГАДА*. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 11. Л. 183 об.
- ⁷²⁰ Грамота Стефана Батория Ивану Грозному, 17 сентября 1579 г. // *РГАДА*. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 11. Л. 192 об.–194 об.
- ⁷²¹ *Пенской В.В.* Взятие крепости Сокол ... С. 44–47.
- ⁷²² Там же. С. 41.
- ⁷²³ Там же. С. 43.
- ⁷²⁴ Там же. С. 45.
- ⁷²⁵ *Новодворский В.* Борьба за Ливонию... С. 108–111.
- ⁷²⁶ *Послания Ивана Грозного*. М.; Л., 1951. С. 219.
- ⁷²⁷ *Новодворский В.* Борьба за Ливонию... С. 112.
- ⁷²⁸ Там же. С. 113.
- ⁷²⁹ *Witanie Króla Stefana z wojny Połockiej przez Jana Januszewskiego.* [? — 1579 r.] // *АНР*. Т. IX. С. 179–181. N. CXXII.
- ⁷³⁰ Из речи Я. Замойского в 1580 г., цит. по: *Гейденштейн Р.* Записки о Московской войне (1578–1582). СПб., 1889. С. 87–88.
- ⁷³¹ *Warhafftige Zeitung wie und wasserley gestalt die Königliche Mayestat zu Polen etc unser aller gnedigster Herr die Vestung Polotzko durch Göttliche hülffe erobert und eingenommen den 30. Augusti dieses laufften den Jahrs 1579.* Dantzick, 1579; *Stephani regis Poloniae epistola: Historiam susceptae a se superiori aestate adversus Moschum expeditionis et expugnatae civitatis et arcis Polotzko recitans.* Ad ordines Regni Poloniae scripta. S. l., 1579; *Newe Zeitung. Eine warhafftige und gewisse neue Zeitung von der gewaltigen Festung und Grentzhaus Polocky auff der Littawischen Grentzen gelegen welchs der Polnische König den letzten tag Augusti im 79. Jar dem Moscowiter erobert und eingenommen hat.* Königlich Mandat Belangende dancksagung zuthun wegen des gehabten glucks wider den Moscowiter. S. l., 1579; *Pollnische Zeittung. Summarische und Warhaffte Beschreibung von jüngster bekriegung und eroberung etlicher lurnemer Stadt und Vestungen so Kög: Mayst: zu Polin etc. dem Moscovittischen Tyrannischen Feind mit sieghaffter hand glücklich aberhalten.* Es werden auch hierinn vermelt die zeit dises ausszugs. Nürnberg, 1580.
- ⁷³² [Hyacinthus Basilius Vilmensis] *Panegyricus In Excidium Polocense atq[ue] in memorabilem Victoriam Stephani invictissimi Poloniarum Regis magniq[ue] Ducis Lituaniae ex potentissimo Moschorum Principe III. Cal. Septemb. MDLXXIX. Reportatam.* Patavii, 1580.
- ⁷³³ [Kochanowski J.] *Piesni trzy Iana Kochanovvskiego: O wzięciu Połocka. O statecznym słudze R. P. O vczciwey małżonce.* Warszaw, 1580. S. Aij.
- ⁷³⁴ Такой сборник объемом 53 страницы, содержащий материалы королевских манифестов и воззваний за 1579 г., был издан в 1580 г. в Кельне (*Edictum seren.mi Poloniae regis ad Milites, ex quo causae suscepti in magnum Moscoviae ducem belli cognoscuntur. Item edictum eiusdem de supplicationibus ob captam Polociam habendis: cum Epistola, qua Ordines ad Comititia convocantur: rerum post captam Polociam gestarum narratione. Hisce adiecta sunt quaedam de Magni Moscoviae Ducis genere, quod se nescio qua auctoritate ab Augusto Caesare ducere iactitabat.* Coloniae, 1580).

В него вошли: 1) *Edictvm regivm Svirense, ex quo causae suscepti in Magnvm Moscoviae Decem belli cognoscentur* (P. A2–B4 v.); 2) *Edictvm regivm de Svpplicationibvs ob captam Poloniciam* (P. C–C3 v.); 3) *Epistola, qva ordines ad Regni Comitiam conuocantur* (P. C4–D2 v.); 4) *Rervm post captam Polociam contra Moscvum gestarum narratio* (P. D3–E4); 5) *Magni Moscoviae Ducis Genealogiae, brevis epitome, ex ipsorum manuscriptis annalibus excerpta* (P. F–G3, датирована 22 мая 1576 г.). Сходная подборка (пропущено «*Epistola, qva ordines ad Regni Comitiam conuocantur*» и нет «*Magni Moscoviae Ducis Genealogiae*») в том же 1579 г. была издана в Варшаве Николаем Шаффенбергом (*Scharffenbergij*) и, возможно, легла в основу кельнского сборника: *Edictvm regivm Svirense ad milites. Ex quo causae suscepti in Magnum Moscouaiae Ducem belli cognoscentur. Edictum regivm de Svpplicationibvs ob captam Polotiam. Rervm post captam Polotiam contra Moscvum gestarum narratio. Varsaviae, 1579.*

⁷³⁵ Грамота Ивана IV Стефану Баторию, 21 ноября 1579 г. // РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 11. Л. 205.

⁷³⁶ *Корецкий В.И.* Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники. 1980 г.: В.Н. Татищев и изучение русского летописания. М., 1981. С.239.

⁷³⁷ *Новодворский В.* Борьба за Ливонию... С. 117.

⁷³⁸ *Купиш Д.* Русско-ливонское пограничье в стратегических планах Стефана Батория в 1578–1582 гг. // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2014. № 1. С. 69.

⁷³⁹ Ср.: Тастамент аршанскаго старосціча князя Андрэя Андрэвіча Адзінцэвіча, 1581 г., красавіка 20 //

Тастаменты шляхты і мяшчан Беларусі другой паловы XVI ст. Мінск, 2012. С. 420–423. № 87.

⁷⁴⁰ Полоцк: исторический очерк. Минск, 1987. С. 45.

⁷⁴¹ Ліст... Стэфана Батоыя да дзісенскага падстарасты Астроўскага з загадам вярнуць сёлы Полацкага ігуменства... іезуітам Полацкага калегіума. 1583.11.08 // Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кн. 70 (1582–1585). Мінск, 2008. С. 89. № 24.

⁷⁴² *Алена Вернікоўская.* Супраціў праслаўнага насельніцтва Полацкай епархіі ўвядзенню уніі і забойства Язафата Кунцэвіча // БЕЛАРУСКІ ГІСТАРЫЧНЫ АГЛЯД. Том 8. Сшыткі 1–2 (14–15) (Снежань 2001). С. 25–54.

⁷⁴³ Перапіс войска Вялікага княства Літовскага 1528 года. Мінск, 2003. С. 154–155.

⁷⁴⁴ Рэвізія Полацкага ваяводства 1552 года. Менск, 2011.

⁷⁴⁵ Цифра приведена в «Ревизии...» (Рэвізія Полацкага ваяводства... С. 149).

⁷⁴⁶ Рэвізія Полацкага ваяводства... С. 57

⁷⁴⁷ Там же. С. 58–59.

⁷⁴⁸ Там же. С. 59–66.

⁷⁴⁹ Книга Полоцкого похода 1563 г. С. 37–54; *Баранов К.В.* Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года. С. 123–129. – Из подсчета исключена внутренняя роспись людей государева полка по есаулам и т. д., потому что количественно они должны входить в вышеприведенные цифры.

⁷⁵⁰ Книга Полоцкого похода 1563 г. С. 35. – В какой полк они входили, неизвестно. Цифры указаны по нормативам сбора, выданным для даточных людей.

Список сокращений

АГР — Акты Русского государства 1505–1526 гг. М., 1975.

АИ — Акты исторические.

АЗР — Акты Западной России.

АСЗ — Акты служилых землевладельцев.

АСЭИ — Акты социально-экономической истории.

ВКЛ — Великое княжество Литовское.

ГКЭ — Грамоты Коллегии экономии.

ДРВ — Древняя российская вивлиофика.

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.

КПМ-I — Книга посольская метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государство короля Сигизмунда Августа (с 1545 по 1572 год) / Изд. М. Оболенским и И. Даниловичем. М., 1843.

КПМ-II — Книга посольская метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государство короля Стефана Батория (с 1573 по 1580 год) / Изд. М. Погодиным и Д. Дубенским. М., 1845.

КПП — Книга Полоцкого похода.

ЛИРО — летопись историко-родословного общества в Москве.

НПК — Новгородские писцовые книги.

ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (г. Москва).

ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (г. Санкт-Петербург).

ПКНЗ — Писцовые книги Новгородской земли.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.

РГАДА — Российский государственный архив древних актов.

РИИР — Редкие источники по истории России.

РК, 1475–1598 — Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966.

СИРИО. Т. 35 — Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-литовским. Т. I (с 1487 по 1533 год) / Изд. под ред. Г.Ф. Карпова // Сборник Русского исторического общества. СПб., 1882. Т. 35.

СИРИО. Т. 59 — Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. II (с 1533 по 1560 год) / Изд. под ред. Г.Ф. Карпова // Сборник Русского исторического общества. СПб., 1887. Т. 59.

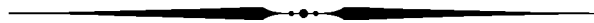
СИРИО. Т. 71 — Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. III (1560 — 1571 гг.) / Изд. под ред. Г.Ф. Карпова // Сборник Русского исторического общества. СПб., 1892. Т. 71.

ТКДТ — Тысячная книга и дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.; Л., 1950.

ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских.

АНР — Acta Historica res gestes Poloniae illustrantia. Kraków, 1887. Т. XI: Sprawy wojenne Stefana Batorego z lat 1576 — 1586.

AGAD — Archiwum Głowne Akt Dawnych (Warszawa).

Серия: «Ратное дело»

А.И. Филюшкин, А.В. Кузьмин

КОГДА ПОЛОЦК БЫЛ РОССИЙСКИМ.
Полоцкая кампания Ивана Грозного 1563–1579 гг.

Ответственный редактор: *А.В. Малов*

Макет и обложка: *В.А. Передерий*

Художник: *М. Иванов*

Верстка: *Т.В. Мурина*

Корректор: *Н.А. Ванеева*

Фонд «Русские Витязи»

Россия, 125009, Москва,

Нижний Кисловский переулок, д. 6, стр. 1.

Тел.: +7 (495) 690-27-98; тел./факс: +7 (495) 690-32-81

fsark@yandex.ru; fsa12@yandex.ru

aerospaceproject.ru; русские-витязи.рф

Исполнительный директор: **Ю.М. Желтоногин**

Главный редактор: **О.Г. Леонов**

Руководитель издательских и медиа-проектов: **С.А. Попов**

Тираж 1000 экз.

Формат 84 × 108/16

11 печ. листов

Книги серии «Ратное дело» посвящены войнам, сражениям, походам и осадам в первую очередь в истории России. Особое внимание уделяется слабоизученным или вовсе неизвестным военным событиям. Серия обращена прежде всего к широкому кругу читателей — любителей военной истории и истории Отечества, но будет интересна и профессионалам. Подобная универсальность достигнута благодаря привлечению к работе над серией ведущих специалистов-историков. С одной стороны, это позволило гарантировать оригинальность и качество содержания книг. С другой — авторы серии взяли на себя труд рассказать об описываемых событиях доступным повествовательным языком

Филюшкин Александр Ильич, доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета. Заведующий кафедрой истории славянских и балканских стран СПбГУ. Автор восьми монографий по истории России и Центрально-Восточной Европы в Средневековье и раннее Новое время, в том числе — «Ivan the Terrible: A Military history» (London, 2008), «Изобретая первую войну России и Европы: Балтийские войны второй половины XVI века глазами современников и потомков» (СПб., 2013). Главный редактор международного научного журнала по исторической славистике «Studia Slavica et Balcanica Petropolitana».

Кузьмин Андрей Валентинович, родился 1 августа 1973 г. В 1994–1999 гг. учился на историко-филологическом факультете РГГУ, в 1999–2002 гг. — в аспирантуре ИРИ РАН. В 2002–2006 гг. — научный сотрудник научно-исследовательского отдела рукописей РГБ, в 2006–2015 гг. — старший научный, с 2007 г. — ведущий научный сотрудник НИОР книговедения, затем НИОР книги и чтения РГБ. Автор более 380 научных работ, включая две монографии.

В серии «Ратное дело» готовятся к выходу следующие книги:

И.Б. Бабулин. Смоленский поход и битва при Шепелевичах в 1654 г.

В.С. Великанов. Русский вспомогательный корпус на польско-саксонской службе 1704–1707 гг. и сражение при Фрауштадте.

